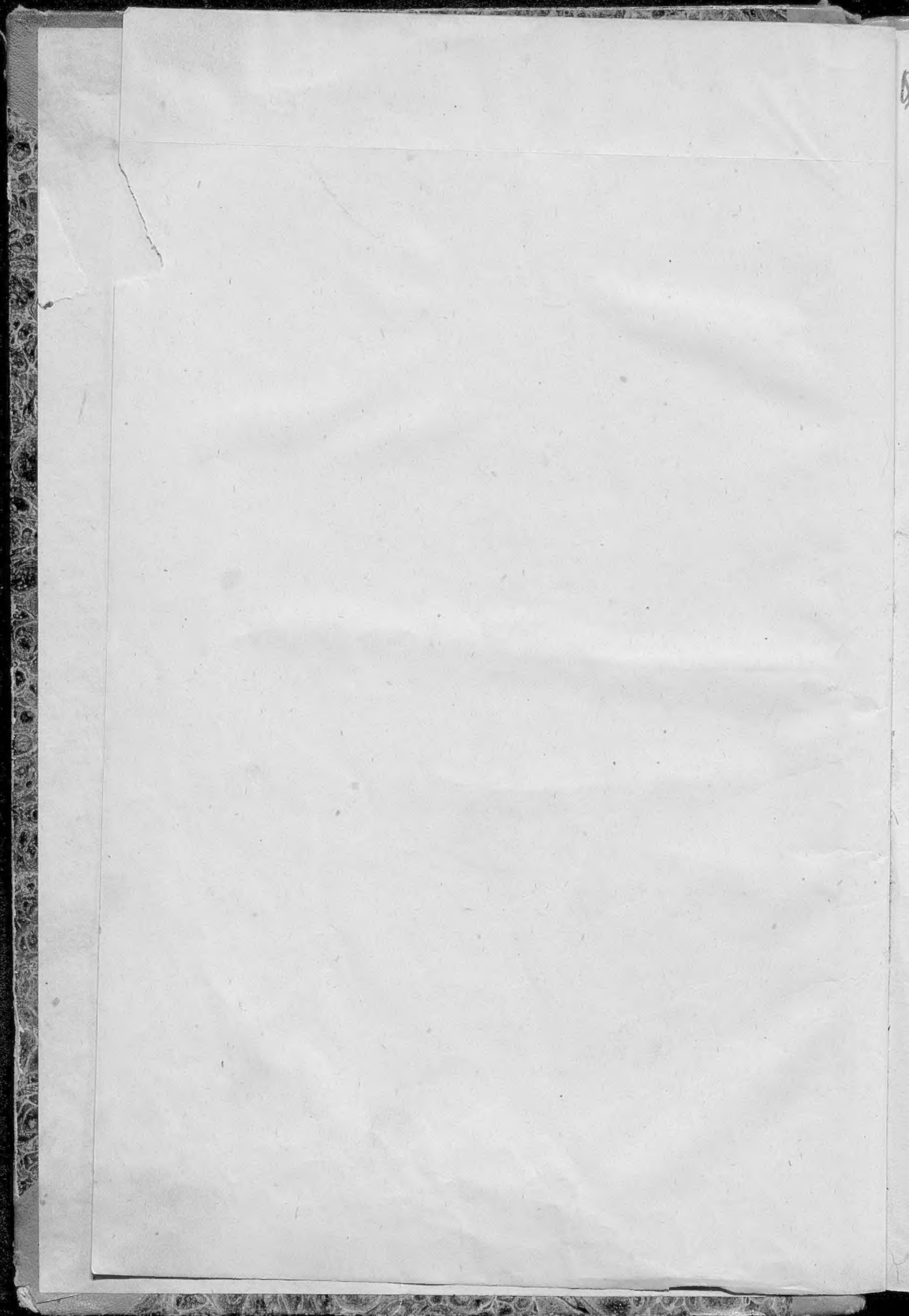

Владиміру Николаевичу Витевскому
5 Сентября 1876 года.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

О ВТОРОЙ КАЗАНСКОЙ ГИМНАЗІИ.

ПО ПОРУЧЕНІЮ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО СОВѢТА

СОСТАВИЛЪ

преподаватель Порфирій Гвоздевъ.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1876.

Цензурою дозволено. 26 апрѣля 1876 г.

Его Превосходительству,

Господину Попечителю Казанскаго учебнаго округа, Тайному Совѣтнику и разныхъ орденовъ Кавалеру,

ПЕТРУ ДМИТРІЕВИЧУ ШЕСТАКОВУ

посвящаетъ составитель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

1868 годъ въ хроникѣ второй Казанской гимназіи отмѣченъ какъ годъ, замѣчательный не только для Казани, но и для всей Россіи. Въ этой хроникѣ говорится:

„Въ началѣ 1868 года совершилось событіе, оказавшее благотворное вліяніе на всѣ учебныя заведенія Казанскаго учебнаго округа. Въ самомъ дѣлѣ много - знаменательный фактъ въ учебномъ мірѣ—одно изъ среднихъ учебныхъ заведеній Россіи, именно первая Казанская гимназія прослужила сто лѣтъ народному образованію и 21 января 1868 года отпраздновала свой столѣтній юбилей. Г. попечитель Казанскаго учебнаго округа, какъ предусмотрительный начальникъ и заботящійся о ввѣренныхъ его попеченію учебныхъ заведеніяхъ, заблаговременно представилъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія свои соображенія относительно празднованія столѣтняго существованія первой Казанской гимназіи. Ко времени юбилея этой гимназіи, по ходатайству г. Министра Народнаго Просвѣщенія графа Дмитрія Андреевича Толстаго, вслѣдствіе представленія г. попечителя Казанскаго учебнаго округа Петра Дмитріевича Шестакова, она была осыпана Монаршими щедротами Государя Императора Александра Николаевича: 1) на имя г. Министра Народнаго Просвѣщенія данъ былъ Высочайшій рескриптъ, по которому первая Казанская гимназія за столѣтнее полезное служеніе отечественному образованію, за приготовленіе въ теченіе этого времени многихъ славныхъ дѣятелей на поприщѣ государственной службы, получила наименованіе Императорской; 2) всѣ служащіе въ гимназіи удостоены были Всемилостивѣйшихъ наградъ; 3) въ память событія Высочайше повелѣно было выбить золотыя, серебряныя и бронзовыя разныхъ величинъ медали; 4) съ Высочайшаго соизволенія разрѣшено было трехдневное празднованіе столѣтія гимназіи.

Педагогическій совѣтъ 2-ой Казанской гимназіи за нѣсколько мѣсяцевъ до юбилея позаботился о составленіи адреса первой Казанской гимназіи и приготовленіи ей, въ знакъ памяти, подарковъ, приличествующихъ празднику. По всестороннемъ обсужденіи этихъ вопросовъ, совѣтомъ рѣшено: прочесть и поднести, составленный учителемъ географіи Книзе, адресъ слѣдующаго содержанія:

„Вторая Казанская гимназія братски привѣтствуетъ первую Казанскую гимназію съ столѣтнею годовщиною ея существованія, — годовщиною, которая въ нашемъ отечествѣ впервые празднуется въ среднемъ учебномъ заведеніи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Оглядываясь на пройденное ею столѣтнее поприще, вторая гимназія вспоминаетъ съ чувствомъ уваженія къ своей старшей сестрѣ, что во второй половинѣ прошлаго столѣтія она была единственною просвѣтительницею здѣшняго края, что дворянство и другія свободныя сословія исключительно ей были обязаны своимъ образованіемъ. Исторія не забудетъ, что одни изъ воспитанниковъ первой гимназіи стяжали безсмертную славу на поприщѣ литературномъ (Державинъ, С. Т. Аксаковъ), другіе прославились на поприщѣ ученомъ и учебномъ (Перевощиковъ, Лобачевскій, Симоновъ, Фойгтъ), иные пріобрѣли почетную извѣстность въ высшихъ сферахъ государственной службы (Княжевичъ, Влад. Панаевъ и друг.), не говоря уже о томъ, что она приготовила нѣсколько тысячъ молодыхъ людей къ гражданской и военной службѣ согласно первоначальному своему назначенію. Воспитанники ея въ ужасный для Казани день 12 Іюля 1774 года высказали свою любовь къ отечеству и преданность Престолу при защитѣ города отъ самозванца. Не безучастною осталась она и къ инородцамъ восточной окраины Россіи, воспитавъ въ своихъ стѣнахъ нѣсколько поколѣній инородческихъ—дѣтей. Изученіе восточныхъ языковъ, которое въ ней впервые воспріяло начало и дало поводъ къ образованію факультета восточныхъ языковъ, которымъ можетъ гордиться Россія, навсегда останется одною изъ важнѣйшихъ ея заслугъ.—Вторая Казанская гимназія радуется, что ей выпало на долю идти рука объ руку съ такою почтенною подругою, трудясь для просвѣщенія родного края и, въ ознаменованіе настоящаго событія, приноситъ ей въ даръ икону Казанской Божіей Матери, искренно желая, чтобы, подъ святымъ покро-

вомъ Ея; она процвѣтала долгіе и долгіе годы на славу Государя и на пользу отечества".

При адресѣ положено было поднести икону Казанской Божіей Матери, съ соотвѣтственною этому случаю надписью, и еще фотографическую группу всѣхъ членовъ педагогическаго совѣта 2-й Казанской гимназіи, состоявшихъ къ 21-му января 1868 года.

Празднованіе юбилея назначено на 21, 22 и 23 числа января 1868 года. Въ эти три дня не было ученія и во 2-й Казанской гимназіи. 21 января въ 9-ть часовъ утра всѣ воспитатели и воспитанники обѣихъ Казанскихъ гимназій собрались на богослуженіе въ церковь въ первую Казанскую гимназію, гдѣ совершалъ литургію и молебенъ Высокопреосвященный Антоній, архіепископъ Казанскій и Свіяжскій. Послѣ молебствія происходилъ въ отдѣланномъ и обновленномъ ко дню юбилея большомъ залѣ первой Казанской гимназіи публичный актъ, на которомъ присутствовали всѣ члены и ученики второй Казанской гимназіи, депутаты отъ другихъ гимназій и много посѣтителей. Актъ былъ открытъ рѣчью Г. попечителя Казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестакова, въ которой онъ объявилъ о Всемилостивѣйше дарованномъ первой Казанской гимназіи титулѣ „Императорская" и Высочайше пожалованныхъ наградахъ. Послѣ рѣчи слѣдовало чтеніе адресовъ депутатовъ отъ Университета и гимназій Казанскаго учебнаго округа, при чемъ поднесены были и подарки. Актъ кончился отчетомъ секретаря педагогическаго совѣта Императорской гимназіи и раздачею наградъ отличнымъ ученикамъ. 22-го числа былъ большой обѣдъ, а 23 балъ. (Подробное описаніе этого праздника помѣщено въ циркулярѣ Казанскаго учебнаго округа за 1868 годъ и въ особой брошюрѣ). Вскорѣ послѣ празднованія своего юбилея, педагогическій совѣтъ Императорской гимназіи прислалъ педагогическому совѣту второй Казанской гимназіи отвѣтственный благодарственный адресъ и при немъ въ подарокъ одинъ экземпляръ полной исторической записки, составленной ко дню юбилея учителемъ Владиміровымъ и бронзовую медаль въ память столѣтняго существованія гимназіи".

Въ приведенномъ выше адресѣ, который вторая Казанская гимназія поднесла первой въ день ея столѣтняго юбилея, опущена одна мысль, которая, какъ нельзя болѣе кстати, могла бы имѣть въ немъ мѣсто. Впрочемъ опущеніе этой мысли

имѣетъ глубокое, можно сказать, историческое основаніе. Дѣло въ томъ, что вторая гимназія первоначальный комплектъ своихъ учениковъ получила изъ первой. Да и потомъ долгое время обѣ гимназіи поставлены были между собою въ самыя близкія отношенія. Единство двухъ Казанскихъ гимназій, или двойственность одной гимназіи внѣшнимъ образомъ выражалась тѣмъ, что торжественные акты обѣихъ гимназій, начиная съ 1840 года, и долго послѣ того происходили совмѣстно, именно въ актовомъ залѣ первой гимназіи. Въ отчетахъ, читавшихся на этихъ актахъ, сообщались публикѣ свѣдѣнія о состояніи обѣихъ гимназій. За 1855 годъ мы имѣемъ еще свѣдѣнія о такомъ совмѣстномъ актѣ (историч. Зап. о пер. Каз. гимн. Владимірова ч. II, стр. 429). Но послѣ этого времени такихъ указаній мы не встрѣчаемъ. Съ этого года, по всей вѣроятности, совсѣмъ прекратились акты во второй Казанской гимназіи до 23 августа (день открытія Второй гимназіи) 1869-го года, когда наша гимназія въ первый разъ самостоятельно отпраздновала свой домашній праздникъ. Такимъ образомъ періодъ времени съ 1856 до 1869 года можно считать временемъ перехода къ отдѣльному, самостоятельному существованію второй Казанской гимназіи. 23-го августа 1875 г. исполнилось сорокъ лѣтъ существованія второй гимназіи. Въ такой періодъ времени это заведеніе успѣло уже вполнѣ сложиться, обособиться, получить опредѣленную физіономію и тѣмъ самымъ вызвать появленіе посвященнаго ему историческаго труда. Сознавая это, педагогическій совѣтъ, по предложенію директора, еще въ январѣ мѣсяцѣ 1875 года поручилъ мнѣ составить историческую Записку о второй Казанской гимназіи. Какъ результатъ исполненія выше означеннаго порученія педагогическаго совѣта, я издаю теперь свой трудъ, прося быть снисходительными къ его недостаткамъ тѣхъ, кто удостоитъ его своимъ вниманіемъ. Впрочемъ составленіе исторической Записки принадлежитъ не исключительно мнѣ. Этой работѣ не мало времени и трудовъ посвятили бывшій инспекторъ гимназіи А. А. Камковъ и настоящій директоръ О. А. Имшеникъ, которымъ я и выражаю глубокую признательность.

Составитель.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Открытіе гимназіи; раздѣленіе исторической записки на части.

Въ день 23 августа 1835 года совершился важнѣйшій актъ въ жизни 2-й Казанской гимназіи. Преобразованіе учебныхъ заведеній Казанскаго учебнаго округа по уставу 1828 года совершено было въ 1835 году. По этому уставу главное народное училище должно было прекратить свое существованіе, а вмѣсто него открыта въ Казани другая гимназія. Попечитель округа М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, назначивъ директора главнаго народнаго училища М. Н. Львова директоромъ вновь открывшейся гимназіи, поручилъ ему 17 мая 1835 года принять мѣры къ ея устройству и открытію. Всѣ предварительныя приготовленія окончены были къ августу, а 23 числа того же мѣсяца послѣдовало открытіе гимназіи. Въ 11 часовъ этого дня, по прибытіи ректора Университета, архимандритъ Гавріилъ совершилъ въ помѣщеніи второй Казанской гимназіи молебствіе съ водоосвященіемъ и многолѣтіемъ Императорскому дому. Послѣ окончанія церковнаго торжества, тотъ-же священнослужитель—знаменитый въ свое время церковный ораторъ—сказалъ ученикамъ гимназіи слово, исполненное строгихъ наставленій въ правилахъ христіанской религіи, любви къ Монарху и отечеству (отзывъ директора въ училищный комитетъ). На другой день, 24-го августа 1835 года, начались уроки въ шести открывшихся классахъ гимназіи. Такимъ образомъ открытіе гимназіи совершилось. Отселѣ ей предстояло выполнять свою задачу умственнаго и нравственнаго образованія обучающагося въ ней юношества.

Задача гимназіи, какъ и всякаго учебнаго заведенія, достигается различными законоположеніями, относящимися къ учебной и нравственной части, приводимыми въ испол-

неніе поставленными для того отдѣльными лицами и корпораціями лицъ, при существованіи помѣщенія гимназіи и разныхъ учебно-вспомогательныхъ принадлежностей. Такимъ образомъ наша „Записка“ естественно распадается на слѣдующія части: I) часть учебная, II) дисциплинарная, III) хозяйственная, и IV) свѣдѣнія о лицахъ и учрежденіяхъ, посвятившихъ свои труды второй Казанской гимназіи, или часть служебная. V) Въ концѣ исторической записки должны быть сообщены свѣдѣнія о количествѣ учениковъ, обучавшихся во 2-ой Казанской гимназіи въ теченіе 40 лѣтъ, а ученики, кончившіе курсъ гимназіи и въ особенности награжденные золотыми и серебряными медалями, заслуживаютъ быть перечисленными поименно.

I. ЧАСТЬ УЧЕБНАЯ.

Общее устройство гимназическаго курса; распредѣленіе преподаванія по классамъ; о программахъ; о методахъ и пріемахъ преподаванія; о мѣрахъ къ возвышенію успѣшности учениковъ въ преподаваемыхъ имъ предметахъ; дѣйствительное состояніе учебной части въ гимназіи въ теченіи 40 лѣтъ; освобожденіе учениковъ—инородцевъ отъ изученія языковъ славянскаго, греческаго и нѣмецкаго.

Вторая Казанская гимназія въ теченіе своего сорокалѣтняго существованія подвергалась дѣйствію трехъ уставовъ гимназій и отдѣльныхъ правительственныхъ и начальственныхъ распоряженій, болѣе или менѣе существенно вліявшихъ на ходъ учебно-воспитательнаго дѣла.

Открытая въ 1835 году, вторая Казанская гимназія первоначально была устроена по Уставу 1828. По этому уставу цѣль гимназій была двоякая: „доставить способы приличнаго по званію ихъ воспитанія тѣмъ изъ молодыхъ людей, кои не намѣрены или не могутъ продолжать ученіе въ университетѣ; а готовящихся поступить въ оные снабдить необходимыми для сего предварительными знаніями“. Эту двоякую цѣль уставъ 1828 года предполагалъ достигнуть курсомъ въ семь классовъ съ отвѣтственнымъ числомъ лѣтъ, при преподаваніи слѣдующихъ предметовъ: 1) Закона Божія, Священной и церковной исторіи; 2) Россійской грамматики, словесности и логики, 3) языковъ: латинскаго, нѣмецкаго и французскаго, 4) математики до коническихъ сѣченій включительно, 5) географіи и статистики, 6) исторіи, 7) физики, 8) чистописанія, черченія и рисованія.

„Въ гимназіяхъ, состоящихъ при университетахъ, говорится въ уставѣ, обучаютъ и языку греческому. По мѣрѣ нужды и возможности преподаваніе онаго будетъ вводимо и въ прочія губернскія гимназіи“. Вторая Казанская гимназія въ первое время послѣ своего открытія принадлежала къ числу тѣхъ, въ которыхъ греческій языкъ не преподавался.

Такимъ образомъ въ 1835 году распредѣленіе учебныхъ предметовъ во второй Казанской гимназіи было слѣдующее:

№.	УЧЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.	Число уроковъ по классамъ въ недѣлю.							Всѣхъ уроковъ въ недѣлю.	Всѣхъ часовъ въ недѣлю.
		I.	II.	III.	IV.	V	VI.	VII.		
1	Законъ Божій.	2	2	2	2	1	1	1	11	16½
2	Русская словесность.	4	4	4	3	3	3	2	23	34½
3	Латинскій языкъ.	4	4	4	4	4	3	3	26	39
4	Нѣмецкій языкъ.	2	2	2	3	3	3	3	18	27
5	Французскій языкъ.	—	—	—	3	3	3	3	12	18
6	Математика	4	4	4	3	3	3	2	23	34½
7	Географ. и статистик.	2	2	2	1	1	—	2	10	15
8	Исторія.	—	—	2	2	3	3	3	13	19½
9	Физика.	—	—	—	—	—	2	2	4	6
10	Чистописаніе.	4	4	2	—	—	—	—	10	15
11	Черченіе и рисованіе.	2	2	2	1	1	1	1	10	15
	Итого — Уроковъ.	24	24	24	22	22	22	22	160	—
	Итого — Часовъ.	36	36	36	33	33	33	33	—	240

Въ 1836 году французскій языкъ введенъ и въ низшіе классы по 2 урока въ недѣлю въ каждомъ; въ замѣнъ этого уменьшено число уроковъ русской словесности и чистописанія, такъ что эти предметы были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

1	Русская словесность.	3	3	3	3	3	3	2	20	30
2	Французскій языкъ.	2	2	2	3	3	3	3	18	27
3	Чистописаніе.	3	3	1	—	—	—	—	7	10½

Остальные предметы оставлены при прежнемъ распредѣленіи.

Въ 1838 году преподаваніе космографіи и математической географіи (въ V кл. по 1 ур.) возложено было на учителя математики.

Въ 1843 году введено въ гимназію преподаваніе греческаго языка, для котораго отдѣлено по два урока отъ математики, начиная съ 4-го класса. Такимъ образомъ распредѣленіе этихъ предметовъ было слѣдующее:

№.	УЧЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	Число уроковъ.	Число часовъ.
1	Математика.	4	4	4	1	1	1	—	15	$22^1/_2$
2	Греческій языкъ.	—	—	—	2	2	2	2	8	12

Въ 1844 году преподаваніе статистики отмѣнено и назначенные для этого предмета два урока въ VII классѣ велѣно было посвятить повторенію географіи съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ историческихъ и статистическихъ данныхъ.

Въ 1846 г. отмѣнено преподаваніе аналитической и начертательной геометріи, но число уроковъ математики осталось прежнее.

Въ 1847 году отмѣнено преподаваніе логики, и уроки ея замѣнены практическими упражненіями по русской словесности.

Въ 1849 году введено законовѣдѣніе; отмѣнено преподаваніе латинскаго языка въ первыхъ трехъ классахъ и обозрѣніе общей исторіи въ III классѣ; уроки черченія и рисованія въ высшихъ классахъ перестали быть обязательными.

Образованіе было раздѣлено на общее и спеціальное. Для готовящихся на службу прямо изъ гимназіи назначено было въ IV классѣ по 5 уроковъ русской словесности и математики, а для готовящихся въ университетъ только по 3 урока; остальные четыре назначены для латинскаго языка; географія оканчивалась въ III классѣ. Слѣдующая таблица показываетъ это новое распредѣленіе предметовъ:

	УЧЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ: а) Общіе.	Общіе классы.			Классы спеціальные. Для готовящихся на службу.				Для готовящихся въ Университетъ				Число уроковъ. Общихъ.	Особенныхъ для готовящихся на службу.	Особенныхъ для готовящихся въ университетъ.	Всѣхъ.
		I	II	III	IV	V	VI	VII	IV	V	VI	VII				
1	Закон. Божій	2	2	2	2	1	1	1	2	2	1	1	11	—	—	11
2	Русск. слов.	4	4	4	3	3	3	3	3	3	3	3	24	2	—	26
3	Математика.	4	4	4	3	3	3	3	3	3	3	3	24	2	—	26
4	Физик. и мат география.	—	—	—	-	2	2	2	-	2	2	2	6	—	—	6
5	Исторія.	—	—	—	4	3	3	3	4	3	3	3	13	—	—	13
6	Географія.	3	3	5	—	—	—	—	—	—	—	—	11	—	—	11
7	Нѣмецкій яз.	3	3	3	3	3	3	3	3	3	—	3	21	—	—	21
8	Француз. яз.	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	21	—	—	21
9	Чистописаніе.	4	4	2	—	—	—	—	—	—	—	—	10	—	—	10
10	Черчен. и рис.	1	1	1	—	1	(1)	—	—	1	(1)	—	3	—	—	4
11	b) спеціальн. Законовѣден.	—	—	—	—	4	4	4	—	—	—	—	—	12	—	12
12	Латинскій яз.	—	—	—	—	—	—	—	4	4	4	4	—	—	16	6
13	Греческій яз.	—	—	—	—	—	—	—	2	2	2	2	—	—	8	8
	Итого	24	24	24	22	22	22 (23)	22	24	24 (25)	24	24	144	16	24	185

Такимъ образомъ мы видимъ, что слушающіе греческій языкъ имѣли ежедневно по 4-е урока, а всѣ остальные имѣ-

ли въ одинъ день (въ среду) только два урока; сверхъ того слушающіе греческій языкъ и занимавшіеся рисованіемъ одинъ день имѣли 5 уроковъ; а прочіе, занимавшіеся рисованіемъ, должны были (въ среду), вмѣсто двухъ имѣть три урока.

Въ 1852 году греческій языкъ исключенъ изъ предметовъ преподаванія и замѣненъ естественной исторіей; измѣнено распредѣленіе математики, исторіи и географіи, а именно:

	УЧЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ: а) Общіе.	Классы общіе.			Классы спеціальные. Для готовящихся на службу.				Классы спеціальные. Для готовящихся въ университетъ				Число уроковъ. Общихъ.	Для готовящихся на службу.	Для готовящихся въ университетъ	Итого.
		I	II	III	IV	V	VI	VII	IV	V	VI	VII				
1	Закон. Божій.	2	2	2	2	1	1	1	2	1	1	1	11	—	—	11
2	Русск. слов. и славян. яз.	4	4	4	5	3	3	3	3	3	3	3	24	2	—	26
3	Географія.	2	2	2	2	2	—	1	2	2	—	1	11	—	—	11
4	Исторія.	—	—	2	2	2	4	3	2	2	4	3	13	—	—	13
5	Математика.	4	4	4	5	3	3	3	3	3	3	3	24	2	—	26
6	Физика.	—	—	—	—	2	2	—	—	2	2	—	4	—	—	4
7	Матем. и физ. географія.	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	2	2	—	—	2
8	Естеств. ист.	2	2	2	2	1	1	1	2	1	1	1	11	—	—	11
9	Нѣмецкій яз.	3	3	3	3	3	3	2	3	3	3	2	20	—	—	20
10	Француз' яз.	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	21	—	—	21
11	Чистописаніе.	3	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7

12	Черч. и рис.	1	1	1	—	1	(1)	—	—	1	(1)	—	3	—	—	4
13	b) специальн.															
	Законовѣден	—	—	—	—	4	4	4	—	—	—	—	—	12	—	12
14	Латинскій яз.	—	—	—	—	—	—	—	4	4	4	4	—	—	16	16
	Итого	24	24	24	24	24	24	24	24	24	24	24	152	16	16	184
							(25)				(25)		(153)			

Отсюда видно, что уроки были распредѣлены равномѣрнѣе, чѣмъ по росписанію 1849 года. Всѣ воспитанники имѣли ежедневно по 4-е урока. Каждый урокъ съ этого времени продолжается по $1\frac{1}{4}$ вмѣсто прежнихъ $1\frac{1}{2}$ часа. Только желающіе заниматься рисованіемъ имѣли одинъ день пять уроковъ. Всѣ уроки съ этого времени начинались съ 9-ти часовъ утра и продолжались до $2\frac{1}{2}$ часовъ по полудни.

Если сравнимъ всѣ эти измѣненія, то увидимъ, что до 1849 года образованіе гимназическое было болѣе общимъ; не было спеціальностей; воспитанники имѣли меньшее число уроковъ, они въ среду имѣли по два урока и сверхъ того уроки рисованія въ высшихъ классахъ были для нихъ отдыхомъ отъ умственныхъ занятій. Кромѣ того съ 1849 года математика получила перевѣсъ надъ другими предметами. Не смотря на исключеніе изъ програмы преподаванія нѣкоторыхъ частей математики, число математическихъ уроковъ увеличено. Напротивъ того изученіе древнихъ языковъ ослаблено и усилено образованіе реальное.

Съ начала $18^{60}/_{61}$ учебнаго года курсъ III класса, по распоряженію Министерства, нѣсколько измѣненъ: 1) изученіе геометріи и части русской грамматики изъ III класса перенесено въ IV-й; 2) вмѣсто краткой всеобщей и русской исторіи и изученія грамматики французскаго и нѣмецкаго языковъ, введено въ 3-мъ классѣ преподаваніе біографическихъ очерковъ изъ всеобщей и русской исторіи, а обученіе новѣйшимъ языкамъ велѣно вести практически по новѣйшимъ руководствамъ Марго и Фишера; 3) преподаваніе латинскаго языка начиналось съ 3-го класса и 4) одинъ урокъ математики въ 3-мъ классѣ замѣненъ урокомъ латинскаго языка. Но въ скоромъ времени такая замѣна вызвала заявленіе преподавателя математики Нормана о томъ, что переданный на латинскій языкъ урокъ математики въ 3-мъ

классѣ необходимо замѣнить урокомъ въ 4-мъ классѣ на счетъ латинскаго языка безъ ущерба послѣднему: на что вскорѣ послѣдовало согласіе г. попечителя округа.

По предложенію г. попечителя отъ 22 августа 1861 года практическіе уроки по русскому языку и математикѣ въ 4 кл. были замѣнены латинскимъ языкомъ. Съ не большимъ же черезъ годъ, а именно 10-го сентября 1862 г., по случаю недостатка желающихъ слушать законовѣдѣніе, это послѣднее было упразднено.

№№	УЧЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VI.	Всего.
1	Законъ Божій.	2	2	2	2	1	1	2	12
2	Русскій и славянскій языкъ.	4	4	3	3	3	3	3	23
3	Математика.	4	4	3	4	3	3	3	24
4	Географія.	2	2	2	2	2	—	1	11
5	Исторія.	—	—	2	2	2	4	3	13
6	Физика.	—	—	—	—	2	2	2	6
7	Законовѣдѣніе.	—	—	—	—	4	4	4	12
8	Естеств. исторія.	2	2	2	2	1	1	1	11
9	Латинскій языкъ.	—	—	3	3	4	4	4	18
10	Нѣмецкій.	3	3	3	3	3	3	2	20
11	Французскій.	3	3	3	3	3	3	3	21
12	Чистописаніе.	4	4	1	—	—	—	—	9
13	Черченіе и рисованіе.	—	—	—	—	—	—	—	—
	Итого.	24	24	24	24	28	28	28	180

1863 года вслѣдствіе значительной численности учениковъ, препятствовавшей какъ успѣшному преподаванію, такъ и надзору, съ разрѣшенія г. попечителя округа, было открыто второе отдѣленіе 2-го класса. Число уроковъ, объемъ и программа преподаванія учебныхъ предметовъ во вновь открытомъ отдѣленіи оставлены въ точномъ размѣрѣ соотвѣтствующаго курса. Въ слѣдующемъ же году, при переходѣ учениковъ обѣихъ отдѣленій 2 го класса въ третій, параллельное отдѣленіе было открыто при этомъ послѣднемъ.

	УЧЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.	I.	II.		III.	IV.	V.	VI.	VII.	Всего.
			I от.	II от.						
1	Законъ Божій.	2	2	2	2	2	1	1	2	14
2	Русскій и славянскій яз.	4	4	4	3	3	3	3	3	27
3	Математика.	4	4	4	3	4	3	3	4	29
4	Географія.	2	2	2	2	2	2	—	1	13
5	Исторія.	—	—	—	2	2	2	4	3	13
6	Физика.	—	—	—	—	—	2	2	1	5
7	Естеств. исторія.	2	2	2	2	2	1	1	1	13
8	Латинскій.	—	—	—	3	3	4	4	4	18
9	Нѣмецкій.	3	3	3	3	3	3	3	2	23
10	Французскій.	3	3	3	3	3	3	3	3	24
11	Чистописаніе.	3	3	3	—	—	—	—	—	9
12	Черченіе и рисованіе.	1	1	1	1	—	—	—	—	4
	Итого.	24	24	24	24	24	24	24	24	192

	УЧЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.	I.	II.	III.		IV.	V.	VI.	VII.	Всего.
				I от.	II от.					
1	Законъ Божій.	2	2	2	2	2	1	1	2	14
2	Русскій и славянскій яз.	4	4	3	3	3	3	3	3	26
3	Математика.	4	4	3	3	4	3	3	4	28
4	Географія.	2	2	2	2	2	2	—	1	13
5	Исторія.	—	—	2	2	2	2	4	3	15
6	Физика.	—	—	—	—	—	2	2	1	5
7	Естеств. исторія.	2	2	2	2	2	1	1	1	13
8	Латинскій.	—	—	3	3	3	4	4	4	21
9	Нѣмецкій.	3	3	3	3	3	3	3	2	23
10	Французскій.	3	3	3	3	3	3	3	3	24
11	Чистописаніе.	4	4	—	—	—	—	—	—	8
12	Рисованіе.	—	—	1	1	—	—	—	—	2
	Итого.	24	24	24	24	24	24	24	24	192

Съ началомъ $186^5/_6$ академическаго года послѣдовало преобразованіе 2-ой гимназіи въ реальную: уроки латинскаго языка были замѣнены уроками естественной исторіи: прежнее распредѣленіе уроковъ измѣнилось значительно и представлялось теперь въ слѣдующемъ видѣ:

	УЧЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	Итого.
1	Законъ Божій.	2	2	2	2	1	1	2	12
2	Русскій и славянскій языкъ.	4	4	3	3	3	3	3	23

3	Математика.	4	4	3	4	3	3	4	25
4	Географія.	2	2	2	2	2	—	1	11
5	Исторія.	—	—	2	2	2	4	3	13
6	Физика	—	—	—	—	2	2	1	5
7	Естеств. исторія.	2	2	5	5	5	5	5	29
8	Латинскій языкъ.	—	—	—	—	—	—	—	—
9	Нѣмецкій.	3	3	3	3	3	3	2	20
10	Французскій.	3	3	3	3	3	3	3	21
11	Чистописаніе.	4	4	—	—	—	—	—	8
12	Рисованіе.	—	—	1	—	—	—	—	1
	Итого.	24	24	24	24	24	24	24	168

Такимъ образомъ прибавилось 18 уроковъ естественной исторіи и въ замѣнъ того совершенно отмѣнено преподаваніе латинскаго языка. Въ курсъ преподаванія естественной исторіи вошли новыя науки: химія, физика земнаго шара, анатомія и физіологія растеній и животныхъ. Однако новое распредѣленіе существовало всего полгода. Въ январѣ 1866 года вторая гимназія, пробывъ реальною пять мѣсяцевъ, преобразована въ классическую.

Преобразованіе 2-ой казанской гимназіи въ реальную сдѣлано было на слѣдующихъ основаніяхъ: попечительскій совѣтъ Казанскаго учебнаго округа, принимая во вниманіе, что такой городъ, какъ Казань, съ учебнымъ округомъ долженъ имѣть хотя одну реальную гимназію, гдѣ бы получали образованіе молодые люди, готовящіе себя къ поступленію въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, предложилъ обсудить этотъ вопросъ въ соединенномъ педагогическомъ совѣтѣ обѣихъ Казанскихъ гимназій, а вмѣстѣ съ тѣмъ отнесся къ представителямъ всѣмъ сословій Казани съ вопро-

сомъ: какого рода гимназіи желало бы общество имѣть въ Казани? Соединенный совѣтъ Казанскихъ гимназій рѣшилъ, что въ Казани должна быть одна гимназія классическая, другая реальная. Представители общества дали отзывъ такого же содержанія. Попечительскій совѣтъ Казанскаго учебнаго округа, опираясь на эти два основанія, рѣшилъ вопросъ такимъ образомъ: первую Казанскую гимназію преобразовать въ классическую съ двумя древними языками, а вторую обратить въ реальную. Министерство народнаго просвѣщенія, принявъ во вниманіе такого рода заключеніе попечительскаго совѣта, разрѣшило, чтобы вторая казанская гимназія была реальною съ 1-го августа 1865 года. Получивши о томъ предложеніе г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, педагогическій совѣтъ второй Казанской гимназіи занялся составленіемъ программы для реальной гимназіи, пріобрѣтеніемъ необходимыхъ учебныхъ пособій и снабженіемъ гимназіи тѣмъ, что требуется для успѣшнаго хода преподаванія. Дѣло началось; преподаваніе пошло по программѣ для реальной гимназіи. Но слѣдствія преобразованія гимназіи въ реальную были таковы: 1) по уставу гимназій, Высочайше утвержденному 19 ноября 1864 года, ученики, окончившіе курсъ въ реальныхъ гимназіяхъ, не имѣли права на поступленіе въ университетъ, такъ какъ въ этихъ гимназіяхъ латинскій языкъ не входилъ вовсе въ число учебныхъ предметовъ; между тѣмъ на дѣлѣ оказалось, что всѣ почти ученики второй Казанской гимназіи желали поступить въ университетъ. По этому значительная ихъ часть и при томъ лучшіе ученики 4, 5, 6 и 7 классовъ въ числѣ 42-хъ перешли въ первую гимназію, гдѣ латинскій языкъ преподавался. Другіе ученики, хотя и отставались въ реальной гимназіи, но пожелали частнымъ образомъ брать уроки латинскаго языка въ самой гимназіи въ послѣобѣденное время и за особую плату. Эти уроки отнимали у учениковъ 2-й гимназіи много времени отъ прямыхъ занятій, да кромѣ того дорого обходились для родителей ихъ. За всѣмъ этимъ ученики къ концу года не могли успѣть въ латинскомъ языкѣ на столько, чтобы сравняться съ учениками первой гимназіи, такъ какъ первые имѣли только два урока латинскаго языка въ недѣлю, а послѣдніе 5-ть. 2) Число поступившихъ во 2-ю гимназію учениковъ въ этотъ годъ было несравненно менѣе,

чѣмъ въ предыдущіе годы; притомъ же эти ученики были слабы по способностямъ и развитію, такъ какъ, по мнѣнію большинства членовъ общества, занятіе въ реальной гимназіи не требовало большихъ способностей отъ поступающихъ въ нее. Часто бывало и такъ, что родители, отдававшіе двухъ сыновей въ Казанскія гимназіи, болѣе даровитаго помѣщали въ первую гимназію, а менѣе способнаго во вторую. Изъ другихъ же гимназій во вторую Казанскую поступило только нѣсколько учениковъ. Принявъ въ основаніе указанныя явленія въ жизни второй Казанской гимназіи, г. попечитель округа просилъ г. министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи ея изъ реальной въ классическую съ двумя древними языками. Таковъ былъ ходъ дѣла о преобразованіи второй Казанской гимназіи сначала въ реальную, а потомъ опять въ классическую. Послѣ этого преподаваніе естественной исторіи отмѣнено совершенно и замѣнено преподаваніемъ латинскаго языка; распредѣленіе уроковъ принимаетъ слѣдующій видъ:

	Учебные предметы.	I.	II.	III.	IV.	V	VI.	VII.	Итого:
1	Законъ Божій.	2	2	2	2	1	1	2	12
2	Русскій и славянскій яз.	4	4	3	3	3	3	3	23
3	Математика.	4	4	3	4	3	3	4	25
4	Географія.	2	2	2	2	2	—	1	11
5	Исторія.	—	—	2	2	2	4	3	13
6	Физика.	—	—	—	—	2	2	1	5
7	Латинскій.	4	5	5	5	5	5	5	34
8	Греческій.	—	—	3	—	—	—	—	3
9	Нѣмецкій.	3 }	3 }	3 }	3	3	3	2	20
10	Французскій.	3 }	3 }	3 }	3	3	3	3	21

11	Чистописаніе,	3	2	—	—	—	—	—	5
12	Рисованіе	2	2	1	—	—	—	—	5
	Итого уроковъ.	24	24	24	24	24	24	24	168

Въ 1, 2 и 3 классахъ языки нѣмецкій и французскій преподавались совмѣстно, а въ прочихъ классахъ отдѣльно, потому что ученики этихъ классовъ не учились еще по гречески.

Распредѣленіе уроков въ 186⁷/₈ учеб. году было тоже, только греческій языкъ началcя преподаваться въ 4-мъ классѣ, и потому ученики этого класса слушали новые языки совмѣстно.

Съ 1-го іюля 1868 года введены новые штаты во 2-ю Казанскую гимназію, и съ того времени, въ росписаніе уроковъ по классамъ вошло для каждаго учебнаго предмета то число уроковъ, которое указано было таблицею устава 19-го ноября 1864 года для классическихъ гимназій съ двумя древними языками. Вотъ эта таблица.

	Предметы.	Классы.							Всего уроковъ по 1¼ час. кажд.
		I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	
1	Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	2	14
2	Рус. яз. съ Церк.слав. и слов.	4	4	3	4	3	3	3	24
3	Латинскій языкъ.	4	5	5	5	5	5	5	34
4	Греческій языкъ	—	—	3	3	6	6	6	24
5	Франц. или нѣмец. языкъ.	3	3	2	3	3	3	2	19
6	Математика.	3	3	3	3	3	3	4	22
7	Исторія.	—	—	2	3	3	3	3	14
8	Географія.	2	2	2	2	—	—	—	8

9	Естественная исторія.	2	2	2	—	—	—	—	6
10	Физика и космографія.	—	—	—	—	2	—	—	6
11	Чистописаніе, рисов. и черч.	4	4	3	2	—	—	—	13
	Итого.	24	25	27	27	27	27	27	184

Такимъ образомъ въ III—VII классахъ, для которыхъ было по 27 уроковъ въ недѣлю, три дня въ недѣлю—по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ—было по пяти уроковъ. Въ первомъ классѣ было ежедневно по 4-е урока; а ученики втораго класса при 25 недѣльныхъ урокахъ только въ одинъ день недѣли имѣли 5 уроковъ.

Съ введеніемъ устава 1871 года и до настоящаго времени имѣетъ силу слѣдующее распредѣленіе числа недѣльныхъ часовыхъ уроковъ.

	ПРЕДМЕТЫ.	Приготовит. классъ.	I	II	III	IV	V	VI	VII два года.	Число даваемыхъ учителями уроковъ безъ приготовительнаго класса.	Число обязательныхъ для учениковъ уроковъ въ 8 лѣтъ гимназич. курса.
1	Законъ Божій.	4	2	2	2	2	2	1	1	12	13
2	Русск. яз. съ церк-слав.	6	4	4	4	3	3	2	2	22	24
3	Краткія основанія логики.	—	—	—	—	—	—	—	(1)	1	1
4	Латинскій языкъ.	—	8	7	5	5	6	6	6	43	49
5	Греческій языкъ.	—	—	—	5	6	6	6	6(7)	29,30	36
6	Матем. (съ физик., матем. геогр. и крат. естествов.)	6	5	4	3	3	4	6	6	31	37
7	Географія.	—	2	2	2	2	—	—	1	9	10

8	История.	—	—	—	2	2	2	2	2	10	12
9	Франц. или нѣмецкій яз.	—	—	3	3	3	3	3	2	17	19
10	Чистописаніе.	6	3	2	—	—	—	—	—	5	5
	Итого для учащихся одному новому языку:	22	24	24	26	26	26	26	27	179	206
	для учащихся двумъ новымъ языкамъ:	22	24	27	29	29	29	29	29	196	225

Примѣчанія. 1) Въ I и II классахъ въ тѣ дни, въ которые назначены по два урока на латинскій языкъ: одинъ изъ этихъ уроковъ употребляется преимущественно на упражненія учениковъ въ пройденномъ и на лучшее подготовленіе ихъ къ дальнѣйшимъ урокамъ.

2) Логика преподается въ VII классѣ въ продолженіе лишь одного года, въ другой же годъ назначенный на нее урокъ употребляется на греческій языкъ, съ тѣмъ чтобы въ этотъ урокъ читались преимущественно философскія сочиненія на томъ языкѣ.

3) Уроки новыхъ языковъ распредѣляются такъ, чтобы желающіе могли, съ разрѣшенія директора, по совѣщаніи его о семъ съ педагогическимъ совѣтомъ, обучаться обоимъ; не оказывающимъ успѣха въ обязательныхъ предметахъ таковое разрѣшеніе не дается.

4) Краткое естествовѣденіе преподается отдѣльно отъ физики и географіи, по два часа въ недѣлю, въ одномъ изъ высшихъ трехъ классовъ, въ продолженіе одного учебнаго года, въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ окажется способный къ тому преподаватель; иначе-же необходимѣйшія свѣдѣнія по естественной исторіи сообщаются въ связи съ преподаваніемъ географіи, физики и математической географіи.

5) Въ VII классѣ назначается одинъ часъ на повтореніе географіи, но этотъ часъ, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, можетъ быть употребляемъ въ одинъ изъ учебныхъ годовъ курса VII класса и на усиленіе преподаванія естественной исторіи въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ преподаваніе географіи ввѣрено учителю физики, буде этотъ учитель окажется способнымъ къ изложенію очерка естественной исторіи.

Изъ представленнаго нами краткаго очерка устройства гимназическаго курса въ теченіи 40 лѣтъ нельзя не видѣть, что наша гимназія, вмѣстѣ со всѣми другими гимназіями, подверглась разнымъ колебаніямъ въ учебномъ отношеніи.

Уставъ 1871 года, построившій образованіе въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, главнымъ образомъ, на основательномъ изученіи древнихъ языковъ и математики, положилъ конецъ всякимъ колебаніямъ. Увѣреніе въ прочности учебной системы въ гимназіяхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія было провозглашаемо нѣсколько разъ. „Нашей учебной системѣ, говорится въ объяснительной запискѣ къ уставу 1871 года, долго не доставало твердой и прочной исторической основы; нынѣ эта основа ей дана, и Россія впервые вступаетъ съ полною рѣшительностію на тотъ испытанный вѣками путь научнаго образованія, который привелъ другія наиболѣе образованныя страны Европы на высоту умственнаго и научнаго развитія. Пора колебаній миновалась и, можно надѣяться, что вновь упроченной учебной системѣ дано будетъ пустить глубокіе и крѣпкіе корни въ нашей почвѣ и принести великіе и благотворные плоды нашему отечественному образованію".

А вотъ слова г. Министра Народнаго Просвѣщенія, сказанныя имъ на обѣдѣ, данномъ въ честь его представителями Кіевскаго общества: „если, сказалъ графъ Д. А. Толстой, во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ нужна послѣдовательность дѣйствій, то нигдѣ столь не необходима прочность системы, какъ въ учебномъ вѣдомствѣ. Стоитъ только вспомнить, что наикратчайшій срокъ для ея испытанія есть двѣнадцатилѣтній: 8 лѣтъ въ гимназіи и 4 въ университетѣ. Значитъ, только по прошествіи этого времени могутъ быть явственны для всѣхъ результаты учебной системы. Конечно отчасти они могутъ быть видимы и раньше. По волѣ Государя Императора объѣзжая ежегодно по одному учебному округу, я осмотрѣлъ 7 учебныхъ округовъ, объѣхалъ почти всю Россію, за исключеніемъ сѣверныхъ губерній, видѣлъ массу учебныхъ заведеній,—и могу сказать, что въ послѣдніе года молодежь несравненно серьезнѣе относится къ дѣлу науки, несравненно болѣе и основательнѣе работаетъ, что, безъ сомнѣнія, могутъ подтвердить всѣ, присутствующіе здѣсь, педагоги и профессоры университета. Но это похвальное стремленіе нужно поддержать; оно возможно только при несомнѣнной увѣренности въ прочности принятой правительствомъ учебной системы. Посмотрите, что происходитъ въ Европѣ: перемѣняются министры, перемѣняются правительства, измѣняются формы самаго государствен-

наго правленія, а учебная система остается незыблемою; на ней зиждутся всѣ громадные успѣхи науки, которымъ мы удивляемся въ европейскихъ государствахъ. Конечно, является потребность въ улучшеніяхъ, въ усовершенствованныхъ методахъ преподаванія и, соотвѣтственно съ этимъ, происходятъ измѣненія и въ частностяхъ; но система остается таже. Мы имѣемъ полное основаніе быть увѣренными, что тоже самое будетъ и въ Россіи, ибо наша учебная система принята по волѣ Государя Императора, столь заботящагося объ истинномъ просвѣщеніи народа и потому, конечно, будетъ ревностно поддержана всѣми органами власти какъ духовной, такъ и гражданской". (Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1873 г. декабрь).

Приведемъ еще слѣдующее мѣсто изъ всеподданнѣйшаго отчета Г. Министра Народнаго Просвѣщенія за 1873 годъ:

„Какъ бы ни размножились учебныя заведенія и какія бы ни принимались мѣры для доставленія имъ возможно лучшихъ преподавателей, учебно-воспитательное дѣло не можетъ идти успѣшно и принести всѣ ожидаемые отъ него добрые плоды, если однажды установленная учебно-воспитательная система не будетъ имѣть надлежащей прочности и устойчивости, или если даже увѣренность въ ея прочности будетъ колеблема въ умахъ какъ наставниковъ юношества, такъ и родителей и цѣлаго общества; ибо при недостаткѣ увѣренности въ совершенной прочности принятой учебно-воспитательной системы, при ожиданіи возможности перехода отъ нея, быть можетъ, къ совершенно противоположной, ни наставники не могутъ дѣйствовать съ полной энергіею въ указанномъ имъ направленіи, ни родители не будутъ вести своихъ дѣтей въ виду установленной системы, ни наконецъ сами учащіеся никогда не будутъ исполнять своихъ ученическихъ обязанностей съ полною добросовѣстностью и не будутъ пріобрѣтать въ такой колеблющейся школѣ тѣхъ добрыхъ навыковъ, которые необходимы для того, чтобы они вышли впослѣдствіи истинно-полезными гражданами, соединяющими съ привычкою къ добросовѣстному труду и твердостью характера безусловную преданность и покорность закону.

Такимъ же образомъ прежде всего и болѣе всего для преуспѣянія нашихъ учебныхъ заведеній необходима столь

долго недостававшая имъ прочность и устойчивость положенной въ ихъ основу учебно-воспитательной системы: безъ этого перваго и важнѣйшаго условія напрасны были бы всѣ матеріальныя пожертвованія и всѣ нравственныя усилія правительства на дѣло общественнаго воспитанія; ибо какъ бы ни были совершенны и учебные планы и преподаватели учебныхъ заведеній, коль скоро заведенія эти колеблятся въ самыхъ своихъ основаніяхъ, изъ нихъ могутъ выходить молодыя поколѣнія не иначе какъ безхарактерныя и распущенныя и неспособныя ни повиноваться, ни повелѣвать, буде впослѣдствіи имъ выпадетъ на долю дѣйствовать на болѣе высокой чредѣ служенія престолу и отечеству. Постоянно руководясь этими воззрѣніями, я былъ свыше всякой мѣры осчастливленъ неоднократно повторенными въ теченіи 1873 года изъявленіями Высочайшей воли Вашего Императорскаго Величества, устраняющими всякую мысль о возможности колебанія только что установленной въ 1871—72 годахъ учебной системы, а слѣдовательно придающими ей новую твердость, прочность и устойчивость какъ въ дѣйствительности, такъ и въ сознаніи всѣхъ вѣрно-подданныхъ Вашего Императорскаго Величества. Это драгоцѣннѣйшее для будущихъ судебъ просвѣщенія въ Россіи пріобрѣтеніе истекшаго года составляютъ: во первыхъ собственно-ручно начертанная 5-го сентября 1873 года резолюція Вашего Императорскаго Величества на всеподданнѣйшемъ докладѣ управлявлявшаго въ мое отсутствіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, нынѣ члена государственнаго совѣта, статсъ—секретаря Делянова о неудобствахъ разрѣшеннаго въ видѣ временной мѣры на 1872 годъ допущенія въ число студентовъ медикохирургической академіи лицъ, пробывшихъ въ VII классѣ гимназіи только одинъ годъ и выбывшихъ изъ онаго безъ установленнаго аттестата зрѣлости и о томъ, что онъ, статсъ-секретарь Деляновъ, полагалъ бы полезнымъ: 1) чтобы впредь молодые люди были принимаемы въ студенты и вольно-слушатели медико-хирургической академіи на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и въ медицинскіе факультеты университетовъ Имперіи и чтобы 2) тѣ изъ студентовъ медико-хирургической академіи, которые поступили въ нее въ 1872 и 1873 гг. изъ гимназій безъ установленныхъ для поступленія въ университетъ аттестатовъ, были лишены права переходить въ сіи послѣдніе,—резолюція, ко-

торая гласила: „Вполнѣ раздѣляю мнѣніе статсъ-секретаря Делянова. Льготу, дарованную въ прошломъ году и продолженную на нынѣшній, прекратить непремѣнно съ будущаго года. Не докончившимъ же полный гимназическій курсъ студентамъ медико-хирургической академіи воспретить нынѣ же переходъ въ университеты". Этою Всемилостивѣйшею резолюціей Вашего Императорскаго Величества новый учебный законъ получилъ новое подтвержденіе въ важнѣйшихъ частяхъ своихъ,—въ той, которою установленъ въ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія восьми-лѣтній курсъ ученія (§ 2 устава гимназій) и въ той, въ силу которой „только ученики, окончившіе курсъ ученія въ гимназіяхъ или имѣющіе свидѣтельство о знаніи полнаго курса сихъ гимназій, могутъ поступать въ студенты университетовъ (§ 130), а слѣдовательно и медицинскихъ факультетовъ, къ числу коихъ, по самому существу своему, несомнѣнно принадлежитъ и медико - хирургическая академія, какъ то было прямо признано Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ бывшемъ 15-го минувшаго декабря въ присутствіи Вашемъ, Всемилостивѣйшій Государь, собраніи нѣкоторыхъ министровъ и главно-управляющихъ, причемъ Вашему Императорскому Величеству благоугодно было: во первыхъ, повелѣть мнѣ совмѣстно съ министрами военнымъ и внутреннихъ дѣлъ обсудить дѣло о передачѣ медико-хирургической академіи въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія и во вторыхъ, неоднократно выразить Вашу волю, чтобы новый учебный законъ, состоявшійся послѣ столь долгихъ и оживленныхъ преній и окончательно утвержденный Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, не подвергался болѣе никакимъ колебаніямъ со стороны какого либо вѣдомства. Эти драгоцѣннѣйшія заявленія Вашего Императорскаго Величества были, въ третьихъ, еще разъ повторены во всеобщее свѣдѣніе въ Высочайшемъ рескриптѣ на мое имя, отъ 25-го декабря 1873 года, въ которомъ, указывая новые способы для вящаго огражденія народной школы отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній, Ваше Императорское Величество соблаговолили сказать между прочимъ:

„Дабы способствовать самостоятельному и плодотворному развитію народнаго образованія въ Россіи, я утвердилъ въ 1871 и 1872 годахъ составленные согласно съ та-

кими Моими видами уставы среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ вѣдомства, долженствующихъ давать вполнѣ основательное образованіе юношеству, готовящемуся къ занятіямъ высшими науками, а не предназначающихъ себя къ онымъ—приспособлять къ полезной практической дѣятельности;" и далѣе „какъ лицо, призванное Моимъ довѣріемъ къ осуществленію моихъ предначертаній по части народнаго просвѣщенія, вы усугубите всегда отличавшее васъ рвеніе къ тому, чтобы положенныя въ основу общественнаго воспитанія начала вѣры, нравственности, гражданскаго долга и основательность ученія были ограждены и обезпечены отъ всякаго колебанія. Согласно съ симъ я вмѣняю въ непремѣнную обязанность и всѣмъ другимъ вѣдомствамъ оказывать вамъ въ семъ дѣлѣ полное содѣйствіе". Въ этихъ священныхъ словахъ Вашего Императорскаго Величества учебная реформа 1871 и 1872 годовъ нашла себѣ новое и торжественное подтвержденіе и пріобрѣтетъ новую силу и прочность. Гимназіи должны давать вполнѣ основательное общее образованіе тѣмъ юношамъ, которые готовятъ себя къ занятіямъ высшими науками; тѣхъ же, которые не предназначаютъ себя къ этимъ занятіямъ, реальныя училища должны приспособлять къ полезной практической дѣятельности; въ этомъ заключается существенный смыслъ и значеніе учебной реформы начала 70-хъ годовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вашему Императорскому Величеству благоугодно было поставить основательность ученія, водворяемую новыми уставами гимназій и реальныхъ училищъ и истекающими изъ нихъ распоряженіями министерства народнаго просвѣщенія, краеугольнымъ камнемъ всего зданія общественнаго воспитанія на ряду съ началами вѣры, нравственности и гражданскаго долга и повелѣть мнѣ усугубить рвеніе къ огражденію и обезпеченію какъ основательности ученія, такъ и сихъ началъ, отъ всякаго колебанія, а всѣмъ другимъ вѣдомствамъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность оказывать министру народнаго просвѣщенія въ семъ дѣлѣ полное содѣйствіе. Такимъ образомъ 1873 годъ заключился при самыхъ лучшихъ предзнаменованіяхъ для упроченія общеевропейской школы и вводимаго ею основательнаго ученія въ нашемъ отечествѣ, а новый 1874-й годъ начался обнародованіемъ устава о всеобщей воинской повинности, которымъ достаточно ограждены интересы образованія на всѣхъ ступеняхъ его".

Одну изъ отличительныхъ чертъ устава 1871 года составляетъ, какъ извѣстно, то, что гимназическій курсъ имъ увеличенъ на одинъ годъ. Но эта реформа проведена была не вдругъ. Лучшіе ученики гимназій могли поступать въ университетъ, пробывъ въ VII классѣ гимназіи, вмѣсто двухъ лѣтъ, только одинъ годъ. Въ настоящее же время гимназическій курсъ окончательно установленъ въ восемь лѣтъ. Во второй Казанской гимназіи прибавленіе къ прежнимъ VII-ми классамъ еще одного VIII-го подготовлено было состоявшимся въ 1874—75 учебномъ году раздѣленіемъ VII-го класса на два самостоятельныя отдѣленія съ отдѣльнымъ въ каждомъ изъ этихъ отдѣленій курсомъ. Въ виду важности такой учебной мѣры, какъ увеличеніе гимназическаго курса на одинъ годъ, считаемъ нужнымъ изложить ходъ этого дѣла со всею документальною подробностью.

9 ноября 1873 года въ зданіи 2-ой Казанской гимназіи, подъ предсѣдательствомъ директора ея, происходило засѣданіе соединеннаго педагогическаго совѣта обѣихъ Казанскихъ гимназій и прогимназіи.

Въ этомъ засѣданіи заслушано предложеніе Его Превосходительства, г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, отъ 22 сентября за № 5435, о принятіи мѣръ къ раздѣленію VII класса на два самостоятельныя отдѣленія. Затѣмъ прочитаны были напечатанныя въ октябрьской книжкѣ журнала министерства народнаго просвѣщенія: 1) соображенія о раздѣленіи VII класса гимназій на два самостоятельныя отдѣленія по Одесскому округу и 2) окончательный выводъ изъ этихъ соображеній и рѣшеніе по оному Министерства. Соображенія, вышедшія изъ Одесскаго округа, въ существѣ заключаются въ слѣдующемъ: „совмѣстное обученіе въ VII классѣ учениковъ младшаго и старшаго отдѣленія не лишено нѣкоторыхъ неудобствъ, устраненіе коихъ, безъ сомнѣнія, упрочитъ благотворное вліяніе на воспитательную и учебную части столь существенной реформы, какъ увеличеніе продолжительности гимназическаго курса на одинъ годъ. Очень не многіе ученики, поступая въ VII классъ, надѣются получить аттестатъ по истеченіи одного лишь года, остальные, составляющіе значительное большинство, не предаются такъ, какъ было бы желательно, постояннымъ и усидчивымъ занятіямъ въ теченіе перваго года своего пребыванія въ VII классѣ. Изъ

двухъ-лѣтняго опыта можно было усмотрѣть въ нихъ недостатокъ прилежанія, вниманія и аккуратности въ посѣщеніи классовъ. Въ тоже время болѣе способные и успѣвающіе ученики младшаго отдѣленія, увлекаемые весьма естественнымъ желаніемъ приступить къ испытанію зрѣлости по истеченіи одного года, предаются занятіямъ съ излишнимъ напряженіемъ умственныхъ силъ, что съ одной стороны можетъ весьма вредно повліять на здоровье, съ другой же ставитъ на задній планъ одну изъ важнѣйшихъ цѣлей установленія двухгодичнаго курса въ VII классѣ, а именно: большую основательность ученія, правильное и неспѣшное повтореніе пройденнаго въ предыдущихъ классахъ. Наконецъ, при совмѣстномъ обученіи перво-годныхъ и второ-годныхъ учениковъ VII класса, прохожденіе учебнаго его курса встрѣчаетъ съ дидактической стороны не малыя затрудненія, такъ какъ этотъ курсъ по всѣмъ почти предметамъ состоитъ изъ двухъ неравныхъ частей: ученики должны оканчивать то, что еще не было ими пройдено, и повторять старое. Слѣдствіемъ всего этого является: а) вялое и совершенно неправильное отношеніе менѣе прилежныхъ и менѣе способныхъ учениковъ младшаго отдѣленія VII класса какъ къ учебнымъ занятіямъ, такъ и къ исполненію вообще обязанностей своихъ; б) излишне напряженныя, а потому вредныя въ гигіеническомъ отношеніи, спѣшныя, слѣдовательно не достигающія своей цѣли, умственныя занятія болѣе способныхъ, прилежныхъ учениковъ младшаго отдѣленія, въ виду соблазнительной попытки удостоиться аттестата послѣ одного года ученія въ этомъ классѣ и в) невозможность методически расположить въ обоихъ отдѣленіяхъ VII класса курсъ преподаванія не пройденныхъ еще частей предметовъ, съ соблюденіемъ необходимой правильности и постепенности при переходѣ отъ легкаго къ болѣе трудному и наконецъ удобно распорядиться повтореніемъ курса предшествовавшихъ классовъ". Въ виду указанныхъ неудобствъ совмѣстнаго обученія въ VII классѣ учениковъ какъ старшаго, такъ и младшаго отдѣленій, въ Одескомъ округѣ признано необходимымъ раздѣленіе этого класса на два самостоятельныя отдѣленія. Попечитель Одесскаго округа представилъ въ Министерство соображенія объ устройствѣ учебныхъ курсовъ въ обоихъ отдѣленіяхъ VII класса. Соображенія эти тоже напечатаны въ октябрьской книжкѣ журна-

ла Министерства Народнаго Просвѣщенія (стр. 126—128) Окончательный выводъ изъ нихъ г. попечитель Одесскаго округа изложилъ въ особомъ представленіи, которое удостоено утвержденія г. Управляющаго Министерствомъ въ предложеніи отъ 25-го августа 1873 года. Это представленіе г. попечителя Одесскаго округа, утвержденное Г. Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, заключаетъ въ себѣ слѣдующія семь статей.

I) VII классъ гимназіи состоитъ изъ двухъ отдѣленій: младшаго и старшаго. Ученики VI класса, удостоенные перевода, переходятъ въ младшее отдѣленіе VII класса.

II) Ученики каждаго изъ двухъ отдѣленій VII класса обучаются отдѣльно и въ особомъ мѣстѣ.

Курсъ ученья въ каждомъ изъ двухъ отдѣленій продолжается одинъ годъ.

Примѣчаніе. Законъ Божій, географія и языки французскій и нѣмецкій преподаются совмѣстно ученикамъ обоихъ отдѣленій. Совмѣстное обученіе учениковъ младшаго и старшаго отдѣленій сказаннымъ предметамъ въ предѣлахъ, указанныхъ учебными планами, не будетъ препятствовать достиженію цѣли, которая имѣется въ виду при раздѣленіи VII класса на два самостоятельныя отдѣленія, между тѣмъ оно значительно сократитъ расходы на осуществленіе предполагаемой мѣры.

III) Ученики младшаго отдѣленія VII-го класса подвергаются въ концѣ учебнаго года только письменному испытанію, которое производится въ тоже время, изъ тѣхъ же предметовъ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и письменныя испытанія, установленныя для учениковъ I, II, III и V классовъ.

IV) Значеніе отмѣтокъ, полученныхъ учениками младшаго отдѣленія на письменномъ испытаніи при удостоеніи ихъ перевода въ старшее отдѣленіе, такое же, какъ и отмѣтокъ, выставляемыхъ ученикамъ I, II, III и V классовъ на письменныхъ испытаніяхъ этихъ учениковъ при переводѣ ихъ изъ класса въ классъ.

V. Число недѣльныхъ уроковъ въ каждомъ изъ двухъ отдѣленій VII класса по каждому предмету соотвѣтствуетъ числу уроковъ по каждому предмету, назначенныхъ въ VII классѣ по уставу 30 іюля 1871 года.., причемъ урокъ логики, которая, на основаніи устава должна преподаваться

одинъ лишь годъ въ VII классѣ, отнесенъ къ старшему отдѣленію, чтобы болѣе обезпечить успѣшность обученія этому предмету, а потому, для уравненія числа уроковъ въ обоихъ отдѣленіяхъ, по греческому языку тотъ урокъ, который, на основаніи устава, долженъ замѣнять собою урокъ логики въ VII классѣ въ теченіи втораго года, отнесенъ къ младшему отдѣленію.

VI. Вознагражденіе преподавателей за уроки въ старшемъ отдѣленіи, изъ числа коихъ на 6 урокахъ обучаются совмѣстно и ученики младшаго отдѣленія, производится изъ суммы, опредѣленной на содержаніе личнаго состава, и расходы по этому вознагражденію вполнѣ покрываются тою долею сказанной суммы, которая приходится на уроки, назначенные для VII-го класса уставомъ 30 іюля 1871 года. Вознагражденіе же преподавателей за остальные 23 урока въ младшемъ отдѣленіи производится изъ суммы сбора за ученіе въ гимназіи въ размѣрѣ, опредѣленномъ за дополнительные уроки, т. е. по 60 руб. за каждый недѣльный урокъ, и

VII. Одинъ изъ преподавателей младшаго отдѣленія, за исправленіе должности класснаго наставника въ этомъ отдѣленіи, получаетъ изъ суммы сбора за ученіе вознагражденія въ размѣрѣ, опредѣленномъ по уставу за исполненіе этой обязанности.

Въ случаѣ незначительнаго числа учениковъ въ обоихъ отдѣленіяхъ, исправленіе должности класснаго наставника въ младшемъ отдѣленіи возлагается на класснаго наставника старшаго отдѣленія безъ особаго за это вознагражденія.

Все, доселѣ изложенное, послужило для соединеннаго совѣта обѣихъ Казанскихъ гимназій и прогимназіи основаніемъ для сужденія о раздѣленіи VII класса на два самостоятельныя отдѣленія. Соединенный совѣтъ вполнѣ раздѣляетъ заявленіе Одесскаго округа о неудобствахъ совмѣстнаго обученія въ VII классѣ учениковъ старшаго и младшаго отдѣленій и съ своей стороны заявляетъ, что неудобства эти опытъ далъ глубоко почувствовать и въ Казанскихъ гимназіяхъ. Въ продолженіе къ заявленію Одесскаго округа, соединенный совѣтъ Казанскихъ гимназій и прогимназіи считаетъ нужнымъ указать еще на два неудобства, происходящія отъ совмѣстнаго обученія учениковъ старшаго и младшаго отдѣленій VII класса. Во 1) ученики младшаго отдѣ-

ленія болѣе способные, болѣе прилежные, а потому и обладающіе сравнительно большими знаніями, не смотря на то все-таки не могущіе удовлетворить всѣмъ требованіямъ для окончанія курса гимназіи, могутъ съ завистью и недоброжелательствомъ смотрѣть на тѣхъ учениковъ старшаго отдѣленія, которые одарены средними способностями и обогатились познаніями развѣ только не многимъ большими, чѣмъ они, между тѣмъ скоро кончатъ курсъ. Во 2) ученики старшаго отдѣленія смотрятъ на себя не какъ на перешедшихъ въ высшее отдѣленіе VII класса, а какъ на оставленныхъ въ этомъ классѣ. Эта мысль способна убить въ нихъ энергію. Дѣйствительно бывали случаи, что даже отличные ученики VII класса во второй годъ своего въ немъ пребыванія обнаруживали менѣе рвенія и аккуратности въ исполненіи своихъ обязанностей, чѣмъ въ первый.

Въ виду всѣхъ этихъ неудобствъ совмѣстнаго обученія обоихъ отдѣленій VII класса, соединенный совѣтъ раздѣленіе этого класса на два самостоятельныя отдѣленія единогласно призналъ крайне необходимымъ. Но таковое раздѣніе соединенный совѣтъ находитъ нужнымъ довести до конца, т. е. держится того убѣжденія, чтобы не было совмѣстныхъ уроковъ въ двухъ отдѣленіяхъ VII класса ни по одному изъ предметовъ гимназическаго курса. Въ Одесскомъ округѣ положено совмѣстно преподавать ученикамъ обоихъ отдѣленій—Законъ Божій, географію и языки французскій и нѣмецкій.

Но по мнѣнію соединеннаго совѣта обѣихъ Казанскихъ гимназій и прогимназіи, совмѣстное преподаваніе указанныхъ предметовъ будетъ значительно „препятствовать достиженію цѣли, какая имѣется въ виду при раздѣленіи VII класса на два самостоятельныя отдѣленія“.

Во первыхъ, что касается до Закона Божія, то учебными планами постановлено въ VII классѣ повтореніе въ одинъ годъ катехизиса съ болѣе обширнымъ богословскимъ развитіемъ, а въ другой годъ—исторіи церкви, преимущественно русской, съ приличнымъ дополненіемъ, по усмотрѣнію законоучителя. Соединенный совѣтъ находитъ, что для повторенія катихизиса съ болѣе обширнымъ богословскимъ развитіемъ потребенъ болѣе зрѣлый возрастъ и большее умственное развитіе учащихся, чѣмъ для повторенія церковной

исторіи, хотя бы и съ дополненіями, предоставленными на усмотрѣніе законоучителя. Такимъ образомъ какъ въ другихъ предметахъ, такъ ивъ Законѣ Божіимъ „при совмѣстномъ обученіи первогодныхъ и второгодныхъ учениковъ VII класса прохожденіе учебнаго его курса встрѣчаетъ съ дидактической стороны не малыя затрудненія, такъ какъ курсъ этотъ состоитъ изъ двухъ неодинаковыхъ частей и является не возможность методически расположить, въ обоихъ отдѣленіяхъ VII класса, курсъ преподаванія съ соблюденіемъ необходимой правильности при переходѣ отъ легкаго къ болѣе трудному и удобно распорядиться повтореніемъ курса предшествовавшихъ классовъ“.

Во вторыхъ относительно географіи. Географія имѣетъ тѣсную и необходимую связь съ исторіей; при изученіи послѣдней неизбѣжно обращаться къ первой. Географія служитъ необходимымъ пособіемъ для усвоенія исторіи. Съ другой стороны и исторія многое уясняетъ изъ географіи. Поэтому повтореніе географіи, если не всей, то части ея, послѣ законченія исторіи будетъ въ высшей степени педагогично. Такимъ образомъ дидактическія требованія дѣлаютъ желательнымъ, чтобы и повтореніе географіи совершалось въ двухъ отдѣленіяхъ VII класса несовмѣстно.

Въ третьихъ, по новымъ языкамъ еще очевиднѣе необходимость соблюденія необходимой правильности при переходѣ отъ легкаго къ болѣе трудному. Ученикамъ старшаго отдѣленія можно давать болѣе трудныя работы—и устныя и письменныя—какъ по количеству, такъ и по качеству и вообще „при существованіи двухъ самостоятельныхъ отдѣленій VII класса съ отдѣльнымъ въ каждомъ изъ нихъ преподаваніемъ учитель можетъ соблюдать не маловажное для успѣха учениковъ условіе, которое состоитъ въ томъ, чтобы учащихся вести отъ легчайшаго къ болѣе трудному“.

Кромѣ этихъ чисто дидактическихъ основаній къ раздѣленію VII класса на два самостоятельныя отдѣленія, соединенный совѣтъ находилъ еще основаніе дисциплинарное. При совмѣстномъ обученіи учениковъ двухъ отдѣленій возможно чрезмѣрное ихъ скопленіе въ VII-мъ классѣ, которое для преподавателей затруднитъ частое переспрашиваніе уроковъ и внимательный надзоръ за ихъ вниманіемъ и поведеніемъ въ классѣ; вообще контроль надъ учениками,

при большой массѣ ихъ, по необходимости затрудняется. Это основаніе, имѣющее свою полную силу и вообще при рѣшеніи даннаго вопроса, относительно тѣхъ учебныхъ предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, выступаетъ тѣмъ настоятельнѣе, что на нихъ уставомъ гимназій и прогимназій назначено, сравнительно съ другими предметами, незначительное число недѣльныхъ уроковъ. Такъ на Законъ Божій и на географію въ VII классѣ положено только по одному уроку въ недѣлю. Очень легко можетъ быть, что на нѣкоторые изъ дней, въ которые по росписанію назначено быть урокамъ Закона Божія или географіи, надутъ нѣсколько праздниковъ. Сколько тогда преподаватель переспроситъ учениковъ не только въ теченіи недѣли, но и въ теченіи цѣлаго мѣсяца? Послѣ всего этого препятствіемъ къ отдѣльному преподаванію этихъ предметовъ въ каждомъ изъ отдѣленій VII класса можетъ быть только недостатокъ средствъ на вознагражденіе преподавателей за лишніе уроки. Но, въ виду увеличенія спеціальныхъ средствъ обѣихъ Казанскихъ гимназій чрезъ возвышеніе платы за право ученья, соединенный совѣтъ надѣется, что этотъ расходъ будетъ покрытъ безъ дефицита, тѣмъ болѣе, что лишній расходъ (360 руб.) незначителенъ въ виду ожидаемой отъ него пользы. И такъ соединенный совѣтъ, принимая во вниманіе всѣ выше приведенныя основанія, находитъ крайне необходимымъ раздѣленіе VII класса на два самостоятельныя отдѣленія-младшее и старшее съ особыми въ каждомъ изъ этихъ отдѣленій курсами, по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ гимназическую программу. За тѣмъ, что касается до подробностей относительно устройства этихъ курсовъ, то соединенный совѣтъ обѣихъ Казанскихъ гимназій и прогимназіи, слѣдуя указаніямъ учебныхъ плановъ безъ малѣйшаго нарушенія ихъ въ существѣ и вообще согласно съ утвержденными соображеніями Одесскаго округа, составилъ слѣдующее распредѣленіе учебныхъ занятій въ ожидаемыхъ двухъ самостоятельныхъ отдѣленіяхъ VII класса.

По Закону Божію:

Въ младшемъ отдѣленіи: повтореніе церковной исторіи [какъ Ветхозавѣтной, такъ и Новозавѣтной], преимуществен-

но русской съ приличнымъ дополненіемъ по усмотрѣнію законоучителя.

Въ старшемъ отдѣленіи: повтореніе катихизиса съ болѣе обширнымъ богословскимъ развитіемъ.

По русскому языку.

Въ младшемъ отдѣленіи: Ломоносовъ, Державинъ, фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Жуковскій и Крыловъ.

Въ старшемъ отдѣленіи: Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь и Лермонтовъ.

Краткія основанія логики.

Предметъ этотъ по примѣру Одесскаго округа долженъ проходиться въ старшемъ отдѣленіи, „чтобы болѣе обезпечить успѣшность обученія этому предмету".

По Латинскому языку.

Въ младшемъ отдѣленіи: Титъ Ливій и Энеида Виргилія.

Въ старшемъ отдѣленіи: философскія сочиненія Цицерона и оды и сатиры, или посланія Горація.

По греческому языку.

Въ младшемъ отдѣленіи: Геродотъ и Иліада Гомера.

Въ старшемъ отдѣленіи: Демосфенъ (Олинѳскія рѣчи или Филиппики) или избранныя мѣста изъ Ѳукидида и Еврипидъ или Софоклъ.

По математикѣ.

Въ младшемъ отдѣленіи: пройти тригонометрію, окончить алгебру, повторить ариѳметику и пройти приложеніе алгебры къ геометріи.

Въ старшемъ отдѣленіи: повторить алгебру и геометрію, употребляя значительную часть времени на рѣшеніе алгебраическихъ и геометрическихъ задачъ.

По физикѣ.

Въ младшемъ отдѣленіи: теплородъ, магнетизмъ, электричество статическое, электричество динамическое и метеоры теплородные и электрическіе.

Въ старшемъ отдѣленіи: свѣтъ, движеніе, звукъ и оптическіе метеоры.

По географіи.

Въ младшемъ отдѣленіи: географія Россіи и всеобщая.

Въ старшемъ отдѣленіи: общій очеркъ естественной исторіи.

По исторіи.

Въ младшемъ отдѣленіи: окончаніе всеобщей и отечественной исторіи.

Въ старшемъ отдѣленіи: исторія Греціи и Рима.

По новымъ языкамъ.

Въ обоихъ отдѣленіяхъ преподаваніе должно быть ведено согласно учебнымъ планамъ съ тѣмъ только, чтобы къ старшему отдѣленію были отнесены болѣе трудныя занятія.

Письменныя работы преподаватели тѣхъ предметовъ, по которымъ онѣ полагаются, должны вести въ обоихъ отдѣленіяхъ согласно учебнымъ планамъ съ тѣмъ обязательнымъ условіемъ, чтобы ученикамъ старшаго отдѣленія даваемы были работы болѣе серьезныя.

Что касается до представленія г. попечителя Одесскаго округа, утвержденнаго г. Управляющимъ Министерствомъ и приведеннаго выше, то статьи его 1—5 приняты соединеннымъ совѣтомъ единогласно; 6-я статья принята съ тою только перемѣною, которая обусловливается отмѣною примѣчанія ко 2-й статьѣ. Что касается до должности класснаго наставника, о чемъ говорится въ 7-й статьѣ означеннаго представленія, то соединенный совѣтъ, принимая во вниманіе во 1-хъ), что въ обѣихъ Казанскихъ гимназіяхъ число учениковъ какъ въ каждомъ классѣ, такъ и въ VII почти всегда бываетъ значительно велико, во 2-хъ)

что было бы неудобно при большемъ числѣ учениковъ опредѣлять класснаго наставника, а при маломъ отставлять и потомъ въ случаѣ увеличенія числа учениковъ опять опредѣлять, въ 3-хъ) что въ случаѣ малаго количества учениковъ классный наставникъ будетъ имѣть возможность болѣе строгаго надзора надъ ними, что такъ важно для учениковъ въ такомъ возрастѣ, какъ ученики VII класса гимназіи, въ 4-хъ), что наконецъ исполненіе должности класснаго наставника въ каждомъ изъ двухъ отдѣленій VII класса двумя отдѣльными лицами послужитъ однимъ изъ средствъ къ столь желаемому обособленію этихъ отдѣленій, пришелъ къ заключенію, что полезно имѣть въ VII классѣ двухъ классныхъ наставниковъ: одного для младшаго, другаго для старшаго отдѣленія.

Такимъ образомъ соединенный совѣтъ обѣихъ Казанскихъ гимназій и прогимназіи желалъ, чтобы VII классъ былъ раздѣленъ на два самостоятельныя отдѣленія на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) VII классъ гимназіи состоитъ изъ двухъ отдѣленій: младшаго и старшаго. Ученики VI-го класса, удостоенные перевода, переходятъ въ младшее отдѣленіе VII класса.

2) Ученики каждаго изъ двухъ отдѣленій VII класса обучаются отдѣльно и въ особомъ мѣстѣ по всѣмъ предметамъ. Курсъ ученія въ каждомъ изъ двухъ отдѣленій продолжается одинъ годъ.

3) Ученики младшаго отдѣленія VII-го класса подвергаются въ концѣ учебнаго года только письменному испытанію, которое производится въ тоже время, изъ тѣхъ же предметовъ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и письменныя испытанія, установленныя для учениковъ I, II, III, и V классовъ.

4) Значеніе отмѣтокъ, полученныхъ учениками младшаго отдѣленія на письменномъ испытаніи при удостоеніи ихъ перевода въ старшее отдѣленіе такое же, какъ и отмѣтокъ, выставляемыхъ ученикамъ I, II, III, и V классовъ на письменныхъ испытаніяхъ этихъ учениковъ при переводѣ ихъ изъ класса въ классъ:

5) Число недѣльныхъ уроковъ въ каждомъ изъ двухъ отдѣленій VII класса по каждому предмету соотвѣтствуетъ числу уроковъ, по каждому предмету, назначенныхъ въ VII классѣ по уставу 30 іюля 1871 года, при чемъ урокъ ло-

гики, которая, на основаніи устава, должна преподаваться лишь одинъ годъ въ VII классѣ, долженъ быть отнесенъ къ старшему отдѣленію съ тою цѣлію, чтобы болѣе обезпечить успѣшность обученія этому предмету, а потому, для уравненія числа уроковъ въ обоихъ отдѣленіяхъ, по греческому языку тотъ урокъ, который на основаніи устава, долженъ замѣнить собою урокъ логики въ VII классѣ, въ теченіи втораго года, относится къ младшему отдѣленію.

6) Вознагражденіе преподавателей за уроки и класснаго наставника въ старшемъ отдѣленіи производится изъ суммы, опредѣленной на содержаніе личнаго состава, и расходы по этому вознагражденію вполнѣ покрываются тою долею сказанной суммы, которая приходится на уроки, назначенные для VII класса уставомъ 30 іюля 1871 года. Вознагражденіе же преподавателей въ младшемъ отдѣленіи производится изъ суммы сбора съ учениковъ въ гимназіи въ размѣрѣ, опредѣленномъ за дополнительные уроки, т. е. 60 руб. за каждый недѣльный урокъ.

7) Одинъ изъ преподавателей младшаго отдѣленія, за исправленіе должности класснаго наставника въ этомъ отдѣленіи, получаетъ изъ суммы сбора за ученіе вознагражденіе въ размѣрѣ, опредѣленномъ по уставу за исполненіе этой обязанности.

Желаніе соединеннаго педагогическаго совѣта обѣихъ Казанскихъ гимназій увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: въ 1874-75 году въ той и другой гимназіи были два самостоятельныхъ отдѣленія VII класса, а съ нынѣшняго учебнаго года, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, вмѣсто старшаго и младшаго отдѣленій VII класса, существуютъ VII и VIII классы.

Послѣ изложенія общаго устройства гимназическаго курса по уставу 1828 года, преобразованію 1849 года и по уставамъ 1864 и 1871 годовъ, намъ слѣдуетъ перейти къ изложенію распредѣленія преподаванія по классамъ и къ учебнымъ программамъ. Въ этомъ отношеніи вторая Казанская гимназія всегда выказывала полную внимательность къ дѣлу. Вводился ли въ гимназическій курсъ какой-либо новый учебный предметъ, или же измѣнялась постановка существующихъ предметовъ въ силу того или другаго правительственнаго или начальственнаго распоряженія, въ совѣтѣ гимназіи сейчасъ же возникали пренія о распредѣленіи препо-

даванія этихъ предметовъ по классамъ и составлялись для нихъ подробныя програмы. Такого рода преніями и програмами въ особенности наполнены протоколы соединеннаго педагогическаго совѣта первой и второй Казанскихъ гимназій, получившаго начало и открывшаго свою дѣятельность съ 1864 года по распоряженію нынѣшняго попечителя Казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестакова. Такъ въ 1865 году въ соединенномъ совѣтѣ составлены были програмы по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса согласно уставу 1864 года и притомъ какъ для классическихъ, такъ и для реальныхъ гимназій. По изданіи устава 1871 года составлены были програмы по всѣмъ предметамъ примѣнительно къ этому уставу. По выходѣ въ свѣтъ нынѣ дѣйствующихъ „учебныхъ плановъ" въ томъ же соединенномъ совѣтѣ были выработаны програмы согласно „планамъ", кототорыя впрочемъ были выполнены не вдругъ, а съ требуемою самими планами постепенностью. Изложеніе этого дѣла со всею подробностью повлекло бы за собою увеличеніе объёма нашей исторической записки до чрезмѣрности. Имѣя въ виду, что о распредѣленіи преподаванія учебныхъ предметовъ по классамъ намъ придется говорить, когда будетъ рѣчь о ходѣ преподаванія, мы здѣсь ограничимся тѣмъ, что въ видѣ образчика веденія дѣла, представимъ: 1) пренія о преподаваніи исторіи въ гимназіи, происходившія въ соединенномъ совѣтѣ въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ 1865 года; 2) програму преподаванія Закона Божія, утвержденную соединеннымъ совѣтомъ 17 марта 1865 года и 3) распредѣленіе учебныхъ занятій по классамъ, составленную тоже въ соединенномъ совѣтѣ въ 1870 году.

1) Пренія о преподаваніи исторіи въ гимназіи, происходившія въ соединенномъ совѣтѣ въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ 1865 года.

„17-го февраля 1865 года въ засѣданіи соединеннаго педагогическаго совѣта учитель второй гимназіи Горскій и первой гимназіи Ленстремъ, высказали свои мнѣнія о томъ, въ какомъ объемѣ и что находятъ они нужнымъ пройти изъ исторіи въ каждомъ классѣ въ отдѣльности.

Г. Горскій формулировалъ свое мнѣніе въ слѣдующемъ видѣ:

Въ III классъ: русская исторія, преимущественно съ внутренней стороны.

Въ IV классъ: древняя исторія.

Въ V классъ: два урока для средней исторіи и одинъ для Русской.

Въ VI классъ: два урока для новой исторіи (до Вѣнскаго конгресса 15 г.) и одинъ для русской исторіи.

Въ VII классъ: два урока новѣйшій исторіи (главныя событія ея), повторенія всего пройденнаго и одинъ урокъ для русской исторіи. На это мнѣніе г. Ленстремъ возразилъ:

„Такъ какъ прогимназія, на основаніи устава, есть отдѣльное отъ гимназіи учебное заведеніе, то, по моему мнѣнію, необходимо озаботиться, чтобы учебный курсъ первой былъ, по возможности, болѣе или менѣе закопченъ по всѣмъ предметамъ. Выходя изъ этой точки зрѣнія, я не могу согласиться съ мнѣніемъ г. Горскаго, который въ III классѣ прогимназіи предлагаетъ проходить отечественную исторію, а въ IV древнюю, и не могу согласиться: 1) потому, что ученикъ, закончивъ свое образованіе курсомъ прогимназіи, не получитъ, при осуществленіи программы г. Горскаго, никакихъ свѣдѣній по всеобщей исторіи среднихъ и новыхъ вѣковъ; 2) потому, что прагматическое изложеніе отечественной исторіи въ III классѣ и древней въ IV совершенно не соотвѣтствуетъ степени развитія учениковъ этихъ классовъ. На основаніи этихъ причинъ, я полагаю необходимымъ дать курсу исторіи въ прогимназіяхъ возможную законченность и вести ея преподаваніе болѣе полезнымъ для учащихся способомъ, т. е. ввести въ курсъ III и IV классовъ прогимназіи всю исторію какъ всеобщую, такъ и отечественную въ біографически—эпизодическихъ разсказахъ“.

На это г. Горскій замѣтилъ, что изъ двухъ выработанныхъ педагогической литературой способовъ преподаванія исторіи—прагматическаго и біографически—эпизодическаго онъ предпочитаетъ первый, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ соединяетъ первый способъ со вторымъ; кромѣ того онъ (г. Горскій) думаетъ, что едвали возможно пройти всю исторію (древнюю, среднюю, новую и отечественную) въ трехъ классахъ гимназіи, если въ IV класѣ прогимназіи не проходить древней исторіи.

Г. Предсѣдатель замѣтилъ на это, что онъ совершенно одобряетъ какъ мысль г. Ленстрема о необходимости законченнаго курса исторіи въ прогимназіи, такъ и указаный

имъ способъ преподаванія, не полагаетъ необходимымъ знакомить учащихся въ III классѣ прогимназіи исключительно съ разсказами отечественной исторіи, а разсказы изъ всеобщей исторіи оставить для IV класса, на подобіе того, какъ это ведется въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

На эти оба замѣчанія г. Лепстремъ отвѣчалъ слѣдующее: „1) едвали слѣдуетъ опасаться, что учитель исторіи не успѣетъ пройти всю исторію въ трехъ классахъ гимназіи, въ обыкновенномъ объемѣ гимназическаго курса, если въ IV классѣ прогимназіи не будетъ проходиться древняя исторія. Въ III и IV классахъ прогимназіи ученики основательно и подробно ознакомятся біографически—эпизодическимъ способомъ со всѣми важнѣйшими событіями древнихъ и среднихъ вѣковъ (а очевидно, къ этимъ вѣкамъ необходимо будутъ относиться большая часть расказовъ изъ всеобщей исторіи въ упомянутыхъ классахъ); по этому будетъ совершенно удобно и возможно, безъ отягощенія учащихся, проходить прагматически какъ древнюю, такъ и среднюю исторію въ одномъ V классѣ гимназіи. Такимъ образомъ для исторіи первыхъ вѣковъ и отечественной еще останутся два года. 2) Гораздо полезнѣе и образовательнѣе для учениковъ не отдѣлять въ прогимназіи разсказовъ изъ общей отъ русской исторіи, а вести ихъ руку объ руку, напр. по слѣдующимъ отдѣламъ:

a) *религіозныя вѣрованія* важнѣйшихъ народовъ: древнихъ индѣйцевъ, египтянъ, грековъ, римлянъ, германцевъ и славянъ.

b) *герои древности*: индійскій Рама (по Рамаянѣ), греческіе: Геркулесъ и Тезей, Аргонавты, Троянскіе герои и проч., римскіе: Ромулъ, Туллъ Гостилій, Тарквиній Гордый, Юній Брутъ, Горацій Коклесъ, Муцій Сцевола и проч., средне-вѣковые витязи: Зигфридъ, Роландъ; Бертранъ-де-Гескленъ, Орлеанская дѣва, витязи русскихъ былинъ: Игорь Святославичь и проч.

c) *замѣчательнѣйшія войны*: вторженіе въ Грецію Персовъ при Даріи Гистаспѣ и Ксерксѣ, походъ Александра В. въ Персію, 2-я и 3-я пуническая война, походы Карла В., крестовые походы, тридцати-лѣтняя война, великая сѣверная война, отечественная война 1812 года и проч.

d) *законодатели и судьи*: Ликургъ, Солонъ, Сервій Туллій, децемвиры, Юстиніанъ и Требоніанъ, Ярославъ Мудрый, тай-

ные суды и суды въ Германіи во время кулачнаго права и проч.

e) *двигатели народовъ:* въ религіозномъ отношеніи: Будда, Магометъ, Бонифацій, просвѣтители германцевъ: Ансгарій и Адалбертъ; Владиміръ Св. просвѣтитель Руси и проч.

f) *замѣчательнѣйшія вторженія варваровъ:* Галловъ, Кимвровъ и Тевтоновъ въ Италію, Гунновъ въ Италію и западную Европу вообще, Монголовъ въ Русь и проч.

g) *замѣчательнѣйшіе защитники отечественной свободы:* Вашингтонъ и Франклинъ, Пожарскій и Мининъ и проч.

j) *замѣчательнѣйшія открытія:* книгопечатанія, писчей бумаги, компаса, пороха, часовъ, пароходовъ, телеграфовъ желѣзныхъ дорогъ и проч.

Подобное сопоставленіе фактовъ приведетъ учащихся къ обобщеніямъ, укрѣпитъ въ нихъ стремленіе дѣлать выводы, а это составляетъ необходимое условіе всякаго дѣйствительнаго знанія".

За этимъ г. предсѣдатель предложилъ г. Ленстрему формулировать свое мнѣніе, въ какомъ порядкѣ онъ полагаетъ вести преподаваніе исторіи, какъ въ прогимназіи, такъ и въ гимназіи. Г. Ленстремъ формулировалъ такъ:

„Въ III классѣ прогимназіи слѣдуетъ проходить: однородные біографически—эпизодическіе разсказы по примѣру выше указанныхъ отдѣловъ изъ общей и русской исторіи.

Въ IV классѣ: продолжать тотъ же самый курсъ и въ томъ же порядкѣ.

Въ V-мъ классѣ: древнюю и среднюю исторію по способу, предложенному профессоромъ Стасюлевичемъ въ его исторической христоматіи.

Въ VI классѣ: новую исторію до Вѣнскаго конгресса и русскую до нашествія Монголовъ, и въ VII классѣ: Русскую исторію отъ нашествія Монголовъ и главныя событія изъ новѣйшей исторіи (всеобщей)". Затѣмъ г. предсѣдатель спросилъ, въ какой степени преподаватели исторіи должны требовать отъ учащихся хронологическихъ свѣдѣній. На этотъ вопросъ, предложенный г. предсѣдателемъ, замѣтилъ г. Горскій, что на мелочныя хронологическія свѣдѣнія и познанія нѣтъ надобности обращать вниманіе, а на годы важныхъ фактовъ слѣдуетъ.

Послѣ всѣхъ этихъ преній г. предсѣдатель предложилъ членамъ совѣта высказать свои мнѣнія по поводу программъ преподаванія исторіи, предложенныхъ Горскимъ и Ленстремомъ.

Г. Книзе замѣтилъ, что такъ какъ въ программѣ Ленстрема видно болѣе законченности преподаванія какъ для прогимназіи, такъ и для гимназіи, то онъ и согласенъ съ мнѣніемъ г. Ленстрема. Члены Совѣта—инспекторъ 1-ой гимназіи Степановъ, учители: Аршауловъ, Владиміровъ, Бергъ, Штейнгауеръ также согласились съ мнѣніемъ г. Ленстрема.

Г. Сергѣевъ выразилъ мнѣніе, что въ прогимназіи должна быть пройдена только исторія Россіи, и что для учениковъ, закончившихъ свое образованіе прогимназіей, будетъ достаточно такое историческое знаніе. Г. Перловскій выразилъ мнѣніе, что онъ согласенъ на параллельное веденіе всеобщей и русской исторіи въ прогимназіи. О. А. Имшеникъ предложилъ слѣдующую программу для преподаванія исторіи вообще. Въ общемъ объемѣ г. Имшеникъ согласенъ съ мнѣніемъ г. Ленстрема. Вотъ редакція программы г. Имшеника.

Въ III-мъ классѣ: очерки изъ древней и средней исторіи (біографическимъ и эпизодическимъ способомъ)

Въ IV классѣ: новая и русская исторія (также въ общихъ очеркахъ)

Въ V-мъ классѣ: исторія древняя и средняя, до крестовыхъ походовъ.

Въ VI классѣ: съ крестовыхъ походовъ изъ средней исторіи и новая исторія до Вѣнскаго конгресса 1815 года и одинъ урокъ для русской исторіи.

Въ VII классѣ: новѣйшая исторія, повтореніе всего пройденнаго и одинъ урокъ для русской исторіи.

Г. предсѣдатель предложилъ слѣдующую программу:

Въ III-мъ классѣ: русская исторія въ біографической и эпизодической формѣ, съ обращеніемъ преимущественнаго вниманія на нравы и обычаи древнихъ русскихъ, на ихъ домашній бытъ, общественную жизнь и проч. по сочиненіямъ Водовозова, Щебальскаго и Костомарова.

Въ IV классѣ: главныя событія изъ древней и новой исторіи въ біографической и эпизодической формѣ по книгѣ Грубе „Очерки исторіи и сказаній народовъ“.

Въ V классѣ: подробное изложеніе древней исторіи, преимущественно греческой и римской, по учебнику Шульгина, при этомъ не упуская изъ виду исторической географіи.

Въ VI классѣ подробное изложеніе средней и новой исторіи до 1815 г. по учебнику Шульгина, съ обращеніемъ должнаго вниманія на историческую географію, и, гдѣ слѣдуетъ, на рускую исторію.

Въ VII классѣ: главныя событія изъ новѣйшей исторіи, по краткому учебнику Вебера, русская исторія по учебникамъ Иловайскаго и Соловьева и повтореніе всего гимназическаго курса.

Этимъ мнѣніемъ г. предсѣдатель закончилъ пренія о преподаваніи исторіи какъ въ прогимназіи, такъ и гимназіи. Затѣмъ по большинству голосовъ членовъ совѣта положено принять программу преподаванія исторіи Ленстрема; въ пользу же мнѣнія г. Горскаго были поданы голоса 4 членами совѣта. Г. Горскій заявилъ, что представитъ о преподаваніи исторіи отдѣльное мнѣніе. Г. предсѣдатель предложилъ выбрать руководства для преподаванія исторіи. По общему согласію всѣхъ членовъ совѣта рѣшено было принять слѣдующія руководства: для всеобщей исторіи учебникъ Шульгина, а для русской Иловайскаго.

3 Марта 1865 года въ засѣданіи соединеннаго совѣта заслушано было слѣдующее мнѣніе г. Горскаго о преподаваніи исторіи въ гимназіи и прогимназіи:

„Распредѣленіе курса исторіи въ гимназіи и прогимназіи по классамъ зависитъ отъ рѣшенія вопроса, какъ смотрѣть на прогимназіи—какъ на заведенія, которыхъ курсъ служитъ началомъ гимназическаго курса, или какъ на заведенія самостоятельныя, долженствующія дать, по возможности, законченное образованіе?.

Если смотрѣть на нихъ съ первой точки зрѣнія, то преподаваніе исторіи я предполагалъ бы вести слѣдующимъ образомъ:

Въ III классѣ прогимназіи: разсказы изъ русской исторіи, въ которыхъ должно быть дано надлежащее мѣсто изображенію общественнаго и частнаго быта нашихъ предковъ. Русскую исторію, не вдаваясь, разумѣется, въ излишнія подробности, можно пройти въ этомъ классѣ сполна, для чего двухъ уроковъ, по моему мнѣнію, совершенно достаточно. Проходить въ III классѣ русскую исторію я предполагалъ бы потому, что начинать изученіе исторіи съ исторіи отечественной всего естественнѣе; она гораздо ближе ученику, событія ея для него имѣютъ болѣе интереса, нежели событія исторіи другихъ на-

родовъ, а потому и легче воспринимаются его памятью. Отечественная исторія не представляетъ для ученика и того затрудненія въ запоминаніи собственныхъ именъ, какъ исторія всеобщая, и въ тоже время въ одной съ этою послѣдпею степени будетъ способствовать его развитію. Руководствомъ я полагалъ бы принять краткій учебникъ русской исторіи, составленный Иловайскимъ съ дополненіемъ его, гдѣ нужно, разсказами учителя.

Въ IV классъ прогимназіи: исторію древняго востока, Греціи и Рима до паденія западной римской имперіи. Руководство: „курсъ исторіи древняго міра", составленный Шульгинымъ.

Въ V классъ гимназіи: исторію среднихъ вѣковъ (2 урока въ недѣлю) до исторіи открытій, по учебнику того же Шульгина. Въ этомъ же классѣ я предполагалъ бы начать также изученіе русской исторіи и проходить ее до Іоанна III-го; потому что при немъ начинается утвержденіе самодержавія въ сѣверо-восточной Руси. Руководство: учебникъ Русской исторіи, составленный Иловайскимъ и принятый нынѣ въ гимназіяхъ.

Въ VI классъ: Новую исторію до Вѣнскаго конгреса (2 урока въ недѣлю) и русскую до вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II-й (одинъ урокъ въ недѣлю). Руководства тѣже).

Въ VII класъ: Окончить (одинъ урокъ въ недѣлю) русскую исторію и изложить (2 урока въ недѣлю) обзоръ важнѣйшихъ событій новѣйшей всеобщей исторіи.

Для русской исторіи руководство остается тоже, а для всеобщей исторіи краткій учебникъ, составленый Веберомъ. Кромѣ того въ этомъ классѣ долженъ быть повторенъ весь предметъ.

Само собою разумѣется, что о такомъ распредѣленіи предмета не можетъ быть и рѣчи, если будемъ смотрѣть на прогимназію, какъ на учебное заведеніе съ законченнымъ курсомъ. Исходя отъ этой точки зрѣнія, большинство членовъ совѣта, согласно съ мнѣніемъ старшаго учителя Ленстрема, положило вести преподаваніе исторіи въ прогимназіи въ біографически-эпизодической формѣ, полагая такимъ образомъ дать этому предмету характеръ законченности. Г. Ленстремъ изложилъ въ общихъ чертахъ програму преподаванія, въ которой предполагаетъ, для большей пользы, не отдѣлять

разсказовъ изъ общей отъ русской исторіи а вести ихъ рука объ руку, напр. по слѣдующимъ отдѣламъ: религіозныя вѣрованія важнѣйшихъ народовъ, герои древности, замѣчательнѣйшія войны, законодатели, судьи и проч. Раздѣляя вполнѣ справедливость мнѣнія г. Лепстрема, что въ прогимназіи, если смотрѣть на нее, какъ на такое учебное заведеніе, которое должно дать образованіе относительно полное и законченное, и курсъ исторіи долженъ быть законченнымъ, я не могу согласиться, чтобы эта законченность достигалась предполагаемымъ способомъ преподаванія исторіи. Біографическіе очерки, не говоря уже о большомъ искусствѣ, котораго требуетъ ихъ составленіе, все-таки дадутъ учащемуся массу свѣдѣній отрывочныхъ и безсвязныхъ и мало облегчатъ для него изученіе исторіи въ высшихъ классахъ, потому что онъ схватитъ однѣ только верхушки. Характеръ и значеніе исторической личности могутъ быть, по моему мнѣнію, поняты только тогда, когда извѣстны создавшія ее историческія причины, характеръ эпохи, въ которую она дѣйствовала.

По этому нельзя излагать біографическаго очерка исторической личности, не предпославъ характеристики эпохи, современной ей, которая, въ свою очередь, есть результатъ предшествовавшаго времени. Какъ напримѣръ говорить о Лютерѣ, не изложивъ прежде исторической необходимости появленія реформатора? а это поведетъ очень далеко. Да и за всѣмъ тѣмъ, излагая его біографію, нужно будетъ безпрестанно останавливаться для поясненія различныхъ событій, понятныхъ только при знаніи исторіи предшествовавшей. На примѣръ, говоря о возстаніи рыцарей, нужно объяснить, что такое рыцарство, какое было его значеніе первоначальное и послѣдующее. Это необходимо и для того, чтобы дать ученикамъ понятіе о рыцарствѣ, и потому, что такимъ только образомъ можно уяснить причину не разъ обнаруженныхъ ими притязаній. А подобныя явленія найдутся при изложеніи каждаго біографическаго очерка, потому что каждое явленіе въ жизни человѣчества органически развивается изъ предъидущаго. По этому-то я и отдаю преимущество систематическому изложенію исторіи. Разсказываніе отдѣльныхъ эпизодовъ тоже, мнѣ кажется, не приведетъ къ цѣли всякаго ученія— основательному знанію. Вести преподаваніе всеобщей исторіи и русской въ связи едвали возможно, потому что рус-

ская исторія имѣетъ своеобразный характеръ вслѣдствіе того, что русская жизнь развивалась подъ другими условіями, чѣмъ жизнь другихъ народовъ. Что можетъ быть напр., общаго между Бертрапомъ-дю-Гескленъ и Игоремъ Сѣверскимъ?. Законченности преподаванія исторіи въ прогимназіи можно достигнуть, по моему мнѣнію, такимъ образомъ:

Въ III классѣ: преподавать (1 урокъ въ недѣлю) русскую исторію до Петра Великаго и всю древнюю исторію, обращая преимущественно вниманіе на важнѣйшія событія греческой и римской исторіи.

Въ IV классѣ: Пройти (2 урока въ недѣлю) исторію среднихъ и новыхъ вѣковъ и русскую (одинъ урокъ) до конца.

Руководствами могутъ служить для общей исторіи: „Руководство къ всеобщей исторіи для младшаго возраста", составленое Иловайскимъ, а для русской—тоже краткій учебникъ русской исторіи, употребляемый нынѣ въ уѣздныхъ училищахъ. Этотъ курсъ, по моему убѣжденію, основанному на опытѣ, очень удобно пройти, не обременяя учащихся. Онъ и менѣе времени потребуетъ, нежели біографическіе очерки, и въ тоже время дастъ болѣе точное, а главное систематическое знаніе исторіи. Въ него войдутъ и религіозныя вѣрованія важнѣйшихъ историческихъ народовъ, и біографическія характеристики важнѣйшихъ историческихъ дѣятелей, и дано будетъ понятіе о бытѣ историческихъ народовъ, о состояніи у нихъ наукъ и искусствъ.

Курсъ всеобщей исторіи значительно сократится, если опустить изъ него соперническія войны, исторію Литвы и Польши, потому что о ней будетъ рѣчь при изложеніи русской исторіи и проч. При такихъ условіяхъ курсъ IV класса можетъ быть пройденъ въ 40 уроковъ. Стало быть довольно останется времени и на повтореніе.

Послѣ такой подготовки, ученики безъ затрудненія могутъ болѣе подробно пройти:

Въ V классѣ (3 урока въ недѣлю) древнюю исторію до паденія западной римской имперіи (особенное вниманіе будетъ, разумѣется, обращено на исторію Грековъ и Римлянъ) и всю среднюю до исторіи открытій.

Въ VI классѣ: новую исторію до Вѣнскаго конгресса (2 урока въ недѣлю) и русскую (1 урокъ въ недѣлю) до Петра Великаго, а не до Монгольскаго нашествія, какъ предположилъ г. Ленстремъ, потому что тогда въ VII классѣ

для изученія важнѣйшей части русской исторіи останется слишкомъ мало времени, а потому и нельзя будетъ пройти ее удовлетворительно.

Въ VII классѣ: изъ всеобщей исторіи (2 урок. въ недѣлю) обзоръ важнѣйшихъ событій новѣйшей исторіи по учебнику Вебера, сдѣлавъ изъ него извлеченіе, и русскую (1 урокъ въ недѣлю) съ Петра Великаго до настоящаго времени. Кромѣ того въ этомъ классѣ долженъ быть повторенъ весь предметъ.

Руководствами будутъ служить: курсъ всеобщей исторіи, составленный Шульгинымъ, и руководство къ русской исторіи Иловайскаго, принятое нынѣ въ гимназіи. По этимъ руководствамъ составляются программы испытаній, какъ переводныхъ, такъ и окончательныхъ.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что курсъ исторіи для облегченія учащихся и для лучшаго усвоенія ими предмета, долженъ быть по возможности сокращенъ, что предоставляется благоразумію и опытности преподавателя. Главное вниманіе преподавателя должно быть обращено на умственное и нравственное развитіе народовъ въ данную эпоху, а не на исторію войнъ. Но такъ какъ и эта послѣдняя не можетъ быть совершенно изгнана изъ учебника, то можно довольствоваться главнымъ очеркомъ, изложеніемъ общаго хода войны, указывая главнымъ образомъ на ея результаты. Біографическія характеристики замѣчательнѣйшихъ историческихъ дѣятелей, типичныя сцены, рельефныя бытовыя черты должны непремѣнно входить въ изложеніе того или другаго отдѣла. Вслѣдствіе зависимости человѣка, а слѣдовательно и хода исторіи отъ естественныхъ условій, географическіе очерки занимаемой народомъ мѣстности должны предпосылаться ея исторіи. При требованіи знанія хронологіи отъ учениковъ должно ограничиваться требованіемъ знанія хронологіи важнѣйшихъ событій. Наконецъ, при преподаваніи русской исторіи, преподаватель долженъ знакомить учениковъ съ важнѣйшими ея источниками.“

Послѣ прочтенія мнѣнія г. Горскаго, г. Ленстремъ заявилъ, что такъ какъ въ мнѣніи Горскаго вопросъ о преподаваніи исторіи разсматривается подробнѣе и глубже, нежели въ протоколѣ предъидущаго собранія, то онъ, Ленстремъ, желалъ бы съ своей стороны также представить болѣе подробное разсмотрѣніе этого вопроса. Члены совѣта согласились на это.

4*

17-го марта 1865 года въ засѣданіи соединеннаго педагогическаго совѣта обсуждалась слѣдующая программа исторіи, составленная учителемъ 1-ой гимназіи г. Лепстремомъ.

„При составленіи настоящей програмы по всеобщей и русской исторіи, для прогимназіи и гимназіи, я руководствовался слѣдующими соображеніями:

1) Въ недавнее еще время между историками преобладала мысль, будто дѣло ихъ только разсказывать событія, пересыпая по временамъ этотъ разсказъ нравственными и политическими размышленіями, которыя могутъ казаться полезными. Какъ ни близко отъ насъ это время, но миновало уже и должно миновать безвозвратно. Теперь между историками замѣчаются признаки большой широты взгляда, стремленіе, путемъ собиранія и сопоставленія параллельныхъ фактовъ, дѣлать обобщенія и выводы,—стремленіе, которое составляетъ необходимое условіе всякаго дѣйствительнаго знанія, ибо безъ этого стремленія невозможно построить науки. Какъ отъ безустанной работы мысли, явленія въ области внѣшней природы—явленія по видимому самыя неправильныя и причудливыя—объяснены и подведены подъ нѣкоторые общіе законы, такъ и отъ прилежнаго изученія человѣческихъ дѣйствій, историки новѣйшаго времени надѣются достичь подобныхъ же результатовъ. Эту надежду на открытіе правильности въ хаосѣ фактовъ, составляющихъ предметъ исторіи, питаютъ наиболѣе замѣчательные и талантливые писатели, и они—то возвели эту надежду на степень непогрѣшимаго догмата. Короче: исторія въ наше время стремится стать на степень точной науки.

Хотя пройдетъ еще много времени, пока это стремленіе вполнѣ увѣнчается успѣхомъ, тѣмъ не менѣе преподаваніе исторіи въ нашихъ гимназіяхъ не можетъ, если не захочетъ идти старымъ путемъ рутины, не отозваться на современное движеніе въ исторической наукѣ. Въ виду этого движенія реподаватели исторіи должны подготовлять учащихся въ гимназіи къ строго—научному изученію исторіи, которое ожидаетъ ихъ въ университетѣ,—подготовлять путемъ сопоставленія, сравненія и анализа фактовъ, знакомыхъ учащимся, и пріучать учащихся къ обобщеніямъ и выводамъ. А такъ какъ изученіе фактовъ должно, очевидно, предшествовать открытію выводовъ, то все обученіе исторіи

въ прогимназіяхъ и гимназіяхъ должно раздѣляться на два курса: 1) на курсъ изученія историческихъ фактовъ, и 2) на курсъ обобщенія послѣднихъ.

На первый курсъ я считаю необходимымъ опредѣлить четыре года т. е. III и IV классы прогимназій и V и VI классы гимназій, на второй курсъ одинъ годъ въ VII классѣ гимназій. Этотъ послѣдній курсъ съ пользою замѣнитъ собою курсъ общаго повторенія въ VII классѣ всего пройденнаго по исторіи въ предъидущихъ классахъ.

Изученіе фактовъ исторіи должно быть по возможности подробнѣе и основательнѣе. Всѣ такъ называемыя „краткія понятія" объ исторіи и „краткія знакомства", „легкіе очерки, краткія обозрѣнія", должны быть окончательно изгнаны изъ преподаванія исторіи въ гимназіяхъ. Знакомить—такъ нужно знакомить не кратко, а коротко, учить—такъ учить основательно, а то лучше вовсе не знакомить и вовсе не учить. Всякія рубрики или клѣтки съ голыми именами и числами, не дающими понятія ни о характерѣ народа, ни о характерѣ историческихъ дѣятелей,—табличные методы, по которымъ заставляютъ учениковъ зазубривать цѣлые ряды хронологическихъ чиселъ и именъ государей, не доступны исторіи и, по мѣткому выраженію г. проф. Шульгина, должны быть названы „историческими фокусами". Къ тому же разряду фокусовъ нельзя не отнести и тѣхъ учебниковъ, которые на какой нибудь сотнѣ страницъ крупной печати излагаютъ всю исторію человѣчества. „Какъ можно менѣе голыхъ чиселъ и безличныхъ именъ и какъ можно болѣе живыхъ людей"—вотъ главное правило историческаго преподаванія. На этомъ основаніи, я не могу согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ нѣкоторыми членами соединеннаго совѣта обѣихъ Казанскихъ гимназій, что было бы всего удобнѣе въ III классѣ прогимназіи проходить „кратко, въ легкихъ очеркахъ" всю русскую исторію и въ такихъ же очеркахъ всю всеобщую исторію въ IV классѣ. Пройти всю русскую исторію, при двухъ урокахъ въ недѣлю, въ III классѣ и всю всеобщую, при трехъ урокахъ, въ IV значитъ дать учащамся вдругъ слишкомъ много; а въ существѣ очень мало или почти ничего. Non multa, sed multum.

По моему мнѣнію, III и IV классы прогимназій слѣдуетъ посвятить на изученіе одной русской исторіи исключительно. Въ два года при пяти урокахъ въ недѣлю совер-

шенно возможно пройти всю отечественную исторію достаточно подробно и основательно, пройти такъ, чтобы ученики вынесли изъ этого изученія не однѣ верхушки, но все существенно важное и необходимое. Ограничить историческій курсъ прогимназій одною русской исторіей тѣмъ еще выгоднѣе, что ученикъ, заканчивая свое образованіе курсомъ упомянутаго учебнаго заведенія, будетъ обладать не отрывочными, ни къ чему не ведущими знаніями изъ всѣхъ частей исторіи, а по возможности полнымъ и короткимъ знакомствомъ со всѣми важнѣйшими событіями отечества. Всякій конечно согласится, что лучше хорошо знать исторію одной своей страны, чѣмъ знать поверхностно (а это почти тоже самое, что не знать,) исторію всѣхъ временъ и народовъ.

Только съ V-го класса гимназій должно, по моему мнѣнію, начинаться изученіе фактовъ изъ всеобщей исторіи. Говорю: изъ всеобщей исторіи потому, что „всеобщая исторія" въ ея цѣлости не можетъ и не должна быть предметомъ изученія въ нашихъ гимназіяхъ. Матерьялъ „всеобщей исторіи" такъ великъ, что ограниченіе его въ школахъ совершенно необходимо. Всѣ древніе народы, которые или вовсе не доросли до исторической жизни, или проявили ее въ незначительной степени, могутъ, безъ всякаго ущерба для учащихся, быть исключены изъ преподаванія. Такіе народы могутъ принадлежать географіи, а не исторіи. Равнымъ образомъ могутъ не быть предметомъ историческаго преподаванія и тѣ новые народы, которые уже имѣютъ исторію и даже пріобрѣли свою долю историческаго значенія, но долю или не слишкомъ видную, или временную. Такимъ образомъ исторія большей части древне-азіатскихъ народовъ не должна быть проходима совсѣмъ; преподаваніе древней исторіи должно начинаться прямо Греціей и оканчиваться Римомъ. Прочіе же народы на столько важны для древней исторіи, на сколько они касаются грековъ и римлянъ. Средніе и новые вѣка подобнымъ же образомъ должны быть значительно урѣзаны. Исторія остготовъ, вест-готовъ, лонгобардовъ, венгровъ, скандинавовъ, южныхъ и западныхъ славянъ (за исключеніемъ Польши) или исторія Швеціи, Даніи, Португаліи, мелкихъ итальянскихъ государствъ въ новое время, равнымъ образомъ большая часть войнъ и проч. могутъ быть опущены совершенно.

Въ виду 1) такого ограниченія матерьяловъ изъ „всеобщей исторіи" съ одной стороны и 2) увеличенія числа уроковъ въ V классѣ до трехъ вмѣсто нынѣшнихъ двухъ съ другой, можно считать совершенно возможнымъ соединить обученіе древней и средней исторіи въ одномъ V классѣ. Тогда для изученія фактовъ изъ новой исторіи до Вѣнскаго конгресса включительно остается еще цѣлый годъ въ VI классѣ.

Ознакомившись подробно и основательно съ важнѣйшими фактами изъ всѣхъ частей исторіи, ученики будутъ въ силахъ приступить къ сравненію фактовъ между собою и къ ихъ обобщенію въ послѣднемъ или въ VII классѣ гимназіи.

Такимъ образомъ слагается слѣдующая программа по русской и всеобщей исторіи въ прогимназіяхъ и гимназіяхъ.

Въ III классѣ—русская исторія до Іоанна III-го.

Въ IV классѣ—русская исторія съ Іоанна III-го до Николая I-го включительно.

Примѣчаніе. Руководствомъ можетъ служить учебникъ Иловайскаго, а пособіями разсказы Водовозова и Щебальскаго.

Въ V классѣ: древняя и средняя исторія. Повтореніе курса III класса прогимназіи.

Въ VI классѣ: новая исторія. Повтореніе курса IV класса прогимназіи.

Въ VII классѣ: общее повтореніе въ видѣ обобщенія параллельныхъ фактовъ между собою" Члены Совѣта большинствомъ голосовъ приняли эту программу безъ измѣненій.

Гг. предсѣдатель совѣта Г. И. Крелленбергъ, директоръ 2-ой гимназіи О. А. Имшеникъ и учитель исторіи Горскій остались при тѣхъ мнѣніяхъ, которыя были выражены ими при обсужденіи распредѣленія исторіи по классамъ.

2) Программа преподаванія Закона Божія, составленная законоучителемъ второй гимназіи М. М. Зефировымъ и утвержденная соединеннымъ педагогическимъ совѣтомъ 17 марта 1865 года.

Классъ I. Священная исторія Ветхаго Завѣта. Она будетъ разсказана дѣтямъ не въ томъ широкомъ объемѣ, въ

какомъ изложена въ Библіи, но существенно важныя черты ея будутъ переданы всѣ и со всею обстоятельностью. При разсказѣ о важнѣйшихъ лицахъ, событіяхъ и учрежденіяхъ Ветхаго Завѣта признается нужнымъ какъ можно ближе держаться библейскаго языка, котораго безыскуственная простота не можетъ не нравиться дѣтямъ, а наглядность и живописность такъ много способствуетъ къ усвоенію передаваемаго. Въ видахъ еще большаго облегченія воспитанниковъ, разсказъ будетъ сопровождаться указаніями на мѣста событій (на географической картѣ), на рисунки Шнорра и Сапожникова, также разъясненіемъ, гдѣ встрѣтится надобность, образа жизни, нравовъ и обычаевъ востока. Впрочемъ знакомство съ ветхо-завѣтною исторіей воспитанниковъ этого класса, вслѣдствіе неразвитости ихъ, по необходимости, должно ограничиться болѣе внѣшнею ея стороною: внутренній смыслъ ея и отношеніе къ ветхому завѣту, будутъ выясняемы подробно въ теченіи всего гимназическаго курса, особенно же въ III классѣ. Достаточнымъ учебникомъ можетъ служить книжка Базарова.

Классъ II. Священная исторія Новаго Завѣта. Здѣсь признается вполнѣ достаточнымъ ознакомить воспитанниковъ только съ исторіею жизни Іисуса Христа, а исторію Апостоловъ со дня сошествія Св. Духа отложить до слѣдующаго класса. За то жизнь Іисуса Христа, Его отношенія къ избраннымъ ученикамъ, къ народу, къ фарисеямъ и старѣйшинамъ, особенно за послѣдніе дни Его жизни, имѣютъ быть переданы въ живомъ разсказѣ со всею подробностію евангельскихъ сказаній. При изложеніи ученія Іисуса Христа, кромѣ нагорной бесѣды, будетъ обращено вниманіе на притчи Іисуса Христа. Нѣкоторыя бесѣды, отличающіяся возвышенностію и таинственностію, вошедшія даже въ учебникъ Рудакова, будутъ опущены: съ ними удобнѣе ознакомить воспитанниковъ въ VII классѣ.

Классъ III-й. Исторія Апостоловъ и исторія христіанской церкви послѣ временъ апостольскихъ до IV вѣка.

Исторія Апостоловъ будетъ передана во всей подробности по книгѣ Дѣяній Апостоловъ и ихъ посланій и отчасти на основаніи преданія. При этомъ воспитанники будутъ ознакомлены съ происхожденіемъ всѣхъ ново-завѣтныхъ книгъ въ связи историческихъ обстоятельствъ, и съ внутнимъ устройствомъ Апостольской Церкви. Въ исторіи хри-

стіанской церкви первыхъ вѣковъ будетъ выяснена борьба язычества и іудейства съ христіанствомъ,—внѣшняя, состоявшая въ ожесточенныхъ гоненіяхъ на христіанъ (исторія мучениковъ),—борьба литературная (христіанскіе апологеты) и наконецъ борьба языческихъ и іудейскихъ понятій съ христіанскими внутри самой церкви (исторія ересей). За тѣмъ съ возможною полнотою и обстоятельностію будетъ описана жизнь христіанъ первыхъ вѣковъ, ихъ богослуженіе, обряды, религіозные обычаи, также внутренняя организація Церкви. Учебникомъ можетъ служить книга Рудакова.

Классъ IV. Объясненіе Богослуженія Православной Церкви. Съ особенною обстоятельностію имѣютъ быть объяснены Литургія, всенощное Богослуженіе, служба въ большіе праздники и въ страстную седмицу. Для большаго ознакомленія воспитанниковъ съ духомъ Богослуженія православной Церкви признается нужнымъ прочитать имъ молитвы, помѣщенныя въ служебникѣ священническомъ и не нашедшія доселѣ мѣста ни въ одномъ учебникѣ, и каноны особенно на большіе праздники. При объясненіи обрядовъ и священнодѣйствій будетъ показано и историческое ихъ происхожденіе и символическое значеніе. Учебникомъ до появленія лучшаго можетъ служить книга Рудакова. Въ концѣ года въ этомъ классѣ будетъ преподано устное объясненіе символа вѣры, молитвы Господней и 10-ти заповѣдей: этимъ подведенъ будетъ, такъ сказать, итогъ четырехгодичному курсу, и воспитанникъ, заканчивающій свое образованіе 4-мъ классомъ, не останется безъ яснаго и точнаго знанія существенныхъ истинъ христіанской вѣры и обязанностей христіанскихъ.

Классъ V-й. Пространный катихизисъ. При изложеніи догматической части катихизиса, самой трудной для воспитанниковъ, сжатыя положенія учебника будутъ разъясняемы подробно, и тексты съ переводомъ на русскій языкъ будутъ объясняемы со всею обстоятельностью.

Примѣчаніе. Необходимо бы было, если позволитъ время, каждый разъ указывать на историческіе факты, лежащіе въ основѣ того или другаго догматическаго понятія, и касаться тѣхъ лжеученій, по поводу которыхъ извѣстные догматы формулированы Церковью въ точныхъ и неизмѣнныхъ терминахъ. Это придастъ нѣкоторое оживленіе преподаванію. Изложеніе право-учительной части катихизиса

должно-бы было сопровождаться, для большей ясности и убѣдительности, указаніемъ на факты обще-человѣческаго сознанія, факты и примѣры исторіи и опыты вседневной жизни.

Классъ VI. Исторія христіанской церкви съ IV-го вѣка до отдѣленія западной церкви отъ восточной и исторія русской церкви. Исторію церкви съ IV-го вѣка признается болѣе нужнымъ преподавать, не слѣдуя обычнымъ рубрикамъ церковно-историческихъ учебниковъ, а въ послѣдовательномъ ряду біографій знаменитыхъ мужей церкви, которые были представителями своего времени, около которыхъ группируются всѣ важнѣйшія событія церкви. Такое преподаваніе будетъ имѣть болѣе оживленности и интереса. Учебникъ въ такомъ случаѣ будетъ служить только руководительною нитью для припоминанія слышаннаго. Исторію русской церкви признается необходимымъ излагать со всею обстоятельностью.

По этому свѣдѣнія, вошедшія въ составъ учебной книжки Рудакова, будутъ восполняемы изъ другихъ церковныхъ исторій, брошюръ, изслѣдованій, которыми въ настоящее время довольно богата духовная литтература наша. Особенное вниманіе обращено будетъ на исторію Уніи въ юго-западной Русской церкви и исторію раскола.

Классъ VII. Еслибы въ этомъ классѣ ограничиться простымъ повтореніемъ пройденнаго въ прежнихъ классахъ, то воспитанникамъ почти не чего было бы дѣлать. По этому признается необходимымъ не столько повторять давно извѣстное, сколько расширять, углублять и утверждать прежнія свѣдѣнія, ограждать ихъ отъ сомнѣній и возраженій, кои или сами собою могутъ возникать въ развивающейся молодежи, или могутъ быть подслушаны и вычитаны гдѣ нибудь. Считается необходимымъ вести дѣло преподаванія такъ, чтобы воспитанники съ окончаніемъ гимназическаго курса имѣли возможно полное и ясное понятіе объ истинахъ и историческихъ судьбахъ христіанства.

3) Распредѣленіе учебныхъ занятій по классамъ въ обѣихъ казанскихъ гимназіяхъ, составленное соединеннымъ Совѣтомъ въ 1870 году.

№	Названіе предметовъ.	I Классъ.	II Классъ.	III Классъ	IV Классъ.	V Классъ.	VI Классъ.	VII Классъ.
1.	Законъ Божій.	Объясненіе необходимыхъ молитвъ: Царю Небесный, Святый Боже, Отче Нашъ, Богородице Дѣво, Св. Ангеле Хранителю, символъ вѣры, молитвы: утренней и вечерней, предъ ученіемъ и послѣ ученія, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда Священная исторія ветхаго завѣта. Руководство-Св. исторія ветхаго завѣта Рудакова (послѣд. изд.). (Изъ этого руководства исключаются §§ 77, 78, 83, 84, 85, 87, 88, 90, 98, 99. 100, 107, 111).	Священная исторія новаго завѣта по руководству Рудакова (послѣд. изд.) за исключеніемъ отдѣловъ: 1) Взглядъ на состояніе іудеевъ во время земной жизни І. Х. 2) Всѣ примѣчанія кромѣ примѣчанія къ § 76, 3) §§ 55, 61, 72 и 80.	Катихизисъ до IX члена символа вѣры. Молитва Господня. Руководство, пространный катихизисъ Филарета.	Катихизъ, начиная съ IV члена символа вѣры. Руководство-Пространный катихизисъ Филарета.	Краткое ученіе о богослуженіи. Руководство-ученіе о богослуженіи Рудакова.	Исторія церкви вселенской и отечественной по руководству Рудакова, за исключеніемъ: 1) введенія, 2) большей части напечатаннаго мелкимъ шрифтомъ, кромѣ замѣчаній о знаменитѣйшихъ мученикахъ и отцахъ церкви; 3) §§ 24, 29, 35, 42. 49, 64 (послѣдніе 4 отдѣла излагаются въ сокращенномъ видѣ.).	Повтореніе пройденнаго въ теченіе всего гимназическаго курса.
2.	Русскій яз. и словесность.	Понятіе о предложеніи и его частяхъ, составъ словъ (слоги буквы); о частяхъ рѣчи вообще и въ особенности объ имени существительномъ и глаголѣ. Объяснительное чтеніе и заучиванье наизусть небольшихъ стихотвореній.	Ознакомленіе практическимъ путемъ съ видами простыхъ предложеній, и со всѣми частями рѣчи, преимущественно измѣняемыми и притомъ съ правильной стороной ихъ. Дать понятіе о правописаніи на столько, насколько это возможно при изученіи этихъ	Систематическое изученіе грамматики, звуки и буквы. сложныя предложенія и этимологія. Домашнія и письменныя упражненія 1 разъ въ двѣ недѣли въ объемѣ 2 страницъ. Руководства:	Систематическое изученіе синтаксиса по учебнику съ повтореніемъ пройденнаго въ предъидущихъ классахъ. Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ 2 недѣли въ объемѣ полулиста. Руководство-русская грамматика	Ознакомленіе съ родами прозаическихъ сочиненій, достигаемое посредствомъ разбора произведеній русской литературы, понятіе о главныхъ родахъ поэзіи и изложеніе главнѣйшихъ видовъ и формъ эпоса тоже по	Знакомство съ главнѣйшими видами и формами поэзіи лирической и драматической, достигаемое посредствомъ разбора произведеній отечественной словесности. Исторія русской литературы до мон-	Исторія русской литературы съ монгольскаго нашествія, заканчивая произведеніями Тургенева и Островскаго. Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ мѣсяцъ въ объемѣ до 1 листа Руководства-Исторія Русской лите-

№	Названіе предметовъ.	I Классъ.	II Классъ.	III Классъ.	IV Классъ.	V Классъ.	VI Классъ.	VII Классъ.
		Письмо подъ диктовку. Письменныя домашнія упражненія 1 разъ въ недѣлю въ объемѣ: въ 1-е полугодіе 5 строкъ, во 2-ое полугодіе 8 строкъ. Руководство-книга для чтенія Паульсона. Въ двухъ первыхъ классахъ грамматика проходится безъ руководствъ.	частей рѣчи изъ предложеній. Объяснительное чтеніе и заучиванье наизусть стихотвореній съ умѣніемъ объяснять ихъ. Письмо подъ диктовку. Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ 2 недѣли въ объемѣ 1 страницы (16 строкъ). Руководство - Русскій міръ Иванова или книга для Чтенія Паульсона и Христоматія Яковлева.	Русская грамматика Антонова, или Говорова. Христоматія Яковлева.	Антонова, или Говорова и Христоматія Яковлева. Ознакомленіе со внутреннею и внѣшней стороной сочиненій на разборахъ образцовъ, какъ изученныхъ въ предъидущихъ классахъ, такъ и избранныхъ вновь, причемъ болѣе обращается вниманіе на логическія и стилистическія стороны разбираемыхъ произведеній. Руководсево-Христоматія Филонова IV томъ.	образцамъ отечественной литературы. Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ мѣсяцъ въ объемѣ до одного листа. Руководства-Теорія словесности Минина и Христоматія Филонова I и IV томы.	гольскаго нашествія. Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ мѣсяцъ въ объемѣ до одного листа. Руководства-Исторяі литературы Галахова и Христоматія Филонова II и III томы	ратуры Галахова. Христоматія Филонова и Яковлева.
	Славянскій языкъ.	Славянское чтеніе и знакомство вокабулярнымъ способомъ съ значеніемъ отдѣльныхъ славянскихъ словъ и выраженій по Евангелію Луки. Руководство-Евангеліе.	Систематическое ознакомленіе съ склоненіемъ именъ существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій, и переводъ съ церковно-славянскаго языка на русскій по Евангелію Марка, или Матѳея. Руководства—Славянская грамматика Перевлѣсскаго и Евангеліе.	Систематическое изложеніе грамматики въ особенности глагольныхъ и причастныхъ формъ и переводъ по Евангелію. Руководства тѣже, что и для II класса.	Переводъ съ славянскаго языка на русскій по молитвослову съ ознакомленіемъ съ синтаксическими свойствами славянской рѣчи тамъ, гдѣ онѣ замѣтно расходятся въ сочетаніи съ правилами языка русскаго. Руководства - Молитвословъ и Славянская Грамматика Перевлѣсскаго.	—	—	—

№	Названіе предметовъ.	I Классъ.	II Классъ.	III Классъ.	IV Классъ.	V Классъ.	VI Классъ.	VII Классъ.
4.	Географія.	Терминологія и номенклатура, Учебникъ Семенова (приготовительный курсъ послѣд. изд).	Физическое и политическое описаніе внѣ— европейскихъ частей свѣта. Учебникъ Семенова (послѣд. изд). Исключается глава объ исламѣ.	Физическое и политическое описаніе Европы. Учебникъ Семенова (курсъ. III).	Описаніе Россіи по учебнику Бѣлоха, за исключеніемъ отдѣла о промышленности Европейской Россіи, который замѣняется краткимъ устнымъ объясненіемъ.	—	—	—
5.	Исторія.	—	—	Начальное преподаваніе всеобщей исторіи съ цѣлію ознакомить учащихся съ тѣми сторонами жизни народовъ и ихъ представителей, которыя должны быть извѣстны всякому. сколько нибудь образованному человѣку. Руководства-краткая общая исторія. Иловайскаго.	Краткіе очерки всей русской исторіи, по учебнику: краткіе очерки русской исторіи Иловайскаго, за исключеніемъ отдѣловъ о внутреннемъ состояніи удѣльно-вѣчевой Руси и Московскаго Государства.	Исторія древняго міра. Учебникъ - Курсъ всеобщей Исторіи Иловайскаго (древняя исторія)	Исторія среднихъ вѣковъ и исторія Россіи до Петра Великаго. Учебникъ - курсъ всеобщей исторіи Иловайскаго (средняя исторія) и очерки русской исторіи его же.	Исторія новыхъ временъ до Вѣнскаго Конгресса и исторія Россіи съ Петра Великаго до настоящаго времени. Учебникъ того же автора.

№	Названіе предметовъ.	I Классъ.	II Классъ.	III Классъ.
6.	Естественная исторія, физика и космографія.	Наглядное изложе съ сообщеніемъ эле паго шара. Руководство-Естест умана.	ніе зоологіи, бота ментарныхъ свѣдѣ- венная исторія Го-	ники и минерологіи ній изъ физики зем- ризонтова. или Ба-
7.	Математика.	*Изъ ариѳметики:* 4 дѣйствія съ цѣлыми отвлеченными и именованными числами. Признаки дѣлимости чиселъ. Разложеніе чиселъ на множители. Отысканіе общаго наибольшаго дѣлителя и наименьшаго кратнаго. Руководства: ариѳметика Малинина и Буренина и собраніе задачъ тѣхъ же авторовъ или ариѳметика Буссе.	*Изъ ариѳметики:* 4 дѣйствія съ дробными отвлеченными и именованными числами. Десятичныя дроби. Отношенія и пропорціи. Опредѣленіе неизвѣстнаго члена по тремъ даннымъ. Руководства тѣже, что и для 1 класса.	*Изъ ариѳметики.* Рѣшеніе задачъ, относящихся къ тройному правилу и правиламъ пропорціональнаго дѣленія и смѣшенія. Руководства тѣже что и для I класса. *Изъ алгебры*-4 дѣйствія съ цѣлыми и дробными алгебраическими количествами. Руководства: Алгебра Давидова или Сомова и собраніе

IV Классъ.	V Классъ.	VI Классъ.	VII Классъ.
	Предварительныя понятія изъ физики. Общія свойства тѣлъ. Сложеніе и разложеніе силъ. О тяжести. О рычагѣ и вѣсахъ. О плотности. О жидкостяхъ капельныхъ и упругихъ Магнитизмъ и статическое электричество. Руководство-курсъ физики Краевича.	Теплородъ, свѣтъ и гальванизмъ. Руководство-Курсъ физики Краевича.	О простыхъ машинахъ и о движеніи (включая сюда явленіе звука). Руководства-тоже Физическая географія. Фигура и движеніе земли Солнце, луна и ея движеніе, планеты и ихъ спутники, кометы, неподвижныя звѣзды, туманныя пятна. Руководство - Космографія Малинина или Талызина.
Изъ алгебры (2 ур) Практическія задачи, относящіяся къ рѣшенію уравненій 1-й ст. съ 1 й неизвѣстной. Рѣшеніе уравненій 1-й степ. съ двумя и болѣе неизвѣстными. Возвышеніе одночленовъ въ степень и извлеченіе изъ нихъ корней. Возвышеніе одночленовъ и многочленовъ во 2-ю отепень и из-	*Изъ алгебры* (1 ур.). Пропорціи. Дѣйствія надъ коренными и воображаемыми выраженіями. Рѣшеніе уравненій 2-й степени съ одной неизвѣстной. Корни уравненій 2-й степени и свойства ихъ. Руковооства тѣже, что и для III класса.	*Изъ алгебры* (1 ур.) Прогрессіи. Логариѳмы съ примѣненіемъ ихъ къ вычисленію процентовъ. Теорія соединеній и биномъ Ньютона для цѣлаго и положительнаго показателя. Руководства тѣже, что и для III класса. *Изъ геометріи* (2 ур.). О плоскостяхъ и многогран-	*Изъ тригонометріи* (1 ур.). Выводъ главныхъ тригонометрическихъ формулъ. Составленіе тригонометрическихъ таблицъ и рѣшеніе при пособіи ихъ прямолинейныхъ треугольниковъ. Руководство - Тригонометрія Малинина.

№	Названіе предметовъ.	I Классъ.	II Классъ..	III Классъ.
				алгебраическихъ задачъ Краевича или Больмана.

IV Классъ.	V Классъ.	VI Классъ.	VII Классъ.
влеченіе квадратныхъ корней изъ трехчленныхъ алгебраическихъ количествъ и изъ чиселъ. Возвышеніе двухчленовъ въ 3 степень и извлеченіе кубическихъ корней изъ чиселъ. Руководства тѣже, что и для III класса. *Изъ Геометріи* (1 ур.) Начальныя понятія объ углахъ. треугольникахъ и многоугольникахъ. Параллельныя линіи. Руководство- Геометрія Давидова, или Буссе.	*Изъ геометріи* (2 ур.) О кругѣ: свойство линій въ кругѣ. Измѣреніе въ немъ угловъ. О пропорціональныхъ линіяхъ. Подобіе треугольниковъ и многоугольниковъ. О правильныхъ многоугольникахъ. Измѣреніе площадей правильныхъ фигуръ, круга и его частей. Отношеніе площадей этихъ фигуръ. Руководства тѣже, что и для IV класса.	ныхъ углахъ. О многогранникахъ. Измѣреніе объемовъ параллелепипедовъ, призмы и пирамиды. О тѣлахъ вращенія-прямыхъ цилиндрахъ, конусахъ, и о шарѣ. Руководства тѣже, что и для IV класса.	Три урока назначаются на повтореніе и пополненіе всѣхъ отдѣловъ, пройденныхъ въ предъидущихъ классахъ. Упражненіе въ рѣшеніи различныхъ алгебраическихъ и геометрическихъ задачъ, употребляя при этомъ и логариѳмы. Руководствами могутъ служить, кромѣ указанныхъ выще, курсъ общей ариѳметики Жбиковскаго и таблицы логариѳмовъ Веги или Пржевальскаго.

№	Название предметовъ.	I Классъ.	II Классъ.	III Классъ	IV Классъ.	V Классъ.	VI Классъ.	VII Классъ.
8	Греческій языкъ.	—	—	Чтеніе и письмо. Главныя правила объ удареніяхъ. Правильныя склоненія именъ существительныхъ и прилагательныхъ. Правильныя степени сравненія. Склоненія мѣстоимеңій Главнѣйшія правила о сокращеніи гласныхъ буквъ. Глаголы $\grave{\varepsilon}\iota\mu\grave{\iota}$ и чистые глаголы на ω. Переводъ съ греческаго языка на русскій фразъ изъ 1-й части Хрестоматіи Якобса. Руководства - Хрестоматія Якобса и греческая грамматика Кюнера.	Глаголы на ω нѣмые и плавные; глаголы на $\mu\iota$ и подробности объ аугментѣ и редупликаціи; неправильныя существительныя, особенно 3 - го склоненія. Неправильныя степени сравненія. Числительныя количественныя и порядковыя; неправильные глаголы. Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ 2 недѣли въ объемѣ 5 фразъ. Руководства тѣже, что и для III класса.	Синтаксисъ простаго предложенія. Переводъ съ греческаго языка на русскій изъ Анабазиса Ксенофонта, Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ двѣ недѣли въ объемѣ 10 писанныхъ строкъ. Руководства-греческая грамматика Кюнера и Анабазисъ Ксенофонта.	Синтаксисъ сложнаго предложенія. Переводъ съ греческаго Платона. Ксенофонта и Одиссеи Гомера; переводъ съ русскаго языъа отдѣльныхъ предложеній, относящихся къ пройденнымъ правиламъ синтаксиса. Домашнія письменныя упражненія 1 разъ во 2 недѣли въ объемѣ 12 писанныхъ строкъ. Руководства-Греческая грамматика Кюнера. Платонъ Ксенофонтъ и Одиссея Гомера.	Чтеніе и переводъ съ греческаго языка ораторовъ, историковъ и Одиссеи Гомера Переводъ съ русскаго языка легкихъ историческихъ разсказовъ. Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ мѣсяцъ въ объемѣ одной писанной страницы. Руководства-книги авторовъ избранныхъ для перевода.

№	Название предметовъ.	I Классъ.	II Классъ.	III Классъ.	IV Классъ.	V Классъ.	VI Классъ.	VII Классъ.
9	Латинскій языкъ,	Чтеніе, склоненіе именъ существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій. Правильныя степени сравненія, спряженія глагола esse въ изъявительномъ наклоненія и правильныхъ глаголовъ всѣхъ 4 спряженій во всѣхъ временахъ изъявительнаго наклоненія дѣйствительнаго залога. Переводъ съ латинскаго отдѣльныхъ предложеній, помѣщенныхъ въ грамматикѣ Кюнера. Руководство-грамматика Кремера, составленная по Кюнеру.	Неправильности, относящіяся къ склоненію именъ. Правила родовъ. Неправильныя степени сравненія. Производство временъ, Спряженіе глагола esse и глаголовъ правильныхъ и отложительныхъ. Переводъ съ Латинскаго нѣсколькихъ легкихъ статей, помѣщенныхъ въ грамматикѣ Кюнера. Переводъ съ русскаго отдѣльныхъ предложеній изъ учебника Кюнера, относящихся къ изучаемымъ правиламъ грамматики. Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ мѣсяцъ въ объемѣ 5 короткихъ предложеній. Руководство-тоже что и для 1 класса.	Спряженія глаголовъ неправильныхъ, безличныхъ, недостаточныхъ и отступающихъ отъ общихъ правилъ образованія временъ. Спряженіе описательное. Нарѣчія, предлоги, союзы и междометія. Переводъ съ латинскаго языка нѣсколькихъ статей, помѣщенныхъ въ христоматіи Кюнера, преимущественно историческаго содержанія. Переводъ съ русскаго отдѣльныхъ предложеній, относящихся къ проходимымъ правиламъ грамматики. Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ мѣсяцъ въ объемѣ 5 предложеній. Руководство-тоже что и для 1 класса.	Синтаксисъ простаго предложенія: правила о падежахъ и именахъ городовъ. Переводъ съ русскаго отдѣльныхъ предложеній, относящихся къ проходимымъ правиламъ грамматики. Переводъ съ латинскаго нѣсколькихъ жизнеописаній изъ Корнелія Непота. Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ мѣсяцъ въ объемѣ 5 предложеній на синтаксическія правила. Руководства-Граматика Кюнера и Корнелій Непотъ.	Синтаксисъ простаго предложенія: мѣстоименія, неопредѣленное наклоненіе, супины, герундій, герундивъ, причастіе, слова отрицанія. Переводъ съ латинскаго изъ Юлія Цезаря и метаморфозы Овидія (чтеніе по метру). Переводъ съ русскаго отдѣльныхъ предложеній, относящихся къ пройденнымъ правиламъ синтаксиса. Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ мѣсяцъ въ объемѣ 5 сложныхъ предложеній. Руководства - грамматика Кюнера. Юлій Цезарь и Овидій.	Синтаксисъ сложнаго предложенія. Переводъ съ латинскаго Саллюстія или Тита Ливія и Виргилія. Переводъ съ русскаго статей изъ руководства Смирнова. Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ мѣсяцъ въ объемѣ 10 печатныхъ строкъ. Руководства-грамматика Кюнера, Саллюстій или Титъ Ливій, Виргилій и руководство Смирнова.	Переводъ съ латинскаго Цицерона или Тита Ливія и Горація (преимущественно оды). Переводъ съ русскаго статей изъ руководства Смирнова. Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ мѣсяцъ въ объемѣ 10 печатныхъ строкъ, Руководства-Цицеронъ, или Титъ Ливій. Горацій и руководство Смирнова.

№	Названіе предметовъ	I Классъ.	II Классъ.	III Классъ.
10	Нѣмецкій язккъ.	Чтеніе и письмо. Переводъ съ нѣмецкаго по руководству Штейнгауера съ 1 § до 52 § или 1-е отдѣленіе по руков. Ганнемана; списыванье съ книги. Руководства: Штейнгауеръ, или Ганнеманъ.	Переводъ съ нѣмецкаго по Штейнгауеру съ 52 § до § 110, или 2-е отдѣл. по Ганнеману, письмо подъ диктовку. Объясненіе грамматическихъ правилъ, относящихся къ переводамъ въ 1-хъ двухъ классахъ. Руководства тѣже, что и для 1 класса.	Переводъ съ нѣмецкаго по Штейнгауеру съ § 110 до конца или 3-е отдѣл. по Ганнеману. Изученіе этимологіи: склоненія именъ существительныхъ, прилагательныхъ; спряженіе вспомогательныхъ и правильныхъ глаголовъ; переводъ съ нѣмецкаго нѣсколькихъ статей по сборнику Массона или Ганнемана. Диктовка и заучиванье наизусть легкихъ стихотвореній. Руководства тѣже что и для 1 класса и сборникъ Массона
11	Французскій языкъ.	Правила произношенія. Чтеніе; переводъ съ французскаго яз. на русскій и наоборотъ легкихъ фразъ, съ заучиваніемъ словъ, изъ учебника Марго до 42 § включительно, исключая §§ 19, 25, 27, 38,	Переводъ съ французскаго и на оборотъ фразъ по учебнику Марго съ § 43 до § 65 (спряженіе глаголовъ вспомогательныхъ, опущеніе члена, прилагат. относительн.) переводъ съ	Устный и письменный переводъ фразъ по учебнику Марго съ § 65 до 101 включительно. (Глаголы правильные 4-хъ спряженій, мѣстоимен.) Переводъ съ французскаго легкихъ

IV Классъ.	V Классъ.	VI Классъ.	VII Классъ.
Вся этимологія, переводъ съ нѣмецкаго по сборнику Массона или по Ганнеману. Переводъ съ русскаго отдѣльныхъ предложеній, относящихся къ пройденнымъ грамматическимъ правиламъ по руководству Массона. Диктовка и заучиванье наизусть стихотвореній. Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ 2 недѣли въ объемѣ 6 печатныхъ строкъ. Руководства-Грамматика Кейзера, сборникъ Массона и руковод. для перевод. съ русск. егоже.	Синтаксисъ. Переводъ съ нѣмецкаго по сборнику Массона или Берте. Переводъ съ русскаго по руковод. Массона. Диктовка и заучиванье наизусть стихотвореній. Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ 2 недѣли, въ объемѣ 8 печатныхъ строкъ. Руководства-грамматика Кейзера и книги, указанныя для переводовъ.	2 ур.) Переводъ съ нѣмецкаго по Христоматіи Берте (проза и стихотворенія;) 1 урокъ) переводъ съ русскаго по руководству Массона или сборнику Кейзера. Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ мѣсяцъ; въ объемѣ 10 печатныхъ строкъ. Руководства-тѣже что и для V класса.	Переводъ болѣе трудныхъ преимущественно прозаическихъ статей по Христоматіи Берте, переводъ à livre ouvert. Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ мѣсяцъ въ объемѣ 12 печатныхъ строкъ. Руководства-тѣже, что и для V класса.
Неправильные глаголы съ устными и письменными упражненіями по учебнику Марго до конца его Переводъ съ французскаго статей изъ христоматіи Марго. Диктовка и	Главныя части синтаксиса по всѣмъ отдѣламъ грамматики и повтореніе этимологіи въ систематич. порядкѣ. Переводъ съ французскаго статей историческаго содержанія по Хри-	Переводъ съ французскаго языка съ грамматическимъ и логическимъ разборомъ изъ отдѣла поэзіи и прозы по христоматіи Трико (2 ур.) Переводъ съ русскаго статей по Христоматіи	Переводъ съ французскаго с этимологическимъ и синтаксическимъ разборомъ прозаическихъ и стихотворныхъ статей изъ Христоматіи Трико. Пе-

№	Названіе предметовъ.	I Классъ.	II Классъ.	III Классъ.	IV Классъ.	V Классъ.	VI Классъ.	VII Классъ.
		и 41, относящіяся къ спряженіямъ глаголовъ, Руководство учебникъ Марго.	французскаго легкихъ анекдотовъ изъ 1-й части Христоматіи Марго. Руководство-тоже, что и для 1-го класса.	статей изъ Христоматіи Марго. Руководство тоже что и для 1-го класса.	заучиванье объясненныхъ уже стихотвореній. Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ 2 недѣли въ объемѣ 6 печатныхъ строкъ. Роководство тоже, что и для 1 класа.	стоматіи Марго и легкихъ прозаическихъ и поэтическихъ статей преимущественно изъ отдѣла эпистолярнаго и повѣствовательнаго по Христоматія Трико (2 ур.). Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ 2 недѣли въ объемѣ 8 печатныхъ строкъ. Руководства-Грамматика Шапсаля, Христоматія Трико и Марго.	Крестлинга 1 ур.) Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ мѣсяцъ въ объемѣ 10 печатныхъ строкъ. Руководства-Христоматія Трико и Крестлинга.	реводъ à livre ouvert (2 ур). Переводъ съ русскаго статей по Христоматіи Крестлинга (разъ въ мѣсяцъ). Домашнія письменныя упражненія 1 разъ въ мѣсяцъ въ объмѣ 12 печатныхъ строкъ. Руководства тѣже, что и для VI Класса.
12	Чистописаніе, черченіе и рисованіе.	*Чистописаніе* (3 ур.) Письмо прописныхъ и строчныхъ буквъ по порядку однородности. Соединенія однородныхъ буквъ въ слоги посредствомъ оставленія буквъ ш и т; соединеніе слоговъ между собою длинными штрихами. Письмо словъ, начинающхся прописными буквами и простыхъ короткихъ предложеній подъ медленный тактъ,	*Чистописаніе* (2 ур.) Письмо крупнаго почерка съ переходомъ къ письму средней величины. Письмо слоговъ, словъ и предложеній подъ диктовку. *Черченіе и рисованіе* (2 ур. Примѣненіе геометрическихъ фигуръ къ рисованію различныхъ украшеній. Черченіе криволинейныхъ фигуръ. Рисов. съ моделей прямолинейныхъ и	*Чистописаніе* (1 ур.) Повтореніе письма средней величины и письмо мелкое и скорописное. Письмо простыхъ и сложныхъ предложеній подъ диктовку подъ ускоренный тактъ съ употребленіемъ транспаранта. *Черченіе и рисованіе* (2 ур.) Ознакомленіе съ тушовкой. Продолженіе рисованія съ натуры геометрическихъ тѣлъ.	*Черченіе и рисованіе* (2 ур.). Рисованіе съ натуры моделей различныхъ предметовъ. Рисованіе съ оригиналовъ школъ Гермса, Жульена и другихъ образцовыхъ школъ. Черченіе архитектурныхъ ордеровъ плановъ и разрѣзовъ образцовыхъ зданій. Рядомъ съ этимъ ведется и рисованіе пейзажей, если возможно съ натуры.	—	—	—

№	Названіе предметовъ.	I Классъ.	II Классъ.	III Классъ.	IV Классъ.	V Классъ.	VI Классъ.	VII Классъ.
		согласно методѣ Ходаровскаго. Упражненіе въ письмѣ цифръ. *Черченіе рисованіе* (1 ур.) Черченіе различнаго рода линій, соединеніе линій для составленія прямолинейныхъ геометрическихъ фигуръ. Черченіе многоугольниковъ; примѣненіе геометрическихъ фигуръ къ различнымъ прямолинейнымъ изображеніямъ. Раздѣленіе фигуръ на части. Кругъ и эллипсъ. Дѣленіе ихъ на части.	криволинейныхъ плоскостей. Рисованіе геометрическихъ тѣлъ съ натуры и объясненіе при этомъ основныхъ правилъ перспективы и освѣщенія.	Составленіе изъ нихъ группъ. Рисованіе съ оригиналовъ (Школа Гермса). Черченіе деталей различныхъ построекъ по произвольному масштабу.				

Обиліе программъ, составлявшихся въ разное время въ совѣтѣ гимназіи по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса, свидѣтельствовало о потребности для гимназій нормальныхъ „учебныхъ плановъ". Эти давно ожидаемые планы наконецъ обнародованы министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1872 году и теперь примѣняются во всѣхъ гимназіяхъ имперіи. Но дѣйствіемъ учебныхъ плановъ наука нисколько не осуждена на застой и неподвижность. Циркулярнымъ предложеніемъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія, сопровождавшимъ введеніе учебныхъ плановъ, дозволяется дѣлать, въ случаѣ дѣйствительной нужды, отступленія отъ нихъ, лишь бы свѣдѣнія о таковыхъ отступленіяхъ заносимы были въ годичные отчеты попечителей учебныхъ округовъ для того, чтобы, на основаніи указаній опыта, впослѣдствіи была возможность выработать планы, вполнѣ соотвѣтствующіе дѣйствительнымъ потребностямъ гимназій. Циркулярное предложеніе г. Министра не прошло безслѣдно. Въ 1874—75 учебномъ году коммисія, составленная изъ преподавателей математики Казанскихъ гимназій, нашла, что курсъ математики IV и V классовъ очень обширенъ и труденъ, а VI класса сравнительно кратокъ и легокъ. Поэтому коммиссія находила бы полезнымъ—часть курса математики IV класса перенести въ V, а часть курса V класса въ VI-ой. Такое свое мнѣніе коммиссія представила на благоусмотрѣніе г. попечителя округа, прося дать дѣлу дальнѣйшее законное движеніе. Ходатайство коммиссіи получило желаемый успѣхъ.

Правильное распредѣленіе преподаванія учебныхъ предметовъ еще не обезпечиваетъ успѣшнаго усвоенія ихъ учащимися. Лучшимъ средствомъ къ поднятію успѣшности учениковъ въ преподаваемыхъ имъ предметахъ служатъ удачные методы и пріемы преподаванія. Въ этомъ отношеніи вторая Казанская гимназія, въ теченіе 40 лѣтъ своего существованія, всегда стремилась стоять на уровнѣ современныхъ требованій педагогики частью по требованію и распоряженіямъ учебнаго начальства, а частью и по своей собственной иниціативѣ. Такъ въ 1840 году тогдашній попечитель округа Мусинъ-Пушкинъ, съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отправилъ въ Петербургъ инспектора 2-ой Казанской гимназіи Панютина съ тѣмъ, чтобы онъ могъ ознакомиться съ устройствомъ тамошнихъ учеб-

ныхъ заведенiй и съ методомъ преподаванiя лучшихъ наставниковъ. Составленныя имъ замѣчанiя предложено было разсмотрѣть профессорамъ университета Ковалевскому и Фойгту и инспектору казенныхъ училищъ Антропову и составить предварительное указанiе методовъ преподаванiя по разнымъ предметамъ гимназическаго курса, которое и принято было къ руководству первоначально въ 1-ой гимназiи [1]. Эти нововведенiя, послужившiя къ улучшенiю успѣховъ противъ предшествовавшихъ годовъ, были слѣдующiя: 1) по Закону Божiю въ 1 и 2 классахъ св. исторiя стала преподаваться по книгамъ Зонтагъ разсказами, чрезъ что усугублялось вниманiе учениковъ, а умъ приспособлялся къ самомышленiю; сверхъ того событiя укрѣплялись въ памяти черченiемъ мѣстностей, гдѣ происходили происшествiя. 2) По политической исторiи, какъ всеобщей, такъ и россiйской, употребляемы были билеты съ именами главнѣйшихъ историческихъ лицъ, генеалогическiя таблицы государей, методъ хронологiи Язвинскаго, черченiе мѣстностей на классныхъ деревянныхъ доскахъ, при разсказѣ о происшествiяхъ. 3) По географiи: черченiе генеральныхъ картъ и спецiальныхъ на аспидныхъ и деревянныхъ классныхъ доскахъ, особенно для того назначенныхъ и разбитыхъ на градусы. 4) По русскому языку: въ первомъ классѣ ученики занимаемы были: 1) ученьемъ наизусть басенъ Крылова и произношенiемъ ихъ съ живою декламацiей; 2) чтенiемъ и свободнымъ разсказомъ и изложенiемъ на письмѣ прочитаннаго изъ правоучительной книги „Другъ дѣтей“, при чемъ разставляли знаки и разбирали этимологически написанное, основываясь на диктовкѣ и заучивая правила со словъ учителя. Этимъ способомъ, гаворится въ одномъ изъ отчетовъ, изощряется память учениковъ, образуется вкусъ къ изящному и способность выражаться на словахъ и они приготовляются постепенно къ довольно трудному изученiю теорiи языка. 5) По языкамъ латинскому и французскому въ III и IV классахъ и нѣмецкому во II, III и IV классахъ введены были билеты, по которымъ ученикъ отвѣчалъ на вопросъ изъ грамматики, приводилъ на сказанное правило примѣры, присовокупляя къ тому нѣсколько фразъ съ рус-

---

[1] Но вскорѣ потомъ и во 2-й.

скаго языка и рѣшалъ на тѣхъ языкахъ какую-либо задачу. Сверхъ того, въ IV и V классахъ введено было въ первой гимназіи изученіе на французскомъ языкѣ правилъ грамматики, во второй гимназіи—чтеніе русской исторіи съ русскаго текста прямо на французскій. Все это служило преимущественно къ усовершенствованію учениковъ въ знаніи практическаго или разговорнаго языка 6) По классу черченія и рисованія введено упражненіе учениковъ въ снимкахъ съ моделей по методѣ Сапожникова. Этотъ способъ заинтересовалъ обучавшихся этому искуству и со временемъ принесъ великую пользу для общежитія, не говоря уже объ искусствѣ". (Истор. зап. о 1-ой Казанской гимназіи, Владимірова ч. 11, стр. 315 и 316). 7) По математикѣ: при изученіи стереометріи и планиметріи употреблялись деревянныя тѣла геометрическія и пересѣченье плоскостей; при изученіи начертательной геометріи—проэкціи изъ нитокъ или струнъ, для математической географіи—чертежи съ означеньемъ движенья планетъ и относительной ихъ величины; для усовершенствованія учениковъ въ ариѳметикѣ введено умственное счисленіе. Но для большей наглядности скажемъ о преподаваніи каждаго предмета порознь:

1) Законъ Божій.

При открытіи гимназіи въ 1835 году курсъ Закона Божія былъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ:

I классъ—священная исторія ветхаго завѣта; II-священная исторія новаго завѣта; III-первая половина катихизиса; IV-окончаніе катихизиса; V-церковная исторія; VI-изъяснительное чтеніе священной исторіи; VII-христіанскія обязанности. Въ 1851 году по предписанію министерства народнаго просвѣщенія отъ 7 марта 1851 года распредѣленіе это измѣнено такимъ образомъ: I классъ-повтореніе и объясненіе необходимыхъ молитвъ, повтореніе начатковъ христіанскаго ученія; изученіе священной исторіи ветхаго завѣта. II-священная исторія новаго завѣта. III-пространный катихизисъ до 8 члена. IV-катихизисъ съ 8 члена до конца символа вѣры; о богослуженіи вообще и Божественной литургіи въ особенности; V-катихизисъ—часть 3-я; краткое ученіе о богослуженіи вседневномъ, праздничномъ и великопостномъ; VI-исторія церкви. VII-повтореніе.

По ревизіи 1838 г., произведенной профессорами университета Ковалевскимъ и Котельниковымъ, успѣхи оказались удовлетворительны; тѣмъ не менѣе заключено было, что ученики „больше заучиваютъ на память, чѣмъ понимаютъ". Потому предписано было пріучать воспитанниковъ разсказывать уроки своими словами. Преподаваніе происходило по руководствамъ, предписаннымъ начальствомъ; только вслѣдствіе крайней необходимости наставникъ прибѣгалъ къ другимъ пособіямъ. Такъ въ I и II класлахъ, кромѣ руководства, которое не вездѣ было понятно дѣтямъ, онъ давалъ читать священную исторію Зонтагъ. Руководство священной исторіи пополнялось разсказами изъ трудовъ пресвитира Муретова. Наставникъ заботился не только о томъ, чтобы воспитанники наизусть заучивали тексты, но чтобы и понимали ихъ сущность, а изъ священной исторіи чтобы могли разсказывать событія своими словами. Вліяніе такого преподаванія вскорѣ обнаружилось. Такъ по ревизіи 1843 г. произведенной инспекторомъ казенныхъ училищъ Антроповымъ и профессорами университета Ковалевскимъ; Котельниковымъ и Фойгтомъ, успѣхи оказались хорошими; вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчено было, что „ученики свободно разсказываютъ событія священной исторіи и вѣрно понимаютъ догматы. Вообще въ преподаваніи закона Божія наставники всегда старались неуклонно слѣдовать предписаніямъ и наставленіямъ Святѣйшаго Синода".—Методъ преподаванія закона Божія, котораго держался законоучитель Зефировъ, выясненъ въ приведенной выше его программѣ. Въ настоящее время законъ Божій преподается совершенно согласно „учебнымъ планамъ", изданнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1872 году.

2) Русская словесность [1].

Въ 1835 году курсъ словесности состоялъ изъ слѣдующихъ частей:

---

[1] Эта статья о преподаваніи русской словесности во 2-й Казанской гимназіи вплоть до 1860 г. принадлежитъ моему предшественнику по составленію «Исторической записки» Камкову. Я оставилъ ее почти безъ всякаго измѣненія на томъ основаніи, что Камковъ, какъ бывшій учитель словесности, болѣе компетентный судья въ этомъ дѣлѣ.

I класс. Начальныя основанія этимологіи съ изустными и письменными упражненіями въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. II кл. Полное объясненіе этимологіи, упражненія въ этимологическомъ разборѣ. III кл. Правописаніе, упражненіе въ немъ и разборѣ этимологическомъ. Предложеніе и періодъ. IV кл. Синтаксисъ и стопосложеніе. Практическія упражненія въ слогѣ. Славянская грамматика. V кл. Начало логики и риторики. Упражненія въ логическомъ и риторическомъ разборѣ краткихъ сочиненій. Переводъ съ иностранныхъ языковъ. Упражненіе въ славянскомъ языкѣ по хрестоматіи. VI кл. Окончаніе логики и риторики. Извлеченіе изъ лучшихъ писателей. Упражненія въ переводахъ и легкихъ сочиненіяхъ. VII кл. Піитика съ практическимъ разборомъ образцовъ. Упражненія въ сочиненіяхъ. Краткая исторія россійской словесности.

Изъ самаго этого распредѣленія уже видно, какое важное значеніе приписывали тогда риторикѣ; видно господство риторическаго элемента надъ историческимъ и самое преподаваніе было чисто схоластическое, состоящее въ головномъ затверживаніи учебниковъ. Такъ воспитанники заучивали русскую грамматику Востокова, славянскую грамматику Пенинскаго, риторику Кошанскаго, піитику и русскую литературу Георгіевскаго (изд. 1836 г.), логику Кизеветтера, а съ 1840—Рождественскаго. Очевидно, что успѣхи должны были оказываться неудовлетворительными, особенно изъ логики. Потому нѣсколько разъ предписываемо было сопровождать преподаваніе практическими упражненіями. Такъ 3 февраля 1839 г. Попечитель предписалъ при преподаваніи реторики и логики 1) на каждое, данное по произволу предложеніе, безъ всякаго приготовленія, заставлять учениковъ словесно произносить въ классѣ сообразные съ логическими и риторическими правилами примѣры; 2) подобныя же упражненія подавать ежемѣсячно на письмѣ, но въ размѣрѣ, болѣе правильномъ и обширномъ; пересматривать ихъ директору и инспектору; 3) упражненія же учениковъ VI и VII классовъ доставлять попечителю чрезъ каждые три мѣсяца, а именно къ 1 числу января, апрѣля, іюля и октября. Не смотря на это предписаніе, заучиваніе учебниковъ продолжалось по прежнему. Такъ по ревизіи инспектора казенныхъ училищъ В. I. Антропова и профессора К. К. Фойгта замѣчено было „слишкомъ рабское слѣдованіе учеб-

никамъ Кошанскаго". Наконецъ 9 января 1847 года преподаванiе логики было отмѣнено, какъ не достигающее своей цѣли. Между тѣмъ и вообще учебники были плохи. Начальство само сознавало это. Такъ В. I. Антроповъ и К. К. Фойгтъ послѣ ревизiи высказали мнѣнiе, что причина малоуспѣшности въ русскомъ языкѣ заключается въ руководительной книгѣ; что ученики первыхъ двухъ классовъ не могутъ понимать Востокова; что потому полезнѣе было бы для I и II классовъ читать русскiй языкъ по Половцеву, а въ III и IV классахъ по Востокову. Но эти предположенiя такъ и остались предположенiями: грамматика Востокова господствовала по прежнему.

Преподаванiе славянскаго языка ограничивалось тоже заучиванiемъ грамматики Пенинскаго. Правда, въ V классѣ ученики и читали кое-что по славянски изъ хрестоматiи Пенинскаго, но чтенiе это шло само по себѣ, а грамматика сама по себѣ. Это было замѣчено ревизорами, потому они высказали мнѣнiе, что для славянскаго языка слѣдуетъ ввести практическiя упражненiя.

Новый шагъ въ улучшенiи преподаванiя русской словесности сдѣланъ былъ учителемъ Михайловымъ. Руководимый совѣтами профессора К. К. Фойгта и директора О. М. Ковалевскаго, г. Михайловъ усовершенствовалъ преподаванiе на столько, на сколько позволяли время и обстоятельства.

Преподаванiе русскаго языка онъ старался вести болѣе практическимъ способомъ, старался вытѣснить голословное заучиванiе правилъ Востокова, руководилъ занятiями младшаго учителя по преподаванiю русскаго языка, а для успѣшнѣйшаго хода своего метода самъ преподавалъ русскiй языкъ въ I и IV классахъ

За неимѣнiемъ лучшихъ руководствъ, принята была грамматика Иванова. Мы не будемъ подробно излагать взглядовъ г. Михайлова на преподаванiе русскаго языка: они изложены имъ самимъ въ небольшой брошюркѣ, изданной въ 1853 г., подъ названiемъ: „Программа преподаванiя отечественнаго языка въ гимназiяхъ. Казань".

При преподаванiи славянскаго языка Михайловъ также не ограничивался грамматикою Пенинскаго, но преподавалъ этотъ языкъ въ болѣе современномъ видѣ, какъ то можно видѣть изъ той же брошюрки.

Наконецъ, при преподаваніи собственно словесности онъ оставилъ учебники и преподавалъ этотъ предметъ по запискамъ. Здѣсь онъ по возможности старался соединить теорію съ практикою и давалъ преимущество послѣдней. Вотъ его слова объ этомъ предметѣ: „Словесность состоитъ изъ теоріи и практики. Практика, въ гимназическомъ преподаваніи словесности, должна идти впередъ теоріи и имѣть перевѣсъ надъ ней. Надобно признать важность и теоретическихъ свѣдѣній, особенно въ риторикѣ и теоріи поэзіи; но въ гимназіи, при бѣдности практической части словесности, масса теоретическихъ свѣдѣній ничего не значитъ; тогда какъ, напротивъ, совершенство практики можетъ искупить недостаточность теоріи".

Курсъ словесности онъ раздѣлялъ на риторику, піитику и русскую литературу. „Задача риторики, говоритъ онъ, есть изслѣдованіе общихъ психическихъ и логическихъ законовъ рѣчи. Грамматика имѣетъ дѣло съ предложеніемъ и періодомъ; предметъ риторики—рѣчь въ тѣсномъ значеніи слова, или, строже сказать, сочиненіе, потому что рѣчь тогда подлежитъ наукѣ, когда она написана. Такъ какъ сочиненіе—собственно цѣпь предложеній и періодовъ и слѣдственно совмѣщаетъ ихъ въ себѣ; такъ какъ дѣло риторики возвести рѣчь человѣка—въ полномъ развитіи, со всѣми формами—къ началамъ психологическимъ: то риторика одной стороной своей есть продолженіе и вмѣстѣ завершеніе грамматики; съ другой видоизмѣненіе психологіи, или примѣненіе ея къ сферѣ человѣческаго слова. Оттого риторика должна исходить изъ началъ психологическихъ. Сочиненіе вообще можно разсматривать: а) въ основной идеѣ в) въ развитіи идеи или формѣ внутренней и с) въ формѣ внѣшней, въ построеніи рѣчи, въ слогѣ..... Разсмотрѣвъ сочиненіе вообще, переходимъ къ главнѣйшимъ родамъ сочиненій. Преподаваніе риторики заключимъ изслѣдованіемъ о литературѣ вообще, въ которой - два главнѣйшихъ отдѣла: наука и поэзія, между ними среднее мѣсто занимаетъ беллеристика, принадлежащая то къ наукѣ, то къ поэзіи, не будучи строго ни наукой, ни поэзіей. Такъ какъ грамматическій курсъ будетъ приготовленіемъ къ ней (т. е. къ теоріи словесности), и преимущественно въ теоріи періодовъ, то риторика можетъ и должна излагаться систематически: чтеніе писателей входитъ и здѣсь, но здѣсь оно должно идти за

ней, служитъ ей повѣркой, какъ примѣненіе на практикѣ того, что сказано въ теоріи... Надобно сказать, что въ основѣ своей планъ риторики составленъ профессоромъ Фойгтомъ [1], а намъ принадлежитъ только развитіе его; измѣненій вошло немного".

1) Психологія.

1) О жизни и душѣ вообще.

2) О способности познавательной.

3) О способности чувствованій.

4) Способность желательная.

5) О тѣлесномъ выраженіи духовной дѣятельности.

II. Сочиненіе. Литература или словесность, въ самомъ краткомъ опредѣленіи. Наука о словесности. Риторика. Краткая исторія риторики и раздѣленіе ея на общую и частную.

1) Опредѣленіе сочиненія вообще. Три стихіи въ сочиненіи: тема, развитіе темы и выраженіе, или слогъ.

a) единство основной идеи въ сочиненіи, отступленіе или эпизодъ.

в) о полнотѣ или логической послѣдовательности въ развитіи темы:

c) о слогѣ вообще. Свойства слога: изобразительность, живость и благозвучіе.

д) виды слога

aa) Слогъ прозаическій и стихотворный.

bb) Слогъ періодическій и отрывистый.

cc) Общечеловѣческое въ слогѣ; раздѣленіе по народамъ. О слогѣ русскомъ, историческое развитіе рѣчи русской.

dd) О слогѣ личномъ.

2) О видахъ сочиненій. Описанія, повѣствованія и разсужденія.

О формѣ сочиненій: монологъ, діалогъ, письмо и рѣчь.

3) Литература. Отношеніе ея къ народу. Главные ея отдѣлы: наука и поэзія. Беллетристика.

Конечно, въ наше время этотъ планъ не удовлетворителенъ, но чтобы оцѣнить его, надобно обратиться къ тому

---

(1) Напечатанъ въ жур. мин. нар. просв. за 1856 г. кн. 3.

времени, когда г. Кошанскій у насъ господствовалъ въ полной силѣ.

Теорія поэзіи преподавалась Михайловымъ въ общихъ чертахъ, также по собственнымъ запискамъ. Въ исторіи русской литературы Михайловъ обращалъ вниманіе только на самые рѣзкіе, на самые выпуклые факты; преподавалъ ее весьма сжато. Мы должны отдать полную справедливость заслугамъ Михайлова по гимназіи; его записки отличались (на сколько извѣстно) ясностью, опредѣленностью и рельефностью изложенія, что придавало имъ особенную цѣну, если сравнить ихъ съ оффиціальными учебниками того времени. Для лучшей характеристики педагогическихъ взглядовъ Михайлова, мы помѣщаемъ, въ числѣ приложеній, мнѣніе, прочитанное имъ въ педагогическомъ совѣтѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1846 года.

Съ поступленіемъ А. Камкова на мѣсто Михайлова (въ 1853 г.), сдѣлано было новое распредѣленіе уроковъ между имъ и младшимъ учителемъ. Послѣднему поручены были уроки русскаго языка въ I—IV классахъ, Камковъ взялъ преподаваніе словесности въ V—VII классахъ (по 3 урока въ недѣлю) и славянскаго языка въ I—IV классахъ (по 1 уроку).

Младшій учитель А. Ѳедоровъ началъ преподавать русскій языкъ по методѣ Смирнова, въ теоріи синтаксиса держался начертанія русскаго синтаксиса — Перевлѣсскаго; но и онъ иногда слишкомъ вдавался въ теорію, особенно въ IV классѣ—ошибка очень извинительная на первыхъ порахъ, при началѣ введенія новаго метода. Въ это же время, по предложенію директора Осипа Антоновича Пмшеника, между учениками первыхъ 4-хъ классовъ заведены были *декламаторскія* бесѣды для пріученія дѣтей къ толковому чтенію и произношенію. Избранные воспитанники заучивали разные отрывки изъ образцовыхъ писателей и громко произносили ихъ въ присутствіи своихъ товарищей. Бесѣды эти происходили послѣ обѣда, разъ или два въ мѣсяцъ; но существовали только около года. Поступившій на мѣсто Ѳедорова Фишеръ еще болѣе придалъ значенія практическому преподаванію русскаго языка. Въ 1-мъ кл. онъ почти все время посвящалъ чтенію отрывковъ, заучиванію ихъ наизусть, объясненію прочитаннаго и изустному его пересказыванію воспитанниками. Со II класса воспитанники

пріучались къ письменному изложенію прочитаннаго. Русскій языкъ преподавался практически по методѣ Смирнова и Перевлѣскаго. Съ 1859-60 учебнаго года Фишеръ старался, на сколько возможно, при преподаваніи русскаго языка въ 1 классѣ, примѣнить методъ доктора Эмиля Отто, изложенный въ его книгѣ: Der Schullehrer der XIX jahrhunderts oder Darstellung des Unterrichts in der Volksschule. Stuttgart. 1851 г.

По распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія 1852 г. славянскій языкъ введенъ во всѣ классы гимназіи; въ первыхъ трехъ-чтеніе; въ IV грамматика; въ V, VI VII чтеніе древнихъ памятниковъ. Такъ какъ простое чтеніе или, лучше сказать, процессъ чтенія ни къ чему не ведетъ въ познаніи языка, то Камковъ оставилъ для такого чтенія только первый классъ и то потому, что воспитанники поступали въ гимназію, не зная даже славянской азбуки. Во II и III классахъ воспитанники заучивали наизусть избранныя молитвы (изъ молитвослова, изданнаго Св. Синодомъ); переводили ихъ на русскій языкъ и дѣлали этимологическій разборъ сравнительно съ русскимъ языкомъ. Изъ синтаксическихъ оборотовъ объяснялись только тѣ, которые чѣмъ либо отличаются отъ русскихъ. Такое преподаваніе обогащаетъ дѣтей запасомъ словъ, пріучаетъ ихъ вообще къ разбору и пониманію читаемаго и невольно сближаетъ въ ихъ умѣ русскій языкъ съ славянскимъ. Въ IV классѣ проходилась славянская грамматика. Исходнымъ пунктомъ, центромъ при этомъ служилъ старославянскій языкъ; при этомъ указывалось, какія формы и какъ измѣнялись съ теченіемъ времени и какія заимствованы изъ русскаго языка. Такимъ образомъ дѣти получали понятіе, хотя въ общихъ чертахъ, объ историческомъ измѣненіи формъ языка (*).

Всѣ эти измѣненія преподаватель старался обобщить, подвести, на сколько это возможно, подъ одни общіе законы. Преподаваніе грамматики сопровождалось чтеніемъ, объясненіемъ и разборомъ отрывковъ изъ славянской хрестоматіи Ненинскаго. Вѣ V, VI, VII кл., (по 2 раза въ мѣсяцъ) читались отрывки изъ памятниковъ славянскаго и древнерусскаго языка (по исторической хрестоматіи Галахова, употреб-

(*) Опытъ подобнаго изложенія сдѣланъ Камковымъ въ «начертаніи этимологіи церковнославянскаго языка». Казань 1856 г.

леніе которой разрѣшено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ 1859 г.) Чтеніе это сопровождалось объясненіемъ значенія памятника, его исторіи и поясненіемъ, гдѣ нужно, этимологическихъ и синтаксическихъ особенностей языка. Такимъ образомъ этимъ чтеніемъ подготовлялись матеріалы для русской литературы, которая проходилась въ VII классѣ.

Въ преподаваніи теоріи и исторіи словесности Камковъ сначала безусловно слѣдовалъ руководству, изданному Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія въ 4-хъ частяхъ; потомъ съ 1857 г., по словесному разрѣшенію директора, дѣлалъ нѣкоторыя отступленія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дополнялъ, въ другихъ сокращалъ, нѣкоторыя совершенно измѣнялъ и т. д. Въ послѣдующее время, когда столько поднято педагогическихъ вопросовъ, послышались голоса и о преподаваніи русской словесности; при этомъ ярче обозначались и недостатки нашихъ учебниковъ. Потому въ 1859-60 г. директоръ, по словесному разрѣшенію Попечителя, позволилъ Камкову преподавать русскую словесность по его усмотрѣнію. Съ этого времени Камковъ началъ проходить словесность по запискамъ. Введеніемъ въ словесность служило изложеніе общихъ понятій изъ психологіи: о душѣ и ея способностяхъ: познавательной, желательной и способности чувствованій. Теорію словесности онъ раздѣлялъ на общую (о сочиненіи вообще) и частную (о видахъ сочиненій). Въ общей части сочиненіе разсматривалось съ трехъ сторонъ: 1) по отношенію къ темѣ или идеѣ; 2) по отношенію къ развитію темы и наконецъ 3) по отношенію къ выраженію развитой темы словами— рѣчь. Послѣдняя часть составляла большую половину общей теоріи словесности. Здѣсь излагались 1) общія условія рѣчи: ясность, зависящая отъ правильности (солецизмы), чистоты (барбаризмы, архаизмы, провинціализмы и т. д.) и точности; благозвучіе, изобразительность (синонимы, эпитеты, тропы и фигуры), приличіе и благородство, 2) виды рѣчи (прозаическая, стихотворная, періодическая, отрывистая, разнообразная) Ученіе о слогѣ. Въ частной теоріи словесности разсматривались виды сочиненій 1) по отношенію къ формѣ: сочиненія монологическія, діалогическія, эпистолярныя и 2) по отношенію къ содержанію а) прозаическія: сочиненія повѣствовательныя и философскія; поэтическія: эпосъ, лирика и драма. Теорію словесности

Камковъ старался излагать въ историческомъ ея развитіи, по методѣ, изложенной въ конспектѣ русской словесности Буслаева и Галахова. При этомъ слѣдуетъ сказать, что историческій элементъ въ нѣкоторыхъ частяхъ словесности былъ слабѣе; въ другихъ (напр. въ теоріи поэзіи) сильнѣе; причина этой неровности заключалась въ недостаткѣ пособій и руководствъ, разработанныхъ по историческому методу. Преподаваніе постоянно сопровождалось чтеніемъ отрывковъ, а иногда и цѣлыхъ сочиненій русскихъ и иностранныхъ писателей (послѣднихъ въ переводѣ на русскій языкъ). Камковъ обращалъ главное вниманіе на болѣе замѣчательные факты; но за то эти факты анализировалъ со всею возможною подробностью, на сколько доставало времени; онъ старался, чтобы воспитанники знали не одни только имена или послужные списки писателей, но характеристику ихъ литературной дѣятельности. Высшій курсъ грамматики не читался по недостатку времени и по неимѣнію удовлетворительныхъ руководствъ.

Конопасевичъ, заступившій мѣсто Камкова, за недостаткомъ хорошихъ учебниковъ, давалъ ученикамъ составлявшіяся имъ записки. Преподаваніе сопровождалось всегда чтеніемъ образцовъ изъ классическихъ писателей: русскихъ и иностранныхъ. Въ планѣ и методѣ преподаватель держался программы и конспекта русской словесности, составленныхъ для учебныхъ заведеній Буслаевымъ и Галаховымъ. Темы для сочиненій выбирали или сами ученики, или назначались пре-преподавателемъ. Г. Ѳирсовъ, назначенной преподавателетъ словесности послѣ Конопасевича, за неимѣніемъ лучшаго, держался при преподаваніи русской словесности въ 5 классѣ учебника русскаго языка и словесности Минина, а для исторіи поэзіи въ VI классѣ принялъ въ руководство курсъ исторіи поэзіи Линниченко; учебника для VII класса не было и преподатель давалъ свои записки. Теоретическое изученіе предмета, какъ и при г. Конопасевичѣ, сопровождалось чтеніемъ памятниковъ и образцовыхъ писатетей, конечно и письменными упражненіями. Такой же характеръ имѣло преподаваніе словестности и при учителѣ Логиновѣ въ 1865 и 1866 г.

При преподаваніи славянскаго языка учители Фишеръ и съ нимъ Ивановъ особое вниманіе обращали на чтеніе по сокращенному молитвослову. При чтеніи объяснялось значе-

ніе неизвѣстныхъ для учениковъ словъ, подстрочные знаки, титла и ударенія, безъ грамматическихъ толкованій. Кромѣ того, ученики заучивали или переводили нѣкоторыя молитвы. Въ 3 и 4 классахъ преподаваніемъ славянскаго языка послѣ Камкова преемственно занимались учители словесности Конопасевичъ, Ѳирсовъ и Логиновъ. Въ 3 классѣ ученики занимались практически этимологическимъ разборомъ нѣкоторыхъ молитвъ изъ молитвослова, а въ 4-главное вниманіе было обращено на грамматику. Въ 5 классѣ проходилась теорія словесности, въ 6 классѣ теорія поэзіи и въ 7 классисторія русской литературы.

Въ 1865 году была дана въ руководство программа, напечатанная въ циркулярѣ по Казанскому учебному округу за тотъ же годъ

Въ 1866 году былъ съѣздъ въ Казани учителей русскаго языка и словесности, на которомъ выработаны были методы и пріемы преподаванія русскаго языка и словесности и распредѣленіе преподаванія каждаго изъ этихъ предметовъ по классамъ. (См. книгу „съѣздъ учителей русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ Казанскаго учебнаго округа въ Казани въ іюлѣ 1866 г.)

Въ 1869 году въ педагогическомъ совѣтѣ заслушано было мнѣніе учителя русской словесности Лозанова объ отдѣленіи части русской литературы изъ 7 класса и перенесеніи въ 6-й классъ. Такое мнѣніе утверждено г. Попечителемъ округа. Мнѣніе преподавателя Лозанова заключается въ слѣдующемъ:

„Представляя въ одно изъ предшествовавшихъ засѣданій совѣта программы по своему предмету, съ мѣсячнымъ распредѣленіемъ уроковъ на весь годъ, я нашелъ необходимымъ заявить, что нахожу неравномѣрнымъ распредѣленіе занятій по словесности между VI и VII классами. По предложенію совѣта, представляю въ настоящее время свои соображенія объ этомъ предметѣ. Объемъ преподаванія въ VI классѣ въ программѣ съѣзда учителей 1866 г. опредѣленъ такимъ образомъ: знакомство съ главнѣйшими видами и формами лирики и драмы, достигаемое посредствомъ разбора произведеній отечественной словесности. Изъ формъ и видовъ лирики въ программу вошли: пѣсня, элегія, ода и сатира. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ поименованы произведенія, разборомъ которыхъ должно быть достигнуто знакомство съ видами лирики. Число такихъ образцовъ не ве-

лико, но достаточно для достиженія сказанной цѣли. Для знакомства съ пѣсней, какъ видомъ лирики, указаны 3 народныя пѣсни, 2—Кольцова, какъ образцы художественной пѣсни и 3 пѣсни, сантиментальнаго направленія. Всѣ эти произведенія очень малы по объему, такъ что для самаго обстоятельнаго разбора ихъ потребно не болѣе 5-ти уроковъ, и этихъ произведеній, по моему мнѣнію, совершенно достаточно для того, что бы дать ученикамъ ясное понятіе о пѣснѣ, какъ формѣ лирики, съ объясненіемъ трехъ видовъ ея: народной, художественной и сантиментальной. Для знакомства съ элегіей указано всего 4 образца, для разбора которыхъ достаточно 2-3 уроковъ. Само собою разумѣется, что программа съѣзда не исключаетъ возможности другаго, болѣе удачнаго и болѣе характернаго выбора образцовъ для знакомства съ элегіей; но я веду только рѣчь главнымъ образомъ объ объемѣ программы. Далѣе, для знакомства съ одой и сатирой по указаннымъ образцамъ нужно не болѣе 10-ти уроковъ. Такимъ образомъ для знакомства съ видами лирики въ объемѣ, указанномъ съѣздомъ, нужно всего 18 уроковъ, что займетъ два мѣсяца времени, считая по 2 урока въ каждую недѣлю. Слѣдовательно около половины октября должна быть закончена теорія лирики.

Драма по программѣ дѣлится на классическую, ложноклассическую, новую, духовную и комедію. Для знакомства съ классической драмой избрано 2 трагедіи; „Эдипъ царь“ Софокла и „Медея“ Еврипида. Для разбора ихъ я полагаю по 3 урока на каждую, а для разбора другихъ произведеній, какъ болѣе доступныхъ и болѣе знакомыхъ ученикамъ, по два урока на каждое, исключая мистеріи Полоцкаго (1 урокъ). Изученіе драмы при такомъ распредѣленіи потребуетъ 24 урока.

Между тѣмъ программа VII класса очень обширна: сюда входитъ вся исторія русской литературы въ системѣ, начиная съ доисторической эпохи до нашего времени. Объемъ этого курса можно видѣть уже изъ того, что онъ выраженъ въ программѣ въ 35-ти пунктахъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ литературныхъ явленій. При этомъ нужно постоянно имѣть въ виду, что всякая исторія литературы можетъ быть понятна только тогда, когда систематическое изложеніе соединяется съ чтеніемъ и историко-литературнымъ разборомъ памятниковъ, согла-

ѣно съ мнѣніемъ Его Превосходительства попечителя округа, выраженнымъ имъ на съѣздѣ учителей 1866 г. При неисполненіи этого условія, исторія литературы должна превратиться въ поверхностный перечень фактовъ, именъ и заглавій книгъ.

Конечно произведенія, знакомыя ученикамъ изъ курсовъ теоріи словесности VI и V классовъ не должны быть читаны снова въ курсѣ исторіи литературы, но для послѣдней останется много еще кромѣ того, что извѣстно ученикамъ изъ курса теоріи словесности; говоря вообще, курсы V и VI классовъ въ настоящемъ ихъ видѣ мало даютъ матеріяла для исторіи литературы въ VII классѣ.

И такъ фактъ неравномѣрнаго распредѣленія занятій, по программѣ, въ моихъ глазахъ не подлежитъ сомнѣнію.

Чтобы избѣжать этого неудобства, представляется на первый взглядъ два средства: 1) расширеніе программы VI класса въ такомъ же направленіи, какое принято съѣздомъ, т. е. увеличеніе числа образцовъ лирики и драмы для теоретическаго изученія ихъ и вмѣстѣ подготовленія матеріала для исторіи литературы въ видѣ отрывочныхъ историческихъ указаній, и 2) перенесеніе части курса VII класса въ курсъ VI класса.

Первое средство представляется мнѣ менѣе удобнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Для уясненія немногихъ теоретическихъ положеній, согласно программѣ съѣзда, о существенныхъ свойствахъ того или другаго вида лирики и драмы въ ихъ историческомъ развитіи совершенно достаточно указаннаго количества образцовъ, не исключая возможности замѣнять нѣкоторые изъ нихъ другими. Слѣдовательно, въ увеличеніи числа образцовъ съ цѣлью теоретическаго изученія ихъ нѣтъ надобности. Если же увеличить число ихъ съ исключительною цѣлью историческаго изученія, то я нанахожу неудобнымъ такое изученіе подчинять теоретическимъ рубрикамъ. Съ другой стороны, если теоретическое изученіе произведеній словесности по программѣ съѣзда и соединяется съ историческимъ, то при дальнѣйшемъ расширеніи курса VI класса въ томъ же направленіи, какое принято съѣздомъ, я нахожу затруднительнымъ для учениковъ такое соединеніе теоріи словесности съ исторіей ея въ Россіи, съ исторіей русской словесности. По моему мнѣнію сказанное изученіе образцовъ съ двоякой стороны возможно только (по

крайней мѣрѣ только для нашихъ гимназій) въ томъ случаѣ, когда преподаватель ограничивается немногими теоретическими положеніями и также немногими историческими указаніями. Въ противномъ случаѣ историко-теоретическій разборъ произведеній, повторяю, я нахожу затруднительнымъ для учениковъ по его сложности съ одной стороны, и отрывочности съ другой. Сложность такого историко-теоретическаго разбора заключается въ томъ, что ученикъ долженъ слѣдить за разнообразными результатами, историческими и теоретическими, изъ которыхъ одни не рѣдко исключаютъ другіе. Это можетъ быть въ томъ случаѣ, когда извѣстное произведеніе, важное въ историческомъ отношеніи, съ теоретической точки зрѣнія не можетъ быть отнесено къ тому или другому роду или виду словесныхъ произведеній, или не можетъ входить въ теорію по несовершенству формы, языка и т. д., какъ большая часть нашихъ драмъ XVIII столѣтія и древнія, до-Петровскія произведенія литературы. При этомъ преподавателю приходится не рѣдко впадать въ явное противорѣчіе. Укажу на одинъ случай: въ программѣ подъ рубрикой „пѣсня“ первымъ образцомъ поставлена пѣсня: „за рѣкой, за быстрой“—произведеніе, безспорно немаловажное въ научно-историческомъ отношеніи, по чисто миѳическаго склада и слѣдовательно не могущее быть образцомъ лирики. Съ другой стороны историко-литературныя свѣдѣнія учениковъ, при изученіи произведеній подъ теоретическими рубриками, будутъ во всякомъ случаѣ отрывочными, а потому непрочными, маловаждежными. Связнаго же историко-литературнаго изложенія, на основаніи теоретическаго разбора, быть не можетъ по очень понятной причинѣ, именно потому, что произведенія того или другаго писателя, времени и направленія, не могутъ быть подведены въ общей связи, въ совокупности подъ извѣстныя рубрики учебной теоріи словесности; а насколько это можетъ быть сдѣлано, то-безъ всякой системы, въ разбродъ.

Основываясь на вышеизложенномъ, считаю болѣе полезнымъ начинать курсъ исторіи литературы въ VI классѣ, съ февраля мѣсяца приблизительно, не измѣняя программы того же класса, по теоріи лирики и драмы. Въ это время, т. е. съ февраля до мая можно удовлетворительно пройти до-монгольскій періодъ русской литературы, что значительно облегчило бы занятія по словесности въ VII классѣ. Что

же касается до сокращенія программы исторіи литературы, ограничивая преподаваніе ея однимъ годомъ, какъ объ этомъ заявили нѣкоторые члены совѣта, то я нахожу такое сокращеніе неудобнымъ и даже вреднымъ въ научномъ отношеніи." Въ настоящее время преподаваніе русскаго языка и словесности ведется согласно „учебнымъ планамъ".

ПРАКТИЧЕСКІЯ УПРАЖНЕНІЯ УЧЕНИКОВЪ ПО РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Предписаніемъ попечителя, отъ 3 февраля 1838 года, велѣно было, при преподаваніи русской словесности, обратить вниманіе на практическія упражненія, которыя должны были состоять въ составленіи примѣровъ на пройденныя правила и въ собственныхъ сочиненіяхъ учениковъ. Сочиненія воспитанниковъ VI и VII классовъ велѣно было представлять на разсмотрѣніе попечителя округа. Тоже подтверждено предписаніемъ отъ 30 сентября того же года. Здѣсь между прочимъ предписывалось требовать отъ каждаго ученика (VI и VII кл.) по крайней мѣрѣ по одному сочиненію въ мѣсяцъ и представлять ихъ попечителю съ замѣчаніями учителя; а писать стихотворенія дозволять только тѣмъ ученикамъ, которые обнаруживаютъ къ тому несомнѣнныя дарованія, и не вмѣнять ихъ въ обязанность. Сочиненія эти дѣйствительно представлялись попечителю округа и разсматривались бывшимъ профессоромъ Казанскаго университета К. К. Фойгтомъ, который и сообщалъ объ нихъ свои мнѣнія въ гимназію; мнѣнія эти въ то же время печатались въ „начальственныхъ распоряженіяхъ Казанскаго учебнаго округа". Въ 1839 году сочиненія учениковъ 2 Казанской гимназіи были удовлетворительны; въ 1840—въ числѣ лучшихъ по округу. Мало этого, г. Фойгтъ составилъ „наставленіе учителямъ словесности въ гимназіяхъ Казанскаго учебнаго округа при практическихъ упражненіяхъ учениковъ", которое было разослано по гимназіямъ въ 1838 г. и потомъ въ 1840 году. Въ „наставленіи" между прочимъ сказано: „цѣль практическихъ занятій безспорно можетъ быть ограничена шестью главными пунктами въ слѣдующемъ порядкѣ: усвоеніемъ законовъ языка, направленіемъ воображенія, чувства и ума, образованіемъ вкуса, опредѣленіемъ формъ, принятыхъ въ

примѣненіи словесности къ общежитію". Сообразно этой цѣли всѣ упражненія раздѣлены на 11-ть отдѣловъ:

1) переводы съ иностранныхъ языковъ,
2) переложенія изъ стиховъ въ прозу,
3) описанія,
4) повѣствованія,
5) мечты и изліянія чувствъ,
6) разсужденія,
7) критическіе разборы,
8) разговоры,
9) письма,
10) дѣловыя бумаги,
11) рѣчи.

Въ „наставленіи" высказано много прекрасныхъ мыслей касательно практическихъ занятій, напр. что должно развивать всѣ способности души и обращать особенное вниманіе на окружающіе предметы; но въ настоящее время нельзя не замѣтить, что и въ этомъ наставленіи много высказано того, исполненіе чего повлекло бы за собою развитіе риторизма въ дѣтяхъ. Въ числѣ темъ, напр. находятся слѣдующія: о постепенномъ ходѣ гражданственности, объ отношеніи философіи къ другимъ наукамъ; о музыкѣ и т. п. Получивъ подобную тему, ученикъ по необходимости долженъ былъ прибѣгать къ набору фразъ, чтобы ими наполнить хоть нѣсколько листовъ. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи V отдѣлъ: мечты и чувствованія. Мечтать—то, можетъ быть, можно и искусственно, но можно-ли выражать тѣ чувствованія, которыхъ на самомъ дѣлѣ не имѣешь? Можно ли требовать, чтобы ученикъ написалъ: „чувствованія при видѣ готическаго храма, при взглядѣ на Мадонну Рафаэля, при взглядѣ на картину Брюлова „послѣдній день Помпеи",—когда онъ не видалъ ни готическаго храма, ни Мадонны, ни картины Брюлова? Очевидно, что и здѣсь ученикъ долженъ былъ прибѣгать къ фразамъ и выражать чувствованія поддѣльныя, искусственныя. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній, дѣйствительно ли ученики писали сочиненія на подобныя темы, и если писали, то каковы были эти сочиненія. Темами подобнаго рода платилась дань своему вѣку и, не смотря на указанные нами недостатки, вѣроятно, принесли свою долю пользы. Вообще же Казанскій учебный округъ многимъ обязанъ Карлу Кар-

ловичу Фойгту, который, руководя въ цѣломъ округѣ преподавателей словесности, оказалъ такъ много вліянія на усовершенствованіе преподаванія словесности какъ по отношенію къ системѣ, такъ по отношенію и къ методу. Въ 1842 г. сочиненія учениковъ второй Казанской гимназіи оказались въ числѣ лучшихъ по округу, а въ 1843 г. К. К. Фойгтъ отозвался, что воспитанники обнаруживаютъ въ сочиненіяхъ чистый вкусъ. Между тѣмъ предписано было представлять попечителю только третныя сочиненія учениковъ VI и VII классовъ, по два сочиненія въ треть. Наконецъ 25 октября 1845 года (по учрежденіи литературныхъ бесѣдъ) разсмотрѣніе этихъ сочиненій возложено на педагогическій совѣтъ, который, въ концѣ года, при общемъ отчетѣ, обязанъ былъ присовокуплять сужденіе о достоинствѣ и количествѣ разсмотрѣнныхъ упражненій за весь учебный годъ, а попечителю представлять только три сочиненія, признанныя лучшими, остальныя же хранить при дѣлахъ гимназіи, на тотъ случай, чтобы, въ случаѣ ревизіи, можно было удостовѣриться, дѣйствительно ли исполнено предписаніе попечителя касательно практическихъ занятій.

Литературныя бесѣды учреждены по предписанію попечителя отъ 2 ноября 1844 года. „Твердое изученіе отечественнаго языка и словесности составляетъ (сказано въ этомъ предписаніи) одно изъ основныхъ знаній гимназическаго курса". Постоянно заботясь объ усиленіи успѣховъ въ этихъ предметахъ и желая возбудить соревнованіе между воспитанниками Казанскаго учебнаго округа, онъ „попечитель призналъ полезнымъ, независимо отъ теоретическаго преподаванія разныхъ отраслей русской словесности и практическихъ упражненій, учредить для VI и VII классовъ по 1 разу въ двѣ недѣли литературныя бесѣды, на которыхъ ученики должны по очереди читать свои сочиненія, сообщать другъ другу свои замѣчанія и пользоваться указаніями наставника". Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлены главныя правила для веденія бесѣдъ. Бесѣды происходятъ въ присутствіи директора, инспектора, преподавателя словесности и нѣкоторыхъ другихъ учителей по усмотрѣнію директора. Ученикъ читаетъ свое сочиненіе, потомъ другіе возражаютъ ему; онъ защищаетъ свои мнѣнія; наконецъ преподаватель словесности произноситъ окончательное сужденіе. Послѣ этого сочиненіе съ замѣчаніями учениковъ и наставника

препровождается на разсмотрѣніе попечителя. Темы для литературныхъ бесѣдъ брались или изъ прежде составленныхъ К. К. Фойгтомъ, или и другія, по желанію воспитанниковъ и по усмотрѣнію наставника. Первыя сочиненія были на слѣдующія темы: о пользѣ изученія законовъ (Е. Ѳирсова), о любви ко врагамъ (В. Жаворонкова), бѣгаетъ нечестивый ни единому же гонящу (Лукъяновскаго) и т. д. Отзывы объ этихъ бесѣдахъ постоянно до 1848 года печатались въ начальственныхъ распоряженіяхъ Казанскаго учебнаго округа. 3 іюля 1848 года попечитель разрѣшилъ дѣлать по одной бесѣдѣ въ мѣсяцъ (кромѣ вакаціонныхъ и тѣхъ, въ которыхъ производятся экзамены), но „чтобы темы даваемы были съ разборомъ, преимущественно изъ области словесности и предварительно объясняемы учителемъ въ дополненіе къ классному ученію". Въ тоже время учитель Михайловъ составилъ дополнительныя о бесѣдахъ правила, которыя и были утверждены попечителемъ 23 іюля 1848 года и напечатаны въ начальственныхъ распоряженіяхъ округа. Причиною, побудившею составить эти правила, было, по словамъ Михайлова, несвоевременное веденіе бесѣдъ, происходившее отъ нелюбви, невниманія и равнодушія къ нимъ воспитанниковъ. Но эти правила касаются только внѣшней стороны бесѣдъ; мы съ своей стороны думаемъ, что эта самая формальность и отталкивала воспитанниковъ отъ бесѣдъ, а потому и правила г. Михайлова не могли пробудить въ ученикахъ сочувствія къ нимъ. Съ этого времени темы для бесѣдъ избирались изъ области литературы, преимущественно русской, какъ болѣе знакомой воспитанникамъ. Нѣкоторыя темы, какъ напр. разборъ сочиненій Языкова, возбуждали различные толки. Поэтому учитель Камковъ представилъ, чрезъ педагогическій совѣтъ, на усмотрѣніе попечителя округа записку о темахъ для литературныхъ бесѣдъ, которыя были одобрены попечителемъ 13 февраля 1858 года. Вотъ содержаніе записки.

„Литературныя бесѣды должны служить дополненіемъ къ класснымъ урокамъ теоріи и исторіи словесности, потому и темы должны избираться такія, которыя бы съ одной стороны касались теоріи словесности, а съ другой объясняли бы то или другое, болѣе или менѣе замѣчательное, явленіе въ особенности въ исторіи русской словесности. Слѣдовательно, темы эти должны быть по преимуществу литера-

турныя. Но при этомъ надобно принять еще въ соображеніе познанія воспитанниковъ. Нѣкоторыя литературныя темы выше силъ ученическихъ, какъ напримѣръ: разборъ Гомеровой Иліады по переводу Гнѣдича, разборъ одъ Горація по переводу Фета; разборъ Фауста Гете по переводу Губера или Струговщикова, разборъ освобожденнаго Іерусалима Торквато Тассо по переводу Мерзлякова или Раича и тому подобныя темы; онѣ хотя и относятся къ русской литературѣ, но не могутъ быть предметомъ ученическихъ сочиненій. Темы эти требуютъ болѣе обширныхъ предварительныхъ свѣдѣній, чѣмъ тѣ, которыя пріобрѣтаютъ воспитанники, доходя до VII класса гимназіи. Такъ воспитанники недостаточно знаютъ или совершенно не знаютъ тѣхъ языковъ, на которыхъ писаны оригиналы этихъ сочиненій; мало знакомы съ историческою жизнію и съ исторіей литературы тѣхъ народовъ, къ которымъ принадлежатъ авторы этихъ сочиненій. Такимъ образомъ лучшими темами для бесѣдныхъ сочиненій будутъ разборы важнѣйшихъ сочиненій собственно русской литературы, какъ болѣе доступныя по познаніямъ и средствамъ учениковъ и какъ болѣе соотвѣтствующія цѣли литературныхъ бесѣдъ. Положимъ воспитаннику дано разобрать комедію Фонъ-Визина „Недоросль". При этомъ воспитанникъ долженъ поближе познакомиться съ духовною жизнію тогдашняго общества русскаго; съ теоріею комедіи того времени; со вниманіемъ просмотрѣть самыя произведенія Фонъ-Визина; прочесть различныя рецензіи и разборы этихъ сочиненій; потомъ онъ долженъ будетъ все обдумать, сгруппировать и позаботиться о болѣе или менѣе изящномъ изложеніи. Такимъ образомъ, подобное сочиненіе познакомитъ воспитанниковъ съ русскою исторіею, съ исторіею словесности, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ болѣе или менѣе способствовать развитію его мышленія. Конечно, отъ воспитанника нельзя требовать самостоятельнаго изслѣдованія: онъ не имѣетъ для этого и достаточно свободнаго времени и предварительныхъ спеціальныхъ свѣдѣній; но, если онъ болѣе или менѣе усвоитъ себѣ разбираемое произведеніе, пойметъ отношеніе его къ обществу и къ тому роду литературныхъ формъ, къ которому оно относится; если изъ различныхъ о немъ мнѣній съумѣетъ выбрать болѣе правдоподобныя; если съумѣетъ все это соединить въ одно гармоническое цѣлое и изложить въ болѣе

или менѣе изящной формѣ; да если при этомъ выскажетъ двѣ—три своихъ мысли, этимъ сдѣлаетъ онъ большой шагъ впередъ на пути своихъ литературныхъ занятій. Подобнаго рода сочиненія изощряютъ наблюдательномъ, пріучаютъ отличать хорошее отъ дурнаго, короче: знакомятъ съ исторіею русской литературы и вообще съ русскою жизнію.

Вотъ нѣсколько образцовъ подобныхъ темъ:

1) о народности въ литературѣ и о народныхъ русскихъ пѣсняхъ.

2) объ искусственной народной поэзіи и о пѣсняхъ Кольцова.

3) о ложно-классической одѣ и объ одахъ Державина.

4) о сатирѣ вообще и о сатирахъ Кантеміра.

5) о комедіи вообще и о Недорослѣ Фонъ-Визина (или горе отъ ума, или ревизоръ).

6) о ложно-классической эпопеѣ и о Россіадѣ Хераскова.

7) о сантиментальномъ направленіи въ русской литературѣ и о повѣстяхъ Карамзина.

8) о баснѣ вообще и характеристика басенъ Хемницера, Измайлова, Димитріева и Крылова.

9) о ложно-классической трагедіи и о трагедіяхъ Озерова.

10) о романтическомъ направленіи русской литературы и о балладахъ Жуковскаго.

11) о романѣв обще и Юріѣ Милославскомъ Загоскина.

12) объ элегіи вообще и объ элегіяхъ Козлова.

13) о сказкѣ вообще и о царѣ Салтанѣ Пушкина.

14) о лирической поэмѣ и о поэмахъ Лермонтова.

15) о повѣсти вообще и о повѣстяхъ Пушкина и Гоголя.

16) характеръ Патріарха Никона.

17) характеръ Іоанна Грознаго.

18) характеръ Петра Великаго и пр.

Иногда тотъ или другой воспитанникъ обнаруживаетъ особенную наклонность писать небольшія беллетристическія оригинальныя сочиненія, наприм; очерки характеровъ, повѣсти и т. п., въ такомъ случаѣ, въ видѣ исключенія, можно, кажется, позволить прочитать такое сочиненіе на бесѣдѣ. Положимъ, что сочиненіе будетъ отзываться прочитанными повѣстями, будетъ, пожалуй, подраженіемъ, но, не

смотря на это, оно не будетъ безполезнымъ; воспитанникъ, увидавъ свои недостатки, постарается устранить ихъ, постарается усовершенствоваться. Самое умѣнье подражать другому предполагаетъ уже нѣкоторыя дарованія. Начавъ подражаніемъ, воспитанникъ, при постоянныхъ упражненіяхъ, со временемъ достигнетъ большой или меньшей самостоятельности.

Съ 1858 года вслѣдствіе циркулярнаго предписанія г. Попечителя отъ 14 августа 1857 года бесѣдныя сочиненія остаются при гимназіи, а попечителю представляются только заслуживающія особеннаго вниманія. Но литературныя бесѣды не принесли всей пользы, которая отъ нихъ ожидалась. Вмѣсто частной, дружеской бесѣды, онѣ обыкновенно превращались въ оффиціальныя собранія, гдѣ, если ученики и говорятъ, то говорятъ по большей части для того, чтобы только отдѣлаться, отвести очередь. При томъ между воспитанниками VI и VII классовъ иногда бывали непріязненныя отношенія, не смотря на всѣ старанія преподавателя словесности и начальства гимназіи внушить воспитанникамъ, что этого быть не должно. По такимъ причинамъ литературныя бесѣды, которыя учитель Конопасевичъ находилъ полезнымъ замѣнить литературными чтеніями, были оставлены съ начала шестидесятыхъ годовъ.—Способъ веденія практическихъ упражненій изложенъ въ книжкѣ съѣзда учителей русскаго языка и словесности (1866 г.) и держится во всей силѣ до настоящаго времени съ приспособленіемъ, разумѣется, къ „учебнымъ планамъ".

3) Латинскій языкъ.

Съ 1835 года латинскій языкъ преподавался въ слѣдующемъ видѣ: I классъ. Чтеніе и письмо, существенныя формы по Кошанскому. Переводъ легкихъ статей изъ хрестоматіи, помѣщенной при грамматикѣ Кошанскаго II кл. Синтаксисъ и переводъ изъ христоматіи. II кл. Повтореніе грамматики. Переводъ прозаиковъ, переводъ съ русскаго на латинскій языкъ по хрестоматіи Бѣлюстина. II кл. Просодія. Переводъ поэтическихъ отрывковъ. Переводъ съ русскаго на латинскій языкъ. Въ V, VI и VII—чтеніе и переводъ классическихъ римскихъ поэтовъ и прозаиковъ. По программѣ 1839 года сверхъ этого положено проходить

syntaxis ornata въ V классѣ. Съ 1849 года латинскій языкъ преподавался только съ IV класса, а потому вмѣсто двухъ преподавателей, остался одинъ. Трудно, даже почти невозможно теперь опредѣлить, какіе авторы переводились въ гимназіи изъ одобренныхъ къ переводу начальствомъ. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ мы можемъ предположить, что любимыми авторами при переводахъ были изъ прозаиковъ-Юлій Цезарь, Саллюстій и Цицеронъ, а изъ поэтовъ Виргилій, Горацій и Овидій. Сначала преподаваніе шло малоуспѣшно. Такъ по ревизіи 1838 и 1839 годовъ успѣхи оказались неудовлетворительными. Потому предписано было, кромѣ перевода и разбора, занимать учениковъ заучиваніемъ словъ, а въ высшихъ классахъ повторять этимологію и синтаксисъ. Послѣ этого преподаваніе пошло успѣшнѣе. Такъ по ревизіи 1843 г. оказалось, что „грамматика преподается отчетливо и основательно; переводы хороши, чтеніе авторовъ сопровождается необходимыми толкованіями“. Такъ было при преподавателяхъ Брунѣ и Тимоѳеевѣ. Но особенно успѣшно шло преподаваніе при Р. А. Шарбе. Онъ старался преподавать по возможности практически, не обременяя учениковъ голословнымъ затверживаніемъ правилъ грамматики. Въ высшихъ классахъ (въ VI и VII) переводя отрывки изъ какого нибудь писателя, онъ въ тоже время касался внутренняго значенія произведеній писателя, объяснялъ духъ его, на сколько это могло быть доступно дѣтскму пониманію такъ что, при переводѣ писателя, воспитанники знакомились съ тѣми или другими чертами духа римскаго народа. Чтобы лучше очертить взляды Шарбе на преподаваніе латинскаго языка, помѣщаемъ выдержку изъ записки, представленной имъ въ педагогическій совѣтъ въ 1850 году. „Филологія не должна ограничиваться только истолкованіемъ языка и того, что письменно дошло до насъ; цѣль изученія ея состоитъ въ пониманіи человѣческихъ мыслей и чувствъ, въ какой бы формѣ ни проявлялись онѣ, въ стихотвореніяхъ или рѣчахъ, въ произведеніяхъ искусствъ или въ нравственныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ, наконецъ, и въ самомъ организмѣ языка. Хотя классическіе языки, бывъ почти въ продолженіе двухъ тысячъ лѣтъ постоянно ареною для всѣхъ ученыхъ, получили неимовѣрно точныя и опредѣленныя формы, хотя они сдѣлались основаніемъ при изученіи всякаго языка, однако же одно формальное изученіе ихъ, безъ изу-

ченія содержанія, только въ половину достигало бы своей цѣли, любовь къ классицизму давно бы охладѣла; самое понятіе (пониманіе) сдѣлалось бы крайне затруднительнымъ, да почти и невозможнымъ. Истинный филологъ столько же обращаетъ вниманія на внѣшнее выраженіе мысли, сколько и на внутреннее содержаніе..... Грамматика должна быть по возможности кратка, должна заключать въ себѣ только необходимыя правила. При изложеніи отдѣльныхъ правилъ должна быть соблюдена величайшая система, при всякомъ отдѣльномъ предметѣ долженъ быть изложенъ исходный пунктъ, а изъ него постепенно развиты его частности, напр. о падежахъ: сначала должно быть показано коренное значеніе падежей, а потомъ уже развиты отдѣльные случаи его употребленія и т. д..... При чтеніи авторовъ надобно во первыхъ обращать вниманіе на выборъ, основываясь не на хронологическомъ порядкѣ, но на эстетическихъ и нравственныхъ причинахъ, на достоинствѣ писателя и, наконецъ, на способностяхъ учениковъ. Чтенію писателя должна предшествовать его біографія, изображеніе духа времени, въ которое онъ жилъ, должны быть показаны достоинства и недостатки писателя; наконецъ, самое сочиненіе должно быть разсмотрѣно какъ цѣлое въ эстетическомъ и реторическомъ значеніяхъ; такой разборъ возможенъ, конечно, только въ VI и VII классахъ.... Переводы съ русскаго на латинскій языкъ не приносятъ слишкомъ большой пользы, они укрѣпляютъ учениковъ только въ грамматическихъ правилахъ, ибо при нихъ ученикъ беретъ за основаніе свой отечественный языкъ, свой собственный образъ мыслей и воображенія, нисколько не углубляясь въ духъ древнихъ; да и какъ ему писать хорошо, не имѣя начитанности въ древнихъ авторахъ? Поэтому всѣ переводы обыкновенно плохи"....

Съ 1839 года ученики, кромѣ другихъ практическихъ упражненій, должны были въ VI и VII кл. писать сочиненія на латинскомъ языкѣ, которыя были разсматриваемы попечителемъ, и нѣкоторыя изъ нихъ удостоивались похвальныхъ отзывовъ. Съ 25 октября 1845 года отсылка ихъ къ попечителю была отмѣнена, а въ 1857 г. отмѣнены были и самыя сочиненія, какъ не достигающія своей цѣли, потому что, начиная изучать латинскій языкъ съ IV класса, воспитанники, не смотря на всю свою успѣшность, не могли ознакомиться съ нимъ на столько, чтобы быть въ состояніи

писать оригинальныя сочиненія изящнымъ латинскимъ языкомъ, почему сочиненія эти были большею частью переводами съ русскаго. Латинская грамматика преподавалась по руководству Кюнера. Украшенный синтаксисъ не проходился.

Съ началомъ 186⁵⁄₆ учебнаго года 2-я казанская гимназія преобразована, согласно уставу 19 ноября 1864 г. въ реальную, уроки латинскаго языка были замѣнены уроками естественной исторіи. Въ январѣ же 1866 года, когда послѣдовало преобразованіе 2 гимназіи изъ реальной въ классическую съ двумя древними языками, преподаваніе латинскаго языка введено вновь и даже усилено. 16 марта 1866 года въ засѣданіи педагогическаго совѣта обѣихъ Казанскихъ гимназій происходили слѣдующія разсужденія о преподаваніи латинской грамматики.

Учитель второй Казанской гимназіи г. Красинъ, возбудившій этотъ вопросъ, высказалъ слѣдующее: „Въ пользу практическаго изученія латинскаго языка я могу привести два основанія: во 1-хъ, латинскій языкъ есть языкъ книжный, а во 2-хъ, онъ есть совершенно сложившійся, законченный фактъ. Поэтому изученіе его должно совершаться съ одной стороны не иначе, какъ непремѣнно по книгамъ, написаннымъ лучшими представителями классическаго мышленія и слова, а съ другой—не иначе, какъ путемъ естественнаго изученія фактовъ. Изучая тотъ или другой фактъ, мы сначала обозрѣваемъ внѣшнюю его постановку, составныя его части и ихъ взаимо-отношенія, отношеніе его къ другимъ фактамъ и пр.; потомъ изъ соображенія всего этого узнаемъ внутренній смыслъ его существованія, форму и степень зависимости его частей одной отъ другой, а также его самаго отъ другихъ фактовъ и этихъ послѣднихъ отъ него и наконецъ уже дѣлаемъ выводы и обобщаемъ ихъ въ единствѣ законовъ или теоріи факта. Путь этотъ слѣдовало бы, по моему, примѣнить и къ изученію латинскаго языка. А сдѣлать это весьма легко; стоитъ только, начиная съ IV класса, вмѣсто упражненія учениковъ въ заучиваніи краткихъ, часто неопредѣленныхъ и невѣрныхъ правилъ грамматическихъ учебниковъ постоянно упражнять въ разборѣ и переводѣ сначала легкихъ, а потомъ болѣе трудныхъ классическихъ сочиненій. Лучшимъ пособіемъ при этомъ можетъ быть не учебникъ грамматики латинской, а живое слово

преподавателя, который поведетъ свои объясненія не механическимъ порядкомъ учебника, а путемъ разумнаго анализа встрѣтившагося случая, путемъ цѣльнаго перенесенія его въ сознаніе учениковъ—со всею жизненностью, влитою въ него авторомъ. Вмѣстѣ съ простотой и естественностью предлагаемый способъ изученія латинскаго языка имѣетъ за собою еще тѣ выгоды, что онъ обращается съ ученикомъ не какъ съ аппаратомъ, а какъ съ живою личностью, для которой благодѣтельно только то преподаваніе, при которомъ не насильственно вкладывается въ нее знаніе, а какъ бы сама она возбуждается выработывать его и что онъ всего скорѣе можетъ довести учениковъ до возможности легко и свободно читать латинскихъ классиковъ—первостепенной цѣли преподаванія латинскаго языка въ гимназіи. Само собою понятно, что изученіе латинскихъ флексій путемъ практики потребовало бы слишкомъ много времени. Поэтому, предлагая практическій путь изученія латинскаго языка съ IV класса, я предполагаю, что этимологія пройдена уже въ первыхъ трехъ классахъ и усвоена учениками также прочно, какъ усвояется таблица умноженія.“

Г. Желоменскій, учитель, 1-й гимназіи, находя вышеприведенныя основанія не вполнѣ достаточными, возразилъ: „трудно предположить, чтобы ученики усвоили хорошо особенности древняго языка, при помощи одного живаго слова преподавателя, безъ пособія учебника. Если ученикъ будетъ записывать объясненія учителя, то потратится очень много времени; если же онъ будетъ только слушать, то большую часть объясненій перезабудетъ. Кромѣ того мудрено также отыскать такого писателя, у котораго-бы встрѣтились всѣ случаи употребленія какого-нибудь синтаксическаго правила, напр. встрѣчается прилагательное aptus; ученикъ его можетъ быть и запомнитъ, а о другихъ прилагательныхъ, требующихъ того-же падежа, ученикъ не будетъ и знать, потому что они не встрѣтились ему. Такъ не лучше-ли предварительно заучить всѣ подобныя прилагательныя, болѣе употребляемыя, и пользоваться ими, какъ готовымъ матеріаломъ?“

Г. Красинъ высказалъ, что частымъ повтореніемъ правилъ, основаннымъ на практикѣ, всегда можно достигнуть знанія; что же касается до того, что при чтеніи будутъ опу-

щепы кое-какія особенности латинскаго языка, то этого не возможно избѣжать и при систематическомъ изученіи грамматическихъ учебниковъ, потому что нѣтъ ни одной латинской грамматики, кромѣ, быть можетъ, Попова, которая бы обнимала всѣ видоизмѣненія того или другаго латинскаго оборота. При чтеніи же Корнелія Непота, напримѣръ, или Юлія Цезаря ученики встрѣчаютъ много такихъ оборотовъ, которые не объяснены ни въ одной грамматикѣ. Если же, при чтеніи классиковъ, нѣкоторые изъ оборотовъ, объясняемыхъ въ учебникахъ, или рѣдко встрѣчаются, или вовсе не встрѣчаются, то это значитъ, что они ничтожны, и незнаніе ихъ пробѣла не составитъ. Въ видахъ облегченія учениковъ, грамматику можно проходить въ VII классѣ, какъ сводъ того, что пріобрѣтено въ предыдущихъ классахъ практическимъ путемъ; формулируя правила, преподаватель вмѣстѣ съ учениками припомнитъ всѣ случаи, встрѣтившіеся при чтеніи классиковъ и такимъ образомъ укоренитъ въ памяти учениковъ и общія правила и частныя приложенія ихъ въ рѣчи.

Г. Желоменскій сказалъ: „много времени потребуется, да едва-ли и достанетъ его, чтобы довести учениковъ такимъ путемъ до чтенія классиковъ. Могутъ встрѣтиться такіе трудные обороты и правила, которые будутъ недоступны ученикамъ IV и V классовъ, какъ напр. употребленіе временъ. Что же долженъ дѣлать преподаватель? Если даже предположить, что ученики поймутъ объясненіе учителя, такъ на это потратится слишкомъ много времени: то, что дается ученикамъ VI и VII классовъ въ 2 урока, въ IV на это надо употреблять 20 уроковъ. Кромѣ того, едвали учитель можетъ поручиться, что у него достанетъ внимательности и памяти, чтобы впродолженіе цѣлаго года онъ могъ слѣдить за нитью своихъ объясненій; грамматика будетъ служить гарантіей для самого учителя. Важно также и то, что въ грамматикѣ факты сгруппированы, примѣняясь къ развитію учениковъ, учитель будетъ пополнять эти правила, и у него есть, къ чему привязать свои объясненія при чтеніи авторовъ.

Г. Красинъ отвѣчалъ: „если учитель будетъ пускаться въ филологическія тонкости, безъ которыхъ ученики гимназіи легко могутъ обойтись, то, конечно, трудности неизбѣжны; но вещи такого рода, какъ употребленіе временъ, могутъ

быть понятны даже ученикамъ III класса, если они знаютъ первую часть русской грамматики. Что же касается времени, то, при пяти урокахъ, ученики, напримѣръ, IV класса на столько могутъ ознакомиться съ Корнеліемъ Непотомъ, что въ состояніи будутъ легко читать его á livre ouvert“.

Г. Перловскій высказалъ, что безъ грамматическихъ объясненій, которыя бы шли наравнѣ съ практикой, обойтись невозможно. Если эти объясненія будутъ даваемы только при чтеніи авторовъ, то они необходимо должны забѣгать впередъ и оставлять на пути своемъ пробѣлы. Систематическое изученіе, гдѣ ученикъ переходитъ отъ простѣйшихъ правилъ къ болѣе труднымъ, необходимо. Съ грамматическими правилами ученикъ знакомится только практически: сначала дается примѣръ на латинскомъ языкѣ, а потомъ уже выводится правило. Невозможно также полагаться только на словесныя объясненія.

Г. Красинъ отвѣчалъ, что хотя грамматическія правила и объясняются на примѣрахъ, но это имѣетъ весьма мало значенія: случается, что ученикъ, отлично знающій правила и примѣры, встрѣчаясь съ тѣмъ же примѣромъ у автора, оказывается не въ состояніи сладить съ нимъ: слѣдовательно, кромѣ изученія правилъ, надо еще научить ученика прилагать ихъ къ дѣлу. Систематическая грамматика, по мнѣнію г. Красина, нужна только для справокъ, какъ лексиконъ. Какъ такая, она дѣйствительно можетъ забѣгать впередъ, она можетъ объяснять прежде-временно такія обороты, которые въ сочиненіяхъ встрѣчаются весьма рѣдко и съ которыми прилично познакомиться при встрѣчѣ, чѣмъ за годъ до нея. Заучивши, напр., правило объ употребленіи винительнаго съ неопредѣленнымъ при *celo* и не встрѣчая примѣненія его, ученикъ, конечно его забудетъ. Зачѣмъ же, спрашивается, сидѣлъ онъ надъ грамматикой? Было-бы полезнѣе, если-бы онъ употребилъ это время на повтореніе перевода, сдѣланнаго и объясненнаго въ классѣ. Объясненія учителя едва-ли должны погибнуть: если ученики не усвоили ихъ съ одного разу, то учитель повторитъ нѣсколько разъ и при всякомъ удобномъ случаѣ будетъ обращаться къ напоминанію ихъ ученикамъ.

Г. предсѣдатель совѣта высказалъ, что, при изученіи теоріи латинскаго языка, для мальчиковъ необходима система: методъ систематическаго преподаванія грамматики

достаточно уже выроботанъ за границей и съ пользою прилагается къ дѣлу, что много говоритъ въ его пользу.

Г. Желоминскій прибавилъ къ этому, что доказательствомъ неприложимости практическаго метода можетъ служить судьба метода Базедова. Въ рукахъ самого Базедова этотъ методъ далъ громадные результаты; но послѣдователи Базедова далеко не достигли тѣхъ же результатовъ, такъ что въ концѣ уже XVIII столѣтія опять обратились къ теоріи, которую нашли необходимымъ пособіемъ при практическихъ занятіяхъ языкомъ.

Г. директоръ 2-ой гимназіи высказалъ, что онъ находитъ необходимымъ, начиная съ IV класса, проходить въ систематическомъ порядкѣ главныя особенности латинскаго синтаксиса, дополняя ихъ при чтеніи классиковъ.

Г. Ленстремъ и Ауновскій высказали, что, соглашаясь съ основаніями, высказанными г. Красинымъ, они готовы защищать практическій путь, который имѣетъ еще ту выгоду, что остается болѣе времени для чтенія классиковъ.

Г. Износковъ заявилъ, что систематическое изученіе латинской грамматики необходимо, но оно должно быть въ одномъ изъ высшихъ классовъ.

Гг. Черпѣевскій и Боржимовскій высказали, что такъ какъ до сихъ поръ этотъ методъ не былъ примѣненъ на дѣлѣ, то не возможно судить о немъ, а тѣмъ болѣе осудить его: желательно было-бы, чтобы этотъ методъ былъ испытанъ на практикѣ, которая и можетъ рѣшить вопросъ. Такъ какъ, по отобраніи голосовъ, большинство членовъ Совѣта (10 человѣкъ) высказалось противъ метода, предложеннаго г. Красинымъ, то опредѣлено: считать практическое изученіе латинской грамматики путемъ, предложеннымъ г. Красинымъ, менѣе полезнымъ, нежели систематическое ея изученіе.

Послѣ изданія „учебныхъ плановъ" преподаваніе латинскаго языка скоро приспособлено было къ этимъ планамъ.

4) Греческій языкъ.

Преподаваніе греческаго языка, съ IV класса, введено въ гимназіи 9 января 1843 года и отмѣнено 14 мая 1852 года, когда введена естественная исторія. Преподаваніе греческ-

каго языка было чисто практическое. Руководствомъ для грамматики употреблялась грамматика Шнейдера, переводъ Шаде. Воспитанники проходили по грамматикѣ только самое необходимое: правильныя склоненія и спряженія; всѣ же неправильности изучали по мѣрѣ того, какъ онѣ встрѣчались при переводѣ, и заучивали ихъ такимъ образомъ незамѣтно. Синтаксиса совсѣмъ не проходили по книгѣ, а синтаксическія особенности тоже изучали по мѣрѣ того, какъ онѣ встрѣчались при переводѣ, при томъ изучали ихъ сравнительно съ русскимъ и латинскимъ языками. При переводѣ обращалось вниманіе не только на самый отчетливый этимологическій и синтаксическій разборъ, не только на заучиваніе словъ, но и на характеристическія особенности того или другаго писателя. Руководствомъ при переводѣ служила греческая хрестоматія Якобса. Въ VI классѣ переводили отрывки изъ Одиссеи по книгѣ Ежевскаго и Иліады по книгѣ Фрейтага. Въ VII классѣ читали или „Филоктета", или „Эдипа" Софокла. Здѣсь (т. е. въ VI и VII кл.) преподаватель, кромѣ формъ лингвистическихъ, объяснялъ самый духъ греческой литературы вообще. Первымъ преподавателемъ этого предмета былъ Кл. Ст. Тхоржевскій, извѣстный знатокъ древняго міра. На переводы съ русскаго на греческій языкъ мало обращалось вниманія, хотя они и дѣлались. Изъ лексиконовъ употреблялись лексиконы Иванковскаго, Гедерика и Коссовича.

По выходѣ изъ гимназіи К. Ст. Тхоржевскаго, преподавателемъ греческаго языка назначенъ былъ докторъ филологіи А. Ав. Шарбе. Онъ велъ дѣло раціонально, но его дѣятельности не суждено было быть продолжительной. Въ 1852 г. послѣдовало преобразованіе гимназіи: вмѣсто греческаго яз. введены были естественныя науки.

Только 14 лѣтъ спустя, именно съ 1-го января 1866 года этому предмету возвращены были въ нашей гимназіи права, подобающія ему въ среднемъ учебномъ заведеніи. Послѣ такого продолжительнаго перерыва въ преподаваніи греческаго языка во второй Казанской гимназіи, требовалось много трудовъ и умѣнья, чтобъ поставить этотъ предметъ па надлежащую высоту. Но преподаватель А. Д. Иноземцевъ, въ настоящее время инспекторъ открывшейся въ нынѣшнемъ учебномъ году Царицынской прогимназіи, преодолѣлъ всѣ встрѣтившіяся ему трудности и препятствія. Глубокое зна-

ніе своего предмета, ясность и простота изложенія, умѣнье заинтересовать дѣломъ учениковъ ставятъ его на ряду лучшихъ просвѣтителей и образователей юношества. До какой степени Иноземцевъ обладаетъ простотой и ясностью изложенія, отчасти можно видѣть изъ составленной имъ греческой грамматики. Жаль только, что эта грамматика, составленная примѣнительно къ Уставу 1864 года, по своему объему не отвѣчаетъ болѣе обширнымъ требованіямъ Устава 1871 года. Но и въ настоящее время книга Иноземцева можетъ служить прекраснымъ пособіемъ при повтореніи греческой грамматики, для какой цѣли она и рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

5) Математика.

Въ 1835 г. математика была распредѣлена слѣдующимъ образомъ: въ 1 и 2 классѣ ариѳметика; III кл.—алгебра до уравненій 2 степени включительно; IV кл.—окончаніе алгебры и начало геометріи (планиметрія), V кл.—окончаніе геометріи, VI кл.—начальныя понятія начертательной геометріи, геометрія аналитическая, прямолинейная тригонометрія; приложеніе алгебры къ геометріи. Общая физика; VII кл. частная физика.

По ревизіи 1838 года успѣхи по физикѣ и математикѣ въ высшихъ классахъ оказались удовлетворительными, а въ низшихъ—менѣе хорошими. Предписано было „обращать вниманіе на практическое примѣненіе всѣхъ положеній, начиная съ самой ариѳметики и пріучать къ счисленію въ умѣ; въ физикѣ непремѣнно заниматься опытами“, но это предписаніе, кажется, осталось неисполненнымъ, потому по ревизіи 1840—41 года оказалось, что успѣхи въ высшихъ классахъ были удовлетворительными, а въ низшихъ—посредственными. Съ 1843 года преподаваніе математики между двумя наставниками раздѣлено было такимъ образомъ: Поповъ взялъ въ низшихъ классахъ ариѳметику, начало алгебры и геометріи, Епанечниковъ—въ высшихъ классахъ—алгебру, геометрію, тригонометрію, начертательную и аналитическую геометрію, математическую географію и физику. Въ 1843 году распредѣленіе математики по классамъ было слѣдующее: 1) ариѳметика осталась по прежнему, 2) алгебра и геометрія:

а) въ III кл. изъ алгебры назначено было пройти подробно вопросы 1—7 (по программѣ 1839 г.) и кратко 8—12 по два урока—въ недѣлю; остальные 2 урока полагались на геометрію, изъ которой должно было пройти 21 вопросъ; б) въ IV кл. изъ алгебры подробно 8—20 вопросы (по 1 уроку); изъ геометріи 22—44 вопросы по 2 урока, в) V кл. окончаніе алгебры и геометріи; 3) начертательная геометрія, тригонометрія и приложеніе алгебры къ геометріи отнесены къ VI классу, 4) физика проходилась въ VI и VII классахъ.

Въ 1846 году отмѣнена геометрія начертательная и аналитическая, вслѣдствіе чего и распредѣленіе математики должно было измѣниться слѣдующимъ образомъ: 1 кл. ариѳметика до дробей; II кл. дроби обыкновенныя и десятичныя, объ отношеніяхъ и пропорціяхъ; III кл. окончаніе ариѳметики, начало алгебры до вывода общихъ формулъ для рѣшенія уравненій 1 степени съ 2 неизвѣстными; IV кл. окончаніе алгебры; геометрія до пропорціональныхъ линій; V кл. окончаніе геометріи; практическія упражненія въ алгебрѣ, VI кл. логариѳмы и приложеніе алгебры къ геометріи, тригонометрія; VII кл. повтореніе всего; физика осталась въ прежнемъ видѣ.

Въ 1849 году, при раздѣленіи гимназическаго образованія на общее и спеціальное, распредѣленіе преподаванія математики снова измѣнено. Готовящіеся въ университетъ слушали (съ 4 класса) греческій и латинскій языкъ и изъ математики: всю ариѳметику, алгебру до уравненій 2 степени, всю геометрію и физику; отъ остальныхъ частей математики освобождались. Желающіе изъ гимназіи прямо поступить на службу слушали законовѣдѣніе, полный курсъ математики, сверхъ того имѣли два практическихъ урока ариѳметики въ IV классѣ.

Въ 1852 году уяснилось, что въ каждомъ классѣ слѣдуетъ проходить изъ математики по раздѣленіи курса на общій и спеціальный. Г. инспекторъ О. А. Имшеникъ сдѣлалъ по этому поводу свои предположенія, которыя, по одобреніи Попечителемъ, и были приняты для руководства въ гимназіи. Вотъ содержаніе его записки: „съ начала прошедшаго учебнаго года введено у насъ въ руководство новое распредѣленіе учебныхъ предметовъ по классамъ, вмѣстѣ съ новою программою математики. Въ этой программѣ

встрѣтились нѣкоторыя недоразумѣнія въ примѣненіи ея къ самому преподаванію, а именно: въ 5 вопр. программы алгебры для третьяго класса сказано: „о четырехъ дѣйствіяхъ надъ простыми алгебраическими количествами“, между тѣмъ какъ четыре дѣйствія надъ алгебраическими многочленами, имѣющія близкую связь съ предыдущими (а правило сложенія и вычитанія одночленовъ однозначуще съ правиломъ для многочленовъ) отнесены къ курсу четвертаго класса. Далѣе въ 6 вопр. алгебры говорится: „о рѣшеніи простѣйшихъ вопросовъ, приводящихъ къ уравненіямъ первой степени съ одною неизвѣстною“, между тѣмъ въ 4 и 5 вопр. для четвертаго класса сказано: „объ уравненіяхъ вообще и рѣшеніе уравненій 1-ой степени съ однимъ неизвѣстнымъ“. Не есть-ли это повтореніе предыдущаго? Для избѣжанія повторенія, а слѣдовательно и потери времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы дать болѣе опредѣленный объемъ какъ въ преподаваніи, такъ и при экзаменѣ вновь поступающихъ въ IV классъ, я полагаю въ III классѣ пройти изъ алгебры четыре дѣйствія надъ алгебраическими количествами, простыми и многочленными, относя сюда же общій наибольшій дѣлитель; а въ IV классѣ начать съ уравненій вообще и продолжать этотъ отдѣлъ далѣе по программѣ. Потомъ въ курсѣ алгебры IV класса, а равно и V класса не соблюдены связь и система. Такъ напр. правило о возвышеніи одночленныхъ и многочленныхъ алгебраическихъ количествъ отнесено къ IV кл.; между тѣмъ правило о возвышеніи одночленовъ въ высшія степени, вытекающее непосредственно изъ доказательствъ правилъ вышеписанныхъ, отнесено къ 6 вопросу для V класса. Тоже можно сказать о правилахъ извлеченія корней изъ алгебраическихъ количествъ, также о рѣшеніи уравненій 2 степени съ однимъ неизвѣстнымъ, гдѣ самое рѣшеніе отнесено въ IV кл., а свойство корней этого уравненія-къ V классу. Далѣе въ 9 вопр. для IV кл. говорится только „дѣйствія надъ коренными величинами 2 степени“, а дѣйствія надъ коренными величинами другихъ степеней отнесены къ V классу. Чтобы не прерывать связи и соблюсти въ преподаваніи систему и цѣлость частей науки, я полагаю, что лучше будетъ пройти въ IV классѣ слѣдующія статьи при 2 урокахъ въ недѣлю: 1) рѣшеніе уравненій 1 степени съ однимъ и многими неизвѣстными 2) возвышеніе чиселъ и одночленныхъ алгебраическихъ коли-

чествъ въ какую угодно степень, и многочленовъ только во 2 и 3 степени; 3) извлеченіе корней вообще изъ одночленныхъ, а квадратныхъ и кубическихъ изъ чиселъ и многочленныхъ алгебраическихъ количествъ. При этомъ также дается понятіе о несоизмѣримыхъ и мнимыхъ величинахъ; 4) различныя дѣйствія надъ коренными соизмѣримыми величинами 2 и высшихъ степеней; употребленіе дробныхъ и отрицательныхъ показателей; 5) геометрическія пропорціи. Все это должно пройти такъ, чтобы теорія шла въ уровень съ практическими примѣрами и задачами, слѣдуя, впрочемъ, данной программѣ.

На V классъ слѣдуетъ отнести: 1) выборъ общихъ формулъ для рѣшенія уравненій 1-й степени съ 1 и 2 неизвѣстными, изслѣдованіе различныхъ выраженій, получаемыхъ для извѣстныхъ; задачу о курьерахъ; 2) отдѣлъ о неопредѣленныхъ выраженіяхъ вообще; рѣшеніе неопредѣленныхъ уравненій 1-ой степени, 3) рѣшеніе уравненій 2 степени съ 1 неизвѣстнымъ, корни уравненія, свойство ихъ; изслѣдованіе этихъ корней вообще и изслѣдованіе задачи о двухъ свѣтящихся точкахъ, 4) рѣшеніе двучленныхъ уравненій 3 степени и вообще уравненій высшихъ степеней, приводимыхъ къ уравненіямъ 2 степени и двучленнымъ уравненіямъ 3 степени 5) переложенія, сочетанія и биномъ Ньютона. Тутъ, какъ и въ IV классѣ, каждый теоретическій вопросъ, какъ можно болѣе, должно пояснять практическими примѣрами. Что же касается прогрессій, то я думаю преподавать ихъ въ VI кл., пройдя напередъ теорію логариѳмовъ, потому что изъ практическихъ задачъ на прогрессіи есть много полезныхъ для упражненія въ логариѳмахъ и даже рѣшающихся при ихъ помощи.

Геометрія. По послѣднему распредѣленію преподаванія математики въ гимназіяхъ положено проходить геометрію въ III, IV и V классахъ. Въ III кл. съ начала до пропорціональныхъ линій. Въ IV кл. повтореніе всего пройденнаго въ III классѣ и еще вновь о пропорціональныхъ линіяхъ до измѣренія площадей прямоугольныхъ фигуръ; въ V кл. съ измѣренія площадей до конца стереометріи. Такъ какъ въ первоначальной геометріи ариѳметика и алгебра имѣютъ свои примѣненія, то ихъ не слѣдуетъ упускать изъ виду при теоретическомъ преподаваніи геометріи. Если же учитель захочетъ соединить теорію съ практикою и тѣмъ уяснить для учащихся самую науку, показать ея примѣненіе,

то, мнѣ кажется, не достанетъ времени, чтобы въ III-V кл. пройти предметъ такъ, какъ требуетъ послѣдняя программа. Такъ въ III классѣ, въ который по уставу дозволено принимать дѣтей 12 и 13 лѣтъ, слѣдуетъ пройти довольно большой отдѣлъ, въ особенности, если включить теорію параллельныхъ линій, безъ которой въ дальнѣйшихъ доказательствахъ обойтись нельзя, но которая пропущена въ послѣдней программѣ. Преподавателю съ учениками вышеозначеннаго возраста должно не только пройти эту часть науки, но и позаботиться, чтобы дѣти усвоили ее себѣ, поняли хорошо, умѣли-бы правильно чертить фигуры, опредѣляли-бы вѣрно нѣкоторые техническіе термины и, наконецъ, доказывали-бы предложенія кратко, ясно и послѣдовательно. Чтобы помочь этому и, слѣдовательно, вѣрнѣе достигнуть желаемой успѣшности, я полагаю отдѣлить въ I и II кл. отъ четырехъ уроковъ, назначенныхъ для ариѳметики, по одному уроку для линейнаго черченія геометрическихъ фигуръ подъ руководствомъ учителя ариѳметики. Многолѣтній опытъ показалъ, что, при трехъ урокахъ въ недѣлю, можно съ учениками I и II класса пройти изъ ариѳметики все, что слѣдуетъ по программѣ и упражнять ихъ при этомъ практическими примѣрами и разными задачами. Присовокупимъ еще и то, что дѣти поступаютъ въ I классъ съ знаніями четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій, и учитель въ уроки, назначенные для черченія, при помощи руководства Буссе, можетъ заставлять учениковъ чертить при пособіи циркуля, линейки и транспортира какъ на доскѣ, такъ и на бумагѣ, объяснять имъ при этомъ названія разныхъ фигуръ и ихъ свойства и такимъ образомъ исподволь приготовлять ихъ къ геометріи. Можно было бы поручить преподаваніе черченія учителю рисованія, но ограниченное число уроковъ для этого предмета не дозволяетъ этого. И при томъ не всякій учитель рисованія способенъ преподавать черченіе съ указанной цѣлью. Въ IV классѣ, при одномъ урокѣ въ недѣлю, можно вполнѣ пройти положенное по программѣ, прибавивъ, конечно, статью о вписанныхъ въ кругъ и описанныхъ около него многоугольникахъ, которая не помѣщена въ послѣдней программѣ. Въ V классѣ, гдѣ проходится главная часть геометріи и гдѣ больше всего можно задавать практическихъ примѣровъ, весьма трудно преподавать съ пользою для учащихся, какъ мнѣ кажется

все, что положено по программѣ. По моему мнѣнію, достаточно будетъ пройти въ этомъ классѣ, при 2 урокахъ въ недѣлю, до измѣренія поверхностей многогранниковъ, а остальные вопросы стереометріи, какъ болѣе трудные, отнести къ VI классу, въ которомъ, при 3-хъ урокахъ въ недѣлю, съ учениками уже болѣе развитыми, легко можно окончить алгебру, геометрію и тригонометрію въ томъ объемѣ, какъ требуетъ послѣдняя программа".

Ариѳметика (*) преподавалась по руководствамъ, назначеннымъ отъ Министерства, и сначала въ низшихъ классахъ проходилась безъ доказательствъ; только въ 1846 г., для пріученія дѣтей къ умственнымъ вычисленіямъ, начали проходить ее съ доказательствами, Задачи для рѣшенія задавались и до сихъ поръ задаются иногда на домъ; при этомъ каждый ученикъ обязанъ рѣшить задачу и написать ее со всѣми доказательствами и объясненіями. Геометрія тоже проходилась по одобреннымъ начальствомъ руководствамъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ наставники употребляли свои доказательства той или другой теоремы, доказательства, которыя имъ казались болѣе простыми и болѣе удобными для дѣтей. Тригонометрія проходилась сначала по запискамъ и только съ 1853 г. по руководству Соколова. Преподаваніе алгебры постоянно сопровождается рѣшеніемъ различныхъ задачъ, которыя иногда дѣлаются на дому подобно ариѳметическимъ задачамъ. Физика проходилась и проходится также по оффиціально принятымъ руководствамъ, но нѣкоторыя статьи излагались и излагаются по другимъ лучшимъ учебникамъ, напр. по физикѣ Гано. Кромѣ того и въ руководствѣ дѣлались иногда перемѣщенія статей, какъ напр. о маятникѣ проходилось послѣ гидростатики, хотя въ физикѣ Ленца статья эта помѣщена прежде. Преподаваніе физики постоянно сопровождалось опытами, которые производятся въ классѣ, во время преподаванія, за исключеніемъ болѣе сложныхъ (напр. добываніе газовъ и проч.), производимыхъ въ физическомъ кабинетѣ.

Въ 1868 году въ педагогическомъ совѣтѣ составлено было новое распредѣленіе этихъ предметовъ, примѣнительно къ таблицѣ числа уроковъ по новымъ штатамъ, которое продолжалось до введенія „учебныхъ плановъ".

(*) Равно какъ и всѣ другіе предметы.

6. Географія.

Въ 1835 году географія распредѣлялась такъ: I кл. физическое обозрѣніе глобуса, II кл. обозрѣніе всѣхъ частей свѣта; III кл. политическая географія; IV кл. русская географія, V—космографія и математическая географія.

Съ 1838 г. преподаваніе космографіи и математической географіи возложено на учителя математики. Въ 1840 г. состоялось новое распредѣленіе географіи, но оно, за неимѣніемъ отдѣльнаго преподавателя, не было примѣнено въ нашей гимназіи. Въ 1844 г. отмѣнена статистика и учителю исторіи предписано было повторять въ VII классѣ географію съ присовокупленіемъ статистическихъ данныхъ. Въ 1849 г. преподаваніе ограничено было только низшими тремя классами. Въ 1852 году состоялось новое распредѣленіе: I классъ—физическая и математическая географія; общее обозрѣніе всѣхъ частей свѣта, II—описаніе Америки, Африки, Азіи и Австраліи, III—описаніе Европы. IV и V—Россійская Имперія, VII—повтореніе всего. Изъ числа бывшихъ преподавателей географіи обращали на себя вниманіе начальства: Чулковъ, Бѣсядовскій и Книзе. Г. Чулковъ на первомъ планѣ ставилъ физическія условія страны, ея положеніе, климатъ и т. п. Политическая географія занимала второстепенное мѣсто. Онъ сначала чертилъ карту извѣстной мѣстности на доскѣ, а потомъ объяснялъ ее. Къ слѣдующему уроку воспитанники обязаны были сами умѣть начертить эту мѣстность на память, а потомъ уже начертить её и на бумагѣ.

Бѣсядовскій, обладавшій большими научными свѣдѣніями, главное вниманіе обращалъ на природу страны, ея орографію и гидрографію. Онъ старался показать ученикамъ тѣсную зависимость между природою страны и ея обитателями, и потому особенно требовалъ отъ учениковъ, чтобы они умѣли чертить карты. Черченіе картъ сопровождало каждый географическій урокъ. Того же взгляда на предметъ держался и Книзе. Въ младшихъ классахъ ученики усвоивали преимущественно фактическую сторону науки, а въ VII классѣ прежде усвоенные факты комбинировались и подводились подъ общіе законы.

7) Исторія и статистика.

Въ 1835 году исторія начиналась съ III класса, въ которомъ проходилось обозрѣніе общей исторіи, состоявшее изъ біографическихъ очерковъ замѣчательнѣйшихъ людей въ исторіи человѣчества; въ IV древняя исторія; въ V—средняя, въ VI—новая исторія; въ VII—русская исторія и статистика.

Въ 1849 г. общее обозрѣніе исторіи въ III классѣ отмѣнено; прочее осталось по прежнему.

Съ 1852 года исторію опять начали преподавать съ III класса, въ которомъ проходилась въ краткихъ очеркахъ русская исторія и часть древней до Греціи; въ IV окончаніе древней исторіи; въ V—средняя исторія; въ VI новая общая и древняя русская, въ VII окончаніе русской и повтореніе всей исторіи. Преподаваніе статистики прекращено въ 1844 году.

Въ первое время преподаваніе исторіи, кажется, ограничивалось задаваніемъ уроковъ по учебникамъ. Потому очень естественно, что по ревизіи 1838 г. успѣхи въ исторіи и статистикѣ оказались неудовлетворительными. Вслѣдствіе этого предписано было, чтобы при преподаваніи исторіи ученики были пріучаемы разсказывать уроки своими словами и чтобы обветшалое и вредное изустное ученіе было истреблено, вмѣстѣ съ тѣмъ предписано было съ IV класса хронологію преподавать по методѣ Язвинскаго, но вскорѣ и эта метода была оставлена, какъ не достигающая цѣли. При преподаваніи статистики учитель долженъ былъ собирать новыя свѣдѣнія, а не ограничиваться учебниками; но если представимъ себѣ, какъ трудно собирать статистическія свѣдѣнія даже въ наше время не только учителю, но и другимъ, обладающимъ большими къ тому средствами, то можемъ навѣрно сказать, что статистика въ гимназіи не шла дальше учебника Зябловскаго.. По ревизіи 1839 г. успѣхи были тоже неудовлетворительны. Только по ревизіи 1843—44 г. успѣхи учениковъ IV, V и VI классовъ оказались хорошими а III—недостаточными. Причина этой неуспѣшности въ III классѣ заключалась въ обширности курса. Поэтому преподаватель Позернъ, сокративъ курсъ III класса, достигалъ лучшихъ успѣховъ. Этотъ преподаватель, равно какъ и преемникъ его Цилли главное вниманіе обращали на важнѣй-

шія событія и при этомъ не довольствовались внѣшнею исторіею, но преимущественно старались въ своихъ разсказахъ уяснять внутреннюю жизнь изучаемаго народа. Кромѣ того предварительно проходили географію страны того или другаго народа, а потомъ уже и исторію его. При этомъ воспитанники, подъ ихъ руководствомъ, чертили историческія карты.

Въ исторіи Россіи Цилли также предварительно проходилъ историческую географію; воспитанники чертили отдѣльныя карты для каждаго вѣка, а иногда даже для четверти или половины вѣка. Такимъ образомъ пополнялся недостатокъ историческихъ картъ, которыя появились впослѣдствіи. Преподаватель Горскій также обращалъ особенное вниманіе на внутреннюю жизнь народовъ, не упуская изъ виду и исторической географіи. Воспитанники, какъ и прежде, чертили историческія карты. Чтобы жизнь народа ярче запечатлѣлась въ памяти дѣтей, Горскій, при всякомъ удобномъ случаѣ, показывалъ дѣтямъ рисунки одеждъ, вооруженія, памятниковъ и т. п. При изученіи русской исторіи строго требовалось знаніе генеалогіи. Изъ хронологіи же вообще заучивались годы только главнѣйшихъ событій. При томъ Горскій заботился о томъ, чтобы дѣти больше изучали исторію въ классѣ, нежели дома; потому онъ сначала каждый урокъ разсказывалъ самъ, а потомъ заставлялъ тутъ же воспитанниковъ повторить нѣсколько разъ.

Въ настоящее время преподаваніе исторіи идетъ согласно „учебнымъ планамъ".

НОВѢЙШІЕ ЯЗЫКИ

(французскій и нѣмецкій).

Въ 1835 г. нѣмецкій языкъ введенъ во всѣхъ классахъ, а французскій только съ IV класса; но 31 іюля 1836 г. Министръ народнаго просвѣщенія, по представленію Попечителя округа, разрѣшилъ преподавать французскій языкъ и въ низшихъ классахъ. Кромѣ языка въ VII классѣ преподавалась краткая исторія литературъ французской и нѣмецкой. По ревизіямъ 1838 и 1839 годовъ успѣхи по новымъ языкамъ оказались неудовлетворительными. Поэтому попечитель предписалъ „прежде всего выучить хорошо читать,

далѣе затверживать слова при переводахъ, заниматься грамматическимъ и синтаксическимъ разборомъ, переводы въ высшихъ классахъ дѣлать въ классѣ изустно и на бумагѣ, въ VII классѣ писать сочиненія". По ревизіи 1843 года успѣхи въ нѣмецкомъ языкѣ оказались удовлетворительными. Послѣ этой ревизіи Попечитель высказалъ свое мнѣніе о преподавателяхъ: „Ней обладаетъ обширными познаніями въ языкѣ и литературѣ, но не знаетъ русскаго языка, Николаи—преподаватель хорошій. Деплапьи—преподаватель хорошій, грамматику преподаетъ отчетливо и основательно; переводы хороши, но у Сена-Тома успѣхи слабы". Преподаватель Баронъ, занявшій мѣсто Деплапьи, обращалъ главное вниманіе на произношеніе и переводъ á livre ouvert. Въ низшихъ классахъ особенно успѣшно шло преподаваніе французскаго языка при преподавателѣ Мильчевскомъ, который требовалъ отъ учениковъ и знанія словъ, и разбора и отчетливаго перевода. Тѣмъ же характеромъ отличалось преподаваніе учителей нѣмецкаго языка Штейнгауэра и Марпурга и французскаго языка Матье и Боржимовскаго. Въ старшихъ классахъ преимущественное вниманіе обращалось на теоретическую сторону, т. е. при переводахъ съ нѣмецкаго и французскаго языковъ ученики знакомились подробно съ строемъ рѣчи, съ управленіемъ словъ, образованіемъ предложеній и ихъ видами, съ согласованіемъ и проч. При удобномъ случаѣ повторялись и нѣкоторые болѣе трудные отдѣлы изъ этимологіи. При переводахъ съ русскаго языка указывалось ученикамъ на тождественность и разность рѣчи русской и обоихъ иностранныхъ языковъ. Въ младшихъ классахъ преобладала практическая сторона въ преподаваніи: заучивали слова, формы, занимались чтеніемъ, письмомъ, учили наизусть стихи, въ I и II классахъ занимались переводами отдѣльныхъ предложеній, а въ III и IV небольшихъ статей.

Сочиненія на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ отсылались на разсмотрѣніе Попечителя округа до 25 октября 1845 года и нѣкоторыя изъ нихъ заслуживали одобренія.

На основаніи Устава 1864 года во второй Казанской гимназіи, какъ классической, введены были въ число учебныхъ предметовъ два древнихъ языка—греческій и латинскій; вслѣдствіе этого для учениковъ сдѣлался обязатель-

нымъ только одинъ новый языкъ нѣмецкій или французскій.

9) Чистописаніе черченіе и рисованіе

Чистописаніе съ 1850 г. по 1873 г. преподавалось во второй Казанской гимназіи по методѣ Ходоровскаго.

Съ 1873 же года преподается учителемъ Филиппусомъ по методу, изложенному въ „Наставленіи о преподаваніи чистописанія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ". С.-П. 1868 г. Рисованіе и черченіе преподается въ настоящее время тѣмъ же учителемъ по методамъ: 1) Мужака, 2) Сапожникова и 3) Эренберга въ предѣлахъ учебнаго плана для средне-учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, помѣщеннаго въ журналѣ того же Министерства за октябрь мѣсяцъ 1873 года.

10) Законовѣдѣніе.

Законовѣдѣніе въ гимназіи введено въ 1849—50 году въ V, VI и VII классахъ Преподавалось оно по руководствамъ и програмѣ, предписанной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Именно: V классъ—Россійскіе основные законы. Учрежденія съ уставами о службѣ гражданской. Законы о состояніяхъ. VI—законы гражданскіе опредѣлительные. Гражданское судопроизводство. VII—законы уголовные и полицейскіе съ судопроизводствомъ уголовнымъ. Повтореніе всего пройденнаго.

Преподаваніе сопровождалось чтеніемъ, по мѣрѣ надобности, статей свода законовъ и практическими упражненіями, которыя состояли въ составленіи бумагъ разнаго рода и въ разсмотрѣніи уже рѣшенныхъ дѣлъ въ томъ или другомъ присутственномъ мѣстѣ. 10 сентября 1862 года, за недостаткомъ учениковъ, желающихъ слушать законовѣдѣніе, оно было упразднено и болѣе не возобновлялось.

11) Естественная исторія.

Естественная исторія введена была съ 1852—53 года и распредѣлялась такимъ образомъ: I классъ: разсказы о разныхъ предметахъ естественной исторіи, II и III кл. зо-

ологія; IV и V—ботаника; VI минералогія и VII физіологія и повтореніе. Сначала естественная исторія во всѣхъ классахъ преподавалась по запискамъ, кромѣ VI, гдѣ читалась минералогія по руководству Гофмана. Въ 1853—54 г. зоологія читалась по вновь вышедшему тогда руководству Симашко, но успѣхи учениковъ оказались неудовлетворительными. Потому съ слѣдующаго учебнаго года преподавателю позволено было отступать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ руководства и употреблять свои записки. Съ этого же года ботаника преподавалась по руководству Шиховскаго, но и это руководство оказалось мало примѣнимымъ къ дѣтскому возрасту. Поэтому въ слѣдующемъ году разрѣшено было дѣлать нѣкоторыя отступленія и пользоваться записками, а съ 1857—58 года изданной учителемъ 2-ой гимназіи Балліономъ ботаникой. Балліонъ старался преподавать какъ можно болѣе практически и наглядно; лѣтомъ дѣлалъ съ воспитанниками экскурсіи для составленія собранія насѣкомыхъ; указывалъ, гдѣ случалось, на замѣчательныя растенія; въ классахъ заставлялъ чертить и потомъ вырѣзывать изъ картофеля, рѣпы и другихъ подобныхъ матеріаловъ формы кристалловъ, дѣлалъ опыты при помощи паяльной трубки и т. п. Преемникъ его Ѳедоровъ сдѣлалъ одно измѣненіе въ преподаваніи: онъ старался по возможности избѣгать латинскихъ именъ, которыя затрудняли дѣтей.

Того же взгляда держался и Добрынинъ.

Преемникъ его Безсоновъ ввелъ по возможности практическій методъ преподаванія. Съ животными и растеніями онъ знакомилъ своихъ учениковъ или въ зоологическомъ и ботаническомъ кабинетахъ, или по картинкамъ. Его уроки носили характеръ бесѣдъ и отличались занимательностью. Еще интереснѣе были уроки Ауновскаго. Обладая хорошей дикціей и большими знаніями, онъ возбудилъ искреннюю любовь воспитанниковъ къ своему предмету и достигъ болѣе, чѣмъ удовлетворительныхъ успѣховъ, о которыхъ лестно отзывался педагогическій совѣтъ въ совѣщаніяхъ своихъ въ декабрѣ 1865 года. Преподаваніе химіи сопровождалось опытами въ лабораторіи.—Съ 1 іюня 1865 г. 2-я Казанская гимназія была преобразована въ реальную. Латинскій языкъ былъ исключенъ изъ числа учебныхъ предметовъ и оставшіеся свободными уроки замѣнены естественной исторіей въ большемъ объемѣ и химіей. Это про-

должалось до 1 января 1866 года, когда вторая Казанская гимназія преобразована въ полную классическую гимназію съ двумя древними языками—латинскимъ и греческимъ. Съ 1-го января 1866 г. по 1 августа 1868 года естественная исторія въ гимназіи вовсе не преподавалась; съ 1-го же августа 1868 г, когда вторая гимназія преобразова по новымъ штатамъ, преподаваніе естественной исторіи введено въ первыхъ трехъ классахъ, по 2 урока въ недѣлю, по программамъ, утвержденнымъ совѣтомъ и по способу концентрическихъ круговъ. Преподаваніе это было поручено учителю математики въ низшихъ классахъ Адіясевичу; въ руководство была принята естественная исторія Баумана. По введеніи Устава 1871 года естественная исторія не преподавалась вовсе. Въ настоящее же время преподается ученикамъ VIII класса краткій очеркъ естественной исторіи преподавателемъ исторіи и географіи Н. В. Державинымъ.

12) Курсъ приготовительнаго класса.

Потребность приготовительнаго класса при гимназіяхъ сознавалась давно. Въ Казани къ практическому удовлетворенію этой потребности было приступлено въ 1864 году. Въ засѣданіи соединеннаго педагогическаго совѣта 18 ноября сказаннаго года постановлено было открыть при одной изъ гимназій приготовительный классъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) годовая плата за право ученья въ приготовительномъ классѣ назначается 20 рублей. 2) Въ приготовительный классъ принимаются дѣти не моложе 8 лѣтъ. 3) Приготовительный классъ раздѣляется на два отдѣленія: младшее и старшее. 4) Въ приготовительномъ классѣ преподаются слѣдующіе предметы: а) Законъ Божій (необходимыя молитвы, краткая священная исторія и краткій катихизисъ), б) русское чтеніе и, письмо и въ случаѣ возможности, первоначальное чтеніе и письмо и на иностранныхъ языкахъ, в) ариѳметика (первыя четыре дѣйствія надъ цѣлыми отвлеченными числами). 5) Законъ Божій преподаетъ назначенный для того священникъ, а прочіе предметы—особый учитель, пользующійся правами учителя приходскаго училища. 6) Жалованья законоучителю за два урока въ недѣлю полагается 80 рублей въ годъ, а учителю 300 рублей и казенная квартира, если таковая имѣется при гимназіи. На

этихъ основаніяхъ и былъ открытъ приготовительный классъ при первой гимназіи; при второй же гимназіи его не было до изданія Устава 1871 года. 11-го сентября этого года въ засѣданіи педагогическаго совѣта второй гимназіи относительно открывшагося приготовительнаго класса постановлено: первое время особенное вниманіе обратить на пріученіе учениковъ къ хорошему, бойкому, правильному и выразительному чтенію, на что и посвятить 3 урока въ недѣлю, затѣмъ 2—на письменныя упражненія, состоящія въ диктовкѣ и списываніи съ книгъ, 1 урокъ на славянское чтеніе. Затѣмъ утверждена слѣдующая программа занятій въ приготовительномъ классѣ. Понедѣльникъ: изученіе наизусть и диктовка заученнаго. Указаніе статьи для славянскаго чтенія. Вторникъ: славянское чтеніе и объясненіе статьи для чтенія, заданной къ слѣдующему уроку. Среда: упражненіе въ сознательности и выразительности чтенія. Указаніе прежде читанной статьи для повторенія. Четвергъ: диктовка и объясненіе статьи для чтенія, задаваемой къ слѣдующему уроку. Пятница: упражненіе въ сознательности и выразительности чтенія Указаніе прежде читанной статьи для повторенія. Суббота: упраженіе въ бѣглости чтенія и объясненіе стихотворенія или басни.

Занятія по ариѳметикѣ (каждый день) состоятъ въ рѣшеніи задачъ посредствомъ счисленія устнаго, письменнаго и на счетахъ. Даются также на домъ письменныя упражненія, состоящія въ умѣренномъ списываніи съ книги и въ исполненіи задачъ по методамъ Ушинскаго и Корфа—каждый день. При чемъ письменный урокъ объясняется предварительно въ классѣ. При обученіи чтенію, правописанію и вообще рускому языку, учитель пользуется практическими указаніями Ушинскаго, Корфа, Водовозова и Паульсона. Для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ для учителя служитъ руководствомъ книга Паульсона. Ариѳметика ведется по методѣ Грубе. Въ томъ же засѣданіи педагогическаго совѣта утвержденъ былъ слѣдующій списокъ молитвъ, предназначенныхъ къ изученію въ приготовительномъ классѣ: Царю Небесный; Святый Боже; Пресвятая Троице; Отче нашъ; возставше отъ сна, припадаемъ Ти, Господи; отъ одра и сна воздвиглъ мя еси; напрасно Судія пріидетъ; отъ сна возставъ, благодарю Тя. Святая Троице; Богородице Дѣво радуйся; Ангеле Божій хранителю мой Святый; спаси

Господи люди Твоя; день прешедъ, благодарю Тя, Господи; день прошелъ, благословлю тя Святый; Боже вѣчный и Царю всякаго созданія; Преблагій Господи, ниспосли намъ благодать...; Благодаримъ Тя, Создателю; очи всѣхъ на Тя, Господи уповаютъ; благодаримъ тя Христе Боже нашъ; символъ вѣры; десять заповѣдей. За тѣмъ: начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ. Состав. протоіерей Соколовъ 1871 г.

Въ засѣданіи Совѣта 9 сентября 1872 г. заслушано и утверждено слѣдующее мнѣніе преподавателя Ислентьева: „занятія по ариѳметикѣ могутъ состоять первоначально въ рѣшеніи простѣйшихъ задачъ съ цѣлью вывести изъ нихъ правила ариѳметическихъ дѣйствій сначала надъ небольшими числами, умственно, при помощи кубиковъ, палочекъ, орѣховъ и счетовъ, и письменно, при помощи цифръ и ариѳметическихъ знаковъ, придерживаясь методы Грубе. При этихъ занятіяхъ съ большею пользою могутъ употребляться задачники: Воленса, Евтушевскаго и Паульсона, составленные по методѣ Грубе. Пріемы, употребляемые при рѣшеніи задачъ, должны состоять въ слѣдующемъ: учитель заставляетъ повторить задачу сперва ученика, вызваннаго къ доскѣ, а потомъ и нѣкоторыхъ изъ слѣдующихъ учениковъ, далѣе, узнаетъ отъ ученика, что имъ въ этой задачѣ извѣстно, и что надо отыскать; а потомъ уже предоставляетъ ученикамъ рѣшить ее, наблюдая при этомъ за логичностью и послѣдовательностью выводовъ. Въ случаѣ затрудненія учениковъ при рѣшеніи задачи, учитель долженъ посредствомъ ряда послѣдовательно расположенныхъ вопросовъ доводить учениковъ до рѣшенія задачи. Такъ какъ всѣ сказанныя задачи избираются изъ вседневной практической жизни, то и данныя въ нихъ числа не должны быть отвлеченныя; поэтому учениковъ при рѣшеніи задачъ надобно постепенно знакомить и по возможности путемъ нагляднымъ съ единицами различныхъ мѣръ, а также съ $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$ и $^1/_8$. Эти дроби можно смѣло писать цифрами, не давая дѣтямъ другаго объясненія, кромѣ того, что половина пишется $^1/_2$, четвёрть $^1/_4$ и т. д. А почему это такъ пишется, ученики узнаютъ позже при изученіи дробей. Каждый урокъ ариѳметики долженъ служить для учениковъ и практическимъ упражненіемъ въ языкѣ. Поэтому необходимо съ самаго начала особенное вниманіе обращать на устное рѣшеніе задачъ и на

отвѣты учениковъ.—На красивое письмо, т. е. на тщательное изображеніе цифръ и знаковъ обращается также надлежащее вниманіе, особенно въ началѣ. Ознакомивъ учениковъ съ первыми четырьмя ариѳметическими дѣйствіями по методѣ Грубе, учитель приступаетъ къ объясненію нумераціи до милліона, а за тѣмъ и самыхъ правилъ ариѳметическаго сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія съ надлежащими повѣрками. Задачи на объясненныя правила могутъ быть теперь выбираемы, сверхъ задачниковъ Воленеа и Евтушевскаго, изъ собранія задачъ Томаса, Иваницкаго и другихъ. При рѣшеніи задачъ также соблюдается общепринятый методъ состоящій въ постепенномъ переходѣ отъ простѣйшаго къ болѣе сложному. Къ числу главныхъ пособій при обученіи счисленію въ приготовительномъ классѣ должны быть отнесены счеты, на которыхъ ученикъ пріучается дѣлать сложеніе и вычитаніе, а также умноженіе на небольшія числа. При чемъ, въ теченіе всего преподаванія ариѳметики, выкладки на счетахъ соединяются съ устнымъ и письменнымъ счисленіемъ. Преподаваніе ариѳметики въ приготовительномъ классѣ заканчивается сравненіемъ чиселъ и изученіемъ суммы, разности, произведенія и частнаго. Для домашняго упражненія задаются ученикамъ задачи самыя легкія, объясненныя и совершенно усвоенныя ими. Изъ приведеннаго способа веденія дѣла вытекаетъ, какъ прямое слѣдствіе, что никакого учебника въ приготовительномъ классѣ по ариѳметикѣ не должно быть вводимо".

13) Классъ пѣнія.

Еще въ 1842 году директоръ второй Казанской гимназіи М. Н. Львовъ ходатайствовалъ предъ тогдашнимъ попечителемъ округа Мусинымъ-Пушкинымъ о дозволеніи учредить при гимназіи классъ вокальной музыки. Сказавъ о томъ, какое облагораживающее вліяніе на человѣка производитъ музыка, директоръ высказалъ мысль, что, можетъ быть, скрывается въ неизвѣстности много музыкальныхъ талантовъ потому только, что людямъ, обладающимъ ими, не выпадаетъ случая обучиться своевременно пѣнію. Попечитель, какъ видно изъ дѣла, совершенно раздѣлялъ взглядъ директора; но узнавъ, что на учрежденіе класса пѣнія потребуется не менѣе 80 руб. сер., отказалъ въ ходатайствѣ, по-

ставивъ на видъ, что гимназія, при недостаточности экономическихъ средствъ, нуждается во многомъ, гораздо нужнѣйшемъ. Въ 1866 г., по приглашенію директора О. А. Имшеника, регентъ Цвѣтковъ обучалъ учениковъ церковному пѣнію, съ цѣлью подготовить ихъ къ служенію панихиды за упокой души русскаго исторіографа Карамзина (1 декабря 1866 г.), которая и была ими исполнена удовлетворительно. За тѣмъ тотъ же регентъ продолжалъ обучать учениковъ пѣнію, получая за то въ мѣсяцъ, при трехъ урокахъ въ недѣлю, жалованья 5 рублей.—Правильно организованнымъ при второй Казанской гимназіи классъ пѣнія является съ того времени, какъ на этотъ предметъ ассигнована сумма изъ Государственнаго Казначейства. Въ засѣданіи совѣта второй гимназіи 11 января 1872 года выработаны были слѣдующія постановленія относительно класса пѣнія:

1) Кромѣ практическихъ занятій спеціально хоровымъ пѣніемъ, желающіе ученики должны быть ознакомлены и съ общими элементарными музыкальными познаніями.

2) Вступленіе и выбытіе изъ класса пѣнія зависитъ отъ воли родителей.

3) Назначается одинъ урокъ для маленькихъ голосовъ, одинъ для большихъ и одинъ общій.

4) Невнимательный по классу пѣнія ученикъ подлежитъ отвѣтственности по общему положенію и вообще должно быть устраняемо все то, что располагало бы смотрѣть на классъ пѣнія, какъ на забаву.

5) Поставляется въ обязанность знаніе необходимыхъ, болѣе употребительныхъ, духовныхъ пѣсней и молитвъ, но разрѣшается преподаваніе свѣтскаго пѣнія, въ программу котораго могутъ войти: латинская классическая духовная музыка (Моцарта, Россини и др.), народныя пѣсни и вообще хоровыя піесы, содержаніе которыхъ не могло бы имѣть вреднаго вліянія на нравственность воспитанниковъ.

6) Съ надлежащаго разрѣшенія можетъ быть устроенъ хоръ въ Университетской церкви или изъ однихъ гимназистовъ, или вмѣстѣ съ студентами.

14) Гимнастика.

Въ 1838 году одинъ учитель гимнастики письмомъ къ тогдашнему директору М. Н. Львову приглашалъ воспитан-

никовъ заниматься, подъ руководствомъ его—учителя, гимнастикой. При письмѣ приложена была записка о пользѣ гимнастическихъ упражненій. Но имѣло-ли какое-нибудь послѣдствіе это приглашеніе, изъ дѣлъ гимназіи не видно. Въ 1851 году Министръ Народнаго Просвѣщенія, усмотрѣвъ, что ученики гимназій не достаточно вѣжливы при встрѣчѣ съ начальствующими, предписалъ обучать въ гимназіяхъ военной выправкѣ. Распоряженіе Министра во второй гимназіи было исполнено. Воспитанники обучались военной выправкѣ въ лѣтнее время на гимназическомъ дворѣ, подъ руководствомъ наемнаго унтеръ-офицера. Вскорѣ оказались и ожидаемые результаты отъ обученія учениковъ военной выправкѣ. 20 сентября того же 1851 года тогдашній Министръ народнаго просвѣщенія Князь Ширинскій-Шахматовъ посѣтилъ вторую гимназію самъ лично и, оставшись доволенъ состояніемъ гимназіи вообще, замѣтилъ, что ученики отъ военной выправки пріобрѣли хорошіе манеры, развязность и благородство въ движеніяхъ.—Въ концѣ 1860 годовъ на гимназическомъ дворѣ устроены гимнастическіе снаряды. Въ настоящее время обученіе гимнастикѣ идетъ довольно правильно особенно потому, что на этотъ предметъ отпускается казенная сумма.

15) Бухгалтерія и землемѣро-таксаторскіе классы

Въ 1841 году директоръ гимназіи Львовъ, выходя изъ той мысли, что не всѣ ученики гимназіи поступаютъ впослѣдствіи въ университетъ, а особенно на второе (математическое) отдѣленіе философскаго факультета, въ одномъ изъ отчетовъ попечителю нѣкоторыя части математики предлагалъ замѣнить геодезіей, практической механикой и гражданской архитектурой,—которыя сообщаютъ свѣдѣнія всегда и вездѣ человѣку необходимыя. На это мнѣніе директора, какъ и слѣдовало ожидать, не обращено было никакого вниманія. Но мысль о томъ, что школа должна служить утилитарнымъ цѣлямъ, была слишкомъ распространена въ 40 — 50 годахъ нынѣшняго столѣтія, чтобы ей не найти практическаго примѣненія. Вторая Казанская гимназія почему-то [1] особенно считалась удобною для осуществленія ути-

[1] Не потому-ли, что вторая гимназія была открыта во время господства такихъ взглядовъ?

литарныхъ стремленій общества. Общество желало, чтобы при второй гимназіи были учреждены классы коммерціи и бухгалтеріи и на этотъ предметъ пожертвовано было въ разное время разными лицами свыше 20 тысячъ руб. ассигнаціями. Классы коммерціи и бухгалтеріи учреждены не были. Но въ 1849 году въ засѣданіи педагогическаго совѣта было постановлено: учениковъ, не желающихъ, послѣ окончанія курса, поступать въ университетъ, знакомить хоть нѣсколько съ общими правилами бухгалтеріи, какъ русской, такъ и иностранной, для чего поручить учителю математики Столбовскому составить и представить въ совѣтъ краткое обозрѣніе бухгалтеріи. А на учителя словесности возложена была обязанность пріучать этихъ учениковъ къ составленію дѣловыхъ бумагъ краткаго содержанія.

Въ 1860 году открыты были при второй гимназіи землемѣро-таксаторскіе классы и существовали до 1869 года.

Въ 1869 году библіотека закрытыхъ землемѣро-таксаторскихъ классовъ, по ходатайству директора О. А. Имшеника, пожертвована губернскою земскою управою въ пользу второй гимназіи.

Правильное распредѣленіе преподаванія по классамъ и раціональные методы обученія служатъ самою лучшею гарантіей успѣшности учениковъ въ преподаваемыхъ имъ предметахъ. Но для этой цѣли во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ всегда и вездѣ употребляются и внѣшнія мѣры. Онѣ раздѣляются 1) на положительныя (поощряющія) и 2) на отрицательныя (карательныя).

Изъ числа мѣръ перваго рода во второй Казанской гимназіи употреблялись:

1) Бѣдные, заслуживающіе того по прилежанію и поведенію, ученики (въ количествѣ, предписанномъ Уставомъ) освобождались отъ платы за ученіе, которая въ настоящее время возрасла до 30 рублей въ годъ.

2) Таковымъ же ученикамъ безвозмездно выдавались учебныя пособія, назначались единовременныя денежныя пособія и выдавались стипендіи изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

3) Ученики, отличные по успѣхамъ и поведенію, занимали высшія мѣста въ классѣ. До 1860 года ученики каждаго класса гимназіи распредѣлялись въ спискѣ по общей суммѣ балловъ по всѣмъ предметамъ. Въ засѣданіи совѣта 30 января 1860 года этотъ способъ разсаживанія учениковъ

по успѣхамъ признанъ не совсѣмъ отвѣчающимъ цѣли, потому что при такомъ порядкѣ ученики, оказавшіе въ одномъ или нѣсколькихъ предметахъ успѣхи средственные или слабые, при отличныхъ или хорошихъ успѣхахъ по другимъ предметамъ, по большей части занимаютъ въ классѣ высшія мѣста противъ тѣхъ учениковъ, которые занимаются по возможности одинаково ровно по всѣмъ предметамъ, но у которыхъ общая сумма балловъ менѣе. Поэтому опредѣлено впредь руководствоваться слѣдующими правилами:

а) Первыя мѣста принадлежатъ тѣмъ ученикамъ, которые по всѣмъ предметамъ оказали успѣхи отличные (5).

б) За ними слѣдуютъ тѣ, которые хотя по одному предмету оказали успѣхи хорошіе (4).

в) Далѣе тѣ, которые хотя въ одномъ предметѣ имѣютъ успѣхи достаточные (3).

г) За ними имѣющіе хотя въ одномъ предметѣ баллъ средственный (2).

д) Наконецъ послѣднія мѣста въ классѣ принадлежатъ тѣмъ ученикамъ, которые хотя въ одномъ предметѣ занимались слабо (1).

е) Ученики, имѣющіе одинаковый баллъ въ поведеніи, при одинаковой общей суммѣ балловъ и по каждому предмету въ отдѣльности, считаются въ классѣ подъ однимъ нумеромъ.

Къ этимъ мѣрамъ въ 1868—69 г. педагогическій совѣтъ призналъ полезнымъ прибавить еще слѣдующія: а) при разсмотрѣніи отмѣтокъ слабо успѣвающихъ учениковъ принимать во вниманіе ихъ способности, прилежаніе, поведеніе, домашнюю обстановку, узнавать, имѣетъ ли ученикъ книги, учебныя пособія и руководства; б) при спрашиваніи уроковъ обращать особенное вниманіе на слабоуспѣвающихъ учениковъ и в) слабоуспѣвающихъ учениковъ двухъ первыхъ классовъ занимать по нѣкоторымъ предметамъ внѣ класснаго времени. Въ 1873 году для занятій съ учениками, оставляемыми въ гимназіи послѣ уроковъ за лѣность и проступки, учреждена должность репетиторовъ. Должность эту въ настоящее время поочередно несутъ два преподавателя (древнихъ языковъ и математики) гимназіи, получая вознагражденіе изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи въ количествѣ 300 рублей въ годъ каждый.

Согласно распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 4 мая 1874 года во второй гимназіи практикуется, какъ поощряющая мѣра къ ученью, распредѣленіе учениковъ на разряды, и „имена воспитанниковъ въ классномъ спискѣ располагаются въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ другъ за другомъ по успѣхамъ въ ученьи, по поведенію, вниманію и прилежанію, при чемъ къ первому разряду учениковъ относятся имѣющіе не менѣе 5 за поведеніе и 5 за прилежаніе или же за вниманіе, не менѣе 4 въ каждомъ предметѣ и не менѣе $4^1/_2$ или $4^1/_3$ въ среднемъ выводѣ изъ отмѣтокъ по древнимъ языкамъ и математикѣ, а ко второму разряду относятся ученики, имѣющіе не менѣе 4 за поведеніе, 4 за прилежаніе или вниманіе и не менѣе 3 за успѣхи въ каждомъ предметѣ, при среднемъ выводѣ не менѣе $3^1/_2$ или $3^1/_3$ по выше указаннымъ главнымъ предметамъ; имена же остальныхъ всѣхъ учениковъ, не заслуживающихъ одного изъ вышеуказанныхъ отличій, располагаются въ порядкѣ по ихъ успѣхамъ, безъ отнесенія къ какому-либо разряду, при чемъ всѣмъ ученикамъ вообще, независимо отъ отнесенія ихъ къ различнымъ разрядамъ, ведется одна общая нумерація".

4) Далѣе мѣрою поощренія учениковъ къ успѣхамъ до 1865 года служило записываніе отличныхъ учениковъ на золотую доску. Начиная съ этого времени золотыя доски вовсе не употреблялись вплоть до 1874 года, когда, по распоряженію Министерства, введена постоянная золотая доска, на которую и занесены имена всѣхъ учениковъ, кончившихъ курсъ съ золотою медалью, начиная съ 1837 г.

5) Ученики, съ успѣхомъ проходящіе курсъ своего класса, по окончаніи годичныхъ испытаній, переводятся въ слѣдующій высшій классъ. Въ 40-хъ годахъ для перевода въ высшій классъ требовалось: 1) чтобы ученикъ въ общемъ выводѣ имѣлъ не менѣе 3 балловъ, 2) чтобы ни въ одномъ предметѣ не имѣли чистой единицы (какъ въ годичныхъ, такъ и въ экзаменныхъ отмѣткахъ), 3) чтобы не имѣли менѣе 3 балловъ въ Законѣ Божіемъ, математикѣ, русскомъ и латинскомъ языкахъ. Въ 1846 г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ принимать въ университетъ безъ экзамена тѣхъ изъ учениковъ, кончившихъ курсъ гимназіи, которые а) въ среднемъ выводѣ имѣютъ не менѣе 4, б) ни по одному предмету не имѣютъ 1 и не болѣе одного раза

имѣютъ 2) в) въ русской словесности и логикѣ въ сложности имѣютъ не менѣе 4, г) въ поведеніи имѣютъ не менѣе 4. Желавшіе поступить во врачебный и словесный факультеты должны были, сверхъ того, имѣть не менѣе 4 въ латинскомъ языкѣ; такую же отмѣтку должны были имѣть по физикѣ и математикѣ тѣ ученики, которые желали поступить на математическое отдѣленіе.

Въ 1859 г. совѣтомъ гимназіи постановлено: а) тѣхъ изъ учениковъ, которые по успѣхамъ въ каждомъ предметѣ будутъ имѣть въ средней годовой и репетиціонной отмѣткахъ не менѣе полныхъ четырехъ балловъ, безусловно переводить въ высшій классъ, не подвергая экзамену; б) учениковъ, оказавшихъ даже по одному какому-либо предмету успѣхи средственные (2) или слабые (1) безусловно подвергать испытанію во всѣхъ предметахъ; в) что же касается остальныхъ учениковъ, то освобожденіе или неосвобожденіе ихъ отъ переводныхъ испытаній предоставляется на единогласное рѣшеніе тѣхъ преподавателей, въ предметахъ которыхъ воспитанники имѣютъ не полные четыре балла. Но такое постановленіе совѣта, утвержденное попечителемъ округа, держалось только два года. По правиламъ объ экзаменахъ 1864 г. перевода удостоивались только ученики, получившіе въ среднемъ выводѣ изъ годовыхъ и экзаменныхъ балловъ не менѣе 3 по всѣмъ предметамъ и по каждому въ отдѣльности. При выводѣ общаго балла дроби въ счетъ не принимались. Получившіе на экзаменѣ изъ какого-либо предмета 1 (единицу) не переводились. Въ концѣ того же 1864 года учебнаго года попечительскимъ совѣтомъ было постановлено: переводить въ высшіе классы учениковъ, имѣющихъ не болѣе, какъ изъ двухъ предметовъ, при годовой 2, экзаменную отмѣтку 3 и на оборотъ При выводѣ годовой отмѣтки дробь $^2/_3$ должна была приниматься за единицу. Ученики, оказавшіе неудовлетворительныя познанія по одному предмету могли быть, съ разрѣшенія педагогическаго совѣта, допускаемы къ переэкзаменовкѣ послѣ вакаціи. 14 мая 1870 года въ педагогическомъ совѣтѣ заслушано предложеніе попечителя о томъ, чтобы учениковъ, имѣющихъ по всѣмъ предметамъ въ среднемъ выводѣ годовой баллъ не менѣе 4, переводить въ высшіе классы безъ экзамена. Но такіе ученики не лишались права подвергнуться экзамену, если желали получить высшую отмѣтку. Въ настоящее время дѣй-

ствуютъ правила объ испытаніяхъ, утвержденныя г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 8 декабря 1872 года. Вотъ §§ этихъ правилъ, относящіеся къ предмету, о которомъ идетъ рѣчь:

§ 30. При удостоеніи перевода въ высшій классъ и при удостоеніи свидѣтельствъ объ успѣшномъ окончаніи курса прогимназіи или первыхъ шести классовъ гимназіи, преимущественное вниманіе обращается на успѣшность въ главныхъ предметахъ гимназическаго курса, то есть, въ обоихъ древнихъ языкахъ и въ математикѣ. Посему для перевода въ высшій классъ требуется:

а) по каждому изъ главныхъ предметовъ, въ среднемъ выводѣ изъ четырехъ срочныхъ вѣдомостей за годъ имѣть въ высшихъ классахъ (V, VI, VII и VIII) не менѣе полныхъ трехъ, въ III и IV классахъ не менѣе $2^3/_4$ и наконецъ въ I и II не менѣе $2^1/_2$, при чемъ однакоже $2^3/_4$ и $2^1/_2$, какъ и вообще по всѣмъ предметамъ, лишь тогда считаются удовлетворительною отмѣткою, когда, во первыхъ, за послѣднюю четверть года стоитъ отмѣтка не менѣе 3, и когда, во вторыхъ, за прилежаніе и вниманіе въ среднемъ выводѣ за годъ по данному предмету также стоитъ не менѣе 3.

б) Ни въ одномъ изъ остальныхъ предметовъ не имѣть въ среднемъ выводѣ за годъ менѣе 2; имѣющіе 2 въ одномъ изъ сихъ предметовъ, а въ низшихъ четырехъ классахъ—и въ двухъ изъ сихъ предметовъ, могутъ быть допущены къ испытанію изъ сихъ предметовъ, но не иначе, какъ послѣ лѣтней вакаціи, во время, назначенное для пріемныхъ испытаній.

в) Въ среднемъ выводѣ за годъ имѣть вообще не болѣе, чѣмъ въ двухъ предметахъ, отмѣтку менѣе 3. Впрочемъ, по тѣмъ предметамъ, по коимъ производится испытаніе, удовлетворительная отмѣтка, полученная на семъ испытаніи, можетъ съ особаго всякій разъ разрѣшенія педагогическаго совѣта покрыть не совсѣмъ удовлетворительный выводъ за годъ по данному предмету ($2^1/_2$ и $2^3/_4$), при точномъ однакоже соблюденіи всѣхъ правилъ, изложенныхъ выше въ п. а, и, наконецъ,

г) Не имѣть на испытаніи ни по одному предмету отмѣтку менѣе 3, при чемъ однакоже, если въ тѣхъ классахъ, въ коихъ производится только письменное испытаніе, ученикъ, при удовлетворительной средней годовой отмѣткѣ (не

менѣе 3) по какому-либо предмету получитъ неудовлетворительную отмѣтку на письменномъ испытаніи, то онъ допускается къ повѣрочному устному испытанію еще до наступленія лѣтней вакаціи въ присутствіи всѣхъ преподавателей того же предмета, а также директора и инспектора.

§ 32. За исключеніемъ случаевъ, указанныхъ § 30 п. 4 никакія переэкзаменовки не допускаются; но отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта зависитъ: а) и безъ испытанія удостоивать перевода въ высшій классъ тѣхъ изъ учениковъ, которые, имѣя въ среднемъ выводѣ изъ годичныхъ отмѣтокъ по каждому предмету не менѣе 3, а по латинскому и греческому языкамъ, или по математикѣ и русскому языку, не менѣе 4 въ каждомъ изъ этихъ предметовъ, не могли явиться на испытаніе по причинамъ, признаннымъ со стороны педагогическаго совѣта вполнѣ уважительными и б) въ самыхъ рѣдкихъ и наиболѣе уважительныхъ случаяхъ назначать дополнительный экзаменъ послѣ лѣтней вакаціи тѣмъ, кои, не удовлетворяя вышеприведенному требованію, но будучи вообще исправными учениками, не могли или вовсе явиться на испытаніе, или вынуждены были прервать оное.

5) Отличные по успѣхамъ и поведенію ученики при переводѣ въ высшій классъ получали награды. Въ 1870 г. по опредѣленію попечительскаго совѣта награды 1-ой степени (книги и похвальнаго листа) удостоивались ученики, получившіе на экзаменѣ въ среднемъ выводѣ по каждому предмету отмѣтку 5, второй награды (похвальнаго листа)—ученики, имѣющіе въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ предметовъ отмѣтку 4, если при этомъ ни въ одномъ изъ предметовъ не имѣли ни въ годовыхъ, ни въ экзаменныхъ баллахъ отмѣтки 3, а въ поведеніи не менѣе 5.—По министерскимъ правиламъ 1872 года (§ 33) для полученія награды 1-ой степени (книги и похвальнаго листа) требуется: при отличномъ (5) поведеніи въ высшихъ трехъ классахъ и по меньшей мѣрѣ при хорошемъ (4) въ низшихъ четырехъ, имѣть, въ среднемъ выводѣ (изъ экзаменаціонныхъ отмѣтокъ по предметамъ, по коимъ было испытаніе и изъ годовыхъ, по коимъ онаго не было) по всѣмъ обязательнымъ для всѣхъ предметамъ не менѣе $4^1/_2$, не имѣть 3 ни по какому изъ сихъ предметовъ и въ главныхъ предметахъ имѣть въ одномъ изъ древнихъ языковъ 5 за годъ и 5 на испытаніи, въ другомъ 5 за годъ и 4 на испытаніи или на обо-

ротъ, и въ математикѣ 5 за годъ и 5 на испытаніи; для полученія награды 2-ой степени (похвальнаго листа) требуется: при обозначенномъ выше поведеніи имѣть полныхъ 4 въ среднемъ выводѣ по обязательнымъ для всѣхъ предметамъ и не менѣе 4 изъ каждаго изъ главныхъ предметовъ какъ за годъ, такъ и на испытаніи

6) Ученики, съ отличіемъ кончившіе курсъ гимназіи, награждались золотыми и серебряными медалями, каковая награда представляетъ награжденнымъ важныя гражданскія преимущества (см. § 129 устава гимназіи). По распоряженію попечительскаго совѣта, состоявшемуся въ 1870 году, золотыми медалями награждались ученики, которые, при отличномъ поведеніи, на окончательномъ испытаніи изъ всѣхъ предметовъ получили отмѣтку 5,—серебряными—тѣ, которые, на окончательномъ испытаніи, въ двухъ третяхъ предметовъ получили отмѣтку 5. При одинаковыхъ отмѣткахъ у нѣсколькихъ учениковъ присужденіе медали должно было опредѣляться совѣтомъ по тщательной оцѣнкѣ поведенія, способностей и успѣховъ учащихся въ трехъ высшихъ классахъ. По правиламъ объ испытаніяхъ, дѣйствующимъ нынѣ, золотыя медали присуждаются оказавшимъ наилучшіе успѣхи (оцѣненные отмѣткою 5) въ обоихъ древнихъ языкахъ и въ математикѣ, а серебряныя—въ двухъ изъ сихъ предметовъ, при чемъ въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ предметовъ испытанія, а также изъ тѣхъ предметовъ, по коимъ испытаніе не производилось и окончательныя отмѣтки выставлены порядкомъ, указаннымъ въ § 45, должно быть: для полученія золотой медали болѣе $4^1/_2$ для полученія серебряной медали болѣе 4, при отличномъ поведеніи въ томъ и другомъ случаѣ.

Отрицательныя мѣры для поощренія учениковъ къ ученью составляютъ противоположность положительнымъ мѣрамъ. Эти мѣры слѣдующія:

1) Неосвобожденіе, по бѣдности, отъ платы за ученіе, 2) лишеніе пособій и стипендій, 3) назначеніе низшихъ мѣстъ въ классномъ спискѣ; 4) наказанія: выговоры, оставленіе безъ обѣда, запись на черную доску и тѣлесныя наказанія, (два послѣднія наказанія были въ употребленіи до 1865 года), 6) оставленіе, по истеченіи учебнаго года, въ одномъ и томъ же классѣ. При томъ (по уставамъ 1864 и 1871 годовъ) ученикъ можетъ пробыть въ одномъ и томъ же классѣ не болѣе двухъ лѣтъ;

такъ что ученикъ, пробывшій въ классѣ два года и при этомъ все-таки не удовлетворяющій условіямъ перевода въ высшій классъ совсѣмъ увольняется изъ заведенія.

Таковы были мѣры къ возвышенію успѣшности учениковъ въ ученіи. Какова же была успѣшность въ дѣйствительности? По тѣсной зависимости успѣховъ учениковъ отъ методовъ и пріемовъ преподаванія, довольно полный отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ нами, когда рѣчь шла объ этихъ методахъ и пріемахъ. Но, въ виду особенной важности и интереса дѣла, мы рѣшились выдѣлить этотъ вопросъ, поставить его особо и отвѣтъ на него избрать содержаніемъ отдѣла нашей „записки", къ которому мы приступаемъ. При этомъ предварительно просимъ извиненія у нашихъ читателей за неизбѣжныя въ этомъ случаѣ повторенія.

Въ 1837 году директоръ и инспекторъ 2-й гимназіи доносили попечителю округа о результатахъ полугодичныхъ испытаній (*) слѣдующее:

1) „Въ законѣ Божіемъ и священной исторіи познанія учениковъ всѣхъ 7-ми классовъ оказались очень удовлетворительны, вполнѣ соотвѣтствуютъ возрасту каждаго класса и руководительнымъ книгамъ, для нихъ назначеннымъ. Въ высшихъ же трехъ классахъ свѣдѣнія учениковъ, кромѣ изложеннаго имъ въ руководительныхъ книгахъ, обогащаются отличными примѣрами, сообщаемыми имъ наставникомъ, имѣющимъ обширныя свѣдѣнія въ богословіи; при весьма хорошемъ способѣ преподаванія, дѣятельность сего наставника чрезвычайна; ибо онъ въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ его службы въ должности законоучителя только два раза не посѣщалъ классы, бывъ отвлеченъ отъ этого законною надобностію.

2) Въ ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, коническихъ сѣченіяхъ и физикѣ свѣдѣнія учениковъ очень удовлетворительны, не взирая на трудность сихъ предметовъ, преодолѣваемую отличными свѣдѣніями и дѣятельностью гг. преподавателей; слабѣе ученики по сему предмету въ 1 классѣ, чему причиной ихъ юный возрастъ. Есть и въ другихъ

(*) Экзамены въ гимназіяхъ Казанскаго учебнаго округа прежде были годичные (обыкновенно послѣ вакацій) и полугодичные (обыкновенно съ 7 по 20-е января). Послѣдніе отмѣнены въ 1849 году.

классахъ ученики слабѣе своихъ товарищей; по причинѣ этому неравныя ихъ способности.

3) Во всеобщей исторіи, отечественной исторіи и статистикѣ всеобщей и россійской успѣхи учениковъ удовлетворительны, хотя и могли-бы быть лучше, — по причинѣ этому перемѣна преподавателей; потому что учащіеся еще не привыкли къ методѣ новаго преподавателя, однако это усмотрѣно только въ 3 и 4 классахъ. Только тѣ ученики слабѣе другихъ, которые имѣютъ ограниченную память; по усердіе, дѣятельность и точныя свѣдѣнія въ своихъ предметахъ наставника, твердо можно быть увѣрену, скоро преодолѣютъ препятствія, а историческіе факты, имъ сообщаемые, изострятъ память учащихся.

4) Въ географіи успѣхи учениковъ очень удовлетворительны, сообразно возрасту каждаго изъ нихъ и возможности приготовлять его уроки; потому, чѣмъ классъ малолюднѣе, тѣмъ болѣе способовъ повторить учителю проходимое имъ съ каждымъ ученикомъ на картѣ; отъ чего ученики хорошо могутъ знать всѣ мѣста на ландкартахъ, хотя ограниченное состояніе многихъ изъ учениковъ препятствуетъ имъ имѣть свои собственныя карты для повторенія дома своихъ уроковъ, а тѣмъ затрудняетъ нѣкоторымъ образомъ ихъ успѣхи. Но чего не преодолѣетъ дѣятельность наставника, каковъ преподаватель 2-й Казанской гимназіи! Неусыпность его и стараніе замѣчены многими начальствующими, дѣлавшими честь своимъ посѣщеніемъ гимназіи и посторонними посѣтителями, бывшими въ классахъ географическихъ.

5) Въ россійской грамматикѣ успѣхи учениковъ очень удовлетворительны, что замѣчено было и г. Инспекторомъ казенныхъ учебныхъ заведеній; потому что преподаватель ея совершенно знаетъ этотъ предметъ, а не утомимое усердіе его извѣстно начальству.

6) Въ славянской грамматикѣ, логикѣ, реторикѣ и поэзіи основательные отвѣты, легкіе и удобные примѣры, письменныя сочиненія показали ясно, что ученики хорошо понимаютъ эти предметы, что наставникъ ихъ, имѣющій отличныя свѣдѣнія и способности, умѣетъ имъ передать свойства языка славянскаго, здравое сужденіе о формахъ логическихъ, пріятность изложеній реторическихъ и чувство восторженнаго человѣка въ поэзіи; сочиненія учениковъ высшихъ двухъ классовъ очень хороши въ прозѣ и стихахъ.

7) Въ латинскомъ языкѣ. Экзаменовавшій учениковъ въ этомъ предметѣ законоучитель о. архимандритъ Гавріилъ отозвался, что успѣхи учениковъ какъ въ этимологіи и синтаксисѣ, такъ и переводахъ очень удовлетворительны, не взирая на трудность этого предмета, которую преодолѣваетъ одна лишь особенная дѣятельностъ наставника и что ученики среднихъ классовъ, поступивъ въ VII классъ, будутъ имѣть весьма достаточныя свѣдѣнія въ латинскомъ языкѣ.

8) Во французскомъ языкѣ успѣхи учениковъ 3, 4, 5 и 6 классовъ удовлетворительны, а въ 7 они особенно хороши: дѣятельность преподавателей, отличное ихъ знаніе правилъ сего языка, легкій методъ преподаванія удобно достигаютъ своей цѣли; въ 1-мъ и 2-классахъ методъ преподаванія не точенъ, ибо ученики, слабо читая, упражняются въ спряженіи глаголовъ, что замѣчено г. преподавателю съ тѣмъ, чтобы онъ, оставя это, упражнялъ учениковъ 1-го класса въ одномъ чтеніи, а 2-го класса въ чтеніи и изученіи наизусть употребительнѣйшихъ словъ.

9) Въ нѣмецкомъ языкѣ. Экзаменовавшій—исправляющій должность инспектора отозвался, что успѣхи во всѣхъ классахъ удовлетворительны, не взирая на то, что ученики верхнихъ классовъ были слабо подготовлены въ лѣта своей юности: но дѣятельность и усердіе наставника, по возможности, преодолѣваетъ эти препятствія; такъ что ученики среднихъ классовъ, поступивъ въ верхніе, оправдаютъ вполнѣ его стараніе.

10) Разсмотрѣны были успѣхи учениковъ всѣхъ классовъ въ чистописаніи, черченіи и рисованіи. Успѣхи большей части учащихся вполнѣ оправдываютъ въ этихъ предметахъ неусыпное стараніе своего наставника; хотя занятія въ черченіи и рисованіи требуютъ большаго упражненія учащихся и внѣ классовъ, но неудобство переносить наклеенные на доски рисунки изъ дома гимназіи на значительное разстояніе въ свои квартиры, а нѣкоторыхъ и стѣсненное помѣщеніе въ домашнемъ быту лишаетъ сего пособія.

Изъ всего изложеннаго выше заключено, что, ежели тѣже наставники и съ такимъ же усердіемъ будутъ продолжать свою службу по гимназіи, то не взирая на то, что учащіеся живутъ внѣ ея, что не въ классное время за ними нѣтъ бдительнаго надзора наставниковъ, что многіе изъ

нихъ предоставляются влеченію собственной своей волѣ, и, какъ дѣти, часто могутъ быть разсѣяны, отвлечены отъ приготовленія своихъ уроковъ и повтореній пройденнаго прежде, гимназія въ самомъ непродолжительномъ времени достигнетъ своей цѣли и оправдаетъ попечительное начальство въ выборѣ наставниковъ".

Таковъ одинъ изъ первыхъ отчетовъ о состояніи учебной части во второй Казанской гимназіи, представленный начальству. Но вотъ что директоръ и инспекторъ гимназіи доносили попечителю о полугодичныхъ испытаніяхъ въ 1840 году, когда гимназія нѣсколько уже установилась.

„Ст. А. Степень успѣховъ въ каждомъ предметѣ и число учениковъ успѣвшихъ и неуспѣвшихъ,

1) Общій взглядъ на преподаніе.

Сличая познанія, пріобрѣтенныя учащимися въ продолженіе нынѣшняго полугодія, съ познаніями учениковъ прошедшихъ годовъ по тѣмъ же самымъ частямъ предметовъ, можно замѣтить, что успѣхи учащихся нынѣ удовлетворительнѣе, теперь можно быть взыскательнѣе при испытаніяхъ и все-таки остаться довольнымъ. Вообще можно сказать, что сумма познаній, пріобрѣтаемыхъ учащимися, увеличивается съ каждымъ годомъ, да иначе не должно быть во всякомъ благоустроенномъ учебномъ заведеніи; оставайся эта сумма знаній безъ приращеній, заведеніе будетъ падать,— оно отстанетъ отъ времени. Нужно, чтобы съ каждымъ новымъ годомъ былъ новый приливъ свѣдѣній; человѣчество, при нынѣшнемъ положеніи вещей, должно непремѣнно идти впередъ и идетъ. Испытанія производятся каждые полгода; этотъ небольшой промежутокъ времени не позволяетъ замѣтить большой разности въ улучшеніи заведеній. Чтобы вѣрнѣе судить, что улучшеніе точно есть и чрезвычайно большое, стоитъ только промежутокъ времени увеличить, вмѣсто полгода взять нѣсколько лѣтъ, и тогда всякій близорукій разглядитъ, что учебныя заведенія быстро стремятся къ совершенству. Что были гимназіи прежде и что онѣ нынѣ— разность удивительная! Случалось—и не рѣдко, – что прежніе наставники знали менѣе нынѣшнихъ учениковъ и еще менѣе умѣли приносить пользы; въ этомъ сознается всякій, кто не слишкомъ пристрастенъ къ старинѣ, для кого истина всего дороже. Что же было причиною улучшенія заведеній? Конечно преобразованіе ихъ по обширнѣйшему объему,

другое время, другія требованія: но нельзя не сознаться, что и полугодичныя испытанія, вмѣстѣ съ прочимъ, имѣли на это большое вліяніе. Ученикъ по необходимости долженъ приняться за повтореніе пройденнаго въ продолженіе полугода; онъ знаетъ, что съ него потребуютъ въ этомъ случаѣ отчетъ, ему извѣстно, что отвѣты его примутся въ разсчетъ при переводѣ изъ одного класса въ другой, при раздачѣ наградъ; а желаніе отличиться развѣ не заставитъ взяться его за книгу? Однѣ годичныя испытанія оставляли бы слишкомъ большіе промежутки времени для того, чтобы ученикъ могъ сохранить въ памяти все пройденное въ продолженіе года, повторенія въ классѣ учителя не въ состояніи заставить ученика готовиться съ такимъ стараніемъ, съ какимъ онъ приготовляется къ полугодичнымъ испытаніямъ; онъ привыкъ уже къ этимъ повтореніямъ, и потому самому они мало на него дѣйствуютъ. Все, хотя нѣсколько выходящее изъ обыкновеннаго круга дѣйствія, производитъ на мальчика сильное впечатлѣніе, возбуждаетъ въ немъ дѣятельность и соревнованіе, а возбужденіе это и составляетъ цѣль полугодичныхъ испытаній; слѣдовательно цѣль эта достигнута. Не опасаясь изобличенія въ хвастовствѣ, можно сказать, что вторая гимназія видимо совершенствуется; разумѣется, есть и въ ней недостатки, но гдѣ же ихъ нѣтъ? по крайней мѣрѣ употребляются всѣ усилія къ уменьшенію этихъ недостатковъ, уничтожить ихъ вовсе нельзя. Этого не въ состояніи сдѣлать ни мы и никто; мы дѣлаемъ все, что можемъ и умѣемъ дѣлать при данныхъ намъ средствахъ.

2) Успѣхи преподаванія по каждому предмету.

1) *Законъ Божій и Св. исторія.* Познанія учениковъ оказались очень удовлетворительными, особенно въ IV и VII классахъ, гдѣ очень многіе изъ учащихся получили на испытаніи отмѣтку 5. Преподаватель этого предмета, архимандритъ Гавріилъ, съ отмѣннымъ усердіемъ соединяетъ рѣдкое умѣнье излагать ясно самыя отвлеченныя истины; онъ искусно примѣняется къ возрасту и познаніямъ учащихся: въ I классѣ онъ также понятенъ, какъ и въ VII. Увлекательность его разсказовъ заставляетъ самыхъ разсѣянныхъ быть внимательными. Къ этому надо присоединить еще то, что онъ умѣлъ пріобрѣсть любовь всѣхъ учениковъ безъ различія, русскихъ и иностранцевъ, слушающихъ его лекціи и не слушающихъ. При преподаваніи библейской и

церковной исторіи употребляется въ помощь географія; мѣста историческихъ событій показываются на ландкартахъ и учащіеся сами пріучаются чертить на доскахъ карты.

2) *Математика и физика.* Во второй половинѣ прошедшаго года физика и математика въ высшихъ классахъ раздѣлены были между двумя преподавателями: въ IV и VI классахъ читалъ кандидатъ 2 отдѣленія философскаго факультета г. Шиповъ. Основательное знаніе своего предмета и усердіе, съ какимъ онъ занимался съ учащимися, замѣнили ему опытность, которой онъ не успѣлъ еще пріобрѣсти; можно съ увѣренностію сказать, что онъ доставилъ большую пользу своимъ слушателямъ. Въ V и VII классахъ преподавалъ геометрію и физику г. Мельниковъ. Особенное усердіе этого учителя, отличныя познанія и искуство передавать ихъ учащимся сдѣлали то, что успѣхи его слушателей найдены весьма достаточными, особенно въ VII классѣ; многіе изъ учениковъ этого класса отвѣчали весьма основательно на всѣ предлагаемые имъ вопросы. Введеніе физики Ленца, вмѣсто руководительной книги, доставило много пользы; она изложена ясно и почти безусловно хороша. Въ трехъ низшихъ классахъ учащіеся не такъ сильны въ тѣхъ частяхъ математики, которыя ими проходятся, какъ въ высшихъ. Г. Макаровъ, при своемъ усердіи и опытности, не могъ достигнуть такихъ счастливыхъ результатовъ, какъ товарищъ его учитель высшихъ частей математики и физики. Это, можетъ быть, зависѣло отъ того, что въ низшихъ классахъ перемѣшаны ученики прилежные и лѣнивые, способные и неспособные, между тѣмъ какъ въ высшихъ находятся только лучшіе изъ тѣхъ, которые учились въ низшихъ классахъ, дурные были задержаны при испытаніи. Такимъ образомъ отношеніе числа хорошихъ учениковъ къ числу слабыхъ въ высшихъ классахъ должно быть болѣе отношенія въ низшихъ.

3) *Политическая исторія и статистика.* Преподаваніе исторіи идетъ все лучше и лучше. Г. Лопатинъ съ отличнымъ усердіемъ исполняетъ свои обязанности; въ другой гимназіи онъ былъ бы, вѣроятно, однимъ изъ первыхъ, во 2-й же Казанской гимназіи только увеличиваетъ собою рядъ отличныхъ чиновниковъ. Онъ не остается при прежнихъ познаніяхъ; очень замѣтно, что онъ любитъ свой предметъ и удѣляетъ много для него времени. Прежде сдѣлано было

ему замѣчаніе, что древняя географія и хронологія не всегда на его лекціяхъ помогаютъ исторіи; теперь эти недостатки устранены, и древняя географія и хронологія идутъ рука объ руку съ исторіей. Въ III классѣ употребляется метода Язвинскаго, тоже дѣлается и въ VII классѣ, при изученіи русской исторіи. Познанія учащихся въ статистикѣ очень удовлетворительны. При изученіи русской статистики за руководство принята статистика Г. Иванова, которая какъ извѣстно, считается лучшею; жаль только, что она не окончена,

4) *Географія.* Успѣхи учениковъ весьма удовлетворительны. Г. Бѣльскій мастеръ своего дѣла; у него ученики при малыхъ средствахъ пріобрѣтаютъ большія познанія. Огромная часть учащихся не имѣетъ собственныхъ картъ, по дома должны приготовлять уроки изъ географіи на память; карты учащіеся видятъ только во время географическихъ классовъ раза два-три въ недѣлю. При оцѣнкѣ познаній учащихся должно принять это въ расчетъ, иначе сужденія были бы несправедливы. Всѣ ученики заняты черченіемъ картъ подъ руководствомъ преподавателя, и нѣкоторые изъ нихъ оказали значительные успѣхи, особенно ученикъ II класса Паповъ; карты его работы отличаются особенною чистотою въ отдѣлкѣ и вѣрностію рисунка. Космографія и математическая географія преподаются въ V классѣ съ особеннымъ успѣхомъ. Порученіе преподаванія космографіи учителю высшихъ частей математики доставило большую пользу учащимся. Преподаватель, понимая ясно этотъ предметъ, можетъ отчетливѣе передать его слушателямъ.

5) *Логика.* Познанія учащихся довольно удовлетворительны. Наука, дающая законы уму, труднѣе прочихъ и не имѣетъ еще хорошей руководительной книги. Учитель при преподаваніи этого предмета встрѣчаетъ много труда, и не всегда ему удается передать учащимся, какъ бы онъ желалъ. Логика Кизеветтера на русскомъ языкѣ не можетъ похвалиться большою ясностью и учащіеся, при всѣхъ объясненіяхъ преподавателя, часто бродятъ въ потемкахъ. Простота и ясность составляютъ достоинство каждой науки, особенно онѣ необходимы логикѣ. Законы, по которымъ умъ судитъ и заключаетъ, должны быть основаны на самыхъ простыхъ началахъ; остается только найти эти начала и логика сдѣлается самою понятною наукою. Преподаватель

употребляетъ всѣ усилія, чтобы заставить учащихся заниматься такимъ предметомъ, который имъ, въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, не очень нравится. Каждое правило онъ старается объяснить примѣрами; вообще онъ дѣлаетъ все, что можетъ.

6) Русская словесность. Въ трехъ низшихъ классахъ грамматика преподается Бѣльскимъ и очень успѣшно; этотъ преподаватель всегда отличался необыкновеннымъ усердіемъ и знаніемъ своего дѣла. Не смотря на то, что ему по росписанію назначено болѣе всѣхъ уроковъ, онъ въ продолженіе послѣдняго полугода не пропускалъ ни одного урока и почти всегда въ классъ являлся первый; въ послѣднемъ отношеніи можно отдать предъ нимъ преимущество г. Николаи, котораго исправность выше всякой похвалы. Весьма пріятно видѣть, что преподаваніе русскаго языка, самаго важнаго и необходимаго познанія для русскаго, находится въ такихъ достойныхъ рукахъ. Г. Волковъ оканчиваетъ русскую грамматику въ IV классѣ, онъ же читаетъ славянскую грамматику, риторику, піитику и исторію русской литературы; отвѣты его учениковъ удовлетворяютъ самымъ взыскательнымъ требованіямъ. Обязанность учителя словесности и логики—самая важная. Что нужнѣе для гражданина, какъ не искуство здраво мыслить и изящно выражать свои мысли! и этому—то преподаватель обязанъ научить своихъ слушателей. Умъ даетъ намъ природа—это правда, но нельзя отвергать и того, что ему можно дать различное направленіе; дѣло логики показать, какъ именно должно судить о предметахъ, чтобы эти сужденія были безошибочны. Обязанности свои учитель исполняетъ добросовѣстно.

7) *Латинскій языкъ.* Успѣхи учениковъ въ трехъ низшихъ классахъ удовлетворительны; преподаватель занимается усердно. Въ низшихъ классахъ преподаваніе сопряжено съ большимъ трудомъ, учащіеся читаютъ лучшихъ латинскихъ поэтовъ и прозаиковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ учитель долженъ съ ними безпрестанно повторять грамматику, которая легко позабывается, Миѳологія считается необходимою наукою при чтеніи древнихъ классиковъ; безъ нея многія мѣста отличныхъ писателей золотаго вѣка Августова былибы не понятны, и преподаватель съ особеннымъ умѣньемъ передаетъ учащимся всѣ свѣдѣнія, какія для нихъ нужны, не входя въ излишнія подробности, которыя если не вредны,

то по крайней мѣрѣ безполезны для дѣтей. Надобно отдать должную справедливость Бруну, онъ знатокъ своего дѣла, съ отличнымъ усердіемъ исполняетъ свои обязанности и приноситъ очень большую пользу своимъ слушателямъ.

8) Французскій языкъ. Познанія учениковъ достаточны, особенно въ VI и VII классахъ, въ двухъ первыхъ они нѣсколько слабѣе. Гг. Дечеверри и Деплапьи очень усердно исполняютъ свои обязанности и имѣютъ всѣ свѣдѣнія, какія для нихъ нужны для того, чтобы доставить пользу заведенію, въ которомъ они служатъ. Г. Дечеверри весьма замѣтно улучшилъ способъ преподаванія противъ прошедшаго года; хотя нельзя сказать, чтобы методъ его нынѣ былъ вовсе безъ упрековъ, особенно въ I и II классахъ, однако онъ не имѣетъ уже тѣхъ недостатковъ, которые тотчасъ кидаются въ глаза. Онъ употребляетъ всѣ условія къ образованію учащихся и, если въ этомъ иногда не успѣваетъ, то тому причиной не недостатокъ познаній, а ложное понятіе о средствахъ къ достиженію цѣли. Въ VI классѣ онъ доставляетъ болѣе пользы, нежели въ двухъ первыхъ. Г. Деплапьи заслуживаетъ особеннаго вниманія по точности, съ какою онъ является въ классы; онъ строго держится времени, назначеннаго росписаніемъ, и въ этомъ не уступаетъ Г. Николаи.

9) Нѣмецкій языкъ. Въ первыхъ трехъ классахъ преподаетъ г. Николаи, въ послѣднихъ г. Ней. Познанія учащихся въ нѣмецкомъ языкѣ видимо улучшаются въ сравненіи съ прошедшими годами. Причиною этому можно выставить раздѣленіе преподаванія между двумя учителями; прежде одинъ преподаватель обучалъ во всѣхъ семи классахъ, теперь онъ занимается только въ четырехъ, слѣдовательно имѣетъ болѣе свободнаго времени и потому съ большею охотою исполняетъ свои обязанности—онѣ для него уже не тяжелы, а пріятны. Другою причиною большихъ успѣховъ учениковъ можетъ быть то, что при открытіи 2-ой гимназіи ученики были размѣщены по классамъ не съ такою разборчивостью, какъ это дѣлается нынѣ при переводѣ учениковъ въ высшіе классы. Оттого наше гимназическое поколѣніе, лучше прежняго приготовленное, имѣетъ большія познанія. Г. Николаи особенно отличается ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей; въ этомъ онъ имѣетъ первенство не-

редъ всѣми преподавателями. Всякому нужно отдать должное,—это наше правило.

10) Чистописаніе, рисованіе и черченіе. Успѣхи учениковъ въ рисованіи удовлетворительны. Г. Терновскій усердно занимается своимъ дѣломъ. Въ рисованіи и черченіи замѣтно улучшеніе, но 2 гимназія не можетъ еще похвалиться такими рисунками, въ которыхъ можно было бы видѣть кисть художника. Учитель рисованія Г. Терновскій извѣстенъ уже начальству по рѣдкому усердію и страсти къ своему искусству, и, если успѣхи учащихся не совсѣмъ соотвѣтвуютъ ожиданіямъ, то этого нельзя отнести къ нему; онъ занимается только съ небольшимъ полтора года, и въ это время успѣхи учениковъ видимо возрасли.

3) Число учениковъ успѣвшихъ и не успѣвшихъ. Изъ 164 учениковъ, бывшихъ по списку къ 1 января нынѣшняго года, за исключеніемъ 22 не явившихся по болѣзни, подвергалось испытанію 142; изъ нихъ, по общему выводу, оказалось имѣющихъ отмѣтку 5 девятнадцать, 4—осьмнадцать, 3—шестьдесятъ девять, 2—тридцать три и 1—три. Изъ 19 отличныхъ четыре ученика во всѣхъ предметахъ имѣютъ по 5 и 14 такихъ, у которыхъ нѣтъ менѣе 4-хъ.

Ст. В. Недостатки, замѣченные въ преподаваніи и средства, принятыя къ устраненію ихъ.

1) Исторія преподается въ пяти классахъ, начиная съ III-го. Въ III классѣ учащіеся должны знать хронологію русской исторіи, римскихъ императоровъ и наконецъ хронологическое обозрѣніе Франціи, Англіи и Германіи. Въ IV классѣ дѣлается опредѣленіе исторіи, раздѣленіе ея, исчисляются вспомогательныя науки и историческіе источники, объясняются слова: эпоха, періодъ, эра и т. д. Такимъ образомъ учащіеся, занимаясь въ продолженіе года исторіею, не знаютъ, въ чемъ состоитъ эта наука и для чего она нужна. Передъ ихъ глазами первые на сцену міра выступаютъ русскіе, и они не могутъ хорошо объяснить себѣ, были-ли до русскихъ людей какіе-либо народы и, если были, то куда дѣвались? Потомъ они начинаютъ заучивать имена римскихъ императоровъ. Многіе изъ учащихся, въ простотѣ сердца, думаютъ, что русскіе древнѣе римлянъ, и ихъ трудно разувѣрить. Считается полезнымъ въ III классѣ проходить краткое обозрѣніе общей исторіи, методу же Язвинскаго съ большею пользою можно употреблять въ четырехъ

высшихъ классахъ, въ которыхъ подробно преподается древняя, средняя и новая исторія и исторія русская.

2) Ученики высшихъ классовъ часто неудовлетворительно отвѣчаютъ на вопросы, предложенные имъ изъ географіи. Это происходитъ отъ того, что географія преподается только въ 4 низшихъ классахъ, и учащіеся въ продолженіе остальныхъ лѣтъ гимназическаго курса забываютъ то, что прежде знали хорошо,—трехъ лѣтъ слишкомъ на это достаточно. Изъ VII класса ученики поступаютъ въ университетъ, гдѣ на испытаніи ихъ спрашиваютъ и изъ географіи; могутъ-ли послѣ того отвѣты ихъ быть удовлетворительными? Преподаватель исторіи повторяетъ географію съ учениками своего класса, сколько можетъ, но онъ не въ состояніи замѣнить имъ учителя географіи; у него много своего дѣла; онъ долженъ въ продолженіе года непремѣнно пройти положенное по росписанію, иначе съ него взыщется, между тѣмъ какъ тотъ только и знаетъ, что занимается географіею,—это его настоящее назначеніе. Очень было-бы полезно преподаваніе географіи раздѣлить на 6 лѣтъ, а седьмой употребить на повтореніе всего пройденнаго въ продолженіе шести лѣтъ. Это доставило бы двойную пользу: учащіеся съ лучшими познаніями поступали-бы въ университетъ и учитель исторіи могъ-бы успѣшнѣе преподавать свой предметъ, не встрѣчая препятствій въ незнаніи географіи.

3) Изъ математической географіи учащіеся на нѣкоторые вопросы отвѣчали не очень удовлетворительно; это зависѣло отъ того, что они не видали глобуса и потому не могли ясно представлять линій, воображаемыхъ географами на земномъ шарѣ. Для устраненія этого недостатка положено завести глобусъ.

4) Для успѣшнаго преподаванія стереометріи считается нужнымъ приготовить правильныя тѣла, призмы, пирамиды, конусы и пр.

5) Въ первыхъ двухъ классахъ ученики читаютъ по французски, но не совсѣмъ хорошо; Г. Дечеверри даны совѣты, какимъ образомъ онъ можетъ въ краткое время выучить правильно читать, и онъ, вѣроятно, ими воспользуется.

Ст. С. Улучшенія въ преподаваніи противъ прошлаго года.

Каждый учитель, если предположить съ его стороны усердіе и знаніе своего предмета, годъ отъ году долженъ улучшать способъ преподаванія. Это необходимо слѣдуетъ изъ того, что онъ съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ болѣе опытности. Познанія его должны увеличиваться, пріемы въ изложеніи науки дѣлаться проще и доступнѣе учащимся; отъ этого ученики должны пріобрѣтать болѣе и болѣе свѣдѣній и эти свѣдѣнія достанутся имъ съ меньшимъ трудомъ. Безпристрастно можно сказать, что каждый изъ преподавателей во 2-й гимназіи хорошо знаетъ свой предметъ, мало этого—почти каждый его любитъ, всѣ они отличаются усердіемъ; слѣдовательно улучшенія въ преподаваніи необходимо должны быть, но ихъ не тотчасъ можно замѣтить съ перваго взгляда.

Ст. D. Кто именно изъ преподавателей преимущественно отличился въ теченіи полугода лучшимъ способомъ преподаванія и усердіемъ.

Преподавателей 2-й гимназіи можно всѣхъ подвести подъ одинъ разрядъ; всѣ они усердно исполняютъ возложенныя на нихъ обязанности, знаютъ свой предметъ очень хорошо и умѣютъ съ особенною легкостію передать свои познанія учащимся. Но невозможно, чтобы тринадцать чиновниковъ были совершенно одинаковы; необходимо, при внимательномъ разсмотрѣніи, должно открыть различіе между тѣми, которые, казалось, такъ сходны по усердію и занятіямъ. Хотя трудно, однако можно рѣшить, кто изъ нихъ заслуживаетъ предпочтеніе передъ другими. Справедливость требуетъ сказать, что Гг. Николаи, Бѣльскій, Деплапьи, Брунъ и Мельниковъ должны быть предпочтены прочимъ. Въ этомъ порядкѣ они размѣщены по усердію; если бы довелось при разстановкѣ принять за основаніе способъ преподаванія, то этотъ порядокъ должно было-бы измѣнить: педагогическія способности и усердіе не всегда сходятся вмѣстѣ въ равной степени.

Ст. Е. заключеніе о состояніи гимназіи. Изъ всего, сказаннаго въ предыдущихъ статьяхъ, можно заключить, что особенныхъ недостатковъ въ преподаваніи нѣтъ; число учениковъ, получившихъ въ общемъ выводѣ отмѣтки 5, 4 и 3 къ числу учениковъ, отмѣченныхъ 1-ю, относится какъ 106 къ 3 или какъ 35 къ 1, а если прибавить къ первымъ 33 средственныхъ, то содержаніе измѣнится въ 139: 3 или

46: 1. Такимъ образомъ на 46 успѣвшихъ будетъ только одинъ неуспѣвшій. Это показываетъ, что успѣхи учащихся очень удовлетворительны и преподаватели имѣютъ хорошія педагогическія способности".

Въ концѣ донесенія говорится, что и нравственность учениковъ второй Казанской гимназіи находится въ удовлетворительномъ состояніи.

По отчетамъ директора и инспектора за дальнѣйшіе годы, гимназія обыкновенно оказывается тоже въ удовлетворительномъ состояніи. Въ отчетѣ за 1848 г. значится, что по греческому языку успѣшность учениковъ IV класса—достаточная, въ VI хорошая, въ V и VII отличная. „Не смотря на трудность предмета, учащіеся занимаются имъ *легко и охотно*" замѣчаетъ отчетъ. Но по латинскому языку въ низшихъ классахъ до IV класса успѣшность далеко не удовлетворительна и по невыполнимымъ требованіямъ программы и по неопытности преподавателя, въ V и VI классахъ достаточная, въ VII—хорошая. По новымъ языкамъ успѣхи довольно хороши. Для усиленія новыхъ языковъ отнималась часть учебнаго времени отъ греческаго языка. Въ отчетѣ отдается справедливость усердію и методу преподаванія большей части учителей, особенно же рекомендуются—законоучитель Ласточкинъ, учителя: Михайловъ, Имшенникъ и Николаи. Въ отчетѣ за 1849 г. о преподавателѣ греческаго языка Тхоржевскомъ говорится, что онъ обладаетъ превосходнымъ знаніемъ предмета и способностію передавать его легко и понятно. По нѣмецкому языку успѣхи учениковъ у преподавателя Николаи отличны, у преподавателя Нея почти неудовлетворительны. Изъ преподавателей особенно рекомендуются: законоучитель Ласточкинъ, учители: Михайловъ, Цилли, Тхоржевскій, Шарбе, Столбовскій, Николаи и Ивановъ. По экзамену 1851 г. оказались посредственными успѣхи учениковъ IV кл. въ славянской грамматикѣ по неопытности преподавателя. Въ отчетѣ 1864 года замѣчено, что ученики латинскимъ языкомъ занимаются не совсѣмъ охотно, хотя успѣхи ихъ въ этомъ предметѣ достаточны. Вообще же гимназія находится въ удовлетворительномъ положеніи.—Въ отчетѣ 1865 г. замѣчено, что не совсѣмъ удовлетворительны успѣхи по русской словесности. Замѣтно, что ученики выражаются не точно, говорятъ не свободно. На экзаменахъ 1866 г. успѣхи учениковъ по всѣмъ

предметамъ найдены удовлетворительными, но въ латинскомъ языкѣ, вслѣдствіе временнаго преобразованія второй гимназіи въ реальную, успѣхи учениковъ оказались посредственными. Въ отчетѣ 1868 года объ успѣхахъ учениковъ по древнимъ языкамъ говорится, что эти успѣхи удовлетворительны,—и это вмѣняется въ особую заслугу преподавателямъ Валицкому и Иноземцеву, которые, кромѣ обыкновенныхъ трудностей преподаванія, должны бороться съ предубѣжденіемъ общества противъ древнихъ языковъ,—предубѣжденіемъ, которое не можетъ не отразиться на учащихся. Успѣхи по чистописанію, рисованію и черченію найдены не вполнѣ удовлетворительными. На окончательныхъ экзаменахъ въ 1869 году успѣхи учениковъ по всѣмъ предметамъ оказались удовлетворительными, за исключеніемъ латинскаго языка въ высшихъ классахъ и чистописанія, рисованія и черченія. О новыхъ языкахъ въ одномъ изъ отчетовъ за 60-ые годы замѣчено, что они находятся вообще въ удовлетворительномъ положеніи, но въ болѣе удовлетворительномъ—Французскій. Оканчивающіе курсъ гимназіи ученики по французски совершенно свободно читаютъ à livre ouvert что относительно нѣмецкаго языка встрѣчается какъ исключеніе. Съ 1870 года до 1875 отзывы директора о гимназіи вообще удовлетворительны, говорящіе въ ея пользу. Въ 1875 году въ засѣданіи педагогическаго совѣта 19 іюня г. директоръ заявилъ, что, присутствуя на переводныхъ и окончательныхъ испытаніяхъ, онъ усмотрѣлъ, что познанія учениковъ во всѣхъ предметахъ гимназическаго курса удовлетворительны, въ древнихъ же языкахъ въ VI классѣ блистательны, такъ какъ ученики этого класса свободно переводили не переведенныя въ теченіе года мѣста изъ греческихъ и латинскихъ авторовъ (Ксенофонта и Т. Ливія), причемъ обнаружили знаніе значеній словъ и основательное пониманіе духа и состава рѣчи, не говоря уже о полномъ знаніи грамматики.

Таково было состояніе учебной части во второй Казанской гимназіи за 40 лѣтъ ея существованія по суду ближайшаго, гимназическаго начальства. Теперь посмотримъ, какіе приговоры въ этомъ отношеніи о второй гимназіи произносило высшее окружное начальство и разные представители университета. Университеты всегда имѣли конт-

роль надъ гимназіями. При Казанскомъ университетѣ до 1837 года состоялъ училищный комитетъ изъ профессоровъ университета. Но такъ какъ вторая Казанская гимназія была открыта только въ 1835 году, то вліянія означеннаго комитета на нашу гимназію почти совсѣмъ не было. Но контроль университета надъ гимназіями могъ существовать и дѣйствительно существовалъ въ иномъ видѣ. Попечители округа профессоровъ университета часто назначали въ гимназіи ревизорами (визитаторами); на судъ профессоровъ обыкновенно препровождались сочиненія какъ учениковъ, такъ и учителей, имъ же давались на просмотръ и заключеніе гимназическія программы и проч. До 50-хъ годовъ ученики, кончившіе курсъ гимназій, при поступленіи въ университетъ, подвергались пріемнымъ экзаменамъ въ испытательныхъ коммиссіяхъ, состоявшихъ изъ профессоровъ университета. Въ 50-хъ годахъ и послѣ члены испытательныхъ коммиссій университета присутствуютъ на окончательныхъ испытаніяхъ учениковъ гимназіи и производятъ эти испытанія совмѣстно съ гимназической учебной корпораціей. Съ 1862 г. отъ Университета въ Казанскія гимназіи командируются каждый годъ по два депутата—одинъ изъ профессоровъ историко-филологическаго факультета, а другой изъ профессоровъ факультета математическаго. Въ 1864 году дано было знать Казанскимъ гимназіямъ, что члены попечительскаго совѣта могутъ посѣщать гимназическіе уроки. По преобразованіи гимназій по уставу 1871 года письменныя работы учениковъ, исполняемыя ими на окончательныхъ испытаніяхъ, препровождаются на разсмотрѣніе въ попечительскій совѣтъ а „разсмотрѣніе сочиненій и прочихъ упражненій, удостоиваемыхъ или неудостоиваемыхъ гимназіями аттестатовъ зрѣлости, будучи производимо членами университета совмѣстно съ прочими членами попечительскаго совѣта, даетъ университету значительную долю контроля какъ надъ ходомъ учебнаго дѣла въ гимназіяхъ, такъ и надъ производствомъ въ нихъ испытаній зрѣлости и направленія оныхъ. Въ этомъ отношеніи правила объ испытаніяхъ зрѣлости, сдѣлавъ излишними повѣрочныя испытанія молодымъ людямъ въ самомъ университетѣ, въ замѣнъ дали университету несравненно больше способовъ слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ гимназіяхъ, какіе результаты по главнѣйшимъ предметамъ въ нихъ достигаются, и какъ результаты эти

оцѣниваются ихъ преподавателями и прочими ихъ наставниками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и содѣйствовать своими по этому предмету замѣчаніями улучшенію дѣлъ въ гимназіяхъ". (Жур. М. Н. Пр. 1875 г. іюль, статья объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1874 г.).

Но какъ ни значителенъ былъ контроль университета надъ гимназіями во все время, свои замѣчанія послѣднимъ онъ сообщалъ не непосредственно, а чрезъ попечителя округа. Вотъ что писалъ въ своемъ предписаніи попечитель Мусинъ—Пушкинъ директору второй гимназіи въ 1838 году: „гг. ординарные профессоры Казанскаго университета Ковалевскій и Котельниковъ, осматривавшіе въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ ввѣренную Вамъ гимназію, вслѣдствіе сдѣланнаго имъ мною порученія, донесли мнѣ слѣдующее: 1) по закону Божію ученики своими удовлетворительными отвѣтами на испытаніи доказали, что столь важный предметъ изложенъ былъ преподавателемъ тщательно и что учащіеся съ своей стороны старались изучить его. 2) Въ русской грамматикѣ хорошіе успѣхи учениковъ служатъ лучшимъ доказательствомъ неутомимаго усердія и трудовъ преподавателя, который съ отличнымъ рвеніемъ исполняетъ свои обязанности. 3) Географія, хотя не могла еще быть въ то время пройдена вся по росписанію, но изложенное учителемъ, какъ удостовѣряютъ отвѣты учениковъ, принесло очевидную пользу. 4) Русскій синтаксисъ и славянская грамматика совершенно достигаютъ назначенной уставомъ цѣли. 5) Преподаваніе риторики и отвѣты въ ней учащихся оказались совершенно удовлетворительными; но въ отношеніи сочиненій ихъ гг. профессоры находятъ, что предметы ихъ, слишкомъ общіе, не могутъ дать понятія о развитіи мышленія юныхъ писателей, которые, имѣя предъ глазами близкій, обыкновенный предметъ, болѣе хлопочутъ о наборѣ словъ, чѣмъ о мысляхъ. 6) Изъ логики ученики отвѣчали довольно хорошо, но примѣтно, что они затвердили свою науку механически, и потому каждый разъ, какъ измѣняла имъ память, легко сбивались съ теоріи. 7) Преподаваніе французскаго языка въ тѣхъ классахъ, которые занимаетъ учитель Дечеверри, найдено неудовлетворительнымъ и съ отсутствіемъ всякой методы, а успѣхи учениковъ весьма слабыми; напротивъ того счастливое сочетаніе теоріи съ практическимъ примѣненіемъ ея въ преподаваніи учителя Депланьи, доставило ученикамъ возможность пріобрѣсти

хорошія свѣдѣнія въ языкѣ. 8) Преподаваніе нѣмецкаго языка и успѣхи въ немъ учениковъ неудовлетворительны, чему препятствіемъ служитъ недостатокъ методы у учителя Нея. 9) Успѣхи учениковъ въ латинскомъ языкѣ, въ начальныхъ классахъ, посредственны, да и въ высшихъ не вполнѣ еще удовлетворяютъ ожиданіямъ. 10) Въ исторіи всеобщей успѣхи слабые, въ разсказахъ происшествій мало отчетливости, хронологія и географія почти забыты, также замѣтна несообразность приводимыхъ фактовъ; русская исторія преподавалась довольно хорошо, отвѣты учениковъ изъ русской и всеобщей статистики (изъ послѣдней пройдены только Великобританская и часть французской) удовлетворительны .11) Успѣхи учениковъ въ ариѳметикѣ по большей части посредственны, алгебра и геометрія въ каждомъ классѣ преподается по разнымъ руководствамъ, отъ чего успѣхи не довольно надежны; напротивъ того высшія части математики и физики, преподаваемыя учителемъ Мельниковымъ, съ знаніемъ своего дѣла и искусствомъ, приносятъ надлежащую пользу учащимся, которыхъ успѣхи въ этомъ отношеніи достойны всякой похвалы; 12) въ рисованіи и черченіи успѣхи также хорошіе.

Въ 1840 г. профессоръ Фойгтъ, наблюдавшій преподаваніе русской словесности въ 5, 6 и 7-мъ классахъ гимназіи, донесъ попечителю, что оно удовлетворительно, но рабски слѣдуетъ учебникамъ и не такъ живо. А испытательный комитетъ для пріема въ студенты университета донесъ (въ томъ же году), что познанія учениковъ всѣхъ гимназій округа въ исторіи, статистикѣ и латинскомъ языкѣ слабы; видно, что преподаватели послѣдняго не довольно объясняютъ грамматическія и синтаксическія правила, ограниваясь только упражненіями въ переводахъ. Въ 1842 году испытательный комитетъ для пріема въ студенты донесъ попечителю, что во всѣхъ гимназіяхъ округа познанія учениковъ въ грамматикѣ славянскаго языка слабы, въ русской не совсѣмъ удовлетворительны, въ нѣмецкомъ, французскомъ, особенно же въ латинскомъ болѣе, чѣмъ средственны; въ русской словесности не совсѣмъ удовлетворительны; въ математикѣ и физикѣ ограничиваются изученіемъ отвѣтовъ въ тѣсныхъ предѣлахъ програмы. Въ 1843 году инспекторъ казенныхъ училищъ Антроповъ и профессоры университета

Ковалевскій, Котельниковъ и Фойгтъ, осматривавшіе обѣ Казанскія гимназіи, донесли, что во второй гимназіи:

„По Закопоученію успѣхи во всѣхъ классахъ равно хороши. Ученики свободно разсказываютъ событія изъ священной исторіи и вѣрно понимаютъ догматы церкви. Такой рѣшительный результатъ должно приписать основательнымъ познаніямъ преподавателя Ласточкина, его усердію и педагогической способности.

По математикѣ и физикѣ. Преподаваніе вообще сообразно съ цѣлью и удовлетворяетъ требованіямъ программы. Успѣхи вообще достаточные и частію хорошіе; малое число отличныхъ учениковъ должно приписать болѣе отвлеченной натурѣ самого предмета, нежели недостатку со стороны учителей (Попова и Епанечникова).

По географіи успѣхи вообще достаточны. Есть нѣкоторые ученики, которые успѣли отлично и чертять карты съ большимъ искусствомъ и вѣрностію на доскахъ. Учитель Бѣльскій—наставникъ опытный и усердный.

По русскому и славянскому языкамъ. Познанія учениковъ не болѣе какъ достаточны. При дознанномъ усердіи учителя Бѣльскаго, визитаторы полагаютъ, что причина этому заключаются въ руководительной книгѣ. Ученики первыхъ классовъ не могутъ понимать Востокова. Полезнѣе было бы для 1-го и 2-го классовъ читать по Половцеву, а въ 3 и 4 классахъ уже по Востокову. Кромѣ того замѣчено, что въ 5 и 6 классахъ грамматика учениками забывается, а потому желательно бы ввести отчетливое преподаваніе ея въ VII классѣ. Для славянскаго языка слѣдуетъ ввести упражненія практическія.

По русской словесности и логикѣ. Въ обоихъ предметахъ ученики оказали успѣхи хорошіе. Особенно въ упражненіяхъ практическихъ они обнаружили чистый вкусъ, чѣмъ конечно обязаны учителю Волкову. Но въ теоретическомъ преподаваніи риторики замѣтно слишкомъ рабское слѣдованіе учебникамъ Кошанскаго.

По латинскому языка. Грамматика преподается основательно; переводы съ латинскаго и обратно дѣлаются постоянно и съ отчетливостію. Чтеніе авторовъ, особенно поэтовъ, сопровождается необходимыми толкованіями. Учители Брунъ и Тимоѳеевъ принимаютъ дѣятельное усердіе и трудамъ ихъ отвѣчаютъ успѣхи учащихся, которые вообще хороши.

По французскому. Тоже должно сказать о французскомъ языкѣ. Лекторъ Деплянъи—наставникъ отличный, который, будучи взыскателенъ, въ тоже время умѣетъ пріохотить къ своему предмету. Но въ томъ отдѣленіи, гдѣ въ прошломъ году преподавалъ С. Тома, познанія довольно слабы отъ неопытности учителя или отъ пропуска имъ многихъ лекцій. Практическимъ знаніемъ языка ученики не обладаютъ.

По нѣмецкому языку. Успѣхи во всѣхъ классахъ удовлетворительны. Учитель Ней обладаетъ обширными познаніями въ нѣмецкомъ языкѣ и литературѣ и должно сожалѣть, что онъ нестоль же силенъ въ русскомъ языкѣ. Тогда успѣхи были-бы безъ сомнѣнія вдвое удовлетворительнѣе. Учитель Николаи имѣетъ также на своей сторонѣ важное преимущество. Зная вполнѣ русскій языкъ, онъ умѣетъ спускаться къ понятіямъ учениковъ низшихъ классовъ. Практическаго знанія языка въ ученикахъ нѣтъ и не можетъ быть.

По чистописанію и рисованію. Эти предметы идутъ также удовлетворительно. По послѣднему визитаторамъ показывали изъ высшихъ классовъ нѣкоторыя весьма удачныя работы. Учитель Раковичь оправдываетъ выборъ начальства".

Въ 1846 году вторая гимназія по степени успѣховъ учениковъ, оказанныхъ ими на окончательныхъ испытаніяхъ, заняла въ ряду гимназій округа пятое мѣсто. Это обстоятельство управлявшій округомъ поставилъ на видъ директору гимназіи. Директоръ О. М. Ковалевскій, что называется, всячески отписывался, но напрасно. Замѣчаніе было повторено. Что гимназія въ это время была не совсѣмъ въ удовлетворительномъ состояніи, это видно и изъ заявленія, идущаго отъ самой гимназіи. (См. приложеніе 4-ое).

Въ 1847 г. на вступительныхъ университетскихъ экзаменахъ ученики обѣихъ Казанскихъ гимназій оказали слабыя познанія въ латинскомъ языкѣ.

Въ 1850 г. Попечителемъ округа при осмотрѣ учебныхъ заведеній замѣчено, что ученики ограничиваются изученіемъ учебниковъ. Поэтому предписано было, чтобы внѣклассныя занятія содѣйствовали обогащенію учащихся познаніями, для чего располагать ихъ къ чтенію книгъ сообразно возрасту и степени развитія и руководить этимъ чтеніемъ. Для этой же цѣли при гимназіи должны находиться лексиконы, хрестоматіи, карты и пособія къ черченію и

рисованію. Въ слѣдующемъ 1851 г. Попечитель, осматривая учебныя заведенія, опять замѣтилъ, что любовь къ чтенію не развита въ ученикахъ и по этому поводу повторено тоже предписаніе. При чтеніи отрывковъ на классѣ словесности предписано выбирать такіе, которые служили-бы къ утвержденію въ юношествѣ благоговѣйныхъ мыслей къ Провидѣнію, вѣрноподданническихъ чувствъ къ Престолу и всему для русскаго родному. Лучшіе изъ подобныхъ отрывковъ рекомендовалось заучивать наизусть.

Въ 1862 г. депутаты отъ университета—исправляющій должность экстраординарнаго профессора Угянскій и профессоръ Поповъ, присутствовавшіе на окончательныхъ экзаменахъ въ обѣихъ Казанскихъ гимназіяхъ, донесли совѣту университета слѣдующее. Профессоръ Угянскій донесъ такимъ образомъ: „во 2-ой Казанской гимназіи 1-го мая производился экзаменъ изъ Закона Божія, въ присутствіи г. ректора Казанской Духовной Академіи, который самъ экзаменовалъ и самъ ставилъ отмѣтки. 3-го мая былъ экзаменъ изъ русской словесности, исторіи литературы русской и всеобщей. Весь этотъ экзаменъ производился неправильно. Г. учитель русской словесности спрашивалъ своихъ учениковъ не по билетамъ, а произвольно задавалъ легкіе вопросы, напр. о романистахъ русскихъ и другихъ народовъ; изъ 11-ти учениковъ троихъ спрашивалъ объ англійскихъ романистахъ, изъ тѣхъ же 11-ти учениковъ троихъ только спросилъ изъ теоріи словесности, по просьбѣ г. директора, и то спрашивалъ весьма мало. Вольноприходящихъ спрашивалъ г. учитель тоже не по билетамъ и гораздо взыскательнѣе, чѣмъ своихъ учениковъ; чаще задавалъ вопросы изъ теоріи словесности. Отмѣтки ставилъ самъ г. учитель и тоже совершенно произвольно, не спрашивая никого изъ присутствующихъ. Считая все это дѣло не правильнымъ, говорилъ я г. директору, что экзаменъ производится не такъ, какъ слѣдуетъ и что не изъ всего предмета спрашиваетъ г. учитель; но мнѣ отвѣчали, что это не мое дѣло, а дѣло совѣта гимназіи; при чемъ мнѣ замѣтили, что даже не знаютъ: зачѣмъ я здѣсь явился и какое право имѣю вмѣшиваться въ дѣло гимназіи?.. Испытавъ столь непріятное положеніе по моей обязанности депутата отъ университета, честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Императорскаго Казанскаго университета разъяснить этотъ вопросъ на бу-

дущее время: что значитъ депутатъ отъ университета, командированный въ гимназію, и что онъ обязанъ дѣлать? Въ настоящее время мою обязанность я понималъ такъ, что я долженъ смотрѣть: въ полномъ-ли объемѣ пройденъ предметъ, какъ ученики усвоили себѣ знаніе этого предмета, что ясно видно изъ отвѣтовъ учениковъ, какъ учитель спрашиваетъ и какъ отвѣчаютъ, чтобы имѣть понятіе объ отмѣткахъ, даваемыхъ въ гимназіяхъ, и еще чтобы экзаменъ производился по установленнымъ правиламъ. Судя такимъ образомъ обо всѣхъ предметахъ, честь имѣю донести, что всѣ экзамены во 2-ой Казанской гимназіи, исключая русскую словесность, произведены были совершенно правильно: предметы пройдены въ полномъ объемѣ, какъ они положены въ гимназіяхъ; ученики усвоили себѣ эти предметы вообще хорошо, отмѣтки ставились правильно и соразмѣрно съ знаніемъ учениковъ, или постороннихъ, желающихъ поступить въ университетъ. Въ 1-ой Казанской гимназіи 2 мая производился экзаменъ изъ Закона Божія, тоже въ присутствіи г. ректора Духовной Академіи. 10 и 11-го мая былъ экзаменъ изъ математическихъ наукъ, въ присутствіи Ал. Ѳеодор. Попова, который говорилъ мнѣ, что тогда только представитъ отчетъ объ экзаменахъ изъ математики, когда совѣтъ того потребуетъ; потому что въ предписаніи, данномъ депутатамъ отъ совѣта, ничего не сказано объ отчетѣ. 16 мая былъ экзаменъ изъ исторіи, географіи и космографіи совершенно правильно и въ надлежащемъ порядкѣ: предметы пройдены въ полномъ объемѣ и ученики отвѣчали вообще хорошо. 18 и 19 мая произведенъ былъ экзаменъ изъ русской словесности со всѣми тѣми недостатками, какъ и во 2-ой гимназіи, т. е. экзаменовали только изъ русской и всеобщей исторіи литературы и тоже чаще всего спрашивали о романахъ. Когда я спросилъ: почему не спрашиваютъ изъ теоріи словесности? Мнѣ отвѣчали, что все это старье и не стоитъ никакого вниманія... и что они имѣютъ предписаніе отъ педагогическаго совѣта читать всѣ предметы такъ, какъ только сами хотятъ. Я нахожу такое преподаваніе русской словесности совершенно недостаточнымъ, когда не дается понятіе ученикамъ о полномъ объемѣ науки, о раздѣленіи ея по разнымъ родамъ и точномъ опредѣленіи каждаго и отдѣльнаго рода литературы. Посему покорнѣйше прошу обратить вниманіе на это и пояснить,

что значитъ русская словесность, преподаваемая въ гимназіяхъ? и что слѣдуетъ читать поэтому предмету? 21 и 22 мая былъ экзаменъ изъ языковъ: латинскаго, греческаго и татарскаго; г. учитель латинскаго языка не явился на экзаменъ; вмѣсто него экзаменовалъ г. учитель греческаго языка Катерфельдъ; весь экзаменъ изъ латинскаго языка произведенъ былъ весьма слабо: за плохое знаніе склоненій и спряженій ставили отмѣтки *удовлетворительныя*, изъ греческаго языка экзаменовали не много лучше, а на мой протестъ не обращали никакого вниманія. 23 и 24 мая былъ экзаменъ изъ языковъ французскаго и нѣмецкаго; гимназистовъ экзаменовалъ изъ французскаго языка г. Девицъ, который спрашивалъ правильно и съ надлежащею точностію, изъ чего видно было, что ученики достаточно знаютъ грамматику и могутъ безъ приготовленія переводить легкихъ французскихъ авторовъ. Постороннихъ, желающихъ поступить въ университетъ, экзаменовалъ г. Бересфордъ, отмѣчалъ *удовлетворительно*; и на мой протестъ не обращалъ никакого вниманія. Изъ нѣмецкаго языка экзаменъ производился надлежащимъ образомъ и видно было, что ученики достаточно подготовлены по этому предмету. Вообще всѣ экзамены во 2-й гимназіи, исключая русской словесности, производились строже, чѣмъ въ 1-ой гимназіи, и на мои замѣчанія я слышалъ отвѣты: „какъ можно заграждать путь молодому человѣку, желающему поступить въ университетъ?!.. Во 2-ой гимназіи при экзаменахъ, кромѣ гг. директора и инспектора, всегда присутствовали депутаты изъ гг. учителей и отмѣтки ставились съ общаго присутствующихъ согласія. Въ 1-ой гимназіи, кромѣ гг. директора и инспектора, депутатовъ изъ гг. учителей при экзаменахъ не было, и экзаменаторъ большею частію самъ одинъ ставилъ отмѣтки. Въ тотъ день, когда производился экзаменъ, классовъ обыкновенно не было".—По поводу этого донесенія профессора Угянскаго совѣтъ университета просилъ ординарнаго профессора Попова доставить свѣдѣнія о послѣдствіяхъ экзаменовъ въ 1-ой и 2-й Казанскихъ гимназіяхъ. Вслѣдствіе этого г. профессоръ Поповъ, 7 іюня донесъ совѣту университета слѣдующее: „Совѣтъ университета, выпискою изъ протокола, постановленнаго въ засѣданіи 25 апрѣля 1862 года, приказалъ мнѣ присутствовать при испытаніяхъ оканчивающихъ гимназическій курсъ и поступающихъ въ студенты

университета воспитанниковъ 1-ой и 2-ой Казанскихъ гимназій и вольноприходящихъ сюда же на экзамены. Затѣмъ постановленіемъ 6 іюня совѣтъ требуетъ немедленно донести о послѣдствіяхъ экзаменовъ, на которыхъ я присутствовалъ. Въ исполненіе сего, честь имѣю донести, что я старался, сколько могъ, сохранить уваженіе къ наукѣ и университету, и наблюдать справедливость при испытаніяхъ. Во второй гимназіи испытанія происходили въ должномъ порядкѣ, за исключеніемъ нѣкотораго произвола при экзаменѣ изъ русской словесности. Въ первой Казанской гимназіи рѣзче выразились качества новаго способа для поступленія въ студенты университета. Не имѣя на сей разъ никакой инструкціи, опредѣляющей обязанности и права въ данномъ мнѣ порученіи, я не рѣшился оспаривать программы испытанія по русской словесности, ни провѣрить отмѣтки въ другихъ спорныхъ случаяхъ, но подписомъ экзаменныхъ листовъ засвидѣтельствовалъ присутствіе при испытаніяхъ. Къ сему считаю долгомъ присовокупить слѣдующее: директоры обѣихъ гимназій свидѣтельствуютъ, что они имѣютъ правила для удостоенія аттестатами оканчивающихъ гимназическій курсъ, но для экзаменующихся на степень студента опредѣленныхъ правилъ отъ г. попечителя не получили. Относительно переэкзаменованій я настоятельно доказывалъ, что должно предоставить экзаменующемуся всю возможность къ произнесенію отвѣта, но если попеченіе испытателя остается тщетнымъ, въ такомъ случаѣ поставить-неудовлетворительно, и не обѣщать и не дозволять никакихъ переэкзаменовокъ. Но доказательства сами по себѣ въ дѣлахъ службы мало значатъ, если не будутъ утверждены начальствомъ". При слушаніи этого донесенія ординарнаго профессора Попова, въ засѣданіи Совѣта университета 9 іюня, г. экстра-ординарный профессоръ Н. Вагнеръ подалъ мнѣніе слѣдующаго содержанія: „Въ засѣданіи Совѣта, бывшемъ 6 іюня исправляющій должность экстра-ординарнаго профессора Угянскій, присутствовавшій въ качествѣ депутата отъ университета на окончательныхъ экзаменахъ, заявилъ во 1-хъ) объ неуваженіи, которымъ онъ пользовался на экзаменахъ отъ гг. экзаменующихъ и во 2-хъ) о неправильномъ веденіи экзаменовъ изъ нѣкоторыхъ предметовъ, имѣвшемъ очевидной цѣлью выпустить изъ гимназіи и пропустить въ университетъ молодыхъ

людей, слабо подготовленныхъ къ слушанію университетскихъ курсовъ. Предоставляя совѣту разрѣшить вопросъ: на сколько депутатъ его, посылаемый съ обязанностію контролера на окончательные экзамены въ гимназіяхъ, долженъ быть индифферентенъ къ своему дѣлу и тѣмъ оградить себя отъ непріятныхъ столкновеній съ учителями —экзаменаторами, я остановлюсь здѣсь только на второмъ заявленіи г. Угянскаго, т. е. на очевидномъ послабленіи экзаменующимся со стороны ихъ учителей—экзаменаторовъ. Совѣтъ счелъ необходимымъ для исправленія этого недостатка ходатайствовать о назначеніи переэкзаменовки изъ тѣхъ предметовъ, въ которыхъ экзаменъ по заявленію г. Угянскаго былъ произведенъ неправильно. Я согласенъ, что мѣра въ данномъ случаѣ можетъ поправить недостатокъ, но какъ всякое палліативное средство не можетъ уничтожить зла въ его корнѣ, зла, которое главнымъ образомъ проявляется въ неправильныхъ отношеніяхъ гимназіи къ университету въ такомъ разлагающемъ направленіи, которое въ нихъ явно или глухо высказывается. Въ настоящее, весьма грустное, переходное время невыясненныхъ педагогическихъ вопросовъ, какъ можно болѣе должно остерегаться ошибокъ, которыя могутъ тяжело отразиться на воспитаніи и образованіи цѣлаго поколѣнія. Нѣтъ ничего легче, какъ закрѣпить какимъ нибудь §-мъ разрывъ между гимназіей и университетомъ и нѣтъ ничего труднѣе возстановить между ними связь, безъ которой вся система образованія можетъ раздѣлиться на двѣ, ни въ чемъ не сходныя и даже противуположныя другъ другу половины. Университетъ продолжаетъ и коронуетъ дѣло гимназіи; но этой простой и очевидной истины не могутъ понять въ настоящее время педагогическіе совѣты гимназій. Проникнутые современнымъ слѣповсеосвобождающимъ направленіемъ, они стремятся къ пріобрѣтенію по возможности полной автономіи, забывая, что въ дѣлѣ педагогики у нихъ должна быть одна общая съ университетомъ автономія, что чѣмъ ближе будутъ граничить университетскіе курсы съ гимназическими, тѣмъ нормальнѣе будетъ идти дѣло образованія. Въ прежнее время, когда вступительные экзамены были въ рукахъ университета, онъ могъ слѣдить какъ за находящимися въ Казани, такъ и за другими губернскими гимназіями. Какъ ни слаба была эта искусственная связь, какъ ни малъ былъ над-

зоръ, все таки онъ существовалъ; теперь эта связь порвана окончательно. Изъ печальнаго факта, заявленнаго г. Угянскимъ, ясно видно, какъ гимназіи смотрятъ на дѣло университета, какъ мало уважаютъ онѣ его контроль и содѣйствіе; при этомъ фактъ этотъ относится къ гимназіямъ, которыя на глазахъ университета; каковы же должны быть окончательные экзамены въ другихъ гимназіяхъ?!. Возвращеніе къ прежнему статуту по моему необходимо;—необходимо перенести вступительные и окончательные экзамены изъ гимназическаго курса снова въ университетъ. Я не спорю, что эта мѣра есть также палліативъ, но онъ необходимъ до тѣхъ поръ, пока между средними и высшими учебными заведеніями не установятся нормальныя отношенія, пока между этими заведеніями не возникнетъ тѣсная, такъ сказать, внутренняя и вполнѣ естественная связь. Пусть рядомъ съ этимъ палліативомъ идутъ коренныя реформы, вызывающія эту связь,—реформы, которыя со временемъ сдѣлаютъ всякій контроль университета надъ гимназіями излишнимъ. Излагать здѣсь основанія для этихъ реформъ было-бы дѣломъ постороннимъ главному предмету мнѣнія. Многія изъ этихъ основаній уже были высказаны совѣтомъ университета по поводу предстоящихъ преобразованій въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Точно также не считаю себя въ правѣ приводить здѣсь другія доказательства въ пользу моего мнѣнія. Эти доказательства хорошо извѣстны тѣмъ лицамъ, которые имѣли дѣло съ гимназіями: заявленія, подобныя высказанному теперь г. Угянскимъ, слышались много разъ и прежде, только не были оффиціально гласными. Такъ какъ измѣненіе тѣхъ постановленій, которыя перенесли окончательные экзамены въ гимназіи не подлежитъ праву совѣта, то я покорнѣйше прошу довести мое мнѣніе до свѣдѣнія г. управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія".

Вслѣдствіе этихъ донесеній гг. профессоровъ Попова и Угянскаго были подвергнуты новымъ испытаніямъ въ университетѣ молодые люди, какъ воспитанники гимназій, такъ и другіе, экзаменовавшіеся съ ними, для поступленія въ университетъ, изъ русской словесности въ обѣихъ гимназіяхъ и изъ латинскаго языка въ 1-ой Казанской гимназіи и французскаго языка вольноприходящіе, экзаменовавшіеся въ той же гимназіи. Но на приведенныя донесенія гг. Попова и

Угянскаго, равно какъ и на мнѣніе г. Вагнера совѣтомъ второй Казанской гимназіи, по требованію г. попечителя округа, дано было объясненіе слѣдующаго содержанія: „Изъ донесенія г. профессора Угянскаго видно, что экзаменъ изъ русской словесности онъ считаетъ произведеннымъ во второй гимназіи неправильно, потому что г. учитель русской словесности спрашивалъ не по билетамъ, а произвольно, давалъ легкіе вопросы, напр. о романистахъ русскихъ и другихъ народовъ, и своихъ учениковъ спрашивалъ гораздо слабѣе, чѣмъ вольноприходящихъ. Г. учитель русской словесности спрашивалъ учениковъ дѣйствительно не по билетамъ, а предлагалъ имъ устные вопросы по программѣ; но въ этомъ случаѣ онъ руководствовался не произволомъ, а поступалъ на основаніи существующихъ правилъ. Циркулярнымъ предложеніемъ г. исправляющаго должность попечителя Казанскаго учебнаго округа, отъ 26 іюня 1861 года за № 3028, предписано: „желающимъ поступить въ университетъ производить пріемныя испытанія вмѣстѣ съ воспитанниками 7-го класса гимназіи, т. е. въ маѣ мѣсяцѣ каждаго года въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи, *на основаніи тѣхъ же правилъ, какія существовали доселѣ для производства таковыхъ испытаній въ университетахъ, и другихъ распоряженій, изданныхъ по этому случаю*“. Въ 20-мъ же § правилъ для испытанія поступающихъ въ студенты университета, которыми до сихъ поръ руководствовались, сказано: „испытаніе бываетъ двоякое—изустное и письменное. *Испытателямъ представляется на волю предлагать испытуемымъ, сколько сочтутъ нужнымъ, вопросовъ устно, или же по билетамъ*, предварительно приготовленнымъ первыми по каждому предмету испытанія и вынимаемымъ испытуемымъ по жребію“. Отсюда слѣдуетъ, что экзаменъ изъ русской словесности произведенъ былъ совершенно правильно и законно, и что въ немъ не было ни малѣйшаго произвола со стороны учителя. Вопросовъ о русскихъ и иностранныхъ романистахъ совѣтъ не считаетъ легкими, а напротивъ очень серьезными; вопросы изъ теоріи словесности были г. учителемъ предлагаемы ученикамъ. Особеннаго снисхожденія г. учителя словесности къ своимъ ученикамъ педагогическій совѣтъ не замѣтилъ; но если-бы и въ самомъ дѣлѣ онъ испытывалъ вольно-приходящихъ обстоятельнѣе, то это очень естественно и нисколько не предосуди-

тельно. Занимаясь съ своими учениками нѣсколько лѣтъ, учитель составляетъ себѣ о нихъ совершенно ясное понятіе, которое не можетъ имѣть о вольноприходящемъ, о человѣкѣ, котораго видитъ въ первый разъ, слѣдовательно и долженъ подвергнуть его знаніе и развитіе болѣе внимательной оцѣнкѣ, нежели ученика гимназіи. Г. Уганскій подозрѣваетъ, кажется, что учитель русской словесности прошелъ свой предметъ не въ полномъ объемѣ. Въ оправданіе этого обвиненія, при семъ прилагаются надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованныя копіи съ програмы изъ русской словесности, по которымъ производился экзаменъ ученикамъ 7-го класса. Жалоба г. профессора на то, что ему во 2-ой гимназіи не было оказано надлежащаго по его званію уваженія, также непонятна для педагогическаго совѣта. Педагогическій совѣтъ не знаетъ, какихъ знаковъ проявленія уваженія желаетъ г. профессоръ. Сколько извѣстно, ни одинъ изъ членовъ совѣта не позволилъ себѣ противъ него ни одной неприличной выходки. Если въ случаяхъ, не подлежащихъ сомнѣнію, учитель прямо отмѣчалъ ученика „удовлетворительно" или „неудовлетворительно", то онъ этимъ выражалъ только свое мнѣніе, предполагая, что каждый изъ присутствующихъ, если не согласенъ съ его мнѣніемъ, можетъ объ этомъ заявить и свое заявленіе просить внести въ протоколъ. Всякій же изъ членовъ, подписавши экзаменныя вѣдомости, тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ не столько о прилежномъ посѣщеніи экзаменовъ, сколько о своемъ совершенномъ согласіи съ выставленными въ нихъ отмѣтками. Если же г. профессора дѣйствительно спросили, хотя это положительно неизвѣстно членамъ совѣта, съ какой цѣлью онъ присутствуетъ на гимназическихъ экзаменахъ, то это сдѣлано было, конечно, не съ цѣлью оскорбить его, а потому, что ничего не было извѣстно объ его назначеніи депутатомъ отъ университета. Г. профессоръ явился на экзаменъ 1-го мая, а приказъ о его назначеніи вышелъ 5-го. Что же касается до мнѣнія г. профессора Вагнера, то вопросъ объ университетскомъ контролѣ надъ гимназіями былъ поднятъ и отрицательно рѣшенъ педагогическою литературою. Гимназіи стремились и стремятся освободиться отъ этого контроля не потому, чтобы были проникнуты новымъ слѣпоосвобождающимъ, какъ выражает-

ся г. Вагнеръ, направленіемъ, а вслѣдствіе убѣжденія въ его безполезности и педагогическимъ вредѣ".

3-го января 1863 года вновь получило силу (на одинъ годъ) постановленіе 1840 года о представленіи попечителю по третямъ письменныхъ упражненій учениковъ VI и VII классовъ гимназій. „Письменныя упражненія учениковъ, сказано было въ предложеніи попечителя, не представляются въ округъ шесть лѣтъ или семь, между тѣмъ это дѣло находится не въ завидномъ положеніи". Представленныя, вслѣдствіе этого предложенія, письменныя упражненія г. попечитель препроводилъ на разсмотрѣніе тоже учителямъ разныхъ гимназій. Повидимому большая часть учителей исполнили порученіе попечителя формально. Но учитель Вятской гимназіи Рождественскій, которому поручено было разсмотрѣть письменныя упражненія учениковъ VI-го класса второй Казанской гимназіи по русской словесности, отнесся къ дѣлу внимательно, сдѣлавъ нѣсколько довольно подробныхъ указаній относительно достоинства письменныхъ работъ и о способѣ веденія дѣла по части письменныхъ работъ по русской словесности. Замѣчанія Рождественскаго вызвали отвѣтъ со стороны преподавателя русской словесности 2-ой гимназіи Ѳирсова, заслушанный въ совѣтѣ 2-ой гимназіи (и послѣ представленный г. попечителю) 10 апрѣля 1864 года. Взгляды того и другаго учителя будутъ видны изъ слѣдующаго отвѣта г. Ѳирсова.

„Отзывъ г. учителя Вятской гимназіи Рождественскаго о сочиненіяхъ учениковъ VI класса нашей гимназіи заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: съ одной стороны г. Рождественскій высказываетъ свои педагогическія убѣжденія о томъ, какъ слѣдуетъ упражнять учениковъ гимназіи въ сочиненіяхъ, а съ другой, утвердившись на своей теоріи, онъ произноситъ приговоръ объ этомъ дѣлѣ, какъ оно ведется у насъ. Приговоръ далеко не въ пользу нашего заведенія: г. Рождественскій находитъ лишь одно дурное въ каждой изъ сторонъ этого дѣла. Я съ своей стороны не могу признать справедливымъ этотъ приговоръ потому, что не могу признать вѣрными тѣ основанія, на которыхъ утверждаетъ свои сужденія нашъ строгій критикъ.

Позволяю себѣ разобрать предметъ по тѣмъ же самымъ пунктамъ, которые отмѣтилъ г. Рождественскій въ своемъ отзывѣ.

1) Г. Рождественскій находитъ неудачнымъ выборъ темъ ([1]) на основаніи а) того, что „*эти темы состоятъ, кромѣ одной, въ разборѣ поэтическихъ произведеній, лирическихъ и эпическихъ*". Г. Рождественскій полагаетъ, что поэтическія произведенія труднѣе понимаются воспитанниками, чѣмъ прозаическія, что „*надлежащее пониманіе поэтическихъ произведеній можетъ быть доступно только зрѣлому возрасту*, ибо де *каждое истинно поэтическое произведеніе есть самый высокій синтезъ, въ каждомъ каждый образъ фантазіи заключаетъ въ себѣ безконечное содержаніе дѣйствительности*"; все это, по мнѣнію г. Рождественскаго, не доступно для пониманія *отроковъ, мальчиковъ*. Я не могу согласиться съ основнымъ мнѣніемъ г. Рождественскаго: во 1-хъ потому, что въ VI классѣ учатся не мальчики и отроки, какъ называетъ онъ учениковъ этого класса, а юноши, значительно подготовленные къ пониманію сочиненій, заглавія которыхъ уже означены; во 2-хъ доводы, приведенные имъ въ подкрѣпленіе своей основной мысли, кажутся мнѣ ничего не значущими, хотя и облечены они въ философскія фразы, и самую мысль его не могу не назвать въ высшей степени странной и парадоксальной. Я долженъ признаться, что въ первый разъ въ жизни слышу, что мысль, облеченная въ поэтическую форму, въ образъ, трудно доступна для пониманія не зрѣлому возрасту, мало развитому уму. Я думаю, вопреки этому мнѣнію г. Рождественскаго, что мысль скорѣе дойдетъ до сознанія молодаго ума, когда облечена она въ поэтическую форму, чѣмъ тогда, когда она выражена прозаическимъ способомъ: потому что въ усвоеніи идеи, заключенной въ образъ, участвуетъ не одинъ разсудокъ, но и многія силы помогаютъ ему въ этомъ усвоеніи. Впрочемъ я не вижу надобности, чтобы опровергнуть сказанное мнѣніе г. Рождественскаго,—прибѣгать къ философ-

---

([1]). Вотъ эти темы: 1) «Воспитаніе Льва», басня Крылова; 2) Разборъ стихотворенія Некрасова «Забытая деревня», 3) «Къ скупцамъ», ода Горація 4) О томъ, на что нужно обращать вниманіе при разборѣ какого либо лирическаго произведенія, 5) Содержаніе поэмы Гоголя «Тарасъ Бульба» 6) Содержаніе стихотворенія Шиллера «Фридолинъ» 7) «Послѣднее новоселье Лермонтова» 8) Разборъ повѣсти Гоголя «Шинель» 9) «Андрей Шенье» Пушкина, 10) «Цыгане», поэма Пушкина 11) «Дворянское гнѣздо» Тургенева 12) «Прекрасная партія» Некрасова.

скимъ доводамъ и соображеніямъ; фальшивость его, собственно говоря, не требуетъ ни какихъ подтвержденій. Я могу высказать только удивленіе, что Рождественскій—преподаватель исторіи—опустилъ совершенно изъ вниманія многочисленные и притомъ крупные факты, которые идутъ совершенно на перекоръ этому его мнѣнію; вседневный опытъ, который тоже говоритъ противъ его мысли, не принятъ былъ имъ во вниманіе. Еслибы Рождественскій не увлекся или своими философскими мудрованіями, или представившеюся ему возможностію раскритиковать своего собрата по профессіи и обратился бы къ исторіи и опыту, то онъ тамъ бы увидѣлъ, между прочимъ, слѣдующее: всѣ младенчествующіе народы не хотятъ прибѣгать къ другимъ средствамъ обученія, какъ къ поэзіи; величайшіе учители человѣческихъ обществъ, и даже Спаситель міра, обращаясь къ нищимъ духомъ, облекали проповѣдуемыя ими истины въ поэтическіе образы; эпохи перехода народовъ отъ варварства и невѣжества къ образованности совпадаютъ съ временемъ, когда юношество училось по книгамъ поэтовъ; вѣка умственнаго застоя, нравственной порчи и политической немощи были по преимуществу тогда, когда юношество въ школахъ угощали одной прозой; дѣти даже, а нетолько 16—18—*лѣтніе отроки* скорѣе усвояютъ себѣ мысль, выраженную въ поэтическомъ образѣ, чѣмъ когда она излагается прозаическимъ способомъ; почтенныя по идеѣ проповѣди и рѣчи, чуждыя поэтическаго элемента, возбуждаютъ въ мало-развитыхъ людяхъ зѣвоту, а на оборотъ таже самая идея, облеченная въ образъ, воплощенная, напримѣръ, въ дѣйствія данной личности, приковываетъ вниманіе къ себѣ молодаго ума, затрогиваетъ чувства даже не въ грамотномъ простолюдинѣ. Г. Рождественскій, рекомендуя давать ученикамъ для чтенія и разборовъ прозаическія сочиненія, какъ наиболѣе удобопонятныя, забылъ и то, что между лучшими прозаическими сочиненіями по части исторіи, географіи, морали, словомъ по тѣмъ отдѣламъ знанія, которыми можетъ упражнять своихъ учениковъ учитель словесности,—нѣтъ ни одного, которое бы въ большей или меньшей степени не заключало въ себѣ поэтическаго элемента. Всѣ эти факты я поставляю на видъ не потому, чтобы я стоялъ исключительно за поэзію, (дальнѣйшее объясненіе покажетъ, что я съ одинаковою охотою, при извѣстныхъ условіяхъ, рекомендую ученикамъ чи-

тать и прозаическія сочиненія и писать объ нихъ) а за тѣмъ, чтобы показать, что г. Рождественскій совершенно не впопадъ, въ доказательство неудачности выбора темъ для сочиненій ученическихъ, приводитъ, что надлежащее пониманіе поэтическихъ произведеній доступно только зрѣлому возрасту. б) Принявъ ложное общее основаніе, г. Рождественскій, естественно, долженъ былъ, если хотѣлъ быть послѣдовательнымъ, придти къ невѣрному заключенію о частномъ случаѣ,—сочиненіяхъ учениковъ нашей гимназіи. „*Разсмотрѣнные мною такъ называемые разборы разныхъ поэтическихъ произведеній*, говоритъ онъ, *состоятъ въ вялой, иногда безсвязной и безсмысленной передачѣ содержанія этихъ произведеній; отроки критики не умѣютъ ясно уловить главной идеи разбираемыхъ произведеній, ни понять композиціи, ни вникнуть въ ходъ мыслей поэта, ни уяснить характеровъ и положеній дѣйствующихъ лицъ*“. Пристрастность этого сужденія легко можетъ быть усмотрѣна: стоитъ только перелистовать разсмотрѣнныя г. Рождественскимъ сочиненія учениковъ VI класса нашей гимназіи. Между ними найдутся и посредственныя упражненія; безъ этого трудно обойтись; но въ тоже время большинство изъ нихъ, если смотрѣть на нихъ какъ на ученическія упражненія, а не задаваться чрезмѣрными требованіями, нельзя не признать удовлетворительными. Правда они не представляютъ всестороннихъ разборовъ поэтическихъ произведеній; эстетическая сторона разбираемыхъ произведеній будетъ оставлена безъ вниманія. Но этого вовсе я и не имѣю въ виду, давая ученикамъ писать такъ называемые разборы. Далѣе я покажу болѣе подробно, зачѣмъ я давалъ темы такого рода, а не другого, теперь же замѣчу, что при этомъ я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ то, чтобы ученикъ, прочитавъ внимательно рекомендуемое ему произведеніе, изложилъ правильнымъ языкомъ его содержаніе такъ, чтобы видно было, что онъ усвоилъ себѣ основную мысль его. Этимъ-то скромнымъ, но въ тоже время важнымъ, по моему мнѣнію, требованіямъ большинство сочиненій удовлетворяетъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что большинство ихъ, вопреки приговору г. Рождественскаго, показываетъ, что молодые авторы ихъ поняли мысли, положенныя въ основаніе поэтическихъ произведеній, о которыхъ писали. Этого на первое время для учениковъ VI-го класса и достаточно по моему мнѣнію.

в) г. Рождественскій, вѣроятно, предугадывалъ, что противъ его замѣчаній послѣдуетъ это возраженіе, и чтобы отразить его и вмѣстѣ доказать, что выборъ темъ неудаченъ, онъ вводитъ въ дѣло новые аргументы, заключающіеся въ слѣдующемъ: во 1-хъ, говоритъ онъ, *„нѣкоторыя поэтическія произведенія, разбиравшіяся учениками, изображаютъ такія явленія и отношенія жизни, о коихъ ученикамъ и понятіе-то не слѣдуетъ имѣть, да и не могутъ они его имѣть по самой степени своего умственнаго и нравственнаго развитія“*; во 2-хъ, разработывая подобныя темы, ученики безполезно тратятъ время въ томъ отношеніи, что *„не пріобрѣтаютъ никакихъ фундаментальныхъ, солидныхъ свѣдѣній“*. Въ этой цѣпи доводовъ, направленныхъ г. Рождественскимъ противъ выбора темъ, совѣтъ пусть прежде всего благоволитъ замѣтить странный способъ, которому слѣдуетъ критикъ въ своемъ разсужденіи о предметѣ. Сказавъ, что выборъ темъ не удаченъ въ силу того, что содержаніе ихъ недоступно пониманію учениковъ гимназіи, человѣкъ, слѣдующій обыкновенной логикѣ, этимъ аргументомъ и удовольствовался бы; но г. Рождественскій даетъ еще понять, что выборъ такихъ темъ вреденъ для учениковъ, противорѣчіе очевидное; ибо какъ можетъ содержаніе поэтическаго произведенія быть вреднымъ для умственнаго и нравственнаго развитія ученика, когда онъ его не понимаетъ? Далѣе; если ужь извѣстное сочиненіе вредно, то зачѣмъ же говорить потомъ о его безполезности? Полагаю, разсуждая такимъ способомъ, мы—учители едва ли подвинемъ дѣло обмѣна мыслей между собою, которому, по видимому, сочувствуетъ г. Рождественскій. Второй аргументъ стоитъ въ противорѣчіи съ первымъ его аргументомъ; они заслуживали бы, чтобы на нихъ обращено было вниманіе, если-бы только выражены были не голословно. Г. Рождественскій, высказавъ эти два аргумента, очевидно, взводитъ на одинъ изъ отдѣловъ моей преподавательской дѣятельности (выборъ темъ) тяжелое обвиненіе. Я ничего не могу говорить противъ этого; я съ большею охотою и благодарностію къ г. Рождественскому сталъ бы отвѣчать на то, если бы только онъ удостоилъ показать, почему не слѣдуетъ давать такихъ темъ ученикамъ, какія я далъ; если бы сказалъ мнѣ, какія свѣдѣнія онъ считаетъ серьезными и солидными и потому полезными для развитія учениковъ, а это слѣдовало бы ему

сдѣлать хотя изъ приличія; нельзя же голословно увѣрять въ чемъ либо другого. Думаю, и совѣтъ не нуждается въ томъ, чтобы я подробно оспаривалъ сказанные аргументы г. Рождественскаго: совѣту не безъизвѣстно, что поэтическія произведенія, о которыхъ писали наши ученики и о которыхъ г. Рождественскій отзывается какъ о такихъ, содержаніе которыхъ и не слѣдуетъ знать гимназистамъ,—находятся во всѣхъ хрестоматіяхъ, одобренныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для употребленія въ училищахъ и всѣми образованными людьми признаны за замѣчательныя поэтическія созданія, какъ по существу идей, положенныхъ въ основаніе ихъ, такъ и по развитію этихъ идей. Впрочемъ самъ г. Рождественскій при всемъ своемъ нерасположеніи къ темамъ, касающимся поэтическихъ произведеній, не чуждъ мнѣнія, что и эти темы могутъ быть пригодны для учениковъ. Опять противорѣчіе себѣ и притомъ болѣе странное, чѣмъ первое. Сказавъ, что ученики не могутъ понимать надлежащимъ образомъ поэтическихъ произведеній, что нѣкоторые изъ нихъ и не слѣдуетъ давать ученикамъ, что они безполезны во всякомъ случаѣ, г. Рождественскій, къ удивленію нашему, сообщаетъ: *„слѣдуетъ учениковъ знакомить съ поэтическими произведеніями, но только несравненно менѣе, чѣмъ съ прозаическими“.* Не понимаю, какъ дошелъ г. Рождественскій до этого заключенія, послѣ того, что имъ прежде сказано на счетъ выбора темъ; тѣмъ болѣе это не понятно, что дальнѣйшее его разсужденіе — тоже противъ поэзіи: онъ называетъ поэтическія произведенія только легкимъ чтеніемъ для учениковъ и затѣмъ внушаетъ, что *„не слѣдуетъ школѣ поощрять то, что и безъ того чрезмѣрно развито“.* Спрашивается, зачѣмъ же г. Рождественскій, принимая это основаніе, считаетъ возможнымъ и даже необходимымъ противорѣчить ему хотя въ малой степени? Отвѣтъ трудно дать, трудно также догадаться, почему онъ считаетъ непреложною истиною то, что выражено въ подчеркнутыхъ словахъ и на чемъ онъ утверждаетъ необходимость предпочтенія въ дѣлѣ обученія прозаическихъ произведеній поэтическимъ. Фальшивость этого избитаго изреченія очевидна: школа напротивъ должна поощрять, что хорошо, хотя бы это было и развито чрезмѣрно; равнодушіе ея испортило бы добрый плодъ. Но дѣло все заключается не въ однихъ общихъ положеніяхъ: въ педагогикѣ болѣе всего вредятъ об-

щія сентенціи, здѣсь нужны болѣе всего практическія замѣчанія. Если бы г. Рождественскій, говоря о выборѣ темъ для учениковъ VI-го класса гимназіи, высказалъ, оставивъ въ сторонѣ отвлеченности, замѣчанія практическаго свойства, то дѣло было бы иного сорта. А то, какъ видно, онъ недостаточно вникъ въ условія, въ которыя можетъ быть поставленъ занявшій его предметъ; не хотѣлъ привести къ своему сознанію то, что преподаватель, дающій своимъ ученикамъ темы, можетъ соображать дѣло съ извѣстными обстоятельствами и принятыми имъ основаніями. Оцѣнивать выборъ темъ можно не иначе, какъ узнавъ предварительно, что проходится съ учениками изъ предмета, по которому даются темы, какими основаніями руководствуется при выборѣ темъ преподаватель, какія имѣются въ рукахъ заведенія наличныя средства, и многія другія обстоятельства. Я долженъ объяснить все это, какъ оно имѣется у насъ, хотя это и небезъизвѣстно совѣту. Вотъ тѣ основанія, которыми я руководствуюсь при выборѣ темъ для учениковъ. На ученическія сочиненія я смотрю не только какъ на средство къ пріученію учениковъ правильно мыслить и выражаться, но и какъ на мѣру къ увеличенію ихъ познаній и успѣхамъ проходимой съ ними науки. Вслѣдствіе этого я даю во 1-хъ нѣсколько темъ для класса на выборъ, имѣя въ виду, чрезъ то, во время разбора сочиненій, разнообразить и тѣмъ оживлять бесѣду; во 2-хъ даю темы въ извѣстный мѣсяцъ такія, которыя по своему содержанію или формѣ имѣютъ близкое отношеніе къ пройденному изъ науки въ этотъ мѣсяцъ Этимъ объясняется, почему къ г. Рождественскому попали на просмотръ сочиненія, состоящія въ разборахъ лирическихъ и эпическихъ произведеній; ибо, когда ученики писали эти сочиненія, я съ ними проходилъ теорію лирики и эпоса. Выходя изъ этихъ же оснований, я, когда прохожу теорію драмы, или ораторской рѣчи, даю читать и разбирать драматическія произведенія и ораторскія рѣчи, когда перехожу къ исторіи русской словесности,—даю читать имъ и разбирать Нестора, Даніила Заточника, „горе и злосчастіе“, Котошихина, Посошкова и проч Если бы г. Рождественскій обратилъ вниманіе на сочиненія учениковъ VII-го класса нашей гимназіи, которыя просматривалъ и о которыхъ далъ чрезвычайно лестный отзывъ его товарищъ г. Москвинъ, то, вѣроятно, онъ почелъ бы излишнимъ, по поводу сдѣлан-

наго мною выбора темъ, истощаться въ доказываніи, по крайней мѣрѣ, того, что предпочтеніе темъ изъ области поэзіи темамъ по части прозы не пригодно для гимназіи.

II) Этимъ объясненіемъ моимъ, полагаю, устраняется первый пунктъ критики г. Рождественскаго, въ которомъ онъ говоритъ о *разработкѣ темъ учениками*, т. е. вѣрнѣе о приготовленіи учениковъ учителемъ къ писанію сочиненій на заданныя темы. Можно здѣсь сдѣлать лишь одно замѣчаніе относительно требованія г. Рождественскаго, *„чтобы ни одного сочиненія не было представлено безъ плана“*. Я не понимаю, какого онъ плана требуетъ, такого-ли, который дѣлается воспитанниками семинарій предварительно составленія проповѣдей, или другаго какого. Если онъ настаиваетъ на первый способъ: то я, какъ учившійся въ семинаріи, знаю всю его безполезность и даже вредность въ педагогическомъ отношеніи; ибо подобнаго рода планы заставляютъ мысль воспитанника распинаться по извѣстнымъ только, любезнымъ наставнику, формамъ и рубрикамъ, вслѣдствіе чего большая часть такихъ семинарскихъ упражненій похожи одно на другое, лишено жизни, исполнено безсмысленныхъ фразъ и смѣшныхъ пріемовъ. Если г. Рождественскій разумѣетъ подъ планомъ то, что въ разсужденіи называется вступленіемъ, раздѣленіемъ и проч., то въ этомъ нѣтъ надобности, когда пишется сочиненіе на одномъ полулистѣ, и когда планъ, которому слѣдуетъ авторъ, ясенъ. Если наконецъ г. Рождественскій желаетъ, чтобы преподаватель, давая тему, объяснялъ стороны, съ которыхъ слѣдуетъ разработывать ее: то на это я бы ему сказалъ, что напрасно онъ безпокоится о томъ; потому что преподаватель и безъ того слѣдуетъ этому правилу, но съ осторожностію, только въ извѣстныхъ случаяхъ, чтобы въ противномъ случаѣ не заставить ученика ходить на помочахъ.

III) Въ третьемъ пунктѣ своего отзыва г. Рождественскій нападаетъ на меня за то, что я дѣлаю исправленія сочиненій посредствомъ замѣчаній словесныхъ, а не выражаю ихъ письменно на поляхъ самыхъ сочиненій. Возраженіе это имѣетъ видъ резонности. Дѣйствительно многіе ученики интересуются поправками учителя; но дѣло въ томъ: въ настоящее время, когда, вслѣдствіе распоряженія окружнаго начальства, сочиненія учениковъ VI и VII классовъ не попадаютъ въ руки авторовъ, а если и попадаютъ, то черезъ

годъ, когда интересъ, возбужденный ими въ ученикахъ, уступаетъ мѣсто новому (ибо для того, чтобы совѣту выбрать лучшія изъ нихъ для представленія начальству, оказывается надобность держать ихъ въ совѣтѣ), такъ въ настоящее время тщательное письменное исправленіе ихъ не можетъ имѣть никакого благого дѣйствія на учениковъ, не видящихъ этихъ исправленій. Что же касается до того, что, при моемъ способѣ исправленія ученическихъ сочиненій, „*постороннему человѣку трудно понять основаніе общей оцѣнки, выставленной на сочиненіи*“, то я объ этомъ не забочусь, думаю, что для этого не стоитъ терять времени. Но независимо отъ сказаннаго, способъ исправленія сочиненій, который я употребляю, имѣетъ свои выгоды и преимущества передъ тѣмъ, который рекомендуется г. Рождественскимъ: это a) сохраненіе времени для преподавателя, вслѣдствіе чего преподаватель имѣетъ возможность чаще упражнять учениковъ письменными работами, b) словесно исправляя сочиненія, онъ всегда болѣе скажетъ по поводу сочиненія, подробнѣе и нагляднѣе покажетъ недостатки его, чѣмъ въ письменныхъ замѣткахъ на поляхъ, c) словесно исправляя, преподаватель вводитъ въ бесѣду цѣлый классъ; d) черточки и змѣйки и другіе знаки, которые ставитъ преподаватель заблаговременно у себя дома, заставляютъ ученика сильнѣе напрягать свое мышленіе, чѣмъ тогда, когда бы вмѣсто нихъ было поставлено объясненіе. Отдавая такимъ образомъ предпочтеніе своему способу исправленія ученическихъ упражненій, я однакожь тѣмъ не отрицаю полезности способа, за который стоитъ г. Рождественскій; но въ тоже время думаю, что исправленія по этому способу, которыми такъ обязательно снабдилъ г. Рождественскій нѣсколько сочиненій нашихъ учениковъ,—таковы, что лучше бы ихъ вовсе не было; они состоятъ изъ вопрошеній, иногда не впопадъ, придирчивости къ мелочамъ и притомъ излишней, насмѣшкахъ, расчитанныхъ на униженіе ученика, на показаніи ничтожества и безсмыслія его трудовъ [1] Но независимо отъ неудовлетворительности этихъ

[1] Вотъ образцы исправленія сочиненій, сдѣланнаго г. Рождественскимъ.

Въ первоначальномъ видѣ:	*Исправленія г. Рождественскаго.*
Iезуиты, извѣстный католическій орденъ, проникнувши въ Польшу, старались всѣми силами	

замѣчаній, они, по моему мнѣнію, совершенно неумѣстны. Трудно—догадаться, зачѣмъ г. Рождественскій ихъ сдѣлалъ, когда о томъ его никто не просилъ и когда удобно онъ могъ свои мысли выразить на особой бумагѣ, не пачкая сочиненій, которыя поэтому я затрудняюсь возвратить ученикамъ. Усердіе, которое показалъ г. Рождественскій, взявшись за исправленіе сочиненій, читанныхъ и разобранныхъ мною въ классѣ, въ высшей степени не педагогично. Дѣло слишкомъ ясно, чтобы объяснять его.

IV) Четвертый пунктъ отзыва г. Рождественскаго заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „*Нужно ли говорить о внѣш-*

распространить Унію также и между малороссами, т. е. хотѣли соединить православную вѣру съ католицизмомъ, съ цѣлію слить посредствомъ этого Украйну съ Польшею.	Какъ? Неужели?
Но нашли сильное сопротивленіе въ низшемъ классѣ, который крѣпко держался вѣры.	Какой?
Когда имѣніе пана отдаваемо было на аренду жиду, готовому драть съ человѣка послѣднее его состояніе.	Понимаете ли вы, въ чемъ состояла жидовская аренда?
Въ сѣчь шли бурсаки, которые вовсе не имѣли охоты подвергать свое тѣло частымъ упражненіямъ учителей.	Чисто Гоголевскій юморъ.!..
Во время ночи, когда осада длилась долго, явились въ лагерь татарки.	Какой? Ночью то?
Гнѣвъ Тараса былъ не выразимъ.	Понимаете ли вы этотъ гнѣвъ?
Шпіоны между тѣмъ узнали о раздѣленіи казацкихъ войскъ и объявили объ этомъ полковнику польскому.	Какому?
Тарасъ, увидѣвъ, что его сынъ не щадитъ своихъ, бросился бѣшено къ измѣннику и самъ изъ ружья застрѣлилъ его.	Куда вамъ разбирать Гоголя?

нёмъ видѣ сочиненій, именно, что многія сочиненія переписаны нерадиво, на скверной бумаженкѣ“? и проч. Упрекъ этотъ несправедливъ; напротивъ большинство сочиненій удовлетворительны со стороны внѣшности; если же два или три сочиненія дѣлаютъ изъ этого исключеніе, то это нужно объяснять тѣмъ же, чѣмъ объясняется то явленіе, въ силу котораго во всякомъ классѣ имѣются посредственные и слабые ученики, а не равнодушіемъ къ этому дѣлу со стороны преподавателя и гимназическаго начальства. Я и г. директоръ постоянно внушаемъ воспитанникамъ, чтобы и внѣшняя сторона сочиненій не была ими пренебрегаема, а у меня приняты относительно этого свои мѣры, дающія, какъ опытъ показалъ, желанный результатъ“.

Выслушавъ это мнѣніе учителя Ѳирсова, и разсмотрѣвъ сочиненія учениковъ, просмотрѣнныхъ г. Рождественскимъ, совѣтъ пришелъ къ заключенію, что онъ совершенно раздѣляетъ мнѣніе г. старшаго учителя Ѳирсова какъ относительно сочиненій учениковъ, такъ и замѣчаній, сдѣланныхъ на нихъ старшимъ учителемъ Вятской гимназіи Рождественскимъ. Заключеніе это было представлено на благоусмотрѣніе г. управляющему округомъ.

12-го января 1866 года въ педагогическомъ совѣтѣ 2-ой гимназіи заслушано было предложеніе г. попечителя округа о ревизіи обѣихъ казанскихъ гимназій по Высочайшему повелѣнію. Ревизорами назначены были: по Закону Божію: ректоръ Казанской духовной академіи, профессоръ богословскихъ наукъ Казанскаго университета священникъ Владимірскій; по русскому языку: окружный инспекторъ Сахаровъ и ординарный профессоръ университета Буличъ; по нѣмецкому языку: помощникъ попечителя Николичъ и лекторъ университета Мессъ; по французскому языку: помощникъ попечителя Николичъ, ординарный профессоръ Микшевичъ и лекторъ Дютрессель; по математикѣ: ординарный профессоръ Поповъ, профессоръ Янишевскій и доцентъ Имшенецкій; по физикѣ: профессоры Больцани и Котельниковъ; по исторіи: профессоръ Микшевичъ и преподаватель университета Ѳирсовъ; по географіи: профессоръ Больцани и преподаватель Ѳирсовъ (историч. зап. о 1-ой гимназ. Владимірова). По латинскому языку экзамена не было, такъ какъ онъ введенъ снова въ преподаваніе по преобразованіи гимназіи въ классическую съ 1-го января 1866 года. Г. попе-

читель округа П. Д. Шестаковъ снабдилъ каждаго изъ лицъ, ревизовавшихъ гимназіи, особенною печатною инструкціей слѣдующаго содержанія:

„Ревизующіе должны: 1) подвергнуть основательному испытанію каждаго ученика 4, 5 и 6 классовъ какъ изъ того, что пройдено въ томъ классѣ, въ которомъ находится ученикъ, такъ и изъ пройденнаго въ предъидущихъ классахъ; 2) не допускать, чтобы преподаватели помогали ученикамъ своими вопросами, наведеніями и объясненіями и 3) ставить каждому ученику отмѣтку по взаимному соглашенію ревизующихъ.

Испытаніе начинается съ письменныхъ отвѣтовъ, при чемъ всѣмъ ученикамъ дается одно и тоже для болѣе вѣрной сравнительной оцѣнки. По языкамъ предъ письменными отвѣтами дается ученикамъ общій диктантъ, за диктантомъ письменныя упражненія и переводы, сообразныя со степенью знанія и развитія учениковъ, по русскому языку, въ 5 и 6 кассахъ, сочиненія на одну тему для всѣхъ учениковъ одного класса, по церковно-славянскому—переводы съ этого языка, по исторіи, географіи, математикѣ и физикѣ по одному письменному отвѣту. При обсужденіи письменныхъ отвѣтовъ и упражненій обращается вниманіе: 1) на ороографію, 2) на правильность языка въ этимологическомъ и синтаксическомъ отношеніи, 3) на связность изложенія и 4) на знаніе предмета, по которому дается вопросъ.

При устномъ испытаніи обращается особенное вниманіе изъ Закона Божія на знакомство учащихся съ библіею и на сознательное усвоеніе текстовъ священнаго писанія; изъ русскаго и церковно-славянскаго языка на знаніе формъ и законовъ языка какъ теоретическое, такъ и практическое, изъ русской словесности на знакомство учениковъ съ лучшими русскими писателями и на знаніе ими наизусть избранныхъ изъ нихъ мѣстъ съ логическимъ и стилистическимъ разборомъ выученнаго; изъ исторіи на разумное знакомство съ историческими фактами и хронологіею замѣчательныхъ событій, изъ географіи на характеристику мѣстностей и черченіе картъ; изъ чужихъ языковъ на знаніе формъ и законовъ этихъ языковъ сравнительно съ русскимъ и на изученіе избранныхъ отрывковъ изъ писателей; вообще какъ изъ русскаго, такъ и изъ другихъ языковъ на то, какіе писатели изучаются преимущественно предъ другими, на

содержаніе изучаемыхъ писателей; по математикѣ на умственное исчисленіе, знакомство со счетами, на приложеніе математики и на черченіе, по физикѣ на знакомство учениковъ съ опытами, служащими къ ясному и основательному усвоенію физическихъ законовъ; по всѣмъ предметамъ на точность, ясность и логическую послѣдовательность отвѣтовъ.

Вообще ревизія должна положительно отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

1) Съ должною ли строгостію производились переводные экзамены и всѣ ли ученики по достоинству занимаютъ мѣста въ извѣстномъ классѣ.

2) Достаточное ли вниманіе обращено учителями на главную цѣль гимназическаго ученія—развитіе способностей учениковъ.

3) Не жертвуютъ ли учителя ложно понятому развивательному методу положительными занятіями, которыми обусловливается истинное развитіе учащихся.

Каждая коммисія представляетъ подробный отчетъ о произведенномъ ею экзаменѣ всѣхъ учениковъ 3-хъ классовъ 4, 5 и 6 съ означеніемъ того, что пройдено въ каждомъ классѣ, съ показаніемъ числа отвѣчавшихъ отлично, хорошо, удовлетворительно и слабо по каждому классу, съ указаніемъ замѣченныхъ ею особенно хорошихъ и особенно дурныхъ сторонъ отвѣтовъ учениковъ, съ мнѣніемъ своимъ, какіе ученики по достоинству занимаютъ мѣсто въ классѣ и какіе не по заслугамъ. Отмѣтки коммисіи, которыя ставятся по взаимному совѣщанію членовъ, сопоставляются съ отмѣтками, выставленными преподавателями гимназіи. Прошу коммиссіи откровенно высказать свои заключенія о достоинствѣ и недостаткахъ преподаванія извѣстнаго учителя, о томъ, справедливо ли оцѣниваются имъ знанія его учениковъ, и указать средства для улучшенія способовъ и пріемовъ преподаванія и размѣра, въ которомъ, по ихъ мнѣнію, долженъ быть проходимъ предметъ въ извѣстномъ классѣ, чтобы преподаваніе сопровождалось желанными успѣхами. Въ заключеніе я просилъ бы коммисіи съ полною откровенностію сказать свое замѣчаніе и о нравственномъ направленіи учениковъ, которое, безъ сомнѣнія, выкажется въ томъ, какъ они будутъ держать себя во время испытаній“.

Въ донесеніяхъ членовъ отдѣльныхъ коммисій о результатахъ произведенныхъ ими испытаній заключаются слѣдующія сужденія:

1) **Законъ Божій.** Ученики 4-го класса были испытываемы въ священной исторіи и катихизисѣ, 5-го класса, сверхъ означенныхъ двухъ предметовъ, въ объясненіи православнаго богослуженія, 6-го класса въ тѣхъ же предметахъ и, кромѣ того, въ церковной исторіи. Вопросы были предлагаемы не только изъ того, что преподано было въ настоящемъ учебномъ году, но и изъ того, что пройдено было въ теченіи прежнихъ учебныхъ годовъ.

Средній выводъ изъ отвѣтовъ учениковъ всѣхъ классовъ обѣихъ гимназій можно назвать достаточнымъ (3). Отвѣты учениковъ, въ большей части, не всегда отвѣчали тѣмъ отмѣткамъ, которыми аттестованы они въ годичныхъ переводныхъ спискахъ; но это обстоятельство, конечно, надобно отнести къ тому, что ученики являлись на испытаніе безъ предварительнаго приготовленія къ нему. По тому же самому, вѣроятно, и, сверхъ того, по той причинѣ, что священная исторія проходится въ гимназіяхъ въ низшихъ классахъ, отвѣты изъ названнаго сейчасъ предмета были вообще слабѣе, чѣмъ изъ катихизиса и объясненія богослуженія. Въ катихизисѣ обыкновеннымъ камнемъ преткновенія для всѣхъ почти учениковъ были тексты священнаго писанія. За весьма немногими также исключеніями, воспитанники высказали недостаточное знакомство съ самыми священными книгами. Для устраненія этого недостатка полезно было бы приносить въ классы, на урокъ священной исторіи, библію и заставлять воспитанниковъ пріискивать и прочитывать самый текстъ урока".

2) **Русскій языкъ и словесность** въ обѣихъ Казанскихъ гимназіяхъ найдены экзаменаторами въ жалкомъ видѣ. Изученіе теоріи словесности ограничивается только формальнымъ заучиваніемъ правилъ; пишутъ ученики, за самыми не многочисленными исключеніями, безграмотно. О чтеніи учениками книгъ замѣчено, что ученики первой гимназіи читаютъ мало, а второй—много, но безъ разбора. „Къ сожалѣнію, говорится въ донесеніи гг. ревизоровъ, здѣсь (во второй гимназіи) сравнительно съ первой другая противоположность. Если въ ней, гдѣ больше учениковъ казенныхъ, живущихъ въ самой гимназіи, читается вообще мало, то здѣсь, между своекоштными, разнообразное и значительное по коли-

честву чтеніе дурно направлено. Въ этомъ уже сказывается вліяніе домашней обстановки и вредъ этого вліянія. Ученики читаютъ преимущественно книжки новыхъ журналовъ и большинство изъ нихъ на сторонѣ теорій „Русскаго Слова". На одного произвела большое впечатлѣніе статья г. Писарева „о воспитаніи женщины", другой вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе того же публициста, высказанное въ прочитанной статьѣ его „педагогическіе софизмы", что классическое образованіе не имѣетъ смысла, и что полезно одно только реальное образованіе и проч.

Не думаемъ, чтобы гимназія могла противодѣйствовать силѣ этихъ постороннихъ домашнихъ вліяній, развѣ только тогда, когда ученіе въ ней будетъ отличаться строгостію и ученики изъ класса будутъ дѣйствительно выносить положительныя свѣдѣнія, а не кое-что, весьма смутно усвоенное".

Математика. „Должно сказать, говорится въ отчетѣ ревизоровъ, что при нашей ревизіи 2-я гимназія произвела на насъ лучшее впечатлѣніе, нежели 1-я; во 2-й гимназіи познанія учениковъ, оказанныя на ревизіи, были вообще, за немногими исключеніями, не ниже аттестацій гимназическихъ; въ 1-ой гимназіи, напротивъ, за исключеніемъ V-го класса, познанія, оказанныя на ревизіи, были ниже аттестацій гимназій. И въ той и другой гимназіи всѣ ученики страдаютъ крайнимъ неумѣніемъ излагать на бумагѣ даже то, что они хорошо знаютъ, но въ письменныхъ отвѣтахъ учениковъ 2-ой гимназіи всетаки не встрѣчается такихъ нелѣпостей, которыя можно найти во многихъ отвѣтахъ учениковъ 1-ой гимназіи".

Неблагопріятны для обѣихъ Казанскихъ гимназій и отзывы ревизоровъ, экзаменовавшихъ по **географіи и новымъ языкамъ;** относительно впрочемъ французскаго языка въ отчетѣ замѣчено, что „сравнительное изложеніе законовъ французскаго языка съ русскимъ проявляется только во второй гимназіи, благодаря болѣе основательному усвоенію отечественнаго языка преподавателемъ".

Благопріятнѣе отзывы гг. ревизоровъ о состояніи въ обѣихъ гимназіяхъ **исторіи, географіи**, и особенно **физики.**

Подробныя донесенія гг. ревизоровъ помѣщены въ Циркулярѣ по Казанскому учебному округу за 1866 и 1867 годъ.

Въ 1865, 1866, 1867 и 1868 годахъ г. помощникъ попечителя Николичъ разсматривалъ письменныя работы учениковъ, исполненныя ими на окончательныхъ экзаменахъ, и остался вообще недоволенъ ими, особенно работами перваго изъ означенныхъ годовъ. Впрочемъ недостатки письменныхъ ученическихъ упражненій конца 70-ыхъ годовъ самою гимназіей выставлялись на видъ даже рѣзче, чѣмъ окружнымъ начальствомъ. Письменныя упражненія по русской словесности, каковы бы они ни были, покрайней мѣрѣ писались самими учениками. Но упражненія по иностраннымъ языкамъ были въ самомъ жалкомъ видѣ, главнымъ образомъ по тому, что они обыкновенно переписывались съ упражненій двухъ-трехъ лучшихъ учениковъ класса. Въ засѣданіи педагогическаго совѣта 5-го декабря 1869 г. преподаватель латинскаго языка Валицкій прочелъ слѣдующее мнѣніе: „Письменныя домашнія упражненія учениковъ, которыхъ главная цѣль, по видимому, состоитъ въ томъ, чтобы ученикамъ давать возможность съ одной стороны примѣнить на практикѣ пріобрѣтенныя ими изъ грамматики и лексикологіи свѣдѣнія, а съ другой стороны пріучить ихъ къ самостоятельному труду, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ нашей гимназіи, не только совершенно безполезны, но даже положительно вредны. Педагогическій совѣтъ, не имѣя совершенно никакихъ средствъ на то, чтобы заставлять учениковъ работать самихъ надъ составленіемъ письменныхъ домашнихъ упражненій, по невозможности точнаго контроля, долженъ былъ прійти къ такому заключенію, что опредѣляя отмѣтку за письменныя упражненія принимать только въ соображеніе при выводѣ отмѣтокъ за успѣхи. Такой взглядъ гимназіи на домашнія письменныя упражненія учениковъ по языкамъ (другой взглядъ на врядъ ли могъ установиться при недостаткѣ хорошихъ домашнихъ учителей, понимающихъ всю важность воспитанія, и хорошихъ словарей и руководствъ) неминуемо, въ свою очередь, долженъ былъ повести къ тому, что ученики стали списывать другъ у друга задаваемые имъ на домъ переводы. Конечно каждый изъ насъ безъ большаго труда отличитъ самостоятельную работу отъ несамостоятельной (я говорю отъ лица всѣхъ, такъ какъ мы не разъ уже бесѣдовали объ этомъ предметѣ и мнѣнія наши всегда были согласны) и мы употребили буквально всѣ зависящія отъ насъ средства и

все-таки не могли искоренить того зла, которое существовало всегда и вездѣ. Если же намъ укажутъ на заграничныя гимназіи, гдѣ письменныя домашнія работы тоже существуютъ, то это не можетъ намъ вовсе служить примѣромъ, такъ какъ онѣ тамъ ведутся совмѣстно съ классными (extemporalia); при томъ же ученики тамъ обыкновенно раздѣляются на два отдѣленія: успѣвшихъ и неуспѣвшихъ и только первымъ назначаются домашнія работы Да и въ самомъ дѣлѣ, возможно ли требовать, чтобы неуспѣвшій ученикъ писалъ дома упражненіе, когда во всякомъ почти классѣ третья или четвертая часть учениковъ не въ состояніи удовлетворительно приготовить заданные имъ уроки? Такимъ образомъ мы, преподаватели иностранныхъ языковъ, очутились въ такомъ положеніи въ отношеніи къ нашимъ ученикамъ, въ какомъ долѣе оставаться невозможно, подъ опасеніемъ уронить въ значительной долѣ то нравственное значеніе, какое учитель долженъ имѣть въ глазахъ учениковъ и всего общества; мы, при чтеніи домашнихъ работъ учениковъ, списанныхъ у другихъ или составленныхъ родителями или наставниками, дѣлаемъ видъ, что вполнѣ увѣрены, что читаемъ собственныя ихъ работы. Говоря все это, я вовсе не хочу отвергать значенія переводовъ съ отечественнаго на иностранные языки, я готовъ даже сказать, что они полезны, но только подъ строгимъ контролемъ преподавателя и съ того только времени, когда ученики достаточно знакомы съ грамматикой родного языка. А переводы на иностранные языки на той ступени знанія этимологіи и синтаксиса отечественнаго языка, на какой находятся ученики первыхъ трехъ классовъ нашихъ гимназій, имѣютъ большое сходство съ переводами съ неизвѣстнаго языка на неизвѣстный. Положимъ даже, что ученики 1 класса знаютъ уже русскія склоненія, а 2-го и 3-го даже и спряженія, но давать лишь голыя формы совершенно не педагогично; потому что напередъ можно сказать, что какая нибудь 5-я или много 10-я часть сами напишутъ заданную парадигму. Но гораздо еще не педагогичнѣе давать въ этомъ случаѣ для перевода русскій текстъ; потому что тѣ ученики, которые списываютъ переводы у другихъ, изъ опасенія, чтобы ихъ не уличили въ обманѣ, обыкновенно нарочно дѣлаютъ самыя грубыя ошибки и зубрятъ наизусть самый безтолковый переводъ. При такомъ множествѣ языковъ (русскій, славянскій, латин-

скій, греческій и одинъ изъ новѣйшихъ), изучаемыхъ учениками нашихъ гимназій, нельзя требовать, чтобы они писали на какомъ нибудь изъ нихъ, за исключеніемъ русскаго. И если ученикъ на столько успѣетъ въ теченіе 7-ми лѣтъ, что будетъ въ состояніи безъ большаго труда прочитать любого автора на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, изучаемыхъ имъ, то этого для него будетъ очень достаточно. Поэтому письменные переводы съ отечественнаго на иностранный языкъ, имѣющіе цѣлью единственно повѣрку знаній учениковъ со стороны учителя (въ этомъ-то и состоитъ все ихъ педагогическое значеніе) должны быть задаваемы и исполняемы въ классѣ, въ присутствіи учителя, каждый разъ, когда нужно выставлять отмѣтку за успѣхи въ табеляхъ учениковъ, т. е. 4 раза въ годъ, или никакъ уже не болѣе 8 разъ, по одному въ мѣсяцъ, съ тѣмъ, конечно, чтобы отмѣтки за эти упражненія считать на равнѣ съ отмѣтками за словесные отвѣты. Само собою разумѣется, что каждый такой урокъ, въ который будутъ производиться такія extemporalia, будетъ очень тяжелъ для преподавателя: потому что ему придется каждый разъ раздѣлять учениковъ на нѣсколько категорій, назначая для всякой посильную работу, потому что ему придется всякій разъ обстоятельно резюмировать все пройденное въ двадцать или сорокъ уроковъ и все это заключить въ 20—30 словахъ, или въ двухъ-трехъ предложеніяхъ и періодахъ. Я не намѣренъ больше говорить противъ домашнихъ письменныхъ упражненій и въ пользу extemporalia; мы уже достаточно убѣдились на опытѣ, къ какимъ жалкимъ результатамъ мы пришли, заставляя нашихъ учениковъ переводить самихъ на языки, которыхъ они еще не изучили, и не давъ имъ хорошихъ грамматикъ и словарей".

Для поощренія учениковъ къ самостоятельнымъ сочиненіямъ въ 1869 году при второй гимназіи учреждены были три преміи—одна большая въ 50 рублей и двѣ малыхъ, каждая въ 25 рублей, которыя и выдавались ежегодно заслуживающимъ того ученикамъ VI и VII классовъ изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи. Цѣль установленія премій была достигнута. Лучшіе ученики, даже изъ дѣтей зажиточныхъ родителей, усердно писали сочиненія на преміи. Но явилось другое зло: было замѣчено, что ученики, писавшіе на преміи изъ желанія, что называется, отличиться предъ

товарищами, стали манкировать обязательнымъ дѣломъ и даже пропускать уроки. Поэтому въ 1874 году сочиненія на премін были отмѣнены.

Лучшіе ученики VI и VII классовъ съ 1869 года съ успѣхомъ занимались сочиненіями на преміи; лучшіе же ученики всѣхъ классовъ въ этомъ году, разумѣется, сами исполняли и обязательныя письменныя работы, а большинство, масса учащихся продолжала списывать у нихъ. Преподаватель латинскаго языка Гвоздевъ въ одномъ изъ отчетовъ директору списываніе учениками упражненій у своихъ товарищей называлъ „язвою, въѣвшеюся въ школу" и выражалъ отчаяніе въ томъ, чтобы нашлось какое-либо средство искоренить ее. Но средства нашлись. Уже вышеизложенное мнѣніе преподавателя Валицкаго, обсужденное въ педагогическомъ совѣтѣ, привело къ такому результату, что попечитель округа разрѣшилъ давать ученикамъ, кромѣ домашнихъ письменныхъ работъ по языкамъ, еще классныя. Эта, по видимому, скромная мѣра имѣла важные результаты. Extemporalia, исполняемыя подъ контролемъ преподавателя, съ одной стороны служатъ прекраснымъ средствомъ провѣрки знаній учениковъ, а съ другой—пріучаютъ ихъ къ самостоятельному исполненію письменныхъ работъ. Это самостоятельное отношеніе къ дѣлу отселѣ ученики мало по малу переносятъ и на домашнія письменныя упражненія. Само собою разумѣется, что на первыхъ порахъ требовалась не малая доля снисходительности со стороны преподавателей языковъ: чтобы пріохотить учениковъ къ самостоятельному исполненію ими письменныхъ работъ, отмѣтки за послѣднія нужно было выставлять такъ, чтобы онѣ не вліяли на понижепіе общей отмѣтки по успѣхамъ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что списываніе, о которомъ говорено было выше, становилось все болѣе и болѣе рѣдкимъ. Но самою дѣйствительною и радикальною мѣрою къ искорененію зла былъ Уставъ 1871 года, придавшій такое высокое значеніе письменнымъ работамъ учениковъ и особенно „правила объ испытаніяхъ", лишившія возможности списывать у кого-бы то ни было письменные отвѣты, даваемые ученикамъ на испытаніи зрѣлости. Теперь ученики должны были убѣдиться, что самостоятельные труды необходимы, и, чтобы исполнять ихъ, нужно къ нимъ заблаговременно пріучаться. Поэтому въ настоящее время списываніе учениками упражненій хотя

все еще встрѣчается, но уже составляетъ такое же исключеніе изъ общаго правила, какое въ концѣ 70-хъ годовъ составляла самодѣятельность учениковъ въ этомъ отношеніи. За то и начальство округа становится все довольнѣе и довольнѣе гимназіей.

Такъ профессоръ Добротворскій, присутствовавшій въ 1870 г. на окончательныхъ испытаніяхъ въ качествѣ депутата отъ университета, донесъ попечителю, что экзамены въ обѣихъ Казанскихъ гимназіяхъ произвели на него пріятное впечатлѣніе и что можно сказать, что съ гимназическимъ образованіемъ выходятъ дѣйствительно образованные молодые люди и лица не гимназическаго образованія, подвергавшіяся испытанію, по познаніямъ стоятъ ниже воспитанниковъ гимназій.

Профессоръ Больцани, по поводу окончательныхъ экзаменовъ въ 1871 году, пишетъ попечителю округа: „успѣхи изъ математики и физики удовлетворительны. Если оставалось что-нибудь желать, то это было: а) изъ физики большее знакомство съ опытами, б) большее знакомство съ рѣшеніями геометрическихъ задачъ.

О письменныхъ работахъ по латинскому языку, исполненныхъ учениками 2-ой гимназіи, подвергавшимися испытанію зрѣлости въ 1872 г., профессоръ Добротворскій отозвался въ томъ смыслѣ, что письменные отвѣты учениковъ 2-ой Казанской гимназіи показываютъ весьма хорошее знакомство съ латинскимъ языкомъ и его грамматикой, а отвѣты двухъ учениковъ (Пепинскаго и Смирнова) замѣчательно хороши; отмѣтки ставились справедливо.

Заслуженный профессоръ Котельниковъ, разсматривавшій въ этомъ году письменные экзаменные отвѣты изъ математики и лекторъ Бересфордъ, которому поручено было разсмотрѣніе письменныхъ отвѣтовъ по новымъ языкамъ, тоже отозвались, что отмѣтки выставлены были справедливо.

Въ 1873 году письменныя работы, исполненныя учениками гимназій округа на испытаніяхъ зрѣлости, разсматривали: по русской словесности окружный инспекторъ Н. А. Сахаровъ, по латинскому языку приватъ-доцентъ Н. П. Гвоздевъ, по математикѣ—профессоръ Котельниковъ.

О письменныхъ отвѣтахъ по русской словесности учениковъ 2-ой Казанской гимназіи Н. А. Сахаровъ отозвался въ слѣдующемъ смыслѣ: „за исключеніемъ трехъ, всѣ сочи-

ненія написаны хорошо и съ пониманіемъ дѣла; мысли изложены по большей части вѣрно и съ логическою послѣдовательностію. Преподаватель Лозановъ довольно строго относился къ работамъ учениковъ и отчасти уменьшалъ въ своихъ отмѣткахъ достоинство ученическихъ трудовъ".

Профессоръ Котельниковъ и приватъ-доцентъ Гвоздевъ отозвались, что отмѣтки на письменныхъ работахъ выставлены были справедливо.

Въ томъ же смыслѣ профессоръ Котельниковъ отозвался объ экзаменныхъ работахъ учениковъ 2-ой гимназіи по математикѣ и въ слѣдующемъ 1874 году.

Письменные же отвѣты по русской словесности въ этомъ году разсматривали: профессоръ университета Н. Н. Буличъ и помощникъ попечителя И. М. Николичъ. Первый изъ нихъ лучшими отвѣтами изъ гимназій округа нашелъ отвѣты учениковъ Казанскихъ гимназій. Помощникъ же попечителя И. М. Николичъ лучшими отвѣтами призналъ отвѣты учениковъ гимназій: 1-ой Казанской, Самарской и Саратовской, а подходящими къ нимъ ближе всѣхъ отвѣты 2-й Казанской гимназіи. Объ отвѣтахъ по математикѣ профессоръ Котельниковъ отозвался, что они оцѣнены были справедливо.

Относительно же успѣховъ учениковъ 2-ой Казанской гимназіи, оказанныхъ ими на окончательныхъ испытаніяхъ въ этомъ 1874 году по древнимъ языкамъ, г. попечитель округа сообщилъ директору, отъ 28 октября, что Его Превосходительство, присутствуя на испытаніяхъ зрѣлости во 2-ой Казанской гимназіи и лично принимая участіе въ испытаніяхъ по латинскому и греческому языкамъ, убѣдился, что ученики VII класса доведены до очень удовлетворительнаго знанія древнихъ языковъ. Нынѣ усмотрѣвъ изъ донесенія члена, состоящаго при попечительскомъ совѣтѣ, ординарнаго профессора Казанскаго университета Добротворскаго, разсматривавшаго письменные отвѣты, исполненные на испытаніяхъ зрѣлости по древнимъ языкамъ учениками гимназій Казанскаго учебнаго округа, что письменные отвѣты учениковъ 2-ой Казанской гимназіи, не смотря на то, что они оцѣнивались испытательными коммиссіями съ большею строгостію, чѣмъ въ прочихъ гимназіяхъ, по лучшему исполненію занимаютъ второе мѣсто между письменными отвѣтами учениковъ 14-ти гимназій,—онъ г. попечитель округа относитъ столь удовлетворительные успѣхи учениковъ въ древнихъ языкахъ

къ особенному усердію и опытности преподавателей 2-ой Казанской гимназіи: Иноземцева, Гвоздева, Валицкаго и Сухотина, и потому проситъ директора объявить упомянутымъ учителямъ благодарность начальства округа за ихъ усердные и добросовѣстные труды на пользу учащихся, со внесеніемъ такой благодарности въ формулярные ихъ списки.

Въ 1875 г. письменные отвѣты учениковъ второй Казанской гимназіи, исполненные на испытаніи зрѣлости, оказались вполнѣ удовлетворительными по древнимъ языкамъ и по математикѣ. По опредѣленію попечительскаго совѣта преподавателямъ этихъ предметовъ Гвоздеву, Иноземцеву, Генкелю и директору Имшенику объявлена благодарность отъ имени г. попечителя округа. Но относительно письменныхъ отвѣтовъ по русской словесности попечительскимъ совѣтомъ замѣчено, что отмѣтки на нихъ испытательной коммиссіей выставлены щедро и что вторая гимназія въ этомъ отношеніи не можетъ въ нынѣшнемъ году стоять на первомъ мѣстѣ.

На окончательныхъ экзаменахъ по закону Божію во второй Казанской гимназіи всегда присутствовали епархіальные Преосвященные, или ихъ викаріи, или же, по порученію Казанскаго Преосвященнаго, другіе духовные сановники. Сколько намъ извѣстно, Епархіальное Начальство оставалось всегда довольнымъ успѣхами учениковъ 2-ой гимназіи въ законѣ Божіемъ. Мы имѣемъ подъ руками слѣдующій лестный для гимназіи документъ: „Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Казанской Духовной Консисторіи, Протоіерею Казанской Воскресенской церкви Василію Бережковскому. Консисторія слушали предложеніе Его Высокопреосвященства, отъ 4 сего іюля за № 2050, слѣдующаго содержанія: „присутсвовавъ въ нынѣшнемъ (1874 г.) году, по узаконенному порядку, на испытаніяхъ по закону Божію воспитанниковъ и воспитанницъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, въ числѣ коихъ и во второй мужской гимназіи, я усмотрѣлъ относительно отвѣтовъ учащихся по сему предмету слѣдующее: во второй мужской гимназіи почти всѣ воспитанники, окончившіе курсъ, отвѣчали вполнѣ удовлетворительно, съ замѣчательною зрѣлостью, за малыми исключеніями; какъ видно, о. законоучитель здѣсь пользуется полнымъ авторитетомъ и имѣетъ должное вліяніе на своихъ

учениковъ. Предлагаю Консисторіи дать знать законоучителю второй гимназіи объ усмотрѣнномъ мною у него при испытаніи его воспитанниковъ. Приказали.“. и проч...

Русское правительство заботится объ образованіи своихъ подданныхъ не одного только русскаго племени; не меньшее попеченіе, по крайней мѣрѣ въ настоящее царствованіе, оно прилагаетъ и объ образованіи инородцевъ. Во время управленія Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Графомъ Д. А. Толстымъ правительство основало много инородческихъ школъ, въ это же Министерство приняты дѣйствительныя мѣры и къ привлеченію инородцевъ въ гимназіи. Послѣдній вопросъ не чуждъ былъ обсужденія и во 2-ой Казанской гимназіи. Въ засѣданіи педагогическаго совѣта февраля 7 дня 1870 года слушали заявленіе директора о томъ, что ученики гимназіи изъ инородцевъ магометанскаго вѣроисповѣданія затрудняются слушать славянскій языкъ; такъ какъ преподаваніе его основывается на переводѣ и объясненіи текста евангелія и молитвослова. При обсужденіи этого вопроса, большинство членовъ Совѣта пришли къ такому заключенію: такъ какъ въ гимназіи преподается церковно-славянскій языкъ съ цѣлью облегчить ученикамъ пониманіе богослужебныхъ книгъ, такъ какъ съ другой стороны, по мнѣнію преподавателя славянскаго языка Запкина, не возможно вести преподаваніе съ учениками изъ инородцевъ отдѣльно отъ прочихъ,-давая имъ другой текстъ для перевода и такъ какъ наконецъ представляется несправедливымъ, освободивъ означенныхъ учениковъ отъ слушанія славянскаго языка, обязать ихъ сдавать экзаменъ по нему при окончаніи курса гимназіи, т. е. предоставить нѣкоторыхъ учениковъ ихъ собственнымъ силамъ, тогда какъ другіе пользуются содѣйствіемъ преподавателя, то совѣтъ находитъ раціональнѣе совсѣмъ освободить означенныхъ учениковъ отъ изученія славянскаго языка. Съ послѣднимъ заключеніемъ совѣта не были согласны преподаватели Запкинъ и Гвоздевъ, которые находили не возможнымъ освободить учениковъ гимназіи отъ изученія славянскаго языка; при чемъ Гвоздевъ представилъ отдѣльное мнѣніе слѣдующаго содержанія:

„Рѣшеніе этого вопроса должно обусловливаться цѣлью, съ которой изучается славянскій языкъ въ гимназіяхъ. По моему мнѣнію, цѣль эта научная. Изъ славянскаго языка

должны быть выяснены учащимся свойства и законы русскаго языка. Потомъ, знаніе славянскаго языка должно служить ключемъ къ пониманію древней русской литературы, которая вся написана на славянскомъ языкѣ и носитъ церковный характеръ. Выходя изъ этихъ положеній, я нахожу неудобнымъ освобождать учениковъ магометанскаго и еврейскаго вѣроисповѣданій отъ обязательнаго изученія славянскаго языка. Въ противномъ случаѣ, ихъ слѣдуетъ освободить и отъ изученія русской (древней) литературы и сквозь пальцы смотрѣть на ихъ поверхностныя знанія въ русскомъ языкѣ. Нѣкоторые изъ членовъ совѣта противъ этого возразили, что изученіе славянскаго языка въ гимназіяхъ не имѣетъ такого научнаго значенія, что этотъ предметъ изучается только для того, чтобы дать ученикамъ возможность понимать богослужебный языкъ, что цѣль изученія славянскаго языка въ гимназіяхъ, такимъ образомъ, исключительно религіозная. А я возражу, что мысль о научномъ значеніи славянскаго языка энергично защищается г. Перевлѣсскимъ, авторомъ славянской грамматики, введенной въ гимназіи, какъ руководство. Но предположимъ, что мысль гг. членовъ совѣта, которые утверждаютъ, что цѣль изученія славянскаго языка въ гимназіяхъ исключительно религіозная, совершенно справедлива. Въ такомъ случаѣ, отъ обязательнаго изученія славянскаго языка должно освободить учениковъ не только магометанскаго и еврейскаго вѣроисповѣданій, но и учениковъ католиковъ, лютеранъ и раскольниковъ. Обсуждая вопросъ съ другой точки зрѣнія, я прихожу къ заключенію, что освобожденіе учениковъ изъ магометанъ и евреевъ отъ изученія славянскаго языка будетъ для нихъ чистой привилегіей въ ущербъ ученикамъ православнаго вѣроисповѣданія. Освобожденные отъ двухъ нелегкихъ предметовъ—славянскаго языка и закона Божія, они будутъ имѣть болѣе времени для подготовки къ урокамъ и экзаменамъ изъ остальныхъ предметовъ, чѣмъ русскіе ученики. Такимъ образомъ можетъ случиться, что ученикъ православнаго вѣроисповѣданія не перейдетъ въ высшій классъ потому только, что онъ православный. Скажутъ, что и ученики изъ магометанъ и евреевъ, безъ сомнѣнія, тоже изучаютъ свои религіи и, можетъ быть, тратятъ на это времени болѣе, чѣмъ русскіе ученики. Это возраженіе имѣло бы полную силу, если бы учебное заведеніе отъ учениковъ инородцевъ требовало отчета въ за-

нятіяхъ этого рода, если бы, наприм., ученики изъ евреевъ за неосновательныя познанія въ Талмудѣ не были переводимы въ высшіе классы. Слишкомъ бережно относясь къ религіознымъ предразсудкамъ учениковъ инородцевъ, мы въ учебной практикѣ встрѣтимъ не мало затрудненій. Такъ уже сказано было, что древняя русская литература носитъ церковный характеръ. Политическая исторія (общая и русская) постоянно соприкасается съ церковной. Укажу еще на одно неудобство. Въ слѣдующемъ учебномъ году мнѣ, можетъ быть, придется быть учителемъ греческаго языка въ 3 и 4 классахъ. Въ послѣднемъ классѣ уже начинается переводъ съ греческаго на русскій. Вмѣсто какихъ нибудь басенъ и анекдотовъ, я считалъ бы полезнымъ съ учениками 4-го класса переводить евангеліе и, въ свое время, по всей вѣроятности, буду просить законнаго разрѣшенія на это. Неужели тогда учениковъ еврейскаго и магометанскаго вѣроисповѣданій нужно будетъ освободить и отъ греческаго языка? Обязывая учениковъ изъ магометанъ и евреевъ изучать славянскій языкъ хотя бы по евангелію, учебное заведеніе этимъ не насилуетъ ихъ религіозной свободы. Въ результатѣ отъ этого изученія, кромѣ знанія славянскаго языка, у нихъ останется еще нѣкоторое знаніе христіанской религіи. Но знаніе религіи и исповѣданіе ея совершенно различны между собою. Въ нашихъ руководствахъ исторіи излагается же содержаніе религіи Магомета. Знать религію господствующаго народа не лишне кому-бы то ни было, тѣмъ болѣе, что ученики-инородцы, получивъ образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, могутъ впослѣдствіи занимать государственныя должности, при чемъ имъ придется входить въ разнообразныя соприкосновенія съ лицами господствующей религіи". Но мнѣніе преподавателя Гвоздева признано страдающимъ крайностями не только членами педагогическаго совѣта 2-ой Казанской, гимназіи но и самыми событіями, послѣдовавшимъ немедленно. Мая 14 дня въ совѣтѣ было прочитано предложеніе попечителя, которымъ сообщено что ученики гимназіи изъ инородцевъ освобождаются правительствомъ отъ обязательнаго изученія языковъ—славянскаго, нѣмецкаго и греческаго.

II. ЧАСТЬ ДИСЦИПЛИНАРНАЯ.

Нравственное образованіе юношества составляетъ такую же важную задачу гимназіи, какъ и образованіе умственное. Нравственное образованіе достигается: 1) положительными мѣрами, или правилами для поведенія учениковъ гимназіи, 2) мѣрами отрицательными, или правилами о взысканіяхъ съ учащихся за проступки, и 3) мѣрами косвенными или приведеніемъ учениковъ въ такую обстановку, которая бы сама собой вліяла на развитіе нравственнаго и эстетическаго ихъ чувства.

1) Постепенное развитіе правилъ для поведенія учениковъ 2-й Казанской гимназіи и наблюденіе за исполненіемъ ихъ.

8-го апрѣля 1842 года въ педагогическомъ совѣтѣ слушали предложеніе директора о томъ, чтобы преподаватели единодушно замѣчаніями и примѣромъ внушали ученикамъ, сверхъ доброй нравственности, благопристойную манеру, какой они должны держаться во время сидѣнья, стоянья и хожденія въ комнатѣ и на улицѣ, особенно же въ поклонахъ при встрѣчѣ съ начальниками и вообще съ почетными особами въ городѣ.

Въ 1847 г. генералъ—маіоръ Молоствовъ, вступивъ въ должность попечителя Казанскаго учебнаго округа, предписалъ начальству и воспитателямъ гимназіи: 1) „внушать ученикамъ, что изъявленіе уваженія лицамъ почему—либо ихъ старшимъ и въ особенности дамамъ есть первое условіе благовоспитаннаго человѣка; 2) предъ всѣми гг. генералами и начальствующими въ университетѣ, гимназіяхъ и институтахъ они непремѣнно должны снимать фуражки; 3) не только въ классахъ и общественныхъ собраніяхъ, но и на улицахъ они должны быть въ установленной одеждѣ, застегнуты и опрятны“. Это распоряженіе велѣно было выставить въ каждомъ классѣ и въ сборной комнатѣ.

5 февраля 1848 года, по случаю безпорядка въ театрѣ, въ произведеніи котораго подозрѣвался одинъ изъ воспитанниковъ гимназіи, попечитель округа предписалъ:

1) „Ученики гимназіи во дни учебные ни подъ какимъ видомъ не должны посѣщать театра, даже вмѣстѣ съ своими родственниками или воспитателями и за нарушеніе настоящаго постановленія должны быть подвергаемы строгому взысканію. 2) Только въ дни праздничные или каникулярные они могутъ пользоваться этимъ удовольствіемъ, но не иначе, какъ съ дозволенія инспектора, который на каждый спектакль долженъ давать билетъ, въ которомъ означается, вмѣстѣ ли съ своими родственниками ученикъ будетъ, или одинъ. 3) Ученикамъ, безъ надзора родственниковъ посѣщающимъ театръ, дозволеніе должно быть даваемо съ крайнею разборчивостью и то только благонадежнымъ изъ нихъ. 4) За каждый неприличный поступокъ ученика въ театрѣ взыскивается съ него строго; если же при томъ онъ былъ въ театрѣ безъ дозволенія инспектора, то, не смотря ни на какія увѣренія, представляется къ исключенію изъ гимназіи. 5) При гимназіи должна быть учреждена особая тетрадь, которая ввѣряется одному изъ надзирателей. Въ ней ученики на каждое представленіе вписываютъ свои имена. Инспекторъ подписываетъ дозволеніе тѣмъ изъ нихъ, которымъ сочтетъ это нужнымъ, а другихъ вычеркиваетъ и назначаетъ, самъ ли онъ, или кто-либо изъ учителей или надзирателей будетъ на этомъ спектаклѣ для наблюденія въ театрѣ; на другой же день тотъ, кому порученъ былъ надзоръ, своеручно пишетъ свои замѣчанія. Исправность этой тетради поручается личному надзору г. директора.

6) Чиновникъ, назначенный для наблюденія за учениками въ театрѣ, долженъ каждый разъ сказать о цѣли своего посѣщенія находящейся при театрѣ полиціи, которая бы, въ случаѣ надобности, немедленно могла къ нему обращаться. Кромѣ того онъ самъ обязанъ бдительно смотрѣть, чтобы со стороны учениковъ не было никакого неприличія, замѣтивъ которое, онъ рѣшительно его устраняетъ. Въ театрѣ ученики обѣихъ Казанскихъ гимназій непосредственно подчиняются чиновникамъ того и другаго заведенія безъ различія. Оказавшійся въ неприличномъ поступкѣ немедленно предается его гимназическому начальству.

7) Учрежденная на основаніи 5 пункта тетрадь служить и для учета нужной для билетовъ чиновникамъ суммы, объ утвержденіи расхода которой г. директоръ представляетъ послѣ каждой трети".

Предписанный этимъ распоряженіемъ надзоръ за учениками въ театрѣ производился чиновниками обѣихъ Казанскихъ гимназій поочередно до 1857 года, когда онъ порученъ инспектору Казанскаго университета, или его помощникамъ. Тогда же прекратилась и ассигновка изъ экономическихъ суммъ гимназіи на этотъ предметъ.

По кодексъ правилъ для учениковъ гимназіи въ прежнее время вообще былъ не сложенъ и потому не совсѣмъ опредѣлененъ. Гимназія очевидно руководилась обычнымъ правомъ, неписаннымъ закономъ. Но потребность замѣнить преданье писаніемъ однакоже ощущалась сильно. Инспекторъ Имшеникъ, вступившій въ эту должность въ 1849 году, скоро убѣдился, что 1) многіе изъ родителей затрудняются въ приготовленіи своихъ дѣтей въ гимназію, по неимѣнію программъ и правилъ о пріемѣ въ гимназію; 2) въ томъ, что ученики часто совершаютъ проступки единственно вслѣдствіе неопредѣленности и даже неизвѣстности требованій, которыя они должны исполнять въ гимназіи и внѣ ея. По этому онъ составилъ сборникъ всего того, что относится къ ученикамъ 2-ой Казанской гимназіи со времени поступленія ихъ въ гимназію до окончанія въ ней курса. Этотъ сборникъ раздѣлялся на 3 главы: I) правила о пріемѣ учениковъ въ гимназію, съ приложеніемъ программъ для всѣхъ классовъ по всѣмъ предметамъ и указаніемъ учебниковъ, по которымъ слѣдуетъ готовиться къ вступительному экзамену; II, обязанности ученика въ гимназіи; III обязанности ученика внѣ гимназіи. Тутъ указывается на необходимость посѣщать церковь; даются совѣты въ гигіеническомъ и дидактическомъ отношеніяхъ. Трудъ этотъ былъ окончепъ въ началѣ 1853 года и представленъ начальству для напечатанія; но средствъ для этого не оказалось. Въ послѣдствіи въ 1859 году напечатана была только 1-я глава. Впрочемъ 2 и 3 главы сборника такъ часто сообщаемы были составителемъ ученикамъ, что послѣдніе усвоили себѣ всѣ правила и указанія, изложенныя въ нихъ.

Въ 1866 году, въ засѣданіи соединеннаго совѣта, 20 апрѣля, былъ выработанъ довольно полный кодексъ правилъ

для учениковъ обѣихъ Казанскихъ гимназій. Правила эти слѣдующія:

1) Ученикъ—христіанинъ долженъ ежегодно исповѣдываться и пріобщаться Св. Таинъ и въ исполненіи этой важной христіанской обязанности представлять начальству гимназіи свидѣтельство духовнаго отца.

2) Ученикъ долженъ начинать и оканчивать свой день молитвою.

3) Въ воскресные и праздничные дни ученикъ обязанъ посѣщать церковное богослуженіе, приходить къ началу онаго и выходить изъ церкви не прежде окончанія; въ церкви держать себя благоговѣйно, помня, что онъ находится въ храмѣ Божіемъ. Не позволительны по этому — хожденіе по церкви, разговоры съ товарищами или кѣмъ либо, оборачиванье въ стороны и т. п.

4) При встрѣчѣ съ св. иконами, крестными ходами, похоронами и вообще церковными процессіями должно снимать фуражку.

5) Ученикъ обязанъ участвовать въ общей молитвѣ предъ началомъ ученія, по этому въ классъ долженъ являться за $^1/_4$ часа до начала ученія.

6) Молитва послѣ ученія читается однимъ изъ учениковъ по назначенію преподавателя.

7) Къ старшимъ, а слѣдовательно и къ своимъ учителямъ и воспитателямъ ученикъ долженъ быть почтителенъ и неуклонно долженъ исполнять всѣ требуемыя отъ него воспитателями обязанности; обращаться къ старшему себя съ вопросомъ и отвѣчать на предложенный вопросъ долженъ прилично и стоя; не можетъ обращаться къ старшимъ себя съ неумѣстными вопросами и замѣчаніями, а тѣмъ болѣе вступать въ споръ и противорѣчить имъ.

8) При входѣ въ классъ начальника, преподавателя и посторонняго посѣтителя, ученики должны вставать и не садиться на мѣсто до тѣхъ поръ, пока не будутъ приглашены къ тому; обязаны также вставать и при выходѣ изъ класса означенныхъ лицъ.

9) При встрѣчѣ въ заведеніи съ начальниками, преподавателями, воспитателями и посторонними посѣтителями, ученику слѣдуетъ давать имъ дорогу, становясь въ сторону и въ приличномъ положеніи.

10) Съ товарищами ученикъ долженъ быть обходителенъ и дружелюбенъ; заводить съ товарищами брань, ссору, драку какъ въ самомъ заведеніи, такъ и внѣ его, строго воспрещается; равно въ стѣнахъ учебнаго заведенія не дозволяется шумъ, крикъ, пѣніе пѣсенъ, свистъ.

11) Въ видахъ сбереженія здоровья, необходимо заботиться о чистотѣ и опрятности, по этому ученикъ долженъ: чаще мыть тѣло и голову, не носить длинныхъ волосъ, держать чисто руки, тщательно чистить платье и обувь и оберегать то и другое.

12) Ученикъ не долженъ сорить въ классѣ, марать стѣны, портить классную мебель и вообще всѣ учебныя пособія, принадлежащія какъ заведенію, такъ и товарищамъ.

13) Воспрещается пользоваться учебными пособіями товарища, безъ дозволенія послѣдняго.

14) Воспрещается ученикамъ внѣ заведенія, безъ согласія родителей, а въ стѣнахъ заведенія, кромѣ того, безъ вѣдома инспектора, дареніе какой либо вещи, а тѣмъ болѣе продажа и покупка вещей.

15) Строго воспрещается ученикамъ розыгрышъ вещей въ лотереи.

16) Отмѣтки, выставленныя преподавателемъ въ классномъ журналѣ ученика, должны быть въ тотъ же день показываемы родителямъ или лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто. Въ классѣ ученикъ долженъ всегда имѣть свой классный журналъ; за переправку или уничтоженіе отмѣтки въ классномъ журналѣ ученикъ наказывается, какъ за обманъ.

17) Выдаваемыя табели обязанъ ученикъ предъявлять начальству гимназіи съ надписью своихъ родителей или лицъ, заступающихъ ихъ мѣсто, удостовѣряющею въ томъ, что табель кѣмъ либо изъ нихъ прочитана.

18) Ученику вмѣняется въ обязанность имѣть всѣ нужныя для него учебныя пособія, держать ихъ всегда въ порядкѣ и чистотѣ. Учебныя книги лучше имѣть въ переплетѣ.

19) Въ классъ, кромѣ учебныхъ пособій, ученикъ не долженъ приносить постороннихъ вещей, какъ наприм. книгъ для чтенія, игрушекъ и т. п.

20) До входа преподавателя въ классъ, послѣ звонка, ученикъ обязанъ быть на своемъ мѣстѣ.

21) Во время урока ученики должны быть внимательны къ преподаванію, а книги и тетради должно держать закрытыми.

22) Выходъ ученика изъ класса во время урока допускается только при дѣйствительной надобности и не иначе, какъ съ дозволенія преподавателя.

23) Въ случаѣ небытія въ классѣ, начальство гимназіи извѣщается родителями или лицами, заступающими ихъ мѣсто, о причинѣ неявки ученика въ классъ.

24) При встрѣчѣ на улицѣ съ начальственными лицами, преподавателями и воспитателями сего заведенія, требуется, чтобы ученикъ привѣтствовалъ ихъ поклономъ, снимая фуражку, а не приподнимая ее только.

25) Какъ въ гимназіи, такъ и внѣ ея, въ обществѣ, ученикъ обязанъ носить платье сообразно съ предписанною въ Высочайше утвержденномъ уставѣ формой.

26) На улицахъ и общественныхъ гуляньяхъ ученикамъ воспрещается ходить съ палками и хлыстами и вести себя они должны прилично.

27) Воспрещается куреніе табака не только въ учебномъ заведеніи, но и на улицахъ, и на общественныхъ гуляньяхъ; не слѣдуетъ курить и дома.

28) Воспрещается входъ въ тѣ общественныя мѣста, гдѣ происходитъ карточная и бильярдная игры, а тѣмъ болѣе воспрещается самая игра и употребленіе опьяняющихъ напитковъ.

29) Безъ вѣдома начальства, ученику воспрещается входъ въ публичныя библіотеки и кабинеты для чтенія.

30) Въ случаѣ, если ученикъ отправляется въ театръ безъ родителей или лицъ, заступающихъ ихъ мѣсто, то онъ долженъ предварительно испросить разрѣшеніе начальства гимназіи.

31) Строго воспрещается самовольный уходъ съ уроковъ, а также выѣздъ изъ города безъ вѣдома начальства.

32) Изъ отпуска на вакаціонное время ученикъ безъ уважительной причины не долженъ являться позже опредѣленнаго срока.

Относительно вышеприведенныхъ правилъ г. Ленстремъ высказалъ слѣдующее: во 1-хъ, онъ находитъ необходимымъ выпустить въ § 7-мъ слѣдующее мѣсто: „ученикъ не долженъ обращаться къ старшимъ себя съ неумѣстными вопросами

и замѣчаніями, а тѣмъ болѣе вступать въ споръ и противорѣчить имъ". По мнѣнію г. Лепстрема, такое постановленіе можетъ вести къ тому, что ученики никогда не будутъ обращаться къ учителю съ вопросами относительно того, что они не поняли или съ чѣмъ они не согласны, а вслѣдствіе этого не будетъ жизни въ классѣ и преподаваніе приметъ мертвенный характеръ; катехизическій методъ преподаванія нарушается этимъ пунктомъ. Во 2-хъ, составленныя правила касаются и домашней жизни ученика, гдѣ онъ находится преимущественно подъ надзоромъ своихъ родителей или воспитателей, а потому гимназіи необходимо желать содѣйствія со стороны послѣднихъ въ исполненіи этихъ правилъ. Но легко можетъ случиться, что многія правила, выраженныя кратко, не совсѣмъ будутъ понятны для родителей; по этому, по мнѣнію г. Лепстрема, необходимо приложить къ правиламъ объяснительную записку, въ которой бы были выяснены причины и цѣль постановленій, выраженныхъ въ правилахъ. Относительно перваго замѣчанія г. Лепстрема члены совѣта высказали, что не возможно подъ неумѣстными вопросами и замѣчаніями понимать всякій вопросъ или даже возраженіе ученика, касающееся преподаваемаго предмета, если только они вытекаютъ изъ дѣйствительнаго желанія ученика разъяснить себѣ дѣло, а не изъ желанія отвлечь учителя отъ преподаванія или изъ другихъ побужденій, которыя не могутъ быть терпимы въ заведеніи. Члены совѣта полагаютъ, что вести преподаваніе тѣмъ или другимъ методомъ есть дѣло учителя и что вышеозначенный пунктъ никакъ не можетъ стѣснять ни его, ни учениковъ. Что же касается предложенія г. Лепстрема относительно составленія объяснительной записки, то члены совѣта совершенно согласились съ нимъ и просили г. инспектора 1-й гимназіи составить такую записку для обсужденія въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій совѣта. Г. инспекторъ принялъ это предложеніе. Было ли исполнено это порученіе совѣта инспекторомъ 1-й гимназіи или нѣтъ, неизвѣстно; только объяснительной записки къ означеннымъ правиламъ мы нигдѣ не нашли.

Въ 1867 году педагогическій совѣтъ второй Казанской гимназіи, замѣтивъ, что ученики гимназіи по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ не вполнѣ исправно посѣщаютъ церковь, нашелся вынужденнымъ обратиться къ родителямъ сво-

ихъ учениковъ съ приглашеніемъ обращать вниманіе на то, чтобы ихъ дѣти посѣщали церковь по праздничнымъ днямъ. Обращеніе это слѣдующаго содержанія: „М. Г.! Педагогическій совѣтъ второй Казанской гимназіи, полагая одною изъ существенныхъ своихъ обязанностей—религіозно-нравственное образованіе ввѣренныхъ руководству его учениковъ и внушая имъ, чтобы они, при ежедневной домашней молитвѣ, во дни воскресные и праздничные неупустительно посѣщали храмъ Божій и освящали себя общею молитвою церкви, озабочивается мыслію, исполняется ли воспитанниками на самомъ дѣлѣ внушаемая имъ священная обязанность и желалъ бы быть вполнѣ увѣреннымъ въ этомъ. Находя невозможнымъ въ своей стороны слѣдить за точнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ этой обязанности со стороны воспитанниковъ, такъ какъ они живутъ въ разныхъ и нерѣдко отдаленныхъ частяхъ города, и, по этой же причинѣ, считая неудобнымъ собирать ихъ въ праздничные и воскресные дни въ одну какую-либо церковь, совѣтъ опредѣлилъ: отнестись къ родителямъ, воспитателямъ, опекунамъ и вообще ко всѣмъ, кто принялъ на себя попеченіе о дѣтяхъ, обучающихся въ гимназіи и просить ихъ, чтобы они, внушая имъ въ своей стороны непререкаемую важность упомянутой священной обязанности, неослабно наблюдали за точнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ оной. Совѣтъ вполнѣ увѣренъ, что Вы должнымъ образомъ оцѣните его заботливость и окажете ему полное содѣйствіе въ этомъ важномъ дѣлѣ. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.“

Но гимназическое начальство не ограничивалось только подобными письменными обращеніями. За учениками, живущими не у родителей, а на частныхъ квартирахъ, былъ надзоръ со стороны гимназическаго начальства и внѣ гимназіи. Вопросъ объ учрежденіи общихъ ученическихъ квартиръ подвергался обсужденію въ совѣтѣ еще въ 1869 г., но это обсужденіе привело къ отрицательнымъ результатамъ. Разсмотрѣвъ квартирный списокъ учениковъ, совѣтъ нашелъ, что большинство учениковъ 2-й гимназіи живутъ или у родителей или родственниковъ или у лицъ, которымъ поручили ихъ сами родители. Такимъ образомъ вопросъ объ устройствѣ ученическихъ квартиръ педагогическимъ совѣтомъ 2-й Казанской гимназіи въ 1869 году рѣшенъ былъ отрицательно по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Эти мѣстныя об-

стоятельства имѣютъ такую силу для второй Казанской гимназіи, что ученическія квартиры изъ ея учениковъ не могли состояться и послѣ правилъ, утвержденныхъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 4-го мая 1874 года, которыя такъ сильно настаиваютъ о заведеніи общежитія между учениками. Дѣйствительно, по разсмотрѣніи квартирнаго списка учениковъ въ сентябрѣ 1874 года, оказалось, что изъ всей гимназіи только семь учениковъ живутъ не у родителей и не у родственниковъ; при этомъ трое изъ этихъ учениковъ вполнѣ благонадежны и учатся въ двухъ высшихъ классахъ гимназіи. Однако и надъ тѣми немногими учениками, живущими не у родныхъ, долженъ же былъ быть надзоръ со стороны гимназіи. Онъ и былъ. Въ отчетѣ за 1868—69 учебный годъ, читанномъ на публичномъ актѣ, говорится: „строгій и правильный надзоръ за поведеніемъ учащихся какъ въ гимназіи, такъ и внѣ ея долженъ быть и былъ предметомъ особенной заботливости гимназическаго начальства и педагогическаго совѣта. На основаніи постановленія педагогическаго совѣта 10 ноября 1865 года отъ лицъ, отдающихъ дѣтей въ гимназію, требуется подписка въ томъ, что они будутъ въ точности исполнять требованія гимназическаго начальства относительно учениковъ. Содержаніе этой подписки, въ формѣ прошенія, совѣтъ опредѣлилъ ежегодно печатать въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Въ дополненіе къ этому совѣтъ нашелъ необходимымъ поручить надзоръ за учениками внѣ стѣнъ гимназіи надзирателямъ, вмѣнивъ имъ въ обязанность посѣщать, хотя разъ въ мѣсяцъ, квартиры учениковъ, живущихъ не у родителей или родственниковъ или лицъ извѣстныхъ гимназическому начальству своею добросовѣстностію. Для того же, чтобы эти посѣщенія сдѣлались возможными, опредѣлено, съ разрѣшенія г. попечителя, выдавать надзирателямъ деньги на разъѣзды изъ спеціальныхъ средствъ; выдать надзирателямъ отъ директора книги, въ которыя они, послѣ посѣщенія квартиры, вписываютъ свои замѣчанія; книги эти время отъ времени должны быть просматриваемы директоромъ и инспекторомъ. Директоръ и инспекторъ также обязаны посѣщать квартиры учениковъ и при этомъ какъ они, такъ и надзиратели должны обращать вниманіе на удобства квартиры, на удовлетворительность содержанія ученика,—однимъ словомъ на всю

окружающую его обстановку, на книги, которыя онъ читаетъ".

8-го ноября 1870 года въ засѣданіи педагогическаго совѣта въ обозрѣніи квартиръ учениковъ, живущихъ не у родителей, изъявили согласіе принимать участіе и преподаватели гимназіи.

1871 года 30 января совѣтомъ рѣшено было пріобрѣсти одинъ билетъ на посѣщеніе публичныхъ лекцій, читавшихся тогда въ университетѣ, чтобы члены совѣта могли попеременно посѣщать лекціи и наблюдать на нихъ за поведеніемъ учениковъ гимназіи.

Въ томъ же году въ одномъ изъ засѣданій совѣта директоръ предложилъ вопросъ о мѣрахъ къ наблюденію за исполненіемъ религіозныхъ обязанностей со стороны учениковъ. Законоучитель, признавая такія мѣры необходимыми, заявилъ, что онъ съ своей стороны дѣлаетъ все возможное для развитія въ ученикахъ религіознаго чувства, объясняетъ богослуженіе, праздники, случающіеся въ учебные мѣсяцы, иконы, находящіяся въ классѣ и т. п. Послѣ того г. директоръ сказалъ, что классные наставники могутъ спросить учениковъ, особенно живущихъ не у родителей, въ какую церковь они ходятъ къ богослуженію, могутъ иногда навѣстить ихъ въ квартирѣ, освѣдомиться тамъ у хозяевъ о хожденіи ихъ въ церковь, наблюдая при этомъ всякую осторожность, безъ сомнѣнія требуемую сложностію дѣла, могутъ безъ сомнѣнія наблюдать за учениками въ церкви; въ этомъ случаѣ всѣ преподаватели должны дѣйствовать общими силами. Классные наставники также будутъ требовать отъ учениковъ свидѣтельствъ объ исповѣди и причастіи.

Кромѣ директора, инспектора и прочихъ воспитателей, надзоръ гимназіи за учениками до 1859 года производился еще чрезъ избранныхъ учениковъ, называвшихся старшими. Въ засѣданіи педагогическаго совѣта, 9-го декабря этого года, старшій учитель Камковъ предложилъ на усмотрѣніе совѣта вопросъ о классныхъ старшихъ, которымъ поручалось смотрѣть за поведеніемъ воспитанниковъ въ классѣ до прихода преподавателя, выразивъ при этомъ мнѣніе, что такое старшинство для хорошаго ученика служитъ не наградою, какъ обыкновенно думаютъ, а величайшимъ наказаніемъ; оно ставитъ его въ непріязненныя отношенія или къ товарищамъ или къ начальникамъ; первые клеймятъ его

позорнымъ именемъ фискала, ябедника; послѣдніе наказываютъ его иногда за малѣйшій шумъ въ классѣ. Притомъ иногда это старшинство можетъ повредить нравственности воспитанника—старшаго, можетъ пріучить его или въ ябедничеству или ко взяточничеству. Если же необходимо, чтобы одинъ изъ воспитанниковъ наблюдалъ за тишиною и порядкомъ въ классѣ, то не лучше ли было бы вмѣсто постоянныхъ старшихъ учредить дежурныхъ изъ лучшихъ учениковъ въ каждомъ классѣ и при томъ допустить эту мѣру только въ первыхъ четырехъ классахъ, а въ классахъ высшихъ учреждать подобныхъ дежурныхъ только въ видѣ наказанія за дурное поведеніе цѣлаго класса? Совѣтъ опредѣлилъ по возможности избѣгать учрежденія классныхъ старшихъ (слѣдящихъ за поведеніемъ учениковъ) и совсѣмъ не имѣть ихъ въ классахъ высшихъ. Въ исполненіе правилъ, утвержденныхъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 4-го мая 1874 г., опять учреждены наблюдатели за учениками изъ учениковъ же, но только не въ видѣ старшихъ, какъ это было до 1859 г., а въ видѣ дежурныхъ изъ лучшихъ учениковъ въ каждомъ классѣ

Правила для учениковъ гимназій и прогимназій 1874 года, въ силу объяснительной къ нимъ записки, могутъ быть дополнены и видоизмѣнены мѣстными педагогическими совѣтами, согласно съ выработанными на практикѣ въ каждомъ изъ этихъ учебныхъ заведеній педагогическими обычаями. На соединенномъ педагогическомъ совѣтѣ трехъ казанскихъ гимназій 26 сентября того же 1874 года правила эти постановлено напечатать и раздать каждому изъ учениковъ въ слѣдующемъ видѣ:

1. *Относительно религіозныхъ обязанностей (для учениковъ православной вѣры).*

§ 1 Ученики обязаны въ воскресные и праздничные дни, а также и вечеромъ наканунѣ этихъ дней, посѣщать общественное Богослуженіе.

§ 2 Въ храмѣ ученики обязаны вести себя съ подобающимъ святынѣ благоговѣніемъ, отнюдь не дозволяя себѣ ни переходить съ мѣста на мѣсто, ни разговаривать между собою, и вообще не дѣлая ничего такого, что могло бы мѣшать сосредоточенному молитвенному настроенію какъ товарищей, такъ и другихъ прихожанъ церкви.

§ 3. Ученики гимназій и прогимназій обязаны ежегодно въ страстную седмицу бывать у исповѣди и св. причастія, при чемъ тѣ, коимъ дозволено исполнять эти христіанскія обязанности внѣ прямаго надзора и наблюденія учебнаго начальства, обязаны представить сему послѣднему свидѣтельство отъ своего духовника о томъ, что были у него на исповѣди и причастились св. таинъ.

§ 4. Ученики, участвующіе въ церковномъ хорѣ гимназіи, обязаны являться въ назначенное время для спѣвки подъ руководствомъ учителя пѣнія или другаго регента хора и всѣ вообще ученики должны, на сколько могутъ, содѣйствовать благолѣпію Богослуженія въ гимназической или назначенной для посѣщенія учениками гимназіи церкви.

2. Относительно ученія.

§ 5. Всѣ ученики, послѣ лѣтнихъ, рождественскихъ и пасхальныхъ вакацій, обязаны являться въ гимназію или прогимназію непремѣнно въ назначенный начальствомъ срокъ, возвращая при семъ классному своему наставнику выданные имъ билеты съ надписью родителей или попечителей о времени отправленія ихъ изъ дому. Не явившійся въ срокъ, и не представившій къ этому сроку достаточнаго, по мнѣнію педагогическаго совѣта, свидѣтельства о законной причинѣ своей неявки, считается выбывшимъ, и отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта зависитъ вновь принять его, по испытаніи во всѣхъ предметахъ, или приходящимъ, буде еще имѣется вакансія въ классѣ, или полупансіонеромъ, или, наконецъ, пансіонеромъ.

§ 6. Ученики обязаны въ учебное время неопустительно посѣщать всѣ свои уроки, отнюдь не опаздывая на молитву передъ началомъ ученія.

§ 7. Въ случаѣ совершенной невозможности явиться на уроки, по болѣзни или другой вполнѣ уважительной причинѣ, увѣдомленіе о томъ должно быть прислано въ тотъ же день, для надлежащаго со стороны учебнаго начальства распоряженія. Неисполненіе этого правила подвергаетъ ученика отвѣтственности, какъ опустившаго уроки самовольно и безъ уважительной причины.

§ 8. Выходить самовольно изъ класса во время урока воспрещается, и лишь въ случаѣ крайней необходимости предоставляется испрашивать на то дозволеніе преподавателя.

§ 9. До окончанія всѣхъ своихъ ежедневныхъ уроковъ никто изъ учениковъ не долженъ самовольно уходить изъ гимназіи, безъ разрѣшенія директора или инспектора, которые сообщаютъ о томъ классному наставнику; на другой же день должна быть доставлена отъ родителей или родственниковъ записка о времени, когда уволенный до окончанія уроковъ ученикъ прибылъ къ себѣ домой.

§ 10. Ученики, не бывшіе на какомъ-либо урокѣ по болѣзни или другой законной причинѣ, обязаны позаботиться о томъ, чтобы пройдти все пройденное въ ихъ отсутствіе; письменныя же работы, заданныя на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, должны быть доставляемы ими къ сроку, если только характеръ болѣзни не требовалъ безусловнаго прекращенія на все то время всякаго рода умственныхъ занятій по засвидѣтельствованію врача, состоящаго при учебномъ заведеніи.

§ 11. Ученики обязаны являться на уроки со всѣми необходимыми для нихъ книгами, тетрадями и прочими учебными и письменными принадлежностями, каковыя носить въ ранцахъ установленной формы, и передъ началомъ каждаго урока, до прихода преподавателя, должны привести въ порядокъ и приготовить тѣ учебныя принадлежности, кои имъ понадобятся.

§ 12. Въ классѣ каждый ученикъ занимаетъ заранѣе назначенное ему мѣсто и самовольно, не испросивъ на то дозволенія класснаго наставника, не долженъ перемѣнять его.

§ 13. Во время уроковъ ученики обязаны сидѣть прямо, хотя бы и прислонясь къ спинкѣ скамьи, но не облокачиваясь и не разваливаясь, и отнюдь не должны ни разговаривать или шептаться между собою, ни заниматься чѣмъ-либо постороннимъ, ни производить какого-либо шума, ни подсказывать другъ другу, ни отвѣчать самовольно безъ спроса преподавателя, ни перебивать его объясненій какими-либо замѣчаніями и вопросами, но обязаны со всѣмъ возможнымъ вниманіемъ слѣдить за его преподаваніемъ и за отвѣтами другихъ учениковъ; по окончаніи же объясненій преподавателя, въ случаѣ, если что-либо изъ этихъ объяс-

неній ими не понято, они могутъ просить разъясненія непонятаго ими.

§ 14. Ученики должны давать преподавателю отвѣтъ, даже и самый короткій, не иначе, какъ вставая и держась прямо.

§ 15. Въ особую, пріобрѣтаемую отъ гимназіи или прогимназіи, тетрадь каждый ученикъ обязанъ со всею точностью записывать то, что задано преподавателемъ къ слѣдующему уроку, и долженъ ежедневно предъявлять эту тетрадь родителямъ или родственникамъ, на попеченіи коихъ находится.

§ 16. Ученики встаютъ съ своихъ мѣстъ по окончаніи каждаго урока не иначе, какъ по приглашенію къ тому со стороны преподавателя, и выходятъ изъ класса въ надлежащемъ порядкѣ.

§ 17. По окончаніи послѣдняго общаго для всѣхъ урока въ классѣ, одинъ изъ учениковъ по очереди читаетъ назначенную молитву послѣ ученія.

§ 18. Каждый ученикъ обязанъ вполнѣ добросовѣстно приготовляться къ каждому уроку, употребляя на каждый урокъ и на каждую письменную работу столько времени и столько труда, сколько необходимо для вполнѣ отчетливаго и возможно лучшаго усвоенія преподаннаго или заданнаго или для возможно-лучшаго исполненія каждой письменной работы.

3. Отношеніе къ начальникамъ и наставникамъ.

§ 19. Ученики обязаны безпрекословно повиноваться своимъ начальникамъ и наставникамъ, какъ лицамъ, которымъ ввѣрена ближайшая забота объ ихъ образованіи и воспитаніи.

§ 20. Ученики обязаны оказывать всякое почтеніе своимъ начальникамъ и наставникамъ, и при входѣ ихъ въ классъ, а также и при выходѣ изъ класса, вставать съ своихъ мѣстъ. То же соблюдается и при посѣщеніи классовъ посторонними лицами. При встрѣчѣ съ начальниками и наставниками на улицѣ или въ иномъ публичномъ мѣстѣ, ученики обязаны привѣтствовать ихъ вѣжливымъ поклономъ, хотя бы они и не были преподавателями ихъ класса. Обращаясь лично къ кому либо изъ своихъ начальниковъ или

наставниковъ, ученики обязаны называть ихъ по имени и отчеству.

§ 21. Ученики для собственной своей пользы должны относиться къ своимъ начальникамъ и наставникамъ съ полнымъ довѣріемъ и откровенностію, ибо лишь при этомъ условіи могутъ получать отъ нихъ и помощь, и добрый совѣтъ, и полезное наставленіе.

§ 22. Ученики обязаны быть вполнѣ правдивыми вообще и особенно въ отношеніи къ своимъ начальникамъ и наставникамъ, избѣгая всякаго лицемѣрія, притворства, лжи и обмана.

4. Обязанности учениковъ другъ къ другу.

§ 23. Въ отношеніи ко всѣмъ своимъ товарищамъ ученики обязаны быть вѣжливы, доброжелательны и дружелюбны.

§ 24. Ссоры, брань и драки между учениками строго воспрещаются; но еще строже преслѣдуется злоупотребленіе силою противъ слабѣйшихъ и въ особенности противъ новичковъ.

§ 25. Дорожа своею честію, ученики не могутъ не дорожить честью своего заведенія и даже въ отдѣльности честью своего класса, а потому обязаны воздерживаться сами и воздерживать своихъ товарищей, какъ въ стѣнахъ заведенія, такъ и внѣ онаго, отъ всякаго рода поступковъ, несовмѣстныхъ съ честью благовоспитанныхъ дѣтей и юношей, стремящихся къ высшему научному образованію, и должны всячески предупреждать такіе поступки, которые могутъ бросить тѣнь на учебное заведеніе.

§ 26. Заботясь о собственныхъ своихъ успѣхахъ въ ученіи, лучшіе и наиболѣе успѣвающіе ученики должны, по возможности, помогать своимъ болѣе слабымъ товарищамъ, вразумляя ихъ на счетъ ихъ обязанностей, объясняя имъ то, что имъ не понято, указывая имъ, какъ лучше могутъ они готовить свои уроки и исполнять письменныя работы, но отнюдь не дѣлая сами за нихъ эти работы и не давая имъ списывать свои работы, ибо это было бы только вредно для ихъ товарищей и было бы попыткой обмануть наставниковъ. Особенно же слѣдуетъ имъ не отказывать въ своей помощи заболѣвшимъ товарищамъ.

§ 27. Строжайше преслѣдуется: употребленіе учениками въ разговорѣ между собою какихъ-либо неприличныхъ словъ и выраженій, всякаго рода неблагопристойные разговоры и разсказы и всякое сообщеніе или дѣйствіе, противное нравственной чистотѣ и клонящееся къ соблазну для товарищей, равно какъ и всякое подстрекательство товарищей къ какому-либо дурному поступку, а тѣмъ болѣе къ какимъ-либо безпорядкамъ сообща. Виновные могутъ подвергнуть себя въ сихъ случаяхъ даже немедленному исключенію изъ учебнаго заведенія. Ученики сами не должны терпѣть въ своей средѣ столь вредныхъ товарищей и должны сообщать о нихъ своему классному наставнику.

§ 28. Ученики не должны приносить съ собою въ учебное заведеніе никакихъ постороннихъ ученію книгъ или изданій и вообще ничего такого, что можетъ служить къ разсѣянію вниманія или къ смущенію какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ товарищей.

§ 29. Ученики отнюдь не должны составлять между собою или и съ посторонними лицами какихъ-либо обществъ, или вступать въ таковыя общества, подъ опасеніемъ немедленнаго исключенія изъ учебнаго заведенія.

§ 30. Всякаго рода игры на деньги или вообще съ корыстною цѣлью, также какъ и продажа всякаго рода вещей или книгъ другъ другу или постороннимъ лицамъ, или мѣна ихъ, воспрещается ученикамъ.

§ 31. За порчу, хотя бы и неумышленную, принадлежащихъ товарищамъ книгъ, тетрадей, прочихъ учебныхъ принадлежностей, или платья, равно какъ и за порчу классной мебели и другихъ классныхъ принадлежностей и вообще казеннаго имущества ученикъ обязанъ возмѣстить причиненный имъ ущербъ въ размѣрѣ, опредѣляемомъ начальствомъ учебнаго заведенія, и можетъ сверхъ того подвергнуться особому взысканію, смотря по мѣрѣ и роду своей вины.

5. Образъ жизни приходящихъ учениковъ.

§ 32. Ученики обязаны принимать всѣ указываемыя имъ наставниками мѣры предосторожности для сохраненія своего здоровья, какъ необходимаго условія для самой успѣшности ихъ ученія.

§ 33. Относительно распредѣленія времени въ учебные дни рекомендуется ученикамъ, начиная съ III класса, по возможности соблюдать нижеслѣдующія правила:

а) Вставать въ 6 часовъ утра, ложась спать въ 10 часовъ вечера, такъ чтобы для сна было не болѣе и не менѣе 8 часовъ.

б) Заниматься приготовленіемъ уроковъ съ половины седьмаго часа утра до времени, когда понадобится идти въ гимназію или прогимназію, чтобы прибыть въ нее въ назначенное въ § 6 сихъ правилъ время.

в) По окончаніи уроковъ въ учебномъ заведеніи употреблять около часу времени на возвращеніе домой и игры по возможности на чистомъ воздухѣ.

г) Послѣ того употреблять, смотря по времени обѣда, или около полутора часа до обѣда на приготовленіе уроковъ и особенно на такія письменныя работы, которыя не требуютъ большаго умственнаго напряженія, и два часа на обѣдъ, отдыхъ, прогулку и игры, а потомъ два часа на приготовленіе уроковъ, или же сначала два часа на обѣдъ, отдыхъ, прогулку или игры, а потомъ около трехъ съ половиною часовъ времени на приготовленіе уроковъ, съ промежуткомъ получаса для отдыха.

§ 34. Для сохраненія здоровья и для успѣшности ученія необходимо избѣгать въ учебные дни развлеченій и увеселеній, особенно же въ вечерніе часы и въ ущербъ времени, назначенному для сна или для приготовленія уроковъ.

§ 35. Посѣщеніе театровъ, въ коихъ обыкновенно даются піесы сомнительнаго нравственнаго содержанія, и вообще театра въ тѣ дни, когда даются подобныя піесы, безусловно воспрещается; вообще же посѣщеніе театра въ учебное время должно быть сколь можно рѣже, дабы ученики могли сколь можно болѣе сосредоточивать вниманіе на ученіи, какъ важнѣйшемъ дѣлѣ дѣтскаго и юношескаго возрастовъ.

§ 36. Ученикамъ гимназій и прогимназій безусловно и строжайше воспрещается посѣщать маскарады, клубы, трактиры, кофейни, кондитерскія, билліардныя и другія подобныя заведенія, а равно всякаго рода публичныя и увеселительныя мѣста, посѣщеніе коихъ будетъ признано опаснымъ или неприличнымъ для учениковъ со стороны ближайшаго ихъ начальства.

§ 37. Воспрещается ученикамъ употреблять крѣпкіе напитки и курить табакъ, гдѣ бы то ни было.

§ 38. Отъ учениковъ требуется, чтобъ они соблюдали чистоплотность, а также, чтобъ одѣвались, какъ слѣдуетъ, для предохраненія себя отъ простуды, за чѣмъ въ приготовительномъ и младшихъ классахъ наблюдаютъ классные наставники или ихъ помощники.

6. О соблюденіи порядка и приличія внѣ стѣнъ учебнаго заведенія.

§ 39. Внѣ дома ученики обязаны быть всегда въ одеждѣ установленной формы, и положенные для нихъ полукафтаны должны быть застегнуты на всѣ пуговицы. Ношеніе длинныхъ волосъ, усовъ и бороды, а равно излишнихъ украшеній, какъ, напримѣръ, колецъ, перстней и проч., а также тросточекъ, хлыстовъ, палокъ—воспрещается. Одежду учениковъ въ гимназіи и прогимназіи составляютъ:

Полукафтанъ—темносиняго сукна, однобортный, не доходящій до колѣнъ, застегивающійся на 9 посеребренныхъ гладкихъ выпуклыхъ пуговицъ, съ четырьмя такими же пуговицами сзади по концамъ карманныхъ клапановъ, воротникъ (скошенный) и обшлага прямые одного сукна съ мундиромъ, по верху воротника нашитый узкій серебряный галунъ, а у обшлаговъ, гдѣ разрѣзъ, по двѣ малыя пуговицы.

Шаровары—темносѣраго сукна.

Пальто—сѣраго сукна, двубортное офицерскаго образца; пуговицы такія же какъ на мундирѣ; петлицы на воротникѣ одинаковаго съ полукафтаномъ сукна съ бѣлою выпушкою и съ пуговицею.

Шапка—одинаковаго съ полукафтаномъ сукна, по образцу военныхъ кепи, съ бѣлыми выпушками вокругъ тульи и верхняго края околышка. На околышкѣ, надъ козырькомъ, жестяной посеребренный знакъ, состоящій изъ двухъ лавровыхъ листьевъ, перекрещивающихся стеблями, между коими помѣщены прописныя заглавныя буквы названія города гимназіи или прогимназіи съ ихъ нумеромъ, гдѣ таковой есть, напримѣръ: С. П. Б. 1. Г. (С.-Петербургская первая гимназія), или Р. Г. (Ришельевская гимназія), или О. 2. Г. (Одеская вторая гимназія), или Б. Л. П. (Брестъ-Литовская прогимназія).

Сверхъ сего дозволяется носить:

Башлыкъ изъ верблюжьяго сукна безъ галуна,

и *Шинель* сѣраго сукна, по образцу военныхъ съ воротникомъ того же сукна, но безъ клапановъ (петличекъ). (§ 29 Устава).

Примѣчаніе. Выбывшіе по какому-либо случаю изъ учебнаго заведенія, хотя и могутъ донашивать свое гимназическое платье, но безъ металлическихъ на немъ пуговицъ и безъ позумента.

§ 40. На улицахъ и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ ученики обязаны держать себя скромно, соблюдая порядокъ, благоприличіе и вѣжливость и не причиняя никому никакого безпокойства.

§ 41. При встрѣчѣ съ Государемъ Императоромъ и членами Императорской фамиліи, ученики обязаны останавливаться и снимать кепи, а при встрѣчѣ съ гг. министромъ народнаго просвѣщенія и товарищемъ его, попечителемъ учебнаго округа и его помощникомъ, а также губернаторами и архіереями, ученики обязаны отдавать имъ должное почтеніе.

§ 42. Во время сбора учениковъ передъ началомъ ученія воспрещается имъ толпиться на улицѣ или на тротуарѣ передъ зданіемъ гимназіи или прогимназіи, и точно также расходясь изъ учебнаго заведенія по окончаніи уроковъ, ученики обязаны идти каждый въ свою сторону отнюдь не гурьбою и не большими группами и не затѣвая между собою ни игръ, ни ссоръ и дракъ.

7. *О дежурныхъ по классу.*

§ 43. Въ каждомъ классѣ, изъ учениковъ, записанныхъ на золотую доску или принадлежащихъ къ первому разряду, а по усмотрѣнію класснаго наставника и изъ принадлежащихъ ко второму разряду, и вообще изъ числа лучшихъ учениковъ классный наставникъ назначаетъ поочередно на одинъ день, и притомъ наканунѣ этого дня, по одному или по два дежурныхъ.

§ 44. Дежурные обязаны наблюдать за внѣшнимъ порядкомъ въ классѣ, какъ-то: за содержаніемъ въ чистотѣ половъ, стѣнъ, подоконниковъ, за цѣлостью и сохранностью

мебели и классныхъ принадлежностей (географическихъ картъ, глобусовъ, всякаго рода рисунковъ, изображеній, приборовъ и т. д.), за чистотою классныхъ досокъ, за тѣмъ, чтобы были на готовѣ мѣлъ, губка и все, что нужно для преподаванія какого-либо предмета.

§ 45. Дежурные сообщаютъ классному наставнику и другимъ преподавателямъ объ отсутствующихъ своихъ товарищахъ.

§ 46. Дежурные обязаны исполнять порученіе по классу и въ классное время класснаго наставника и другихъ преподавателей.

8. Объ ученическихъ квартирахъ и квартирныхъ дежурныхъ изъ числа учениковъ.

§ 47. Ученики, не имѣющіе въ городѣ ни родителей, ни близкихъ родственниковъ, и не порученные родителями кому-либо изъ близкихъ къ нимъ лицъ, замѣняющихъ временно ихъ самихъ, помѣщаются на одной изъ указанныхъ гимназическимъ начальствомъ ученическихъ квартирахъ. Выборъ той или другой изъ одобренныхъ начальствомъ квартиръ зависитъ отъ усмотрѣнія самихъ родителей или родственниковъ. Инспекторъ рекомендуетъ ту или другую квартиру тѣмъ изъ родителей, которые обратятся къ нему за совѣтомъ по этому дѣлу.

Примѣчаніе. Переходъ съ одной квартиры на другую въ теченіе учебнаго года, безъ уважительной причины, не допускается.

§ 48. Въ квартиросодержатели избираются начальствомъ учебнаго заведенія преимущественно: преподаватели гимназіи или прогимназіи, помощники классныхъ наставниковъ и вообще должностныя лица заведенія, лица учебнаго вѣдомства, бывшіе преподаватели и вообще лица, пользующіяся довѣріемъ учебнаго начальства, буде вообще всѣ эти лица заявятъ на то свое желаніе.

Примѣчаніе. Преподаватели гимназіи или прогимназіи, принимающіе къ себѣ въ домъ одного или двоихъ учениковъ въ качествѣ какъ бы членовъ своей семьи по особому уговору съ родителями, доводятъ лишь о томъ до свѣдѣнія начальника учебнаго заведенія и не подлежатъ ниже сего изложеннымъ правиламъ о квартиросодержателяхъ.

§ 49. Квартиросодержатели устанавливаютъ на каждый учебный годъ впередъ одинаковую для всѣхъ учениковъ плату, о размѣрѣ которой доводятъ передъ началомъ учебнаго года до свѣдѣнія гимназическаго или прогимназическаго начальства, для объявленія родителямъ, желающимъ выбрать для своихъ сыновей одну изъ рекомендуемыхъ имъ квартиръ. Возвышеніе размѣра платы противъ объявленной учебному начальству въ теченіе того же учебнаго года и хотя бы съ кого - либо изъ учениковъ ни въ какомъ случаѣ не допускается.

§ 50. Ученическія квартиры должны быть приспособлены къ потребностямъ, занятіямъ и числу учениковъ; при этомъ онѣ должны быть содержимы въ чистотѣ и опрятности, своевременно и достаточно отапливаемы. Вообще же требованія свои къ квартиросодержателямъ учебное начальство соразмѣряетъ съ платою и съ числомъ учениковъ.

§ 51. Въ комнатахъ, назначенныхъ для ученической квартиры, никто изъ постороннихъ лицъ жить не долженъ.

§ 52. Число учениковъ на ученической квартирѣ должно быть не болѣе 15-ти; при большемъ же числѣ учениковъ, при нихъ долженъ состоять особый воспитатель, назначаемый квартиросодержателемъ съ согласія начальства гимназіи или прогимназіи. Вообще же полагается 1 воспитатель на 15 учениковъ.

§ 53. Ученики, живущіе на ученическихъ квартирахъ, подчиняются въ точности распредѣленію времени, обозначенному въ § 33 сихъ правилъ. Общія прогулки должны совершаться подъ надзоромъ квартиросодержателя, воспитателя или въ малыхъ квартирахъ дежурнаго квартиры. По одиночкѣ ученикамъ дозволяется выходить съ квартиры только въ случаѣ крайней необходимости и притомъ не иначе, какъ съ дозволенія воспитателя или дежурнаго. Время, когда всѣ ученики должны быть непремѣнно въ квартирѣ, опредѣляется педагогическимъ совѣтомъ.

§ 54. Во все время приготовленія уроковъ ученики должны заботиться о сохраненіи возможной тишины и не мѣшать другъ другу какимъ бы то ни было образомъ.

§ 55. Утреннія и вечернія молитвы должны быть читаемы учениками поочередно, подъ наблюденіемъ воспитателя или дежурнаго. Всѣ ученики квартиры отправляются въ

гимназію въ опредѣленное время, также подъ наблюденіемъ воспитателя или дежурнаго.

§ 56. Каждый ученикъ, живущій на ученической квартирѣ, долженъ имѣть опись своимъ вещамъ и книгамъ и содержать ихъ въ надлежащей чистотѣ и должномъ порядкѣ. Кромѣ руководствъ и книгъ, дозволенныхъ гимназическимъ начальствомъ, никакихъ книгъ и рукописей ученикамъ имѣть не дозволяется.

§ 57. Въ каждой квартирѣ долженъ быть перенумерованный журналъ со скрѣпою инспектора. Въ этомъ журналѣ рукою воспитателя или дежурнаго должны быть вносимы отлучки учениковъ съ квартиры, небытіе ихъ въ классѣ съ показаніемъ причины того или другаго, а также проступки учениковъ въ теченіе дня. Въ этомъ же журналѣ записываются всѣ замѣчанія гг. посѣтителей квартиры, а равно распоряженія директора, инспектора, преподавателей и помощниковъ классныхъ наставниковъ и наказанія, назначенныя ученикамъ учебнымъ начальствомъ за ихъ проступки въ квартирѣ.

§ 58. Каждая ученическая квартира, по опредѣленію педагогическаго совѣта, поручается спеціальному надзору одного изъ классныхъ наставниковъ или преподавателей гимназіи, изъ числа не содержащихъ квартиры, а также и врача, которые обязаны посѣщать ее какъ можно чаще и доносить инспектору о всѣхъ неисправностяхъ, какія будутъ замѣчены ими, а равно и о тѣхъ распоряженіяхъ, а также замѣчаніяхъ, какія они найдутъ нужнымъ сдѣлать на квартирѣ. За исполненіе ими этихъ ихъ обязанностей имъ можетъ быть назначаемо особое вознагражденіе изъ спеціальныхъ суммъ гимназіи или прогимназіи.

§ 59. Главный надзоръ за ученическими квартирами лежитъ на обязанности инспектора гимназіи.

§ 60. Содержатель (или содержательница) нравственнымъ своимъ вліяніемъ долженъ содѣйствовать гимназическому начальству въ поддержаніи порядка на квартирѣ и о каждомъ случаѣ, выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ (о каждомъ безпорядкѣ), обязанъ немедленно доносить инспектору или директору; въ противномъ случаѣ, гимназическое начальство во всякое время имѣетъ право закрыть квартиру.

§ 61. Ближайшее наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ квартирныхъ правилъ возлагается на воспитателя или на дежурнаго.

§ 62. Всѣ ученики, живущіе на ученической квартирѣ, безъ различія классовъ, подчиняются воспитателю, а за неимѣніемъ его дежурному квартиры, какъ лицу, вмѣстѣ съ содержателемъ квартиры отвѣтственному за квартиру предъ гимназическимъ начальствомъ.

Примѣчаніе. Квартиросодержатели изъ числа лицъ, способныхъ по своему образованію быть воспитателями, утверждаются въ этомъ званіи относительно своей квартиры начальствомъ гимназіи или прогимназіи, въ каковомъ случаѣ они должны исполнять всѣ обязанности этого званія, изложенныя въ сихъ правилахъ; иначе же въ квартирахъ, на коихъ живетъ 15 или болѣе учениковъ, они обязаны имѣть особаго воспитателя, въ квартирахъ же, имѣющихъ не болѣе 15-ти учениковъ, вмѣсто воспитателя должны быть назначены дежурные изъ числа самихъ учениковъ.

§ 63. Дежурные квартиры избираются изъ учениковъ старшихъ двухъ классовъ, извѣстныхъ своею доброю нравственностію и хорошими успѣхами, съ ихъ собственнаго на то согласія. Они утверждаются педагогическимъ совѣтомъ и за свои труды или вовсе освобождаются отъ платы за свое помѣщеніе и содержаніе, или же отъ части оной, если число учениковъ, живущихъ на квартирѣ, очень мало. На каждой квартирѣ должно быть по меньшей мѣрѣ два дежурныхъ, чередующихся между собою въ исполненіи возлагаемыхъ на нихъ обязанностей.

§ 64. Если вообще желательно, чтобы каждый добронравный воспитанникъ гимназіи воздѣйствовалъ на товарищей своимъ примѣрнымъ поведеніемъ, то понятно, что это самое составляетъ уже прямую и непремѣнную обязанность тѣхъ лучшихъ воспитанниковъ, которымъ съ этою именно цѣлію поручаются для наблюденія извѣстныя ученическія квартиры, и которые поэтому обязаны, по мѣрѣ своихъ силъ, содѣйствовать нравственному и умственному преуспѣянію своихъ младшихъ товарищей и быть въ этомъ отношеніи прямыми помощниками и сотрудниками квартиросодержателя, стараясь такимъ образомъ оправдать оказанное имъ довѣріе. Къ этой цѣли дежурный по квартирѣ направляетъ порученныхъ его наблюденію воспитанниковъ прежде всего своимъ собственнымъ примѣромъ, своимъ строгимъ безуко-

ризненнымъ поведенiемъ; поэтому онъ, преимущественно предъ другими, долженъ быть самъ точенъ и аккуратенъ въ исполненiи своихъ ученическихъ обязанностей и ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не позволять себѣ какихъ бы то ни было упущенiй, напротивъ, стараться быть во всѣхъ отношенiяхъ примѣрнымъ.

§ 65. Главная обязанность дежурнаго — наблюдать во время своего дежурства за нравственностiю учениковъ своей квартиры и за точнымъ исполненiемъ ими всѣхъ правилъ, касающихся квартирной и вообще внѣгимназической жизни ученика и изложенныхъ въ предъидущихъ §§.

§ 66. Сверхъ этого, дежурный, также какъ и содержатель квартиры, имѣетъ право воспрещать постороннимъ ученикамъ посѣщенiе безъ особой надобности квартиры, а также удалить учениковъ отъ знакомства съ лицами, которыя могутъ вредить имъ въ учебномъ или нравственномъ отношенiяхъ. Въ обоихъ случаяхъ онъ доноситъ о своихъ мѣрахъ тому лицу, которому особенно поручена квартира, съ объясненiемъ причинъ своего распоряженiя.

§ 67. Дежурный отлучается съ квартиры только по крайней надобности и на возможно короткое время, сообщая при этомъ содержателю о времени и мѣстѣ своей предстоящей отлучки. На время его отсутствiя, надзоръ за квартирою поручается другому дежурному.

§ 68. Въ обращенiи съ учениками-товарищами по квартирѣ дежурные должны быть кротки, обходительны и вѣжливы, но въ тоже время строги и требовательны касательно исполненiя ими своихъ обязанностей. Въ случаѣ непослушанiя и упорнаго сопротивленiя со стороны котораго либо изъ учениковъ, дежурный заявляетъ объ этомъ содержателю квартиры и наставнику-наблюдателю квартиры или инспектору.

§ 69. Стараясь прiобрѣсти расположенiе своихъ младшихъ товарищей по квартирѣ, дежурный долженъ также заботиться о поддержанiи между ними согласiя, предупреждать ссоры и обиды и улаживать возникающiе между учениками споры и недоразумѣнiя.

§ 70. Относительно содержателя или содержательницы квартиры со стороны дежурнаго требуется постоянная вѣжливость и строгая исполнительность, какъ прямаго помощника ихъ въ наблюденiи за учениками, а также забота о

томъ, чтобы прочіе ученики квартиры всегда оказывали имъ должное уваженіе.

§ 71. Въ случаѣ серіозныхъ безпорядковъ въ квартирѣ, дежурный, также какъ и содержатель квартиры немедленно доноситъ о нихъ инспектору или директору гимназіи.

§ 72. Нарушеніе ученикомъ котораго-либо изъ правилъ, до него относящихся, подвергаетъ его, смотря по степени вины, различнаго рода взысканіямъ, указаннымъ въ правилахъ о взысканіяхъ.

2) Правила о взысканіяхъ съ учащихся за проступки.

Въ прежнее время употреблялись слѣдующія взысканія:

1) выговоръ со стороны начальства и прочихъ воспитателей гимназіи;

2) оставленіе провинившихся безъ обѣда;

3) запись на черную доску;

4) лишеніе наградъ, отличій, освобожденія отъ платы за ученье,

и 5) до 1865 года и тѣлесныя наказанія.

Въ концѣ 1865 и началѣ 1866 года въ соединенномъ совѣтѣ обѣихъ Казанскихъ гимназій выработанъ былъ довольно подробный кодексъ правилъ о взысканіяхъ за проступки учащихся. Ходъ этого дѣла былъ слѣдующій:

1865 года декабря 15 дня, члены соединеннаго педагогическаго совѣта, по предложенію г. предсѣдателя, слушали представленное, вслѣдствіе постановленія совѣта, отъ 17 ноября, мнѣніе гг. инспекторовъ первой и второй Казанскихъ гимназій о мѣрахъ взысканія съ учениковъ гимназіи. Мнѣніе это заключается въ слѣдующемъ:

„Имѣя въ виду, что не такъ давно составленный однимъ изъ лучшихъ нашихъ педагоговъ, Н. Ив. Пироговымъ „Сводъ ученическихъ проступковъ и взысканій за нихъ“, приложенный имъ къ дѣлу въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, оказался на практикѣ не во многихъ своихъ частяхъ приложимымъ и сознаваясь откровенно въ недостаткѣ собственныхъ силъ и опытности для составленія нормы наказаній и ихъ приложенія въ дѣлѣ воспитанія, по желая, по возможности, исполнить возложенное на насъ соединенным

педагогическимъ совѣтомъ Казанскихъ гимназій порученіе— составить правила о взысканіяхъ съ учениковъ за проступки, ими сдѣланные, мы сочли для себя необходимымъ ограничиться составленіемъ возможно полнаго перечня тѣхъ наказаній, за которыми самая давность употребленія какъ бы утвердила право ихъ полезности и необходимости; затѣмъ, упомянувъ вообще о надлежащемъ приложеніи наказаній въ дѣлѣ воспитанія съ единственною цѣлію, чтобы они могли приносить пользу какъ учебному заведенію, такъ и воспитанникамъ, закончимъ возложенный на насъ непосильный трудъ краткимъ мнѣніемъ о томъ, кому изъ воспитывающихъ, наличныхъ гимназическихъ дѣятелей и какихъ взысканій съ учащихся принадлежитъ право приложенія ихъ на самомъ дѣлѣ.

Изъ взысканій, до настоящаго времени употреблявшихся въ гимназіи, одни *общія* для всѣхъ учениковъ, другія— особыя. Къ общимъ для всѣхъ учениковъ взысканіямъ принадлежатъ:

1) Внушеніе, замѣчаніе и выговоръ, дѣлаемые ученику наединѣ.

2) Внушеніе, замѣчаніе и выговоръ, дѣлаемые ученику въ присутствіи нѣкоторыхъ товарищей.

3) Внушеніе, замѣчаніе и выговоръ, дѣлаемые при цѣломъ классѣ.

4) Выговоръ, дѣлаемый въ присутствіи всѣхъ учениковъ гимназіи.

5) Лишеніе свободы на непродолжительное время, не болѣе одного часа.

6) Лишеніе свободы на болѣе продолжительное время до 3-хъ часовъ.

7) Лишеніе свободы на одинъ день.

8) Лишеніе свободы на извѣстное время въ праздничный день.

9) Лишеніе свободы на сказанные сроки и время съ помѣщеніемъ въ особенномъ, для того назначенномъ мѣстѣ, или карцерѣ.

10) Занесеніе имени ученика въ теченіе опредѣленнаго времени на черную доску.

11) Удаленіе ученика изъ гимназіи на опредѣленное время.

12) Принужденное увольненіе ученика изъ заведенія по прошенію.

13) Исключеніе воспитанника изъ заведенія.

Къ особымъ взысканіямъ принадлежатъ:

А) Для всѣхъ учениковъ низшихъ 4-хъ классовъ гимназіи или прогимназіи—лишеніе мѣста на ряду съ товарищами и стояніе у стѣны или классной доски.

В) Для воспитанниковъ пансіона:

1) Ограниченіе въ пищѣ.

2) Лишеніе въ праздничный день отпуска изъ заведенія.

3) Удаленіе воспитанника изъ пансіона, не лишая его права быть приходящимъ ученикомъ гимназіи.

Употребляемыя иногда: удаленіе изъ класса, стояніе на колѣнахъ и выставка дурной отмѣтки за шалости и невниманіе ученика въ классѣ въ той графѣ классного журнала, гдѣ обыкновенно выставляются отмѣтки за успѣхи, по нашему мнѣнію, не должны быть допускаемы въ томъ заведеніи, гдѣ дѣло воспитанія ведется на *основаніи разумныхъ началъ*. Переводъ же учениковъ за неуспѣшность въ низшій классъ и наказаніе розгами, допускавшіеся прежде дѣйствовавшимъ уставомъ только для 3-хъ низшихъ классовъ и не запрещенные настоящимъ уставомъ учебныхъ заведеній, какъ признанные самымъ опытомъ не достигающими цѣли исправленія ученика и могущіе въ ученикѣ окончательно уничтожить чувство стыда, а потому вредные,—безусловно не допускаются въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

О разумномъ примѣненіи къ дѣлу допускаемыхъ взысканій и о тѣхъ мѣрахъ, которыми можно было бы достигнуть наиболѣе рѣдкаго употребленія взысканій, при удобоподвижной натурѣ дѣтей, намъ не остается ничего болѣе, какъ повторить тѣ основныя разумныя начала, которыя изложены въ циркулярѣ, по Казанскому учебному округу, № 18. Смѣемъ только предложить на благоусмотрѣніе соединеннаго педагогическаго совѣта Казанскихъ гимназій: 1) что нарочно заведенная книга, въ которой каждый изъ воспитателей, а слѣдовательно и наставниковъ, вносилъ бы замѣченные имъ проступки учениковъ и свое мнѣніе о мѣрѣ, которая могла бы на будущее время предохранить ученика отъ сдѣланнаго имъ проступка, помогая единству воспитательнаго на учениковъ вліянія, по нашему мнѣнію,

принесла бы не малую услугу поддержкѣ дисциплины въ учебномъ заведеніи; 2) что объявленіе ученикамъ опредѣленныхъ, нарочно для того составленныхъ, правилъ могло бы предостеречь ихъ отъ многихъ проступковъ, которые влекутъ за собою наказаніе и 3) наказаніе ученика лишеніемъ свободы и преимущественно въ старшихъ 4-хъ классахъ не должно, по нашему мнѣнію, состоять только въ праздномъ препровожденіи времени уединенно отъ товарищей; обязательная работа въ такомъ случаѣ принесла бы пользу ученику. Составленіе правилъ для воспитанниковъ гимназіи и выборъ обязательныхъ трудовъ при наказаніи ученика лишеніемъ свободы подлежитъ, по нашему мнѣнію, особому сужденію соединеннаго педагогическаго совѣта Казанскихъ гимназій.

Что же касается до того, кѣмъ изъ воспитателей и какія наказанія могутъ быть опредѣляемы ученику, сдѣлавшему проступокъ, то по нашему мнѣнію:

1) Надзиратель можетъ дѣлать внушенія, замѣчанія и выговоръ ученику только наединѣ или въ присутствіи нѣкоторыхъ товарищей; можетъ лишать ученика занимаемаго имъ мѣста и можетъ ограничивать воспитанника въ пищѣ, лишая его одного блюда за обѣдомъ.

2) Наставникъ, сверхъ взысканій, предоставляемыхъ надзирателю, можетъ дѣлать внушенія и замѣчанія воспитанникамъ въ присутствіи всего класса; можетъ ограничить пищу воспитанника, лишая утренняго и вечерняго завтрака; можетъ лишать ученика свободы на 1 часъ съ помѣщеніемъ въ карцеръ и съ назначеніемъ ученику обязательнаго труда, по своему усмотрѣнію.

3) Инспекторъ сверхъ того можетъ лишить свободы воспитанника не болѣе, какъ на 3 часа, съ означеніемъ опредѣленнаго занятія, можетъ лишать ученика свободы на 1 часъ съ помѣщеніемъ въ карцеръ; можетъ лишать воспитанника пансіона отпуска изъ заведенія на праздничный день.

4) Директоръ, кромѣ предоставленныхъ надзирателямъ, наставникамъ и инспектору взысканій, дѣлаетъ выговоръ ученику въ присутствіи всѣхъ товарищей его по классу, можетъ лишать воспитанника свободы на одинъ день, безъ помѣщенія и съ помѣщеніемъ въ карцеръ, назначая при томъ обязательный для ученика трудъ; можетъ при тѣхъ

же условіяхъ лишить приходящаго ученика свободы въ праздничный день.

5) Опредѣленіе выговора ученику въ присутствіи всѣхъ товарищей по гимназіи, занесеніе имени ученика по какой либо причинѣ на черную доску, удаленіе воспитанника изъ пансіона съ предоставленіемъ права остаться приходящимъ ученикомъ, принужденное увольненіе воспитанника изъ заведенія по прошенію, временное и совершенное исключеніе ученика изъ заведенія—опредѣляются педагогическимъ совѣтомъ".

На изложенное сейчасъ мнѣніе гг. инспекторовъ послѣдовали съ стороны членовъ совѣта нѣкоторыя замѣчанія. Г. директоръ 1-й гимназіи замѣтилъ, что лишеніе ученика пищи—мѣра не совсѣмъ удобная, потому ччо сопряжена со вредомъ для его здоровья. Съ мнѣніемъ его согласились г. Ауновскій и нѣкоторые изъ членовъ совѣта. Ауновскій и большинство членовъ совѣта высказались противъ употребленія черной доски, какъ слишкомъ позорнаго наказанія. На это г. Фишеръ отвѣчалъ, что выставка на черную доску имѣетъ, какъ показалъ опытъ, большое вліяніе на учениковъ, если только эту мѣру употреблять съ разборомъ. Но съ этимъ мнѣніемъ большинство рѣшительно не согласилось. Г. председатель высказалъ, что онъ—противъ заключенія ученика въ карцеръ въ праздничный день. Съ его мнѣніемъ согласилось большинство членовъ совѣта. Накопецъ назначеніе ученику, оставленному безъ обѣда или заключенному въ карцеръ, обязательной работы большинствомъ членовъ было отвергнуто на томъ основаніи, что не педагогично заставлять учиться въ наказаніе. Обратившись къ членамъ совѣта съ вопросомъ, не имѣютъ ли они еще чего-нибудь высказать и не встрѣчая новыхъ возраженій, г. председатель предложилъ рѣшить два вопроса: 1) опредѣлить степени, дѣлаемыхъ учениками проступковъ и назначить за нихъ наказаніе; 2) рѣшить: какія мѣры взысканія и кому изъ членовъ гимназіи должны быть предоставлены? По его мнѣнію проступки учениковъ могутъ быть раздѣлены на 3 категоріи: 1) проступки противъ учебной части. Сюда относятся: лѣность, небрежность, невнимательность во время уроковъ. 2) Нарушеніе классной дисциплины: опаздываніе въ классъ, шалости во время урока и т. п. 3) Проступки, выдающіеся изъ ряда обыкновенныхъ: ложь, дерзость, пьянство.

Г. Бергъ возразилъ на это, что строгое подраздѣленіе проступковъ едва ли возможно допустить. Если и допустить подраздѣленіе ихъ на упомянутыя 3 категоріи, все-таки для нихъ будетъ общее названіе—шалость. Г. предсѣдатель отвѣчалъ, что это справедливо, но степени этихъ шалостей не равны. Г. Бергъ высказалъ, что, прежде опредѣленія степени проступка нужно изслѣдовать его причину и тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ совершенъ. На это г. предсѣдатель отвѣчалъ, что безъ такихъ изслѣдованій никогда и не обходилось дѣло.

За тѣмъ, такъ какъ большинство членовъ не сдѣлало противъ изложеннаго г. предсѣдателемъ раздѣленія ученическихъ проступковъ на 3 категоріи возраженій, приступлено было къ опредѣленію: какія наказанія должны быть назначаемы за проступки, относящіеся къ первой категоріи. Г. Ауповскій замѣтилъ, что, по его мнѣнію, неуспѣшность и классныя шалости учащихся зависятъ отъ личности учителя и отъ изложенія предмета. Апатичность въ преподаваніи и веденіе дѣла, какъ говорится, спустя рукава—суть главныя причины классной неурядицы, за которую сплошь и рядомъ страдаютъ совершенно безвинно ученики. Напротивъ, если преподаваніе какого бы то ни было предмета оживленно и направлено къ развитію той мыслительной способности учащихся, къ которой самый предметъ наиболѣе приспособленъ, такъ напримѣръ въ естествознаніи—къ развитію наблюдательности, то преподаватель навѣрное заслужитъ уваженіе и расположеніе къ себѣ учащихся или, другими словами, въ глазахъ ихъ станетъ нравственнымъ примѣромъ. Передъ нравственнымъ же примѣромъ учителя различныя правила, наказанія и даже награды далеко не состоятельны. Г. предсѣдатель и нѣкоторые члены совѣта отвѣчали, что безусловно обвинять учителя за классныя шалости учениковъ не возможно: есть между учениками такіе субъекты, изъ которыхъ трудно сдѣлать что нибудь даже самому лучшему преподавателю. Г. предсѣдатель предложилъ для постоянно лѣниваго ученика употреблять слѣдующія мѣры: сначала преподаватель дѣлаетъ ученику при всѣхъ товарищахъ внушеніе, потомъ выговоръ; затѣмъ, если это не помогаетъ, записываетъ его въ книгу съ обозначеніемъ, на какое время лишить его свободы, но не далѣе какъ на 3 часа. Г. Износковъ замѣтилъ, что записываніе

въ книгу лишне, потому что инспектору и безъ того должны быть извѣстны отмѣтки учениковъ изъ классныхъ журналовъ и изъ ученическихъ классныхъ тетрадей, употребляемыхъ въ первой Казанской гимназіи въ 4-хъ низшихъ классахъ. При томъ же ученикъ черезъ два мѣсяца получитъ табель, въ которой будутъ обозначены его успѣхи. Г. директоръ первой гимназіи отвѣчалъ, что: 1) записываніе лѣниваго ученика въ книгу съ обозначеніемъ преподавателемъ наказанія необходимо, потому что инспекторъ въ назначеніи наказанія можетъ ошибиться, такъ какъ ему не всегда въ точности извѣстна степень вины ученика; 2) что наказаніе за проступокъ должно послѣдовать немедленно. Г. Износковъ спросилъ: не будетъ ли оставленіе безъ обѣда вредно дѣйствовать на здоровье учениковъ, особенно низшихъ классовъ? Г. Ленстремъ прибавилъ, что въ оставленіи безъ обѣда за лѣность онъ не видитъ ровно никакой пользы, что эта мѣра давно обветшала, которую пора замѣнить какою нибудь получше, что наконецъ оставленіе безъ обѣда скорѣе дѣйствуетъ на ученика вредно: ученикъ, утомленный и голодный, является домой; на слѣдующій день 4 или 5 уроковъ, къ которымъ ученикъ долженъ приготовиться; но онъ, очевидно, не можетъ этого сдѣлать. Такимъ образомъ онъ будетъ неисправенъ и на слѣдующій день. Слѣдовательно оставленіе безъ обѣда принесетъ вредъ, а не пользу. Гг. Безсоновъ, Износковъ и Ауновскій заявили также, что они противъ оставленія безъ обѣда за лѣность и не считаютъ полезнымъ и записываніе ученика за это въ книгу, такъ какъ отмѣтки учениковъ находятся въ классныхъ журналахъ Г. предсѣдатель отвѣчалъ, что записываніе въ книгу полезно: 1) въ томъ отношеніи, что будутъ употреблены всѣ мѣры къ исправленію ученика и 2) инспекторъ можетъ извѣстить родителей, которые примутъ своевременно надлежащія мѣры къ исправленію своихъ дѣтей. Оставленіе же безъ обѣда приноситъ, по его мнѣнію, ту пользу, что отчасти изъ стыда передъ товарищами, отчасти изъ опасенія домашняго наказанія, ученикъ постарается болѣе не попадаться. Въ гимназіяхъ, заключилъ онъ, учатся дѣти совершенно различно воспитанные, а здѣсь рѣчь идетъ объ ученикѣ, на котораго слова плохо дѣйствуютъ, а между тѣмъ должно быть употреблено всевозможное стараніе объ его исправленіи; иначе на членахъ гимназіи будетъ лежать обвиненіе, что они

слишкомъ мало заботились о своихъ ученикахъ. Г. Ленстремъ замѣтилъ, что если ученикъ постоянно лѣнится, то обязанность педагога должна, прежде употребленія мѣръ наказанія, состоять въ томъ, чтобы изслѣдовать причины такой постоянной лѣности. Причинъ этихъ можетъ быть очень много; напр. ученикъ можетъ лѣниться по извѣстному предмету, если онъ мало интересуется этимъ предметомъ. Г. Бергъ возразилъ ему, что рѣчь идетъ объ ученикахъ, которыхъ нельзя ничѣмъ заинтересовать. Что же касается до того, что, оставшись безъ обѣда, ученикъ утомится, то должно замѣтить, что, не выучивъ урока, онъ достаточно отдыхалъ наканунѣ. Г. Ленстремъ отвѣчалъ, что 1) ему не случалось еще встрѣтить учениковъ, которыхъ бы нельзя было ничѣмъ заинтересовать; 2) ученикъ легко можетъ очень утомиться накапунѣ отъ разныхъ игръ и возни въ саду, на дворѣ и проч. и уже поэтому не приготовить уроковъ къ слѣдующему дню. По моему мнѣнію, продолжалъ онъ, если ученикъ не знаетъ урока, то учитель долженъ ограничиться однимъ наказаніемъ — обозначить дурной отмѣткой въ классномъ журналѣ незнаніе ученика. Рядъ такихъ отмѣтокъ укажетъ въ дальнѣйшей перспективѣ ученику очень дѣйствительное наказаніе—оставленіе на второй годъ въ томъ же классѣ, а за не успѣшнымъ вторымъ годомъ—совершенное увольненіе изъ гимназіи. Г. предсѣдатель приступилъ къ собиранію голосовъ по вопросу: допустить ли записываніе преподавателемъ лѣниваго ученика въ книгу, съ обозначеніемъ, на какое время оставить его, напр. на 1, 2 и 3 часа? Большинство 14-ти голосовъ противъ 5-ти признало мѣры, предложенныя г. предсѣдателемъ, полезными.

Затѣмъ г. предсѣдатель предложилъ обсудить: какія наказанія должны быть назначаемы за проступки, относящіеся ко второй категоріи. Противъ нихъ, по его мнѣнію, должны быть принимаемы слѣдующія мѣры: если ученикъ шалитъ и разговариваетъ во время урока, учитель дѣлаетъ ему сначала замѣчаніе, если же это не подѣйствуетъ, ставитъ ему дурную отмѣтку въ классномъ журналѣ въ той графѣ, гдѣ отмѣчается поведеніе. Затѣмъ, если и это не произведетъ на ученика никакого дѣйствія, то не допустить ли, продолжалъ г. предсѣдатель, въ низшихъ классахъ ставленіе ученика къ классной доскѣ или высылку его изъ класса? Г. директоръ первой гимназіи и нѣкоторые изъ членовъ совѣта

высказали, что высылка ученика изъ класса никакъ не можетъ быть допускаема. Г. предсѣдатель сказалъ на это, что неужели нельзя удалить ученика изъ класса, который мѣшаетъ заниматься цѣлому классу? Эта мѣра очень дѣйствительна, какъ показываетъ опытъ. Г. Ленстремъ возразилъ: если извѣстная мѣра употребляется, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что она правильна; что надо подумать объ учителѣ, который не въ силахъ будучи управиться съ безпокойнымъ ученикомъ, прибѣгаетъ къ высылкѣ его изъ класса, при чемъ удаленный изъ класса ученикъ теряетъ урокъ? Г. предсѣдатель отвѣчалъ ему, что такой ученикъ, котораго учитель вынужденъ выслать изъ класса, ничего не потеряетъ отъ этого, потому что все равно ничего не будетъ слушать въ классѣ, а между тѣмъ мѣшаетъ другимъ. Г. Бергъ и нѣкоторые члены совѣта выразили мнѣніе, что высылка ученика изъ класса можетъ быть допущена въ крайнемъ случаѣ, но съ тѣмъ, чтобы ученикъ немедленно былъ подвергнутъ строгому наказанію. Объ этихъ крайнихъ случаяхъ, по которымъ преподаватель счелъ нужнымъ выслать ученика изъ класса, по мнѣнію г. Износкова, должно быть доводимо до свѣдѣнія педагогическаго совѣта съ полнымъ объясненіемъ причинъ, по которымъ преподаватель вынужденъ былъ дѣйствовать подобнымъ образомъ. Затѣмъ г. предсѣдатель обратился къ членамъ совѣта съ вопросомъ: допустить ли ставленіе ученика въ низшихъ классахъ въ уголъ или къ классной доскѣ? Большинствомъ голосовъ рѣшено допустить. Что же касается до высылки ученика въ крайнемъ случаѣ изъ класса, большинство членовъ (12-ть противъ 7-ми) высказалось за эту мѣру, но съ тѣмъ, чтобы о такомъ ученикѣ заявлять инспектору.

Наказаніе за шалости внѣ учебнаго времени въ гимназіи и на улицѣ должно быть, по мнѣнію г. предсѣдателя, опредѣляемо инспекторомъ или директоромъ или педагогическимъ совѣтомъ. Г. Износковъ сказалъ на это: неужели шалость во время перемѣны можно считать проступкомъ? Г. предсѣдатель отвѣчалъ, что неужели не считать проступкомъ, если ученикъ во время перемѣны заведетъ драку? Г. Износковъ и нѣкоторые изъ членовъ совѣта замѣтили, что за драку не слѣдуетъ наказывать, если не будетъ жалобы со стороны обиженнаго, потому что часто принимается за драку то, на что ученики смотрятъ какъ на шутку или какъ на

гимнастическія упражненія. Но прочіе члены совѣта высказали, что обиженному не всегда возможно жаловаться на товарища. Г. предсѣдатель сказалъ, что за дѣтскія шалости онъ полагалъ бы предоставить право надзирателю дѣлать замѣчаніе виновному при цѣломъ классѣ. Если же произойдетъ между учениками что-нибудь болѣе серьезное, то, разобравъ дѣло, надзиратель доводитъ о немъ до свѣдѣнія инспектора, который немедленно принимаетъ мѣры къ устраненію на будущее время такихъ проступковъ со стороны ученика. Заявлять о дракѣ инспектору необходимо, потому что, случается иногда, родители жалуются, что ихъ дѣтей прибили, а инспекторъ ничего объ этомъ не знаетъ. За предосудительныя шалости, продолжалъ г. предсѣдатель, можно предоставить право инспектору заключить ученика въ карцеръ до трехъ часовъ, лишать ученика перемѣны, ставить въ уголъ. Большинство согласилось съ его мнѣніемъ. Ежели ученикъ сдѣлалъ болѣе крупный проступокъ, напр. попался въ воровствѣ или пьянствѣ, то, по мнѣнію г. предсѣдателя, инспекторъ доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія директора, который, судя по обстоятельствамъ дѣла, или самъ назначаетъ ученику наказаніе, напр. сажаетъ его въ карцеръ до 3-хъ часовъ и сообщаетъ о проступкѣ его родителямъ или родственникамъ его, или вноситъ это дѣло на обсужденіе педагогическаго совѣта. Если же эта мѣра не произведетъ желаемаго дѣйствія и ученикъ вновь будетъ замѣченъ въ томъ же, то директоръ доводитъ о такомъ ученикѣ до свѣдѣнія педагогическаго совѣта, который увольняетъ воспитанника изъ заведенія. Г. директоръ первой гимназіи возразилъ, что, если заключать въ карцеръ за воровство и пьянство, то заключать на 3 часа мало: нужно на сутки или болѣе. Г. предсѣдатель отвѣчалъ, что совершенно достаточно, потому что сущность дѣла заключается не въ количествѣ часовъ, а въ узнаніи преступленія и въ наказаніи за него. Заключать же ученика въ карцеръ на праздники или оставлять тамъ на ночь, по его мнѣнію, не должно. Такого ученика, на котораго карцеръ не дѣйствуетъ, лучше исключить изъ гимназіи, чѣмъ по суткамъ или болѣе держать въ карцерѣ. Г. Износковъ замѣтилъ, что нельзя составить опредѣленныхъ правилъ взысканія за упомянутые г. предсѣдателемъ проступки, потому что для опредѣленія степени виновности должны быть извѣстны обстоятельства, при

которыхъ совершенъ проступокъ. Для того же, чтобы исключенiемъ изъ заведенiя, предлагаемымъ Г. председателемъ, не преградить доступа въ заведенiе ученику, когда онъ исправится, лучше, по мнѣнiю г. Износкова, допустить временное увольненiе ученика изъ заведенiя. Г. предсѣдатель предложилъ вопросъ: не лучше ли, вмѣсто временнаго увольненiя ученика, требовать, чтобы родители сами взяли его изъ заведенiя? — Большинство согласилось съ его мнѣнiемъ. Затѣмъ г. предсѣдатель предложилъ приступить къ рѣшенiю вопроса: оставлять ли учениковъ въ карцерѣ на 3 часа и болѣе? Нѣкоторые изъ членовъ совѣта высказали, что назначенiе срока заключенiя въ карцерѣ всего лучше предоставить усмотрѣнiю педагогическаго совѣта, который можетъ оставить и долѣе, чѣмъ на 3 часа, но съ тѣмъ, чтобы при комнатѣ, въ которой будетъ запертъ ученикъ, находился служитель и чтобы ученикъ не оставался въ темнотѣ. Если это будетъ приходящiй ученикъ и если долженъ будетъ просидѣть въ карцерѣ въ зимнее время часовъ до 7 или 8 вечера, то служитель долженъ проводить его домой. Г. предсѣдатель замѣтилъ, что, въ избѣжанiе произвола, необходимо опредѣлить: какъ продолжительно можетъ быть время, на которое совѣтъ имѣетъ право заключать ученика въ карцеръ? На это нѣкоторые изъ членовъ совѣта возразили, что скорѣе можно допустить возможность произвола со стороны одного лица, чѣмъ со стороны цѣлой корпорацiи. Большинство 17 голосовъ рѣшило назначенiе срока заключенiя учениковъ въ карцеръ предоставить вполнѣ усмотрѣнiю педагогическаго совѣта. Г. предсѣдатель остался при томъ мнѣнiи, что срокъ необходимо опредѣлить и заключать въ карцеръ не долѣе, какъ на 12-ть часовъ, по мнѣнiю же Г. директора 1-й гимназiи не долѣе 2-хъ дней, отъ 9-ти часовъ утра до 6 часовъ ежедневно.

Послѣ этого г. предсѣдатель обратился къ членамъ совѣта съ вопросомъ: допускать ли къ экзамену ученика, который умышленно манкируетъ уроками? Г. Ауновскiй отвѣчалъ на это: если можетъ гимназiя убѣдиться, что ученикъ дѣйствительно по лѣности умышленно манкируетъ, то его лучше уволить изъ заведенiя. Г. Бергъ предложилъ не допускать къ экзамену и тѣхъ учениковъ, которые плохо занимаются. На это г. предсѣдатель отвѣчалъ, что совѣтъ не въ правѣ не допускать къ экзамену плохихъ учениковъ, по-

тому что это противно уставу. Г. Ленстремъ высказалъ, что онъ въ недопущеніи ученика къ экзамену не видитъ дѣйствительной мѣры противъ манкировки классовъ. Г. предсѣдатель отвѣчалъ, что этимъ можно заставить учениковъ исправнѣе посѣщать уроки. Г. Луповскій возразилъ, что можетъ быть случай такого рода, что большая часть пропущенныхъ уроковъ совпадаетъ съ днями преподаванія тѣхъ предметовъ, которые наиболѣе знакомы учащимся или изъ прошлогодняго курса, если они оставлены на другой годъ, или при переходѣ изъ другаго заведенія, въ которомъ эти предметы преподавались въ большемъ объемѣ. Въ этомъ случаѣ не допустить къ экзамену такихъ учениковъ значитъ поступить несправедливо тѣмъ болѣе, что мало-способные и неподготовленные изъ нихъ и безъ того будутъ наказаны тѣмъ, что останутся въ томъ же классѣ. Г. предсѣдатель отвѣчалъ, что, предлагая не допускать къ экзамену тѣхъ учениковъ, которые манкируютъ, онъ имѣетъ въ виду то, что манкировку нужно строго преслѣдовать, чтобы удалить дурные примѣры. Г. Аршауловъ высказалъ, что для этого нѣтъ надобности не допускать къ экзамену, достаточно экзаменовать такого ученика, какъ неизвѣстнаго, какъ вновь вступающаго въ заведеніе. Г. Износковъ предложилъ другую мѣру къ устраненію этого зла — именно извѣщать родителей. Г. предсѣдатель замѣтилъ, что эта мѣра и теперь употребляется, но не всегда достигаетъ желаемыхъ результовъ. Г. предсѣдатель предложилъ рѣшить вопросъ: за умышленную манкировку не допускать ученика къ экзамену или увольнять изъ заведенія? Большинство членовъ совѣта рѣшило: учениковъ, которые умышленно манкируютъ уроками, предлагать родителямъ или родственникамъ брать изъ гимназіи и такимъ образомъ не заграждать имъ доступа въ другія учебныя заведенія.

Г. предсѣдатель предложилъ вопросъ: не вывести ли изъ употребленія черныя доски? Всѣ согласились съ тѣмъ, что черныя доски, нравственный вредъ которыхъ заключается въ томъ, что, какъ публичное наказаніе, онѣ убиваютъ чувство стыда, должны быть изгнаны изъ заведенія; равно и золотыя доски, какъ не достигающія цѣли, должны быть уничтожены.

Г. предсѣдатель высказалъ, что по его мнѣнію, выговоры въ присутствіи учениковъ всей гимназіи не умѣстны (о нихъ упоминается въ мнѣніи, представленномъ въ совѣтъ

гг. инспекторами). Рѣшительное большинство членовъ совѣта признало ихъ также неудобными, какъ публичную мѣру взысканія.

Въ заключеніе одинъ изъ членовъ совѣта предложилъ вопросъ: допускать ли въ классы тѣхъ изъ учениковъ, которые опаздываютъ? Всѣ рѣшили, что нужно допускать, но съ тѣмъ, чтобы о такихъ ученикахъ было доводимо до свѣдѣнія инспектора.

Принимая во вниманіе мнѣніе гг. инспекторовъ и замѣчанія, высказанныя членами совѣта, соединенный педагогическій совѣтъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: за лѣность, небрежность и невниманіе ученика во время урока преподаватель дѣлаетъ ему замѣчаніе; если это не поможетъ—выговоръ (въ присутствіи всѣхъ товарищей); наконецъ записываетъ его въ кондуитную книгу съ обозначеніемъ, на сколько времени онъ долженъ быть оставленъ безъ обѣда. За нарушеніе классной дисциплины преподаватель сначала дѣлаетъ замѣчаніе ученику; если это не подѣйствуетъ, ставитъ ему дурную отмѣтку въ той графѣ класснаго журнала, гдѣ выставляются баллы за поведеніе, ставитъ въ низшихъ классахъ въ уголъ или къ классной доскѣ и наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, высылаетъ ученика изъ класса, но доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія инспектора. За шалости внѣ класснаго времени надзиратель дѣлаетъ виновнымъ выговоръ въ присутствіи цѣлаго класса, а въ низшихъ классахъ можетъ, сверхъ того, поставить ученика въ уголъ. Если же произойдетъ между учениками что—нибудь болѣе серіозное, то надзиратель, разобравъ дѣло, доводитъ о немъ немедленно до свѣдѣнія инспектора, который и назначаетъ наказаніе, сообразное проступку: или выговоръ, или лишеніе свободы, но не болѣе, какъ на 3 часа. Объ ученикѣ, замѣченномъ въ предосудительныхъ поступкахъ, директоръ, по тщательномъ изслѣдованіи дѣла, доводитъ до свѣдѣнія педагогическаго совѣта, который опредѣляетъ заключить виновнаго въ карцеръ на срокъ, сообразный его винѣ. Въ случаѣ повторенія такого проступка со стороны одного и того же ученика, совѣтъ предлагаетъ родителямъ взять изъ заведенія ихъ сына. Ученика, умышленно манкирующаго уроками, совѣтъ предлагаетъ родителямъ взять изъ заведенія. Черныя доски, какъ позорное наказаніе, а также и золотыя доски, какъ не достигающія цѣли,—

совершенно отмѣнить. Выговоровъ въ присутствіи учениковъ всей гимназіи, какъ публичнаго наказанія, не допускать. Относительно воспитанниковъ пансіоновъ принять мѣры взысканія, предлагаемыя гг. инспекторами, за исключеніемъ записенія имени виновнаго на черную доску, лишенія пищи, заключенія въ карцеръ на извѣстное время въ праздничный день и выговора въ присутствіи всѣхъ учениковъ гимназіи. Назначеніе обязательнаго труда для ученика, оставленнаго безъ обѣда или заключеннаго въ карцеръ, признать неудобнымъ, потому что не должно заставлять въ наказаніе учиться.

Что же касается до того, кѣмъ изъ воспитателей и какія мѣры взысканія могутъ быть опредѣляемы ученику, сдѣлавшему проступокъ, то совѣтъ постановилъ предоставить:

1) Надзирателю дѣлать ученику за дѣтскія шалости внушеніе, замѣчаніе или выговоръ какъ наединѣ, такъ и въ присутствіи цѣлаго класса, а въ низшихъ классахъ ставить въ уголъ. О болѣе же серьезныхъ проступкахъ надзиратель, по тщательномъ изслѣдованіи дѣла, доводитъ до свѣдѣнія инспектора.

2) Преподавателю предоставить дѣлать ученику за лѣность, небрежность и нерадѣніе выговоръ въ присутствіи всѣхъ его товарищей; записывать ученика въ кондуитную книгу съ обозначеніемъ: на сколько времени ученикъ долженъ быть оставленъ безъ обѣда; за нарушеніе классной дисциплины—дѣлать ученику выговоръ, выставлять ему дурную отмѣтку въ графѣ о поведеніи, въ низшихъ классахъ ставить въ уголъ или къ классной доскѣ и, въ крайнемъ случаѣ, высылать ученика изъ класса, но доводить о томъ до свѣдѣнія инспектора.

3) Инспектору, сверхъ того, предоставить право лишать ученика свободы, но не болѣе какъ на 3 часа, съ помѣщеніемъ или безъ помѣщенія въ карцеръ, а воспитанника пансіона лишать отпуска изъ заведенія въ праздничный день.

4) Директору, кромѣ взысканій, предоставленныхъ надзирателю, преподавателямъ и инспектору,—лишеніе ученика свободы, съ помѣщеніемъ или безъ помѣщенія въ карцеръ на 3 или болѣе часовъ.

5) Педагогическому совѣту принадлежатъ всѣ права, предоставленныя вышеупомянутымъ лицамъ и кромѣ того— право исключать ученика изъ гимназіи.

Примѣчаніе. Упущенія со стороны учениковъ, а равно и всѣ проступки ихъ записываются членами гимназіи въ кондуитный списокъ учениковъ, съ обозначеніемъ въ немъ мѣры взысканія съ виновнаго. Этотъ списокъ разсматривается въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи; всѣ заявленія объ ученикѣ по кондуитному списку принимаются совѣтомъ во вниманіе при опредѣленіи этому ученику отмѣтки въ поведеніи, которая ставится съ общаго согласія членовъ педагогическаго совѣта.

Г. Ленстремъ заявилъ, что онъ не согласенъ съ заключеніями соединеннаго педагогическаго совѣта и обѣщался представить въ слѣдующее засѣданіе особое мнѣніе.

1866 года, января 13 дня, въ засѣданіи соединеннаго педагогическаго совѣта, заслушано было особое мнѣніе о мѣрахъ взысканія за проступки учениковъ, представленное преподавателемъ первой гимназіи г. Ленстремомъ. Мнѣніе это слѣдующее:

„Имѣю честь представить соединенному совѣту обѣихъ Казанскихъ гимназій свое особое мнѣніе о мѣрахъ взысканія за проступки учащихся,—мѣрахъ, разсмотрѣніемъ которыхъ совѣтъ занимался въ прошедшемъ засѣданіи своемъ, декабря 15 дня минувшаго года.

Собираясь приступить къ обсужденію такого важнаго вопроса, какимъ представляется вопросъ о наказаніяхъ, соединенный совѣтъ, въ засѣданіи своемъ 17-го ноября 1865 года, поручилъ, по мысли г. предсѣдателя, инспекторамъ первой и второй Казанскихъ гимназій составить „проэктъ правилъ о наказаніяхъ“. Къ прошедшему засѣданію, 15-го декабря, эти правила были представлены на лицо. Оказалось, что гг. составители ихъ, уважаемые сочлены наши, „сознаваясь откровенно въ недостаткѣ собственныхъ силъ и опытности для составленія нормы наказаній и ихъ приложенія въ дѣлѣ воспитанія“, представили *списокъ* разныхъ карательныхъ мѣръ, „за которыми самая давность употребленія какъ бы (sic) утвердила право ихъ полезности и необходимости“. Не смотря на аргументъ „давности“,

гг. составители проекта совершенно разумно обошли розги, удары линейкой по рукамъ, заушенія и другія тому подобныя мѣры, хотя за ними гораздо больше „давности употребленія“, чѣмъ за внушеніями, замѣчаніями, выговорами, карцерами и исключеніями. При составленіи списка наказаній, или „правилъ о взысканіяхъ“, какъ угодно выражаться авторамъ проекта, имѣлась въ виду „единственная цѣль, чтобы эти правила могли принести пользу *какъ учебному заведенію, такъ и воспитанникамъ*“. Такъ какъ въ педагогическомъ смыслѣ учебное заведеніе не мыслимо безъ воспитанниковъ, и равнымъ образомъ воспитанники безъ учебнаго заведенія, то, вѣроятно, упомянутая цѣль, если я только вѣрно угадываю образъ мыслей гг. составителей „правилъ“, состоитъ въ томъ, чтобы послѣднія служили къ исправленію совершающихъ проступки и благодѣтельной угрозой еще не успѣвшимъ совершить ихъ. Не чего и говорить, что намѣренія авторовъ „правилъ“ прекрасны, и что нельзя не отнестись съ уваженіемъ къ ихъ „посильному труду“.

Разсмотрѣвъ эти „правила“ и раздѣливъ, по предложенію г. предсѣдателя, проступки учениковъ на три категоріи: 1) *противъ учебной части* (лѣность, небрежность, невнимательность къ преподаванію), *противъ классной дисциплины* (опаздываніе въ классы, шалости во время урока) и 3) *на проступки, выдающіеся изъ ряда обыкновенныхъ* (ложь, дерзость, пьянство, воровство),—соединенный совѣтъ приступилъ къ рѣшенію вопроса: „какія наказанія, изложенныя въ „правилахъ“, должны быть примѣнены къ проступкамъ по упомянутымъ тремъ категоріямъ“. Совѣтъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ тоже засѣданіе. Всѣ заключенія большинства изложены примѣрно слѣдующимъ образомъ: „за лѣность, небрежность и невнимательность во время урока преподаватель дѣлаетъ ученику замѣчаніе; *если это не поможетъ*—выговоръ въ присутствіи всѣхъ товарищей (ученика?), *наконецъ* записываетъ виновнаго въ кондуитную книгу съ обозначеніемъ, на сколько времени онъ долженъ быть оставленъ безъ обѣда. За нарушеніе классной дисциплины преподаватель сначала дѣлаетъ замѣчаніе ученику; *если это не подѣйствуетъ*,—ставитъ ему дурную отмѣтку въ поведеніи“ и т. д. и т. д. въ такомъ же родѣ.

Съ такимъ пріемомъ рѣшенія вопроса я совершенно расхожусь.

Чтобы не вдаваться въ отвлеченныя тонкости, а совершенно просто и наглядно объяснить большинству членовъ совѣта, въ чемъ я расхожусь съ нимъ, всего удобнѣе нахожу сравнить дѣятельность нашу въ отношеніи нравственныхъ проступковъ учениковъ съ дѣятельностью медика въ отношеніи физическихъ болѣзней. Сравненіе это тѣмъ удобнѣе, что нравственные проступки, какъ ненормальныя отправленія духа, имѣютъ много аналогическаго съ физическими недугами, какъ ненормальными отправленіями органовъ тѣла. Какъ же дѣйствуемъ мы—педагоги, имѣя въ виду передъ собою проступокъ ученика? Мы дѣлаемъ послѣднему замѣчаніе или строгій выговоръ наединѣ или въ присутствіи другихъ, мы оставляемъ виновнаго безъ обѣда или сажаемъ въ карцеръ на болѣе или менѣе продолжительное время, наконецъ мы увольняемъ ученика изъ заведенія. Съ какою цѣлью мы все это дѣлаемъ? Въ примѣръ прочимъ и съ цѣлью исправить виновнаго, не такъ ли? Значитъ, мы вѣримъ во *всемогущество* нашихъ мѣръ наказанія, или по крайней мѣрѣ не видимъ *внѣ* этихъ мѣръ никакихъ средствъ къ исправленію провинившихся учениковъ. Такъ ли дѣйствуетъ врачъ, имѣя дѣло съ болѣзнію? Ужели онъ, приложивъ извѣстную мѣру противъ симптомовъ болѣзни, или прописавъ лекарство, тѣмъ и закончитъ всѣ свои заботы о больномъ? Нѣтъ, зная, что причины большей части болѣзней кроются *въ жизни и обстановкѣ* заболѣвающихъ личностей, добросовѣстный медикъ обратитъ вниманіе на образъ жизни больного, на его привычки, квартиру, степень опрятности, пищу и проч. Если образъ жизни больного неправиленъ, привычки дурны, пища груба, квартира сыра и угарна, воздухъ ея затхлъ и нечистъ: то медикъ, конечно, постарается удалить всѣ эти вредныя вліянія (influentiae) на организмъ больного какъ съ цѣлью *возстановленія* его *здоровья*, такъ и *сохраненія* послѣдняго на будущее время. Другими словами: медикъ приметъ, на сколько отъ него зависитъ, всѣ *предупредительныя мѣры* противъ возврата болѣзни, причины которой коренились въ образѣ жизни его паціента. Эти предупредительныя мѣры считаются въ наше время *единственно дѣйствительными мѣрами* и чѣмъ выше поднимается ихъ значеніе, тѣмъ ниже падаетъ вѣра во всемогущество лекарствъ. Не однимъ медикомъ высказывается убѣжденіе, что рано или поздно, съ распространені-

емъ въ массахъ правилъ гигіены, совершенно исчезнутъ многія болѣзни только отъ того, что всюду будутъ приняты надлежащія предупредительныя мѣры противъ зараженія этими болѣзнями. Такимъ образомъ, изъ сдѣланнаго мною сравненія вывожу слѣдующее заключеніе: мы—педагоги—заботимся объ одномъ, какъ бы лучше, чувствительнѣе покарать ученика за проступокъ; медики же заботятся и объ излѣченіи одержимыхъ болѣзнями и объ удаленіи, посредствомъ предупредительныхъ мѣръ, всѣхъ вредныхъ вліяній на организмъ здоровыхъ и больныхъ. Изъ этого вывода очевидно вытекаетъ другой выводъ: наша дѣятельность въ вопросѣ о наказаніяхъ за проступки учащихся совершенно односторонняя дѣятельность.

Ужели въ самомъ дѣлѣ педагогика такая жалкая наука, что она, изыскивая карательныя мѣры за проступки учащихся, не можетъ въ тоже время указать никакихъ мѣръ *предупредительныхъ* противъ совершенія этихъ проступковъ. Думать такъ было бы оскорбленіемъ для нея. Нравственные проступки, какъ болѣзни тѣлесныя, коренятся въ извѣстныхъ причинахъ, и въ своевременномъ удаленіи этихъ причинъ заключаются тѣ предупредительныя мѣры, о которыхъ я говорю. Для разъясненія дѣла, я слегка намѣчу нѣкоторыя причины самыхъ обыкновенныхъ школьныхъ проступковъ.

Беру для примѣра—*лѣность*. За лѣность совѣтъ опредѣлилъ слѣдующія наказанія: замѣчаніе, выговоръ, *наконецъ* оставленіе безъ обѣда. Не лучше ли было бы прежде подумать, какими предупредительными мѣрами можно, если не совершенно уничтожить, то въ значительной мѣрѣ ослабить это нравственное зло въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ? Эти предупредительныя мѣры прямо вытекаютъ изъ разсмотрѣнія тѣхъ причинъ, которыми не только поддерживается, но и развивается лѣность въ учащихся. Отсутствіе всякаго наблюденія со стороны родителей за домашними занятіями своихъ дѣтей, неумѣнье послѣднихъ правильно распредѣлить время между ученіемъ и играми; несоразмѣрное съ силами учащихся задаваніе уроковъ, вялость и отсутствіе всякаго интереса въ преподаваніи, не затрогивающее ни мыслительной, ни нравственной стороны духа, несправедливость учителя въ оцѣнкѣ успѣховъ учащихся и многія другія обстоятельства могутъ вліять на равнодушіе ученика къ учебнымъ

занятіямъ и содѣйствовать развитію лѣности. Извѣстенъ фактъ, что между воспитанниками пансіоновъ гораздо рѣже встрѣчаются случаи лѣности, чѣмъ между приходящими учениками. Этотъ фактъ долженъ имѣть свою причину. Если бы совѣтъ разобралъ ее, онъ, навѣрное, пришелъ бы совсѣмъ къ другимъ заключеніямъ въ вопросѣ о лѣности.

Беру другой проступокъ—*нарушеніе классной дисциплины.* За проступокъ такого рода совѣтъ назначилъ: дурную отмѣтку въ поведеніи, ставленіе въ уголъ и *въ крайнемъ случаѣ* (?) высылку изъ класса. Я не стану оспаривать годность этихъ мѣръ, но, мнѣ кажется, прежде, чѣмъ назначить ихъ, совѣту слѣдовало бы подумать, почему одни и тѣ же ученики въ классѣ одного учителя ведутъ себя хорошо, а въ классѣ другого—ведутъ себя дурно. Гдѣ лежитъ причина такого явленія? Въ обстоятельствахъ, не зависящихъ отъ учителя, или въ самомъ учителѣ? Если въ первыхъ, то кажется не мѣшало бы разобрать ихъ, чтобы на основаніи точнаго анализа изыскать не только карательныя, но и предупредительныя мѣры противъ нарушенія классной дисциплины. Если въ послѣднемъ, то опять—таки прежде, чѣмъ изыскивать разныя карательныя мѣры, совѣту слѣдовало подумать, въ чемъ именно упомянутая причина заключается и какими способами можно удалить ее. Тѣмъ болѣе слѣдовало объ этомъ подумать, что наказывать учениковъ за вину учителя, по малой мѣрѣ, въ высшей степени странно. По „Уложенію Алексѣя Михаиловича" воеводы правили вины помѣщика на его крестьянинѣ, при чемъ послѣдняго каждый день у приказной избы колотили по ногамъ за то, что господинъ его провинился; мы идемъ дальше: у насъ учитель собственныя вины *самъ* можетъ править на своихъ ученикахъ. Мнѣ скажутъ, пожалуй, что это не велика бѣда, такъ какъ наказанія, опредѣленныя за нарушеніе классной дисциплины, очень легки. На это я отвѣчу, что 1) самыя легкія наказанія могутъ оказаться вредными, если они не справедливы; 2) нельзя всѣ мѣры взысканія, опредѣленныя нами за нарушеніе дисциплины, назвать и легкими: высылка изъ класса—мѣра очень чувствительная, тѣмъ болѣе, что за порогомъ класса выгнанный встрѣчаетъ инспектора, который можетъ, по усмотрѣнію, назначить виновному еще отъ себя наказаніе. Высказываясь такимъ образомъ, я однако далекъ отъ мысли ли-

шить учителя права наказывать ученика за нарушеніе классной дисциплины: я только обращаю вниманіе совѣта на необходимость изыскать *предупредительныя мѣры* противъ этого рода проступковъ на основаніи анализа причинъ послѣднихъ. Можетъ быть, такой анализъ показалъ бы, что въ неумѣньи учителя занять весь классъ или по крайней мѣрѣ держать въ напряженномъ состояніи вниманіе учащихся, въ отсутствіи всякой энергіи въ преподаваніи, въ страсти учителя заниматься въ классѣ разговорами о посторонпнихъ предметахъ, въ излишней мягкости учителя въ обращеніи и даже во внѣшнихъ его пріемахъ лежатъ причины классныхъ шалостей, безпорядковъ, шума и проч. Кстати, слѣдующій разсказъ можетъ наглядно доказать, какъ, по видимому, самые незначительные пріемы учителя могутъ служить *къ предупрежденію* классныхъ безпорядковъ.

Въ прошедшемъ засѣданіи совѣта одинъ изъ уважаемыхъ его членовъ обратился ко мнѣ съ разъясненіемъ, что онъ еще недавно на опытѣ убѣдился, какъ иногда „высылка изъ класса“, мѣра, противъ которой я возражалъ, бываетъ необходима и неизбѣжна. Я попросилъ моего уважаемаго оппонента короче разъяснить его „недавній опытъ“.— „Я поставилъ слабую отмѣтку ученику за его неудовлетворительный отвѣтъ“, сталъ объяснять мнѣ нашъ уважаемый сочленъ. „Считая себя обиженнымъ за такую отмѣтку, ученикъ назойливо началъ про сить меня переправить ее и своими неотступными просьбами такъ сталъ мѣшать всему ходу урока, что я принужденъ былъ выслать безпокойнаго юношу изъ класса“.—Подобный случай произошелъ въ классѣ другого учителя, отвѣчалъ я моему оппоненту, и съ тѣхъ поръ этотъ учитель выставляетъ отмѣтки, особенно самолюбивымъ ученикамъ, или послѣ класса, или въ классѣ, но такъ, что послѣдніе остаются въ неизвѣстности, *когда и какая именно отмѣтка* была имъ поставлена. Вы не приняли подобной предупредительной мѣры, значитъ вина падаетъ на Васъ.— „Но въ низшихъ классахъ нельзя скрыть отмѣтки, тамъ учитель долженъ выставить ее въ журналѣ ученика“.—Учитель, о которомъ я говорю, (отвѣчалъ я), выставивъ отмѣтку ученику въ журналѣ, оставляетъ послѣдній у себя на каѳедрѣ до самаго звонка именно въ видахъ избѣжанія объясненія съ учениками, недовольными своими отмѣт-

ками, и у него потому никакихъ подобныхъ замѣшательствъ въ классѣ никогда не бываетъ.

Беру третій проступокъ, „выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ",—*дерзость*. За дерзость и другіе подобные ей предосудительные проступки совѣтомъ опредѣлено: „*по тщательномъ изслѣдованіи дѣла*", заключить виновнаго т. е. ученика, а никакъ не учителя, въ карцеръ на срокъ, сообразный винѣ, а въ случаѣ повторенія проступка предложить родителямъ взять изъ заведенія ихъ виновнаго сына. Изъ этого опредѣленія видно, что совѣтъ обязуется тщательно изслѣдывать причины и обстоятельства, при которыхъ будетъ совершена дерзость, что конечно очень разумно; но совѣтъ поступилъ бы еще разумнѣе, если бы теперь же тщательно разсмотрѣлъ, что подаетъ поводъ къ дерзостямъ учащихся и заблаговременно принялъ бы предупредительныя мѣры противъ совершенія такого рода проступковъ. Поводъ къ дерзости можетъ подать и потеря учителемъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, чувства уваженія къ нему учащихся и грубость самого учителя въ обращеніи съ учениками, и привычка его употреблять разныя бранныя выраженія, затрогивающія самолюбіе дѣтей, и смѣшная вспыльчивость учителя, и неумѣнье держать себя съ достоинствомъ и проч. и проч. Разсмотрѣніе этихъ и подобныхъ имъ причинъ было бы тѣмъ полезнѣе, что, какъ замѣчено, нѣкоторые учителя и въ настоящее время считаютъ себя въ правѣ не стѣсняться въ обращеніи съ учащимися: „мы-де хозяева въ классѣ, что хотимъ, то дѣлаемъ". Ученикъ же не смѣетъ ни косо взглянуть на учителя, ни обидѣть его обращеніемъ, потому что это дерзость, которая должна быть строго наказана. Недавно еще привелось мнѣ слышать отъ надзирателя одного частнаго учебнаго заведенія, какъ повинился передъ нимъ (надзирателемъ) воспитанникъ пансіона въ намѣреніи своемъ сдѣлать дерзость учителю.—„Учитель №№, говорилъ воспитанникъ, диктуя намъ одинъ отрывокъ, между прочимъ, произнесъ: „онъ любилъ мене". Я и всѣ товарищи мои такъ и записали въ своихъ тетрадяхъ. На другой день я, поразмысливъ хорошенько, подошелъ къ учителю съ тетрадкой и сказалъ: №№, вы продиктовали намъ: онъ любилъ *мене*, а слѣдуетъ, кажется, сказать: онъ любилъ меня. №№ разсвирѣпѣлъ, смялъ мою тетрадь и бросилъ мнѣ ее въ лицо. Тутъ, что со мною сдѣлалось, я и теперь понять не могу: въ глазахъ помутилось, голова

пошла кругомъ, и я не знаю, какъ я удержался"..... Отъ чего ученикъ удержался, этого онъ не договорилъ.—Еще болѣе врѣзался въ моей памяти слѣдующій случай, очень печальный по своимъ послѣдствіямъ. На урокѣ одного учителя воспитанникъ VII класса читалъ романъ. „Что вы тамъ читаете? Подайте сюда вашу книгу"! закричалъ учитель на воспитанника. Послѣдній прикрылъ рукою книгу и остолбенѣлъ. „Подайте ее сюда, говорятъ вамъ"! заревѣлъ учитель и протянулъ руку, чтобы вырвать книгу у воспитанника. „Не дамъ"! Отвѣтилъ послѣдній, оскорбленный тономъ учителя. За эту дерзость воспитанника смѣстили съ казеннаго содержанія и отправили писцомъ въ канцелярію одного губернскаго директора, гдѣ несчастный съ горя спился съ круга. Если бы совѣтъ разобралъ нѣсколько подобныхъ случаевъ, онъ непремѣнно пришелъ бы: 1) къ необходимости указать учителямъ на предупредительныя мѣры противъ дерзости учащихся; 2) онъ значительно измѣнилъ бы свои карательныя мѣры за совершеніе дерзости,—мѣры, которыя не выдерживаютъ самой легкой критики. Доказать это не трудно. Представимъ себѣ двухъ воспитанниковъ, изъ которыхъ каждый провинился въ дерзости. Первый изъ нихъ, положимъ, сдѣлалъ дерзость учителю умышленно, ради одного озорничества; второй былъ вызванъ на дерзость грубымъ и площаднымъ обращеніемъ самаго учителя. По смыслу опредѣленія совѣта, оба ученика должны подлежать одному наказанію—заключенію въ карцеръ, съ тою, конечно, разницею, что срокъ заключенія перваго будетъ болѣе, втораго менѣе продолжителенъ. Въ случаѣ повторенія тѣхъ же проступковъ тѣми же учениками, оба они, по смыслу нашего опредѣленія, увольняются изъ заведенія, т. е. подвергаются совершенно одинаковому наказанію, хотя вина ихъ не одинакова. Гдѣ же тутъ логика?

Считаю излишнимъ разсматривать другіе школьные проступки учащихся: уже изъ моего бѣглаго очерка причинъ *лѣности, нарушенія классной дисциплины* и *дерзости* должно быть всякому очевидно, что однѣ карательныя мѣры далеко не достаточны для искорененія проступковъ учащихся, а необходимы еще мѣры *предупредительныя*. Разъяснить, въ чемъ онѣ должны состоять, есть одна изъ главныхъ задачъ педагоговъ, поднимающихъ вопросъ о проступкахъ и наказаніяхъ. Можно безошибочно сказать, что упущеніе изъ виду этой стороны вопроса какъ было одной изъ

главныхъ причинъ полнаго фіаско всѣхъ извѣстныхъ намъ „кодексовъ“ о мѣрахъ взысканія съ учениковъ, такъ оно же будетъ причиной совершеннаго паденія кодекса, составленнаго нашимъ соединеннымъ совѣтомъ. Впрочемъ, можетъ быть, мнѣ замѣтятъ, что предупредительныя мѣры, о которыхъ я говорю, сами собою подразумѣваются, что онѣ отлично—хорошо извѣстны каждому учителю и что вовсе нѣтъ никакой нужды говорить объ нихъ при обсужденіи вопроса о наказаніяхъ и проступкахъ. Если большинство совѣта дѣйствительно держится такого мнѣнія, то мнѣ остается перейти къ другой сторонѣ дѣла.

Чтобы сказали члены нашего почтеннаго собранія, если-бы до нихъ дошелъ слухъ, что знакомый имъ больной пригласилъ пользовать себя аптекарскаго ученика, отлично знающаго фармацію и ея сложную кухню? Что подумали бы они, еслибъ этотъ фармацевтъ сталъ, въ ихъ присутствіи, такъ размышлять о мѣрахъ къ излеченію больного: „больной субъектъ страдаетъ кровохарканьемъ и одышкой. Какъ же помочь ему? Дамъ я ему сначала хорошій пріемъ olei ricini; *если это ему не поможетъ*, пропишу ему aquam cerasorum; наконецъ, если и это не подѣйствуетъ, закачу ему грановъ сто laudani liquidi: кто знаетъ, авось это будетъ хорошо“.

Навѣрное, каждый изъ насъ посмѣялся бы надъ такими „опытами“ почтеннаго фармацевта и поспѣшилъ бы выразить свое удивленіе больному, что онъ довѣряется человѣку, который хотя и отлично знакомъ съ названіями лекарствъ и правилами ихъ составленія, однако совершенно не знаетъ, *гдѣ*, *когда* и *почему* ихъ надо употребить, при пользованіи одержимыхъ болѣзнями. Такое поведеніе наше было-бы вполнѣ умѣстно и разумно. Обратимъ же теперь вниманіе на то, какъ размышляемъ мы—педагоги, имѣя дѣло съ проступкомъ ученика.

Сначала, говоримъ мы, нужно испробовать сдѣлать ему замѣчаніе; *если это не поможетъ*—выговоръ; *наконецъ если выговоръ не подѣйствуетъ*, оставить безъ обѣда; или: „сначала надо испробовать поставить ученику дурную отмѣтку въ поведеніи; *если это не поможетъ*—поставить ученика въ уголъ; наконецъ *если и это не подѣйствуетъ*—выслать виновнаго изъ класса“. — Чѣмъ же, спрашивается, судимъ мы лучше почтеннаго фармацевта? Такой же грубый эмпиризмъ, такая же вѣра въ завѣтное „авось да небось, да третій, какъ

нибудь"—и здѣсь и тамъ. Въ этомъ заключается *второй важный недостатокъ* составленнаго нами кодекса о проступкахъ учащихся.

И такъ изъ сдѣланнаго много мною сравненія очевидно, что не достаточно ознакомиться съ *педагогической аптекой* и умѣть безъ запинки поименовать всѣ ея цѣлебныя средства (внушеніе, замѣчаніе, выговоръ, лишеніе свободы, карцеръ, увольненіе, исключеніе и проч.), чтобы сознательно понять, *гдѣ*, *когда* и *почему* слѣдуетъ примѣнять ихъ на практикѣ. Короче: знакомство съ карательными мѣрами еще далеко не есть ручательство за справедливое и разумное приложеніе ихъ на дѣлѣ. Чтобы наказаніе было разумно, необходимо изслѣдовать, дѣйствительно ли оно вполнѣ соотвѣтствуетъ проступку, вытекаетъ ли оно изъ послѣдняго, какъ неизбѣжное слѣдствіе изъ причины и на сколько оно можетъ подѣйствовать на исправленіе виновнаго, смотря по его натурѣ. Соединенный совѣтъ обошелъ подобное психологическое рѣшеніе поднятой имъ задачи. Это его важная ошибка. Если онъ признаетъ за собой эту ошибку, (а не признать, очевидно, нельзя), то онъ долженъ признать и *возможность* существованія *ошибочныхъ мѣръ взысканія* въ составленномъ имъ „кодексѣ". А какъ скоро совѣтъ имѣетъ хотя малѣйшее основаніе усумниться въ безошибочности своихъ заключеній, онъ не долженъ желать, чтобы послѣднія получили силу закона.

Не считаю нужнымъ указывать на изумительную неполноту нашего кодекса, на отсутствіе въ немъ многихъ весьма полезныхъ мѣръ взысканія, на встрѣчающіяся противорѣчія одной мѣры съ другой: двухъ указанныхъ мною недостатковъ совершенно довольно, чтобы убѣдить каждаго изъ насъ въ необходимости сызнова поставить на очередь разсмотрѣніе занимающаго насъ вопроса. Но поставить вопросъ мало: нужно еще разумно рѣшить его. Такое же рѣшеніе возможно только при слѣдующихъ двухъ условіяхъ.

1) *При раздѣленіи труда между всѣми членами соединеннаго совѣта.* Насъ 30 человѣкъ. Если каждый изъ насъ возметъ на себя трудъ всесторонне разсмотрѣть *одинъ* какой либо проступокъ, тогда рѣшеніе поднятаго нами во-

проса можетъ быть съ успѣхомъ окончено въ 15-ть или 20-ть засѣданій.

2) *При однообразіи плана каждой отдѣльно взятой работы.* Планъ же этотъ долженъ, по моему крайнему разумѣнію, заключать въ себѣ слѣдующія статьи:

a) Характеристика проступка и его виды.

b) Психологическій разборъ причинъ и обстоятельствъ, при которыхъ можетъ совершиться разбираемый проступокъ.

c) Предупредительныя мѣры, выведенныя изъ предыдущаго разбора.

d) Карательныя мѣры, соотвѣтствующія разнымъ степенямъ проступка и смягчающія вину обстоятельства.

e) Психологическій анализъ этихъ карательныхъ мѣръ или возможно ясное объясненіе, почему онѣ могутъ содѣйствовать къ исправленію совершающихъ разбираемый проступокъ. Только при соблюденіи этихъ условій и при такомъ планѣ работъ мы можемъ оставить по себѣ памятникъ, достойный дѣятельности такого многочисленого собранія, какъ наше, и той любви, которой мы одинаково одушевлены, къ дѣлу воспитанія учащихся.

Передаю мое мнѣніе на судъ соединеннаго совѣта“.

Обсудивъ мнѣніе г. Ленстрема, большинство членовъ совѣта пришло къ слѣдующему заключенію: „Правила для взысканій“ составлены совѣтомъ на основаніи требованій, выраженныхъ въ одномъ изъ №№ циркуляра г. попечителя Казанскаго учебнаго округа. Въ этихъ правилахъ изложены однѣ только общія мѣры, которыя будутъ прилагаемы на практикѣ по изслѣдованіи каждаго частнаго случая; крупные факты будутъ подлежать обсужденію совѣта, а мелкіе—начальства гимназіи. Что касается общихъ предупредительныхъ мѣръ, гдѣ были бы предусмотрѣны причины каждаго проступка, то такія мѣры не возможны: одинъ и тотъ же проступокъ въ каждомъ индивиндуумѣ проявляется различно и зависитъ отъ различныхъ причинъ—нерѣдко случайныхъ, которыя не возможно предвидѣть и предупредить; при такомъ разнообразіи частныхъ случаевъ, ихъ трудно подвести подъ какія либо общія правила. Вслѣдствіе этого члены совѣта полагаютъ, что выполненіе мысли, предложенной г. Ленстремомъ, не приведетъ ни къ какой цѣли, если

слѣдовать тому пути, который указанъ въ мнѣніи г. Ленстрема.

Гг. Износковъ, Ауновскій и Логиновъ высказали, что они согласны съ мнѣніемъ г. Ленстрема. Г. предсѣдатель совѣта обратился къ членамъ съ вопросомъ: такъ какъ они затрудняются выполненіемъ программы г. Ленстрема, то не желаютъ ли поручить ему самому составить по изложенной имъ программѣ разборъ какого либо проступка?—Члены большинствомъ голосовъ согласились съ предложеніемъ г. предсѣдателя.

Г. Ленстремъ съ своей стороны принялъ предложеніе совѣта.

1866 года 16 февраля, въ засѣданіи педагогическаго совѣта, г. предсѣдатель предложилъ заслушать мнѣніе г. Ленстрема, составленное на основаніи программы, предложенной имъ въ предыдущемъ собраніи совѣта. Вотъ это мнѣніе:

„Соединенный совѣтъ обѣихъ Казанскихъ гимназій, въ послѣднемъ засѣданіи своемъ, 15 января текущаго года, предложилъ мнѣ, по выслушаніи моего отдѣльнаго мнѣнія о мѣрахъ взысканія за проступки учащихся, разсмотрѣть одинъ какой либо проступокъ по начертанному мною плану, чтобы можно было на дѣлѣ убѣдиться въ его удобоисполнимости. Имѣя въ виду исполнить такое предложеніе совѣта, я взялъ одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ проступковъ между учащимися, именно: невнимательность къ классному преподаванію, и разборъ этого проступка имѣю теперь честь предложить на разсмотрѣніе членовъ нашего собранія.

Характеристика проступка и его виды.

Каждому учителю случалось, конечно, замѣчать, что тотъ или другой ученикъ, во время объясненій урока, по видимому слѣдитъ за послѣдними; между тѣмъ въ сущности только смотритъ учителю въ глаза, а мыслію бродитъ гдѣ-то далеко, можетъ быть, „за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ“. Если заставить такого ученика повторить только что объясненное, то онъ прежде всего слегка вздрогнетъ, потомъ быстро вскочетъ съ своего мѣста и, озираясь по сторонамъ, какъ человѣкъ, очнувшійся отъ сна, съ нѣкоторымъ удивленіемъ спроситъ, о чемъ идетъ рѣчь въ

классѣ. Такое явленіе, которое обыкновенно называется *разсѣянностью*, станемъ точнѣе называть *безсознательною невнимательностью*, — безсознательною по тому, что этотъ актъ духа никогда не сопровождается, какъ показываетъ опытъ, яснымъ сознаніемъ.—Не рѣдко также замѣчается, что тотъ или другой ученикъ явно не слѣдитъ за объясненіями учителя, ни за отвѣтами товарищей, потому что находитъ болѣе полезнымъ для себя или спѣшно пробѣгать то, о чемъ по разсчету можетъ спросить учитель, или читать „постороннюю книгу", или готовиться къ слѣдующему уроку, или рисовать что-нибудь, или просто марать бумагу, или бесѣдовать и пересмѣиваться съ товарищемъ и т. д. и т. д. Такое явленіе можно справедливо назвать *сознательною* невнимательностью, такъ какъ въ этомъ актѣ духа участвуетъ болѣе или менѣе ясное сознаніе.—Очевидно, что сознательная и безсознательная невнимательность суть крайніе виды, между которыми находятся еще виды промежуточные, одного весьма важнаго проступка,—важнаго потому, что отъ него много страдаютъ успѣхи класснаго обученія. Для того, кто не слышитъ, о чемъ говорится, не видитъ, что дѣлается въ классѣ, обученіе, очевидно, пропадаетъ совершенно даромъ. Сумма знаній, выносимая такого рода ученикомъ изъ класса, остается все таже, что и передъ входомъ въ классъ Спрашивается теперь, что это за явленіе—невнимательность? гдѣ кроется ея причина? Всякому должно быть понятно, что безъ яснаго отвѣта на этотъ вопросъ нельзя найти сознательно разумныхъ мѣръ противъ разбираемаго нами проступка. Недалеко еще ушло отъ насъ то время, когда учитель, замѣтивъ невниманіе ученика, зѣвающаго по сторонамъ, больно дралъ его за уши, выворачивая ихъ и такъ и сякъ, или пуская въ ходъ звонкую оплеушину, на томъ, вѣроятно, гуманномъ основаніи, что нужно энергично подѣйствовать на органъ *слуха*, моментально потрясти его, чтобы помочь ученику внимательно слушать объясненія учителя. Въ настоящее время педагоги прибѣгаютъ уже къ другимъ взысканіямъ за невнимательность учащихся, напримѣръ къ замѣчаніямъ, выговорамъ, оставленію безъ обѣда и проч. Кто знаетъ, можетъ быть, эти мѣры разумны и дѣйствительны. Но, пока онѣ остаются на степени грубо-эмпирическихъ мѣръ, ничѣмъ разумно не оправданныхъ, до тѣхъ поръ всякій мыслящій человѣкъ въ

правѣ сомнѣваться въ ихъ годности точно такъ же, какъ нынѣ усумнились въ годности заушеній, отъ которыхъ трое сутокъ стоитъ трезвонъ въ ушахъ. И такъ разсмотримъ, къ какому ряду явленій относится невнимательность и въ чемъ кроется ея причина.

Психологическій разборъ причинъ проступка.

Человѣкъ, или правильнѣе сказать, духъ его мыслитъ и мыслитъ *постоянно.* Опытъ показываетъ, что нѣтъ ни *одного* мгновенія въ нашей жизни, въ которое духъ нашъ дѣлалъ бы паузу и переставалъ образовывать представленія. Даже во снѣ представленіе внѣшняго міра продолжается въ формѣ грезъ, только это представленіе не сознательно, а безсознательно. То, что называютъ сномъ безъ грезъ, есть не что иное, какъ глубокій сонъ, грезъ котораго мы уже не помнимъ послѣ нашего пробужденія. Пробуждаясь, мы ощущаемъ каждый разъ, что въ продолженіе сна прошло нѣкоторое время, а такъ какъ послѣднее мы всегда измѣряемъ представленіями, т. е. одно и тоже время кажется намъ долгимъ или короткимъ, смотря по тому, больше или меньше представленій мы имѣли въ его теченіе; значитъ упомянутое ощущеніе было бы не возможно, еслибъ мы не грезили, т. е. не имѣли во снѣ представленій. Кромѣ того, душевное состояніе безъ представленій было бы пустымъ мгновеньемъ, психическою пустотою, которая также не возможна, какъ и физическая пустота въ тѣлѣ. Слѣдовательно мы должны 1) принять душевную жизнь за *непрерывный рядъ представленій* 2) допустить, чточеловѣческійдухъ, постоянно представляя, дѣйствуетъ двояко: или съ *сознаніемъ* или *безъ яснаго сознанія.*

Тотъ же ежедневный опытъ показываетъ, что сонная жизнь грезящее представленіе внѣшняго міра продолжается и на яву, т. е. что *безсознательное* представленіе дѣйствуетъ во все то время, когда *сознательное* прекращается. Въ самомъ дѣлѣ, сознательное дѣйствіе всегда направлено къ опредѣленному предмету, которому посвящается все его вниманіе. Чѣмъ живѣе и дѣятельнѣе это вниманіе, тѣмъ больше оно какъ бы сосредоточивается въ фокусѣ, тѣмъ исключительнѣе бываетъ занята вся его дѣятельность этимъ объектомъ. Въ такихъ состоянія высочайшаго духовнаго напря-

женія у насъ нѣтъ ни глазъ, ни ушей ни для какихъ другихъ предметовъ. Тогда мы, конечно, видимъ и слышимъ то, что насъ окружаетъ, но видимъ и слышимъ *неясно*, какъ бы *во снѣ*. Сосредоточенные на одной точкѣ, мы разсѣяны на всѣхъ другихъ. Духъ *бодрствуетъ* къ этому единому объекту и спитъ въ отношеніи ко всѣмъ другимъ. Чѣмъ живѣе и напряженнѣе духовная дѣятельность въ одной точкѣ, тѣмъ глубже какъ будто спитъ душа во всей остальной области. Разсказываютъ объ Архимедѣ, что онъ не слыхалъ взятія Сиракузъ, будучи погруженъ въ математическія соображенія. Значитъ, душа Архимеда *спала* для шума битвы, гремѣвшей около него, и *бодрствовала* въ созерцаніи геометрическаго круга. Если же духъ не можетъ концентрироваться на какой нибудь опредѣленной точкѣ, то онъ становится *разсѣяннымъ*, всѣ его представленія до того спутываются, что человѣкъ не знаетъ, что онъ дѣлаетъ, что представляетъ. Такое состояніе разсѣянія и упавшаго вниманія всегда обозначаетъ собою переходъ отъ бдѣнія ко сну. Слѣдовательно, возрастающее вниманіе есть—*пробужденіе* и полное прекращеніе вниманія ко всѣмъ предметамъ вообще есть уже *сонъ*. Извѣстно, что одно изъ средствъ заснуть состоитъ въ томъ, что для ослабленія своего вниманія его стараются раздробить, т. е. сдѣлать разсѣяннымъ ко всѣмъ предметамъ (¹).

Если приложить эти психологическія наблюденія къ разбираемому нами вопросу, то не трудно будетъ вывести слѣдующія общія положенія:

1) Внимательнымъ ученикъ бываетъ только тогда, когда вся его умственная дѣятельность исключительно поглощена объектомъ обученія, такъ сказать, прикована къ нему. Не имѣя ни глазъ, ни ушей ни для какихъ другихъ предметовъ, онъ или слушаетъ неподвижно, молча впиваясь глазами въ учителя, если слушаетъ его объясненія; или порывается принять живое, дѣятельное участіе въ рѣшеніи поднятаго въ классѣ вопроса, если послѣдній рѣшается неправильно.

(¹) Этотъ психологическій очеркъ составлевъ по статьѣ «Сонъ и бдѣніе», помѣщенной во II томѣ «Исторіи новой философіи», Куно Фишера.

2) Полувнимательнымъ ученикъ бываетъ тогда, когда его духовная дѣятельность раздвояется между объектомъ преподаванія и какимъ либо другимъ объектомъ, совершенно отличнымъ отъ перваго. Такъ напр. ученикъ, слушая объясненія учителя о свойствѣ латинскихъ спряженій, вдругъ можетъ припомнить, какъ онъ вчера игралъ въ саду съ своими сверстниками, какъ нѣкоторые изъ нихъ неудачно пытались взлѣзть на дерево, какъ имъ всѣмъ было весело и проч. и проч. Заставляя себя слушать учителя и въ тоже время противъ воли увлекаясь пріятнымъ воспоминаніемъ вчерашняго дня, такой ученикъ не можетъ остановиться ни на той, ни на другой точкѣ, представленія его спутываются, вниманіе засыпаетъ. Это засыпаніе вниманія сей часъ же выражается *позѣвотой* ученика, какъ вѣрнѣйшимъ признакомъ его раздвоеннаго, ослабѣвшаго вниманія.

3) Вполнѣ невнимательнымъ ученикъ бываетъ или 1) когда его духовная дѣятельность *исключительно* и напряженно обращена на извѣстный предметъ, совершенно отличный отъ объекта класснаго преподаванія и притомъ своимъ пріятнымъ или непріятнымъ впечатлѣніемъ пересиливающій впечатлѣніе, производимое послѣднимъ; или 2) когда, раздробивъ свое вниманіе между многими предметами, въ безпорядкѣ пришедшими на умъ, и предметомъ класснаго обученія, ученикъ не въ силахъ сосредоточить своего вниманія *ни на одномъ* изъ нихъ, т. е. сдѣлался разсѣяннымъ ко всѣмъ предметамъ вообще. Въ первомъ случаѣ ученикъ, не видя и не слыша, что происходитъ вокругъ него въ классѣ, или видя и слыша все, какъ бы во снѣ, сидитъ неподвижно, задумчиво, съ глазами, устремленными на одну точку, или занимается какимъ-нибудь постороннимъ дѣломъ, какъ-то: чтеніемъ занимательнаго романа, приготовленіемъ къ слѣдующему уроку, письмомъ или просто мараніемъ бумаги, перелистываніемъ руководства и проч. и проч. Во второмъ случаѣ ученикъ, находясь въ состояніи совершенно упавшаго вниманія, всегда обозначающаго собою переходъ отъ бдѣнія ко сну, старается удобнѣе, полу-лежа расположиться на лавкѣ и „разъ зѣвнувъ на потолокъ, другой на стѣнку, а третій на свою постельку“, засыпаетъ, если только ничто не помѣшаетъ, за спиною товарища блаженнымъ сномъ праведника.

Изъ такихъ положеній становится очевиднымъ, что причина внимательности учащихся къ классному препода-

ванію лежитъ въ удачной или неудачной борьбѣ объектовъ преподаванія съ тѣми объектами, которые, по закону непрерывной дѣятельности человѣческаго мышленія, постоянно возникаютъ, исчезаютъ и снова возникаютъ въ душѣ учащихся. Если пересиливаютъ первые объекты, то ученики отличаются вниманіемъ, пересиливаютъ вторые—тѣ же ученики становятся невнимательны. Рѣдкія представленія предметовъ или обстоятельствъ (къ каковымъ относятся напр. театральныя представленія, концерты, танцовальные вечера, пылкая любовь, особенно къ особѣ женскаго пола, несчастные случаи въ семействѣ, смерть кого-либо изъ близкихъ ученику родныхъ и все прочее, что особенно глубоко дѣйствуетъ на воображеніе и чувство), произведшихъ глубокое впечатлѣніе на духъ ученика, особенно сильно вліяютъ на степень внимательности учащихся къ преподаванію и нерѣдко исключаютъ всякую возможность успѣшной борьбы учителя съ невниманіемъ своихъ учениковъ.

Изъ предыдущаго разсмотрѣнія должно быть очевидно для каждаго, что не во власти одной школы развить внимательность въ учащихся,—этотъ весьма важный навыкъ приковывать, гдѣ слѣдуетъ, вниманіе къ одной точкѣ и въ тоже время быть разсѣяннымъ во всѣхъ другихъ направленіяхъ. Тутъ школа нуждается въ дружномъ содѣйствіи семейства,—содѣйствіи, которое должно состоять въ правильномъ нравственномъ воспитаніи дѣтей и неуклонномъ за ними надзорѣ. Средства, которыми располагаетъ школа въ отношеніи развитія внимательности въ учащихся, прямо вытекаютъ изъ предыдущаго психологическаго анализа и распадаются по своему характеру на два отдѣла: на средства *предупредительныя* и на средства *карательныя*. Разсмотримъ и тѣ и другія.

Средства предупредительныя.

1) Такъ какъ только жизнь возбуждаетъ жизнь, только дѣятельность увлекаетъ къ дѣятельности, только основательное вызываетъ основательность, поэтому и преподаваніе должно быть энергично, живо, основательно. Чѣмъ болѣе оно согласуется съ разумными дидактическими требованіями, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, производимое имъ на учащихся,

тѣмъ вѣрнѣе и надежнѣе овладѣваетъ оно ихъ вниманіемъ. Не справедливо дѣлить предметы на занимательные и незанимательные сами по себѣ, т. е. на возбуждающіе большее или меньшее къ себѣ вниманіе. Не справедливо потому, что наука является для дѣтей съ тѣмъ или другимъ характеромъ, смотря по тому, какъ и кѣмъ излагается. Самый сухой предметъ въ рукахъ искуснаго учителя дѣлается любимымъ предметомъ изученія для учащихся, сильно возбуждая ихъ вниманіе; и самая любопытная наука превращается въ средство усыпленія дѣтей, при вяломъ, механическомъ ея изложеніи. Иначе и быть не можетъ: вялость возбуждаетъ только вялость, механизмъ въ преподаваніи ведетъ къ механизму въ ученіи. „Не зѣвай въ людяхъ, на всѣхъ позѣвоту нагонишь", не даромъ говоритъ пословица.

II. Въ преподаваніи должна быть строгая *система*, и урокъ всегда долженъ быть *стройнымъ и гармоническимъ* цѣлымъ. Достигнуть этого можно только тогда, когда учитель, отправляясь на урокъ, будетъ всегда отдавать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что и какъ онъ будетъ дѣлать въ классѣ; другими словами: когда учитель будетъ готовиться добросовѣстно къ каждому классу, не полагаясь на свою даже многолѣтнюю опытность. „Для самообразованія учителя нѣтъ и не должно быть субботы". Приготовленіе учителя къ уроку можетъ относиться или къ научному матеріалу, или къ педагогическому употребленію его, или къ тому и другому вмѣстѣ. Необходимость всего этого вполнѣ очевидна: учитель до тѣхъ поръ способенъ возбуждать вниманіе къ своему преподаванію, пока самъ не перестанетъ быть внимательнымъ къ своему дѣлу.

III. Учитель долженъ разъ навсегда объявить ученикамъ, что каждый задаваемый имъ вопросъ относится къ цѣлому классу и что каждый ученикъ долженъ быть готовымъ къ отвѣту, лишь только будетъ произнесена его фамилія, не дожидаясь повторенія вопроса. Учитель долженъ приложить непреклонную настойчивость къ тому, чтобы это правило перешло въ жизнь и привычку учащихся.

IV. Учитель не долженъ тянуть своей бесѣды съ однимъ ученикомъ далѣе предѣловъ строгой необходимости. Лишь только учитель составилъ себѣ ясное понятіе о степени знанія отвѣчающаго ученика, долженъ перейти къ спрашиванію другого.

V. Самый спросъ долженъ совершаться хотя не спѣшно, но въ тоже время и не вяло, не сонливо, безъ остановки и неумѣренныхъ паузъ. Если ясно, что спрошенный ученикъ не въ состояніи разрѣшить вопроса, то не для чего напрасно тратить время въ ожиданіи того, чего, по всѣмъ вѣроятностямъ, нельзя дождаться, а тотчасъ же должно призвать къ участію въ дѣлѣ другого,

VI. Спрашивая одного, учитель не долженъ ни на минуту забывать остальныхъ и какъ можно чаще и какъ можно большее число изъ нихъ вызывать, одному предлагая досказать недосказанное товарищемъ, другому поручая разрѣшить новый вопросъ, третьяго приглашая привести примѣры на только что выраженное правило, четвертаго—привести аналогію и проч., разнообразя до возможности свои требованія и выставляя одинъ и тотъ же предметъ съ разныхъ сторонъ

VII. Учитель обязанъ настойчиво и неуклонно требовать отъ учениковъ, чтобы книги, тетради, перья, карандаши, вообще всѣ ихъ вещи, могущія отклонить вниманіе отъ надлежащаго направленія, были спрятаны, если въ нихъ нѣтъ надобности по свойству преподаваемой науки. (См. журналъ „Воспитаніе" за 1863 г., №№ 8 и 9, статью „объ условіяхъ, способствующихъ поддержанію вниманія учениковъ въ классѣ").

Очевидно, что всѣ эти средства, повторяемыя неуклонно и постоянно, должны будутъ производить постоянно одинаковыя впечатлѣнія на учащихся, и эти впечатлѣнія, сдѣлавшись *привычными*, перейдутъ постепенно въ природу учениковъ, сдѣлаются присущими ихъ душѣ, какъ всегдашнія состоянія и способности. Другими словами: прежняя *сознательная* внимательность перейдетъ въ *безсознательную*, т. е. въ привычку, потому что привыкнуть къ чему нибудь значитъ—сознательное представленіе вещи превратитъ въ безсознательное. Такъ напр., кто еще *учится* читать, для того каждая отдѣльная буква есть сознательное представленіе, требующее для себя полнаго вниманія учащагося. А кто уже *умѣетъ* читать, для того единичныя буквы уже столь малыя представленія, что онъ уже не обращаетъ или по крайней мѣрѣ не имѣетъ нужды обращать на нихъ вниманіе. Такимъ образомъ умѣть читать есть привычка, исполняемая механически, безсознательно. (Куно Фишеръ, т. II,

стр. 299). Такая же привычка и умѣть слушать внимательно.

Средства усыпленія вниманія.

Совершенно обратныхъ результатовъ должно достигать преподаваніе учителя при обратномъ образѣ его дѣйствій, т. е. онъ можетъ забить привычку къ внимательности, если

1) приступая къ испытанію учениковъ въ заданномъ урокѣ, вызываетъ одного изъ нихъ, спрашиваетъ его тихо, не возвышая своего голоса и не приглашая къ тому отвѣчающаго, такъ что это испытаніе обращается какъ бы въ тайную исповѣдь или принимаетъ характеръ учебнаго tête—à—tête;

2) бесѣдуетъ съ ученикомъ долго, посвящая на то $^1/_4$, $^1/_3$, $^1/_2$, а иногда чуть не цѣлый урокъ и доводитъ отвѣчающаго до совершеннаго изнеможенія;

3) бесѣдуетъ съ ученикомъ такъ, какъ будто забываетъ, что передъ нимъ (учителемъ) сидитъ цѣлая масса пришедшихъ принять участіе въ классной работѣ;

4) обращаясь съ вопросомъ къ классу и называя по фамиліи того, кого хочетъ спросить, повторяетъ свой вопросъ, а когда вызванный затрудняется отвѣтомъ, переходитъ къ другому, третьему и т. д., опять повторяя каждому изъ нихъ тотъ же вопросъ. Понятно, что при такомъ порядкѣ ученики не имѣютъ никакого побужденія быть внимательными, не могутъ даже дойти до сознанія необходимости прислушаться къ тому, что говоритъ учитель, пока не сдѣлается прямое обращеніе къ кому—либо изъ нихъ.

Карательныя средства противъ невнимательности и смягчающія вину обстоятельства.

Въ помощь предупредительнымъ мѣрамъ служатъ мѣры *взысканія.* Онѣ впрочемъ не должны имѣть тотъ смыслъ, которымъ отличаются мѣры наказанія въ карательномъ правѣ. Тамъ онѣ опредѣляются не на основаніи цѣлесообразности или пользы, пріобрѣтаемой отъ наказанія преступникомъ, или другими, а просто составляютъ актъ справедливаго возмездія на основаніи формулы: „око за око, зубъ за

зубъ". Наказанія же педагогическія должны быть мѣрами цѣлесообразными, исправительными.

Къ такимъ цѣлесообразнымъ мѣрамъ противъ невнимательности учащихся могутъ принадлежать только такія, которыя прямо, непосредственно дѣйствуютъ на возбужденіе вниманія.

Если ученикъ безсознательно невнимателенъ, то *единственно* цѣлесообразная мѣра противъ его вины есть *замѣчаніе*, какъ напоминаніе ученику объ его обязанностяхъ. Замѣчаніемъ мы выводимъ ученика изъ безсознательной задумчивости и направляемъ на путь состоянія сознательнаго. Слѣдовательно эта мѣра взысканія вполнѣ разумна и умѣстна. Замѣчаніе должно быть *кроткимъ*, *мягкимъ*, *строгимъ* и т. д., не должно только переходить въ бранную форму, унижающую и учителя и ученика. Такъ какъ безсознательная невнимательность не есть *произвольный* актъ нашего духа, то всякія другія мѣры наказанія въ отношеніи къ ней были бы несправедливы и безполезны.

Если же ученикъ невнимателенъ *сознательно*, т. е. не только не слѣдитъ, но и не желаетъ слѣдить за ходомъ класснаго обученія, тогда, въ помощь предупредительнымъ мѣрамъ, должны служить слѣдующія мѣры наказанія: 1) *выговоръ*, какъ выраженіе недовольства учителя ученикомъ. Если послѣдній дорожитъ хорошимъ о себѣ мнѣніемъ учителя, то упомянутая мѣра произведетъ свое надлежащее дѣйствіе; 2) *дурная отмѣтка* въ графѣ, гдѣ отмѣчаются успѣхи. Если отсутствіе прилежанія и происходящее отсюда отсутствіе знанія отмѣчается слабымъ балломъ, то и отсутствіе вниманія и истекающее отсюда незнаніе того, что объясняется въ классѣ, подлежитъ такой же отмѣткѣ: лѣность и невнимательность ведутъ всегда къ одинаковому слѣдствію, именно: къ несовершенству пониманія и пробѣламъ въ знаніяхъ. Значитъ, дурная омѣтка въ графѣ успѣховъ за сознательное невниманіе есть мѣра вполнѣ разумная и цѣлесообразная. Она на столько же дѣйствительна, на сколько дѣйствительно выставленіе дурной отмѣтки ученику за его неудовлетворительный отвѣтъ. Всѣ другія мѣры наказанія за невнимательность не будутъ уже цѣлесообразны. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда вышеуказанныя мѣры окажутся недѣйствительными и ученикъ по прежнему останется сознательно-невнимательнымъ, напр. будетъ продолжать

читать въ классѣ какую-либо книгу, рисовать и проч., вопреки запрещеніямъ учителя, тамъ наказаніе должно быть назначено уже не за невниманіе, а за *ослушаніе*.

Смерть кого-либо изъ близкихъ родственниковъ ученика, или другое семейное несчастіе должны, по совершенно понятной причинѣ, разъяснять которую не чего, служить *смягчающими* вину невниманія обстоятельствами.

Я кончилъ работу, возложенную на меня соединеннымъ совѣтомъ и ею доказалъ, что обсужденіе вопроса о мѣрахъ взысканія за проступки учащихся, по предложенному мною плану, есть дѣло возможное и удобоисполнимое. Сравнивая теперь заключенія, къ которымъ я пришелъ въ своемъ настоящемъ трудѣ, съ заключеніями большинства членовъ соединеннаго совѣта въ вопросѣ о *невнимательности* учащихся, мы легко усмотримъ слѣдующее: совѣтъ 1) упустилъ изъ виду, что невнимательность учащихся къ преподаванію бываетъ двоякая: *безсознательная* и *сознательная*; 2) назначилъ за невнимательность вообще, кромѣ замѣчанія и выговора, еще *оставленіе безъ обѣда*. Послѣдняя же мѣра не раціональна и не цѣлесообразна, потому что между нею и невнимательностью учащихся нѣтъ никакой разумной, психической связи: невнимательность есть извѣстный актъ *духа*, а не *желудка*, на который оставленіе безъ обѣда только и можетъ имѣть вліяніе. 3) Совѣтъ обошелъ незаслуженнымъ молчаніемъ мѣры предупредительныя, *которыя только и могутъ вліять вполнѣ дѣйствительно* на устраненіе такого вреднаго явленія, какъ невнимательность учащихся къ дѣлу обученія. Если бы по такому же плану мы разобрали какъ остальные проступки, такъ и мѣры взысканія за нихъ, опредѣленныя совѣтомъ, то въ большинствѣ случаевъ намъ пришлось бы откинуть послѣднія, какъ мѣры грубо—эмпирическія и нецѣлесообразныя. Ужели нужно думать, что эта задача другого времени, болѣе чреватаго педагогическими успѣхами?"

По прочтеніи мнѣнія г. Ленстрема, были высказаны слѣдующія замѣчанія.

Г. Красинъ заявилъ, что онъ не находитъ отношенія между планомъ, составленнымъ г. Ленстремомъ, и настоящимъ выполненіемъ его. Въ настоящемъ мнѣніи представлена характеристика одного изъ проявленій невниманія, а не характеристика проступка. Кромѣ того не обращено

вниманія на то, что авторъ имѣетъ дѣло съ дѣтьми, у которыхъ невнимательность зависитъ совершенно отъ другихъ причинъ, нежели у взрослыхъ. На это г. Ленстремъ возразилъ 1) что между представленнымъ имъ планомъ и выполненіемъ послѣдняго въ разсужденіи о невнимательности учащихся существуетъ полное соотвѣтствіе, 2) что въ своемъ упомянутомъ разсужденіи онъ представилъ характеристику цѣлаго проступка, а не одного изъ его „проявленій“, какъ утверждаетъ г. Красинъ. На разницу же *причинъ* невнимательности взрослыхъ и невнимательности дѣтей онъ, г. Ленстремъ, не обратилъ вниманія потому, что причина невнимательности тѣхъ и другихъ всего только одна: *сознательное или безсознательное увлеченіе духа какимъ либо объектомъ, отличнымъ отъ того, на которомъ хотятъ остановить дѣятельность этого духа.* Правда, духъ взрослаго можетъ увлекаться другимъ объектомъ, чѣмъ духъ дѣтей; но смѣшивать, въ данномъ случаѣ, объекты съ причинами тоже самое, что сказать: *причинъ* невнимательности столько же, сколько *объектовъ* въ видимомъ и невидимомъ мірѣ.

Директоръ второй гимназіи О. А. Имшеникъ высказалъ, что не справедливо, если ученикъ невнимателенъ, ставить ему отмѣтку въ графѣ за незнаніе, такъ какъ онъ можетъ хорошо знать свой урокъ.

Г. Ленстремъ не согласился съ этимъ по причинамъ, изложеннымъ въ его разсужденіи.

Г. Ауновскій высказалъ слѣдующее: „мнѣніе г. Ленстрема поднимаетъ вопросъ, до сихъ поръ еще почти не тронутый нами. Я совершенно согласенъ съ руководящей идеей этого мнѣнія, — что предупрежденіе проступковъ и анализъ мѣръ взысканія за совершеніе проступковъ необходимы; но не согласенъ съ постановкой вопроса преимущественно на теоретическую почву, въ сферу отвлеченности. Каждый проступокъ тѣсно связанъ съ личностью ученика, съ строемъ заведенія, съ личностями руководителей, съ семейной средой, — и потому взяться кому-либо одному изъ насъ за опредѣленіе проступка и причинъ его едвали возможно, и тѣмъ болѣе не возможно, что у насъ не заготовлено къ тому матеріяла: кондуиты довольно сухи, дневниковъ не существуетъ, протоколы совѣтовъ заключаютъ только рубрики программъ, очерки методовъ; о пріемахъ изло-

женія почти не говорится, и потому не извѣстно, на сколько преподаваніе различныхъ предметовъ принаровлено къ степени пониманія учащихся. Нахожу необходимымъ оговориться что я вовсе не отвергаю теоретическаго, научнаго обсужденія каждаго проступка, не отрицаю пользованія мнѣніями по этой части представителей педагогики, потому что мы должны учиться изъ книгъ. Но, по моему мнѣнію, было бы столько же полезно каждый совершившійся проступокъ изслѣдовать по горячимъ слѣдамъ, въ тѣсной связи съ мѣстной обстановкой его, въ которой кроются побудительныя причины къ нему, и при дружномъ, всестороннемъ обсужденіи всѣхъ членовъ учебной корпораціи. Опытъ же и наблюденіе есть надежнѣйшее средство къ выработкѣ возможно однообразныхъ воспитательныхъ и учебныхъ мѣръ, вполнѣ сознанныхъ нами и необходимыхъ въ каждомъ учебномъ заведеніи. Чрезъ нихъ же невольно должна выработаться солидарность между членами, которая есть самое лучшее предупредительное средство противъ проступковъ.“

Г. Ленстремъ отвѣчалъ на это слѣдующимъ образомъ:

„Вы не отвергаете моего мнѣнія о необходимости теоретическаго, научнаго обсужденія проступковъ учащихся; я не отрицаю вашего мнѣнія о необходимости изслѣдованія, путемъ опытнаго наблюденія, каждаго совершившагося проступка по горячимъ слѣдамъ, въ связи съ мѣстной его обстановкой. Мы расходимся въ одномъ: вы утверждаете, что у насъ не заготовлено *матеріала* для теоретическаго обсужденія проступковъ, что сперва нужно собрать этотъ матеріалъ; я же нахожу необходимымъ, пользуясь матеріаломъ, (довольно значительнымъ, замѣчу въ скобкахъ), который у насъ уже есть,—*теперь же* приступить къ его разработкѣ, а самый трудъ, какъ плодъ этой разработки, издать въ свѣтѣ. Этотъ трудъ, конечно, будетъ далеко не совершенный; но когда онъ будетъ у всѣхъ учителей въ рукахъ, тогда останется только провѣрять, исправлять и дополнять его наблюденіями и новыми фактами, тогда будетъ осязательно-понятно, какія *новыя* наблюденія необходимо собирать, куда ихъ относить и какъ на нихъ смотрѣть. Тогда вопросъ о проступкахъ учащихся будетъ поставленъ серьезно и на твердую почву и онъ перестанетъ быть вопросомъ далекаго будущаго. Если же отложить теоретическое обсужденіе проступковъ до того времени, когда будутъ собраны всѣ не-

обходимые къ тому матеріалы, теперь будто-бы не имѣющіеся въ наличности, тогда, думается мнѣ, собраніе матеріаловъ останется въ одномъ проектѣ, а вопросъ о проступкахъ по прежнему *вопросомъ*, къ разрѣшенію котораго нельзя будетъ никакъ приступить, потому что педагоги все будутъ *собирать* необходимые для того факты".

На мнѣніе г. Ленстрема со стороны г. Ауновскаго воспослѣдовало слѣдующее возраженіе.

„Изъ высказаннаго мною мнѣнія не вытекаетъ выведенное вами заключеніе, *что будто-бы* я забочусь только о собираніи *сырато матеріала и откладываю теоретическое обсужденіе его до далекаго будущаго*. Если я предлагаю каждый проступокъ изслѣдовать всесторонне, дознанное группировать, формулировать, подробно заносить въ протоколъ и класть въ основаніе для дальнѣйшихъ изслѣдованій, то это едва ли равносильно простому набору матеріала. Да не то же ли самое и вы проектируете? Дѣйствительно, трудъ вашъ въ этомъ родѣ, какъ и каждаго изъ насъ, вы считаете несовершеннымъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться; но въ тоже время находите его не маловажнымъ пособіемъ къ дальнѣйшему, болѣе полному, серьезному обсужденію вопроса о проступкахъ, хорошимъ указаніемъ на то, что было опущено изъ вниманія или ошибочно понято, что, въ свою очередь, можетъ служить матеріаломъ къ новымъ изслѣдованіямъ и т. д. Сходство, какъ видно, весьма большое; различіе только въ томъ, что вы рѣшаете вопросъ теоретичнѣе и общѣе; который путь надежнѣе и скорѣе приведетъ къ желаемой цѣли,—укажетъ опытъ и время. Что же касается сдѣланнаго вами упрека за указанный мною недостатокъ данныхъ для анализа проступковъ, то замѣчу, что подъ ними я собственно разумѣю не существующій обильный источникъ грубаго, сыраго матеріала, за разработку котораго я и самъ ратую, а именно недостатокъ въ бывшей разработкѣ его".

Правила о взысканіяхъ, составленныя такимъ образомъ, примѣнялись во 2-й Казанской гимназіи вплоть до сентября 1874 года, когда начали дѣйствовать правила, утвержденныя Министромъ Народнаго Просвѣщенія 4-го мая того же года. Эти послѣднія правила (согласно объяснительной запискѣ, приложенной къ нимъ) на соединенномъ совѣтѣ

трехъ Казанскихъ гимназій нѣсколько сокращены и приняты въ слѣдующемъ видѣ:

1. Общее положеніе.

§ 1. Взысканія имѣютъ цѣлію главнѣйше нравственное исправленіе учениковъ. Назначеніе взысканій совершенно зависитъ отъ педагогическихъ соображеній начальника учебнаго заведенія и прочихъ наставниковъ юношества, обучающагося въ томъ заведеніи.

2. Роды взысканій.

§ 2. Взысканія могутъ быть нижеслѣдующія:

1. Выговоръ преподавателя наединѣ.
2. Выговоръ преподавателя передъ цѣлымъ классомъ.
3. Выговоръ преподавателя съ угрозою дальнѣйшихъ взысканій.
4. Стояніе ученика на мѣстѣ, болѣе или менѣе продолжительное, во время урока, за скамьею или у скамьи, и стояніе его у двери.
5. Одиночное сидѣніе въ классѣ на какой-либо скамьѣ въ продолженіе нѣсколькихъ уроковъ.
6. Сообщеніе о проступкѣ или неисправимости ученика классному наставнику, что влечетъ за собою, смотря по мѣрѣ вины, или выговоръ класснаго наставника наединѣ, или же выговоръ передъ цѣлымъ классомъ,—въ послѣднемъ случаѣ со внесеніемъ въ штрафной журналъ.
7. Оставленіе въ гимназіи или прогимназіи не болѣе какъ на одинъ часъ по окончаніи уроковъ, съ сообщеніемъ о томъ инспектору, безъ внесенія или и со внесеніемъ въ штрафной журналъ, но во всякомъ случаѣ съ занесеніемъ этого случая въ тетрадь для записыванія уроковъ или съ оповѣщеніемъ о томъ родителей въ тотъ же день какимъ-либо инымъ способомъ.

Примѣчаніе. Оставляемые въ заведеніи по окончаніи уроковъ ученики состоятъ подъ надлежащимъ надзоромъ и должны исполнить въ этотъ часъ посильную работу, которая назначается преподавателемъ по соглашенію съ класснымъ наставникомъ или инспекторомъ и состоитъ

или въ ученіи наизусть, или въ приготовленіи неприготовленнаго урока, или въ письменной работѣ. Не исполнившіе, какъ слѣдуетъ, заданной имъ работы въ назначенный часъ, оставляются въ заведеніи для исполненія ея въ слѣдующій за тѣмъ день; не исполнившіе и въ этотъ день заданной имъ работы наказываются уже какъ за ослушаніе или упорство.

8. За неоднократно обнаруженныя нерадѣніе, лѣность и вообще легкомысленное отношеніе къ ученью, особенно же при незнаніи двухъ уроковъ въ одинъ день или же при неисполненіи письменной работы по одному изъ нихъ и незнаніи другаго, назначаются особыя занятія на домъ, для пополненія упущеній, на праздничные и воскресные дни, съ сообщеніемъ о томъ родителямъ, собственно въ видахъ наблюденія съ ихъ стороны за исполненіемъ этихъ работъ.

9. При совершенномъ неисполненіи или худомъ исполненіи дома означенныхъ въ п. 8-мъ работъ, или при продолжающейся, не смотря на означенныя выше мѣры, лѣности и нерадивости, виновные задерживаются въ гимназіи или прогимназіи въ продолженіе одного и даже нѣсколькихъ воскресныхъ или праздничныхъ дней на время не болѣе трехъ часовъ каждый разъ, съ обязанностью повторить и усвоить себѣ тѣ части какого-либо предмета, въ которыхъ они особенно слабы, или исполнить какія либо письменныя и другія работы по предмету, въ которомъ они оказались наиболѣе нерадивыми.

10. Въ случаѣ безуспѣшности мѣръ, принимавшихся преподавателемъ и затѣмъ классным наставникомъ, и въ иныхъ отдѣльныхъ болѣе важныхъ случаяхъ,—выговоръ инспектора наединѣ, со внесеніемъ въ штрафной журналъ, или выговоръ инспектора передъ цѣлымъ классомъ со внесеніемъ въ штрафной журналъ и съ оповѣщеніемъ родителей.

11. Отдѣленіе на время отъ общества товарищей, какъ въ классное, такъ и въ рекреаціонное время, съ назначеніемъ особаго мѣста въ классѣ и въ коридорѣ, преимущественно за неуживчивость и поступки, не дѣлающіе чести классу, со внесеніемъ въ штравной журналъ, но безъ лишенія свободы.

12. Заключеніе въ карцеръ на время отъ 1-го до 4-хъ часовъ въ учебные дни, съ назначеніемъ работы, преимуще-

ственно письменной, а также по части рисованія и черченія, географическихъ картъ, или въ видахъ усиленія наказанія, безъ всякой работы, но во всякомъ случаѣ подъ неослабнымъ наблюденіемъ благонадежнаго служителя.

13. Выговоръ наединѣ директора, сопровождающійся внесеніемъ въ штрафной журналъ и оповѣщеніемъ родителей, и выговоръ директора передъ цѣлымъ классомъ, влекущій за собою, сверхъ того, пониженіе отмѣтки за поведеніе въ срочныхъ вѣдомостяхъ.

14. Заключеніе въ карцеръ на время свыше 4-хъ часовъ и не болѣе 8-ми часовъ, съ содержаніемъ за это время на черномъ хлѣбѣ и водѣ и съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ п. 12.

15. Заключеніе въ карцеръ на время свыше 8-ми часовъ и не болѣе какъ на сутки съ содержаніемъ на черномъ хлѣбѣ и на водѣ какъ въ учебные дни, такъ и въ воскресные и праздничные, съ соблюденіемъ правилъ, обозначенныхъ выше въ п. 12, и съ тѣмъ, чтобы въ ночное время благонадежный служитель безотлучно находился при заключенномъ, при чемъ служителю вмѣняется въ обязанность вообще не вступать ни въ какіе съ нимъ разговоры.

Примѣчаніе. Въ случаѣ заключенія ученика въ карцеръ на время свыше 2-хъ часовъ по окончаніи уроковъ, родители его немедленно о томъ увѣдомляются.

16. Выговоръ отъ имени педагогическаго совѣта: а) передъ цѣлымъ классомъ съ пониженіемъ отмѣтки за поведеніе въ четвертной вѣдомости и съ лишеніемъ на слѣдующее полугодіе права на освобожденіе отъ платы, или на полученіе стипендіи или пособія, и б) передъ цѣлою гимназіей съ предвареніемъ родителей о томъ, что если они не примутъ съ своей стороны самыхъ энергическихъ мѣръ къ исправленію ученика, то, въ случаѣ дальнѣйшаго его неисправленія, педагогическій совѣтъ прибѣгнетъ къ увольненію его изъ учебнаго заведенія.

Примѣчанія: 1-е. Внесеніе въ штрафной журналъ кого-либо изъ учениковъ влечетъ за собою возможность пониженія отмѣтки за поведеніе въ ближайшей срочной вѣдомости. Заключеніе въ карцеръ непремѣнно вносится и въ штрафной журналъ.

2-е Въ штрафномъ журналѣ противъ имени оштрафованнаго ученика излагается проступокъ, за который онъ записанъ, и другое взысканіе, которому онъ за него подвергся.

17. Удаленіе изъ гимназіи или прогимназіи, но съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія въ томъ же городѣ.

18. Удаленіе изъ гимназіи безъ права поступленія въ учебныя заведенія того же города.

19. Исключеніе изъ гимназіи или прогимназіи съ оповѣщеніемъ о томъ всѣхъ учебныхъ начальствъ и съ лишеніемъ права поступить въ какое-либо учебное заведеніе.

§ 3. Особыя взысканія съ полупансіонеровъ и съ пансіонеровъ суть нижеслѣдующія:

1. Лишеніе за обѣдомъ послѣдняго блюда.

2. Стояніе за столомъ во время завтрака, обѣда или ужина.

3. Сидѣніе за особымъ столомъ отдѣльно отъ товарищей во время завтрака, обѣда или ужина съ лишеніемъ одной порціи или безъ онаго.

4. Оставленіе безъ завтрака, или ужина, или обѣда, съ замѣною ихъ чернымъ хлѣбомъ и водою.

5. Лишеніе отпуска въ воскресные или праздничные дни на нѣсколько часовъ или на цѣлый день и даже на нѣсколько воскресныхъ или праздничныхъ дней.

6. Удаленіе изъ пансіона на время.

7. Удаленіе изъ пансіона навсегда.

§ 4. Въ случаѣ совершенія какого-либо проступка, не совмѣстнаго съ честью учебнаго заведенія или особенно вреднаго, и очевиднаго сокрытія цѣлымъ классомъ виновнаго въ такомъ проступкѣ, не смотря на предварительныя увѣщанія даже самого начальника учебнаго заведенія, цѣлый классъ подвергается взысканію, по рѣшенію начальника гимназіи или прогимназіи, или по опредѣленію педагогическаго совѣта.

Взысканія, коимъ можетъ быть подвергнутъ цѣлый классъ, суть:

1. Выговоръ начальника заведенія со внесеніемъ всѣхъ учениковъ поименно въ штрафной журналъ.

2. Выговоръ отъ имени педагогическаго совѣта съ уменьшеніемъ всѣмъ ученикамъ класса отмѣтки за поведеніе въ ближайшей четвертной вѣдомости.

3. Выговоръ отъ имени педагогическаго совѣта съ немедленнымъ лишеніемъ всякаго рода отличій и преимуществъ, которыми пользовались ученики класса, въ томъ числѣ и права на освобожденіе кого-либо изъ класса въ ближайшее полугодіе или и въ цѣлый слѣдующій годъ отъ платы за ученіе, а также и на полученіе стипендій и пособій.

§ 5. Всѣ взысканія вносятся въ классный кондуитный журналъ, съ прописаніемъ вкратцѣ, противъ имени ученика, проступка и взысканія. Классный кондуитный журналъ служитъ для соображеній при оцѣнкѣ поведенія ученика и нравственнаго состоянія цѣлаго класса; отъ него отличается штрафной журналъ, внесеніе въ который имени какого-либо изъ учениковъ есть уже само по себѣ наказаніе и существенно вліяетъ на четвертныя отмѣтки за поведеніе.

3. О косвенныхъ мѣрахъ къ развитію въ ученикахъ нравственнаго и эстическаго чувства.

Мѣры этого рода прежде, если и были упот[е]бляемы, [1] то не были приведены въ стройную систему. Этотъ важный пробѣлъ восполненъ объяснительной запиской къ правиламъ для учениковъ гимназій и прогимназій и къ правиламъ о

---

[1] Такъ мы видѣли уже выше распоряженіе попечителя Молоствова о томъ, чтобы при чтеніи отрывковъ на классѣ словесности выбирались такіе, которые служили бы къ утвержденію въ юношествѣ благоговѣйныхъ мыслей къ Провидѣнію, вѣрноподданническихъ чувствъ къ Престолу и всему для русскаго родному. Затѣмъ попечители округа не однократно давали предписанія объ исключеніи изъ ученическихъ библіотекъ книгъ, могущихъ вредно повліять на умственную и нравственную сторону учащихся. Въ прошломъ учебномъ году, въ видахъ болѣе правильнаго наблюденія за чтеніемъ книгъ, совѣтъ 2-й Казанской гимназіи постановилъ ученическую библіотеку раздѣлить на восемь частей, по числу классовъ и библіотеку каждаго класса отдать въ завѣдываніе подлежащаго классного наставника.—Въ 1867 году введена общая молитва предъ началомъ ученья.

взысканіяхъ. Соединенный педагогическій совѣтъ 3-хъ Казанскихъ гимназій 28 сентября 1874 года по этой объяснительной запискѣ постановилъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Благоговѣя къ высокому идеалу нравственнаго совершенства, начертанному въ „запискѣ" и признавая своей обязанностію содѣйствовать воплощенію этого идеала въ ученикахъ указанными, посильно примѣняемыми мѣрами вообще, соединенный совѣтъ въ частности постановилъ:

1) Во исполненіе 10-го пункта, пріобрѣтать каждой гимназіи, по мѣрѣ возможности, предметы, означенные въ этомъ пунктѣ, какъ могущіе содѣйствовать развитію эстетическаго чувства въ ученикахъ. Расчитывая въ этомъ случаѣ особенно на преподавателей исторіи и древнихъ языковъ, совѣтъ возлагаетъ на сихъ послѣднихъ обязанность составленія списковъ означеннымъ предметамъ, каковые списки время отъ времени должны быть представляемы въ мѣстные совѣты гимназій, для обсужденія и надлежащаго по нимъ рѣшенія. 2). Въ исполненіе пункта 11-го, въ дни достопамятныхъ событій отечественной исторіи, приходящіеся въ учебную пору, разсказывать ученикамъ событія дня съ объясненіемъ историческаго ихъ значенія. Изъ такихъ дней совѣтъ въ настоящемъ засѣданіи признаетъ особенно важными слѣдующіе: взятіе Казани Іоанномъ IV-мъ 2-го октября, сверженіе ига монгольскаго 7-го ноября, присоединеніе Малороссіи 8 января, смерть Петра Великаго 28 января, избраніе Михаила Θеодоровича на царство 21 февраля, взятіе Парижа 19 марта, спасеніе жизни Государя Императора отъ покушенія 4-го апрѣля и рожденіе Петра Великаго 30-го мая. 3). Въ исполненіе 12-го пункта постановлено: каждый учебный день долженъ начинаться общею для всѣхъ молитвою, для чего всѣ ученики и во главѣ ихъ директоръ или инспекторъ, а также, по возможности, тѣ изъ учителей, уроки которыхъ приходятся на первый часъ, собираются въ залѣ и хоръ учениковъ, послѣ устнаго произнесенія однимъ изъ учениковъ: „Во имя Отца и Сына"... поетъ молитву: „Царю Небесный" или отъ Пасхи до Вознесенія—„Христосъ Воскресе", потомъ читается „Пресвятая Троице", поется „Отче нашъ", затѣмъ законоучитель, или, въ случаѣ его отсутствія, директоръ, инспекторъ, или кто-либо изъ преподавателей, по собственному желанію, чи-

таетъ нѣкоторое число стиховъ изъ Евангелія; далѣе одинъ изъ учениковъ читаетъ молитву предъ ученьемъ; въ заключеніе поется „Спаси, Господи, люди Твоя“. Въ числѣ средствъ къ развитію въ ученикахъ религіознаго чувства законоучитель второй гимназіи, протоіерей Бережковскій, указалъ на то, чтобы предъ каждымъ урокомъ Закона Божія прочитывались въ классѣ указанныя законоучителемъ мѣста изъ Священнаго Писанія, а директоръ 2-ой гимназіи на то, чтобы предъ церковными праздниками законоучителемъ разсказываемы были исторія и значеніе ихъ. На такое заявленіе г. предсѣдателя совѣта и члена его—протоіерея Бережковскаго совѣтъ выразилъ полное и единодушное согласіе“.

Первое изъ указанныхъ постановленій во второй гимназіи приводится въ исполненіе постепенно и по мѣрѣ возможности; два же послѣднія постоянно и неуклонно. Чтобы можно было видѣть, какъ выполняется второе постановленіе, мы приводимъ здѣсь рѣчь преподавателя Лозанова, произнесенную ученикамъ гимназіи 4-го апрѣля 1875 года.

„Четвертое апрѣля должно остаться незабвеннымъ днемъ для каждаго изъ насъ, для каждаго русскаго. Въ этотъ день въ 1866 году Провидѣніе спасло нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора отъ смертельной, угрожавшей Ему неожиданно для всѣхъ опасности. При выходѣ Его Императорскаго Величества изъ Лѣтняго сада нѣкто Каракозовъ нагло посягнулъ на Священную Особу обожаемаго всѣми Государя Императора, направляя въ Него выстрѣлъ изъ пистолета почти въ упоръ. Такимъ, безпримѣрнымъ въ нашей исторіи, злымъ умысломъ преступникъ дерзко попралъ глубоко—народное чувство благоговѣйной преданности къ Царю—Освободителю. Но тоже народное чувство явилось и недремлющимъ хранителемъ жизни любимаго Царя. Крестьянинъ Комиссаровъ, замѣтивъ умыселъ Каракозова, толкнулъ его въ руку, державшую пистолетъ. Къ общему ужасу раздался выстрѣлъ, но пуля пролетѣла, не причинивъ никому ни малѣйшаго вреда. Насколько унизителенъ и позоренъ для народнаго чувства злой умыселъ, настолько радостно и торжественно для каждаго чудесное спасеніе жизни нашего Государя.

Настоящее царствованіе принадлежитъ къ числу тѣхъ много-знаменательныхъ періодовъ въ жизни народа, которые составляютъ эпохи въ исторіи его. Многочисленныя, безпрерывно продолжающіяся преобразованія выводятъ русскій народъ на новый путь развитія; касаясь почти всѣхъ сторонъ его жизни, они служатъ началомъ новой исторіи Россіи.

Въ глазахъ народа Александръ II прежде всего Царь—Освободитель, даровавшій человѣческія и гражданскія права многимъ милліонамъ людей, считавшимся до того времени безправными, безгласной принадлежностью своихъ господъ. 19 Февраля 1861 года—одинъ изъ самыхъ торжественныхъ дней нашей исторіи, положившій конецъ рабству, навсегда уничтожившій въ нашемъ отечествѣ такъ называемое крѣпостное право, послѣ того какъ въ продолженіе многихъ вѣковъ оно коренилось въ жизни въ разныхъ видахъ. Много было совершено темныхъ дѣлъ, тяжелыхъ для воспоминанія, подъ охраной этого права; давно сознавала ь Правительствомъ и обществомъ тяжесть его для народа; много было дѣлано попытокъ ослабить или отмѣнить крѣпостное право. Но честь и слава дѣйствительнаго освобожденія крестьянъ всецѣло принадлежитъ державной волѣ нашего Монарха Александра II. Мы, современники этого факта, какъ и будущія поколѣнія, съ восторгомъ будемъ вспоминать драгоцѣнныя слова Высочайшаго Манифеста по случаю освобожденія крестьянъ: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, Православный народъ, и призови Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Но освобожденіе крестьянъ было только началомъ великаго дѣла освобожденія русскаго народа отъ многихъ тяготѣвшихъ надъ нимъ, порабощающихъ условій жизни. Реформы, слѣдовавшія за 1861 годомъ, бросали болѣе и болѣе свѣта на мрачныя стороны жизни. Знаменитая судебная реформа, задуманная и осуществленная на самыхъ широкихъ началахъ, стала приводиться въ исполненіе съ 1864 г. Неисчислимы благодѣянія этой реформы. Съ незапамятныхъ временъ, съ разныхъ сторонъ, въ различныхъ формахъ слышатся жалобы на несправедливость и притѣсненія властителей и судей, на взяточничество и потворство, на безконечныя проволочки въ судахъ. Давно Правительство не смотрѣло такъ прямо и рѣшительно на закоренѣлое зло, никогда

оно не достигало такого глубокаго пониманія основаній этого зла и никогда не брало на себя такого мудраго труда искоренить его. Въ нынѣшнее царствованіе данъ народу судъ „скорый, правый и милостивый, равный для всѣхъ", судъ гласный, совершающійся предъ глазами всѣхъ, интересующихся отправленіемъ правосудія, судъ въ которомъ рѣшителемъ судьбы является само общество, самъ народъ въ лицѣ своихъ представителей—присяжныхъ засѣдателей.

Дальнѣйшія преобразованія удерживаютъ тотъ же характеръ освободительныхъ. Земскія учрежденія и городовое положеніе призываютъ всѣ сословія къ совмѣстной равноправной дѣятельности на пользу народнаго хозяйства, здравія и образованія, сглаживая вѣковую сословную рознь. Всеобщая воинская повинность призываетъ всѣхъ и каждаго къ охраненію внутренняго и внѣшняго спокойствія страны; эта повинность, лежавшая тяжелымъ бременемъ на бѣднѣйшихъ классахъ общества, становится почетнымъ служеніемъ Отечеству.

Подъ охраной и вліяніемъ этихъ много-различныхъ реформъ, возникло, растетъ и развивается народное образованіе въ широкомъ смыслѣ слова, по иниціативѣ и при поддержкѣ Правительства, при дѣятельномъ участіи всего народа. Высшія и среднія учебныя заведенія получили болѣе широкое и цѣлесообразное устройство; нынѣшнему царствованію мы обязаны новымъ уставомъ университетовъ, гимназій (1864), измѣненнымъ и дополненнымъ въ 1871 г., и другихъ городскихъ школъ. Народное образованіе сельскихъ обществъ принимаетъ правильное движеніе только съ нынѣшняго царствованія, благодаря заботамъ Правительства о приготовленіи учителей для народныхъ школъ земству и городскимъ обществамъ, вызваннымъ новыми учрежденіями къ самодѣятельности.

Такъ юный еще по развитію русскій народъ выступаетъ на поприще истинной, самобытной цивилизаціи въ нынѣшнее знаменательное царствованіе.

Возблагодаримъ же Господа Бога за чудесное избавленіе нашего Монарха отъ угрожавшей Ему опасности".

Таковы мѣры, употреблявшіяся къ развитію и улучшенію нравственности учениковъ второй Казанской гимназіи въ теченіи 40 лѣтъ ея существованія. Какова же была

нравственность ихъ на самомъ дѣлѣ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ прежде всего представимъ нѣкоторыя данныя изъ имѣющагося при гимназіи кондуитнаго списка. Просмотрѣвъ кондуитный списокъ за 10 лѣтъ (съ 1863 по 1873 г. включительно), мы нашли, что преобладающіе проступки учениковъ суть: шалости, драки, лѣность, невнимательность. Болѣе грубые проступки—ложь, обманъ, неприличная брань, куреніе табаку, пѣніе въ отхожемъ мѣстѣ—встрѣчаются очень рѣдко. Разъ (въ 1871 г.) 15 учениковъ стучали ногами при выходѣ преподавателя изъ класса. Одинъ ученикъ (въ 1863 г.), не смотря на запрещеніе, дулъ на чучелу, такъ что мышьякъ летѣлъ на преподавателя. Одинъ ученикъ (въ 1865 г.) кидалъ во время урока мерзлыми яблоками; одинъ на улицѣ сшибъ съ ногъ пьянаго мужика. Представимъ полныя статистическія данныя изъ кондуитнаго списка за 1869—70 учебный годъ. Въ этомъ году въ кондуитный списокъ записано учениковъ:

а) I класса: 9 за шалости, 27 за лѣность и невнимательность, [1] 1 за неприличную выходку, доказывающую дурную нравственность, 7 за подсказыванье, 1 за драку, 3 за разговоръ во время урока, 1 за улыбку на замѣчаніе преподавателя, 1 за неуваженіе къ преподавателю, выраженное гримасой, 2 за шумъ въ классѣ во время урока, 1 за неумѣнье вести себя въ классѣ, 1 подговаривалъ товарищей бить одного ученика, 4 за неприличное поведеніе на улицѣ. Въ поясненіе къ этой и нижеслѣдующимъ выдержкамъ изъ кондуитнаго списка слѣдуетъ замѣтить, что часто одни и тѣ же ученики замѣчаемы были неоднократно или въ однихъ и тѣхъ же или же въ разныхъ проступкахъ, а фамиліи нѣкоторыхъ учениковъ класса совсѣмъ не были заносимы въ кондуитъ.

б) Учениковъ II класса: 15 за шалость, 10 за лѣность и невнимательность, 1 изорвалъ сюртукъ у товарища, 1 за обманъ, 4 за смѣхъ и разговоръ въ классѣ, 1 за выходку, показывающую дурную нравственность, 1 на улицѣ утащилъ

---

(1) Эти два проступка значатся въ спискѣ или вмѣстѣ, или отдѣльно.

пряникъ у торговца—татарина, 1 за драку, 1 за написаніе записки, приглашающей товарищей къ дракѣ, 1 за неприличную брань, 1 за шалость во время урока фосфорными спичками, 1 за опаздываніе на уроки, 1 за неисполненіе распоряженія начальства, 1 за дерзость.

в) Учениковъ III класса: 17 за шалость, 26 за лѣность и невнимательность, 1 за опаздываніе на уроки, 1 за куреніе табаку, 4 за дерзость, 8 за смѣхъ и разговоръ въ классѣ, 1 за пренебреженіе къ распоряженію преподавателя, выраженное улыбкой, 4 за драку, 1 за запирательство, 1 за безпорядокъ въ классѣ послѣ звонка, 1 за наученіе товарища обману, 1 за обманъ, 1 за самовольный уходъ изъ—подъ ареста, 1 во время урока кричалъ подъ партой разными голосами, 1 произвелъ безпорядокъ въ классѣ и ударилъ товарища, 1 выпачкалъ чернилами лицо товарищу, 1 за невѣжливость, 1 за дурное поведеніе въ классѣ.

г) Учениковъ IV-го класса: 7 за шалость, 3 за лѣность и невнимательность, 6 за драку, 5 за дерзость, 3 за опаздываніе на уроки, 1 за манкировку уроками, 1 не принесъ записки родителей о причинѣ неявки въ гимназію, 1 унесъ у товарища книгу и продержалъ ее у себя двѣ недѣли, 1 за ложь, 1 за обманъ, 1 за чтеніе во время урока посторонней книги, 2 за разговоръ во время урока.

д) Учениковъ V-го класса: 2 за шалость, 7 за лѣность и невнимательность, 4 за драку, 2 за обманъ (принесли записку о своей болѣзни отъ имени родителей, которую написали сами), 1 не принесъ свидѣтельства родителей о причинѣ неявки въ гимназію, 4 сговорились не отвѣчать урокъ, 1 мяукалъ кошкой во время роспуска учениковъ, 2 за неявку въ классъ безъ уважительной причины, 1 толкнулъ товарища, 1 мѣшалъ товарищу отвѣчать урокъ, стараясь его смѣшить и толкалъ въ бока, 1 за неприличное поведеніе во время урока, 1 за дерзость.

е) Учениковъ VI класса въ кондуитномъ спискѣ за 1869—70 учебн. годъ не значится ни одного (1).

---

(1) Ученики эти дѣйствительно были всѣ скромны, солидны и вообще отличались прекрасною нравственностью. 1869—70 годъ былъ

ж) Учениковъ VII класса: 1 цѣлый часъ прятался въ ретирадномъ мѣстѣ отъ урока математики, 1 за неприличное поведеніе во время урока, 1 не подалъ домашней письменной работы, разъ всѣ (28) ученики VII класса не подали письменныхъ работъ по нѣмецкому языку.

Изъ представленной выдержки изъ кондуитнаго списка по меньшей мѣрѣ можно видѣть то, какіе роды проступковъ обычны между учениками гимназіи.

Вообще же дисциплинарная сторона во второй Казанской гимназіи находилась всегда въ удовлетворительномъ состояніи.

Въ 1836 году директоръ и инспекторъ гимназіи доносили попечителю округа: „учащіеся во второй Казанской гимназіи всѣ вообще ведутъ себя хорошо; многіе изъ нихъ рѣзвы, какъ дѣти, но не замѣчено между ними шалостей, не свойственныхъ ихъ возрасту. Хотя есть дѣти различныхъ сословій, но предосудительные поступки имъ чужды; они всѣ предъ наставниками своими и начальствующими вѣжливы, откровенны и покорны; вообще усматривается въ нихъ отдухъ добродушія и покорность характера“. Затѣмъ въ отчетахъ за всѣ остальные годы постоянно свидѣтельствуется, что нравственность учениковъ второй Казанской гимназіи находится въ удовлетворительномъ состояніи. Высшая мѣра взысканія за предосудительные проступки, т. е. исключеніе изъ гимназіи, въ теченіе сорокалѣтняго періода ея существованія, была примѣнена только два раза: въ 1-й разъ въ 1851 году, когда пять учениковъ исключены были за неприличное поведеніе на общественномъ гуляньѣ (Черномъ Озерѣ), да и это исключеніе было временное,—послѣ исправленія и раскаянія они были опять приняты въ гимназію,—второй разъ въ 1854 году, когда былъ исключенъ за дурное поведеніе одинъ ученикъ (2-го класса), впрочемъ заявившій себя съ дурной стороны первоначально въ другомъ заведеніи, изъ котораго онъ былъ взятъ по прошенію и помѣщенъ во 2-ю Казанскую гимназію. Въ имѣющемся при

первымъ годомъ моей службы въ гимназіи. И до сихъ поръ у меня осталось самое пріятное воспоминаніе о тогдашнихъ ученикахъ VI класса.

Составитель.

гимназіи кондуитномъ спискѣ значится (какъ это видно и изъ представленной выше выдержки) не мало учениковъ, такъ какъ воспитатели этого заведенія за проступками учащихся всегда слѣдили строго. Но эти проступки таковы что обыкновенно не свидѣтельствуютъ объ испорченности дѣтей, которыя ихъ совершали. Въ замѣнъ этихъ немногочисленныхъ уклоненій съ пути долга и благоповеденія, — въ замѣнъ этихъ немногихъ черныхъ пятенъ, — говорю я, воспитанники второй гимназіи не рѣдко обнаруживали проявленія высокой честности и благородства. Такъ 9 ноября 1842 года г. Министръ Народнаго Просвѣщенія приказалъ объявить признательность 6-ти ученикамъ второй Казанской гимназіи за отличное самоотверженіе и труды, оказанные ими ко спасенію зданій и имущества учебнаго вѣдомства во время бывшихъ въ Казани въ августѣ мѣсяцѣ пожаровъ. 10 января 1843 года воспитанники второй гимназіи, съ разрѣшенія попечителя округа, дали спектакль въ пользу бѣдныхъ жителей г. Казани; плата за входъ была предоставлена чувству благотворенія посѣтителей; расходы по представленію они приняли на свой счетъ; сборъ въ 627 р. 41 коп. отосланъ чрезъ попечителя въ Высочайше утвержденный Комитетъ о пособіи пострадавшимъ отъ пожара г. Казани для раздачи вспомоществованія лицамъ, истинно того требующимъ. 5 апрѣля 1866 года по случаю покушенія на жизнь Государя Императора воспитанники второй Казанской гимназіи съ негодованіемъ и омерзеніемъ отнеслись къ злодѣю, съ чувствомъ дѣтскаго умиленія отслушали благодарственный молебенъ за спасеніе драгоцѣнной для Отечества жизни Государя и, въ порывѣ вѣрноподданническаго чувства, въ память чудеснаго событія, на собранныя по подпискѣ деньги поставили въ одной изъ залъ гимназіи образъ Св. Александра Невскаго. Далѣе, за время происходившихъ въ послѣдніе годы безпорядковъ въ нѣкоторыхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній мы не знаемъ ни одного случая, чтобы въ нихъ замѣшаны были бывшіе воспитанники второй гимназіи. Конечно, за дальнѣйшее поведеніе своихъ бывшихъ воспитанниковъ гимназія не можетъ и не должна нести отвѣтственности. Но все-таки очень понятно то чувство неизъяснимаго удовольствія, которое овладѣваетъ начальствомъ и воспита-

телями второй гимназіи при мысли, что начала долга и доброй нравственности такъ крѣпко и глубоко вкореняются въ ихъ воспитанниковъ, что ихъ не могутъ подавить и искоренить никакія послѣдующія вліянія. Въ 1875 году воспитанники второй Казанской гимназіи, вызванные къ тому предложеніемъ Г. попечителя округа, съ чувствомъ состраданія отнеслись къ несчастнымъ погорѣльцамъ города Моршанска, сдѣлавъ въ пользу ихъ каждый посильное пожертвованіе.

III. ЧАСТЬ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ.

1) Помѣщеніе.

Такъ какъ для помѣщенія гимназіи, по недостатку средствъ, первоначально не было приготовлено казеннаго зданія, то на первый разъ нанятъ былъ домъ Лобачевскаго, на Проломной улицѣ близъ церкви Богоявленія Господня. Только 9-го сентября 1838 г. купленъ былъ на Булакѣ каменный трехъ-этажный домъ съ антресолями, съ деревяннымъ при немъ флигелемъ, каретникомъ, погребомъ и мѣстомъ у г. Киселева за 6857 руб. 14¼ коп. сер. Съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ 1839 году на поправку дома употреблено было 5307 руб. 13¾ коп. Во время бывшаго въ Казани пожара, съ 13 на 14 марта 1842 года, сгорѣлъ гимназическій флигель, службы, заборъ и проч.; остался только главный корпусъ. Въ томъ же году на поправку гимназіи употреблено 383 руб. 65¼ коп. Въ 1845 г. купецъ Блохинъ сдѣлалъ безвозмездно разныхъ поправокъ на 766 руб. 23 коп. Въ 184 7году былъ отстроенъ каменный двухъ-этажный домъ съ антресолями и подвалами (вмѣсто сгорѣвшаго деревяннаго флигеля), каменный въ два этажа шатеръ надъ колодцемъ, каменныя одно-этажныя службы, каменный брандмауеръ, всего на сумму 18913 р. 96¾ коп. Въ 1849 году сдѣланы нѣкоторыя поправки въ самомъ домѣ и барьеръ противу гимназическаго зданія, по берегу Булака за 84 руб. 89¼ коп. Въ то же время крестьянинъ графини Зубовой Титъ Самородиновъ безвозмездно сдѣлалъ каменный тротуаръ около гимназическаго зданія и деревянный заборъ къ сторонѣ Булака на сумму 199 руб. 99 коп. Въ 1850 году на ремонтъ употреблено 678 руб. 81¾ коп., въ 1851 году—200 руб. Въ 1852 году тотъ же крестьянинъ Самородиновъ опять безвозмездно сдѣлалъ поправокъ на 297 руб. 73¼ коп. Въ 1853 г. на ремонтъ

издержано 145 руб.; въ 1855 году 702 руб. 69½ коп.; въ 1856 г.—359 р. 50 коп.; въ 1857 г.—554 руб.; въ 1858 г.—2018 руб.; въ 1859 г.—61 рубль 98 коп.; въ 1860 г.—43 рубля. Въ 1861 годо произведена окраска половъ, рамъ, стѣнъ и исправлены печи, полы и штукатурка, всего на 1325 руб. 65 коп.; въ 1862 году произведено поправокъ на 77 руб. 76 коп., въ 1863 г.—на 910 руб., въ 1864 г. на 219 руб. 2 коп., въ 1865 г. на 81 руб., въ 1866 г. на 182 р. 90 коп., въ 1867 г на 533 руб. 18 коп. Въ 1868 году на пристройки и поправки употреблено 3319 руб., а въ 1869 году—2780 рублей.

Въ отчетахъ настоящаго директора постоянно было заявляемо о неудобствахъ и тѣснотѣ зданій, занимаемыхъ второю гимназіею, и было даже сдѣлано предположеніе о пристройкѣ къ главному корпусу. Его Превосходительство г. попечитель округа, желая удостовѣриться вполнѣ, устранитъ ли эти неудобства предполагаемая пристройка, поручилъ въ 1865 году окружному архитектору со всею подробностію и внимательностію осмотрѣть главный гимназическій корпусъ, размѣры котораго предполагалось увеличить. При осмотрѣ оказалось, что на наружныхъ стѣнахъ и надъ оконными перемычками находятся небольшія трещины, на всей штукатуркѣ-неровности, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она отвалилась, кирпичъ выкрошился, одинъ уголъ карниза выдвинулся впередъ и часть стѣнъ между верхними и нижними окнами выдалась въ видѣ кривой поверхности; при ударѣ ломомъ въ стѣну издается глухой звукъ, что служитъ доказательствомъ, что онѣ выпучились. При отбивкѣ штукатурки въ разныхъ мѣстахъ найдено, что кирпичъ обсыпается въ видѣ порошка, швы между рядами очень толсты, кладка неправильна, наметы штукатурные доходятъ до вершка; перемычки надъ окнами нижняго этажа тонки — въ одинъ кирпичъ; при отбивкѣ стѣнъ въ перемычкахъ связей не оказалось, кладка на цоколѣ, высотою на 1 аршинъ отъ земли, отстала на одинъ кирпичъ и при ударѣ ломомъ стѣны очень легко разбиваются, въ особенности внизу, ближе къ основанію. При отбивкѣ штукатурки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ видны трещины, оказываются такія же трещины и въ стѣнахъ на кирпичѣ. Хотя трещины не увеличиваются, но вообще стѣны очень слабы, и, если зданіе на видъ не представляется разрушающимся, то это надобно отнести къ осо-

бенной заботливости директоровъ гимназіи, которые своевременно производили необходимыя исправленія. Зданіе это, какъ извѣстно, въ большой разливъ потоплялось водою нѣсколько разъ; хотя въ настоящее время приняты всѣ мѣры для предупрежденія вредныхъ послѣдствій разлива—устроена отводная канава и возвышенъ тротуаръ со стороны Булака,—но полагать надобно, что въ прежніе годы вода значительно ослабила основаніе зданія. При осуществленіи предполагаемой пристройки придется разламывать нѣсколько поперечныхъ стѣнъ и выводить арки. Кромѣ того, постройка, по проектированной смѣтѣ, обойдется до 40-т. руб., а удобствъ помѣщенія, какія возможны при постройкѣ новаго зданія, она все—таки далеко не представляетъ.

Принимая все это во вниманіе г. попечитель округа П. Д. Шестаковъ пришелъ къ заключенію, что выгоднѣе было бы зданія, принадлежащія 2-й Казанской гимназіи, продать, а для помѣщенія этого заведенія построить новое зданіе, которое, по приблизительному расчету архитектора, стоило бы не дороже 60-т. р. Настоящія зданія гимназіи находятся на торговомъ мѣстѣ, а потому предвидится возможность ихъ продать не менѣе какъ за 20-т. руб. и, слѣдовательно, на постройку новаго дома потребуется дополнительныхъ суммъ тоже 40 т. руб. какъ и на предполагаемую пристройку къ старому зданію. Въ виду уменьшенія расходовъ на постройку новаго дома, директоръ гимназіи О. А. Имшеникъ сдѣлалъ такого рода предположеніе, чтобы, по окончаніи постройки новаго зданія, существующіе нынѣ дома, гдѣ помѣщается 2-я гимназія, уступить городу для помѣщенія Маріинскаго женскаго училища, на квартиру котораго городъ отпускалъ ежегодно 1000 рублей. Такимъ образомъ въ теченіе 20-ти лѣтъ, считая стоимость этихъ домовъ въ 20 т. руб., пополнилась бы треть суммы, потребной на сооруженіе новаго зданія для гимназіи. При этомъ г. Имшеникъ выразилъ надежду, что городъ уступитъ безмездно принадлежащее ему пустопорожнее мѣсто въ Лядской улицѣ для постройки предполагаемаго зданія или другое гдѣ—либо ближе къ центру города.

Къ этому г. попечитель округа счелъ нелишнимъ прибавить, что изъ остальныхъ $^2/_3$ суммы, требующейся на постройку новаго зданія для гимназіи $^1/_3$ могла бы быть уплачена постепенно изъ спеціальныхъ средствъ этого заведенія, и,

кромѣ того, самую постройку можно было бы разсрочить на три года. При условіи осуществленія означенныхъ предположеній, казна затратила бы безвозвратно только 20 т. р., а 40 т. руб. были бы выданы ею въ видѣ временной ссуды и чрезъ 20 лѣтъ могли бы быть возвращены.

Въ 1868 году директоръ гимназіи Имшеникъ снова доносилъ г. попечителю округа о крайней тѣснотѣ помѣщенія гимназіи. Вслѣдствіе этой тѣсноты встрѣчалась постоянная необходимость отказывать въ просьбахъ многимъ лицамъ, желавшимъ помѣстить своихъ дѣтей во 2-ю Казанскую гимназію. Не имѣя надежды, чтобы государственное казначейство отпустило сумму на постройку новаго зданія, г. директоръ предположилъ обратиться къ губернскому земскому собранію и просить его принять на свои средства постройку дома для второй гимназіи. Для достиженія этой цѣли г. Имшеникъ предполагалъ въ заявленіи своемъ предложить земству принять въ свое вѣдѣніе всѣ строенія, занимаемыя нынѣ гимназіею, а въ замѣнъ ихъ выстроить на удобномъ мѣстѣ (въ Лядской улицѣ, противъ дома Крупеникова) новое помѣщеніе для гимназіи, примѣненное во всѣхъ отношеніяхъ къ этому учебному заведенію. Но чтобы Казанское земское собраніе могло видѣть, какое зданіе слѣдуетъ построить и во что оно обойдется, директоръ полагалъ приложить къ своему заявленію земству планъ и примѣрную смѣту стоимости его.

Вслѣдствіе этого г. попечитель округа, представивъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія въ ноябрѣ того же года составленный архитекторомъ проектъ для постройки зданія 2-ой гимназіи и смѣту, присовокупилъ, что, хотя на всю постройку исчислено около 83 т. руб., но постройка собственно зданій обойдется не болѣе какъ въ 75 т. руб., что къ этой суммѣ прибавлено 10% на пріобрѣтеніе мѣста, такъ какъ, по мнѣнію архитектора, городъ едва ли уступитъ мѣсто, на которомъ предположено г. директоромъ сдѣлать постройку.

Вслѣдъ за этимъ Тайный Совѣтникъ Шестаковъ сообщилъ г. директору, что вслѣдствіе представленія его, Г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, письмомъ отъ 9 ноября за № 8956, увѣдомилъ, что къ обмѣну зданія Казанской 2-ой гимназіи на другой домъ, болѣе соотвѣтствующій нынѣшнимъ нуждамъ гимназіи, со стороны его,

Г. Товарища Министра, препятствій не встрѣчается. Но такъ какъ теперешній гимназическій домъ купленъ и перестроенъ на отпущенную изъ государственнаго казначейства строительную сумму и стоилъ до 43 т. руб., то обмѣнъ онаго можетъ быть сдѣланъ подъ тѣмъ условіемъ, что новый домъ поступитъ въ собственность гимназіи, или же, что старый домъ будетъ уступленъ, а новый пріобрѣтенъ на правѣ безсрочнаго пользованія. Искренне желая, чтобы Казанское губернское земское собраніе приняло предполагаемое г. директоромъ предложеніе, Г. Товарищъ Министра затрудняется однако дать оффиціальное разрѣшеніе на заявленіе такого предложенія, успѣхъ котораго пока еще сомнителенъ. По сему Г. Товарищъ Министра полагаетъ болѣе удобнымъ, чтобы упомянутое предложеніе заявлено было собранію или частно г. директоромъ, или чрезъ посредство тѣхъ членовъ собранія, которые одобрятъ это предположеніе.

На основаніи этого въ декабрѣ 1868 года директоръ Имшеникъ черезъ гласнаго Казанскаго губернскаго земскаго собранія, профессора Казанскаго университета А. М. Бутлерова входилъ частно въ сношеніе съ членами губернскаго собранія, прося ихъ оказать свое содѣйствіе къ улучшенію помѣщенія Казанской губернской гимназіи, въ которой обучаются большею частію дѣти членовъ земства Казанской губерніи. „Не угодно ли будетъ", писалъ директоръ, „земству принять въ свою пользу всѣ зданія, принадлежащія гимназіи, а на мѣсто ихъ выстроить, хотя въ теченіе трехъ лѣтъ, новое зданіе примѣрно на 300 учениковъ, на свободномъ мѣстѣ, напр. на Лядской улицѣ, противъ дома Крупеникова? Можно ли надѣяться, что земское собраніе, сдѣлавъ въ столь короткое время существованія столько полезныхъ улучшеній въ разныхъ отрасляхъ земскаго хозяйства, приметъ живѣйшее участіе въ устройствѣ удобнаго помѣщенія для того учебнаго заведенія, въ которомъ обучаются и будутъ обучаться сыновья членовъ земства Казанской губерніи"? (¹) Въ отвѣтъ на это директоръ получилъ

(¹) На мѣсто на Лядской улицѣ, противъ дома Крупеникова, г. директоръ указалъ потому, что чрезъ нѣсколько времени этотъ пунктъ будетъ почти центромъ для второй половины города

отъ А. М. Бутлерова письменное увѣдомленіе, что члены земскаго собранія не имѣютъ ни малѣйшей надежды на успѣхъ ходатайства, если бы оно было заявлено губернскому земскому собранію. При теперешнемъ, до крайности затруднительномъ, положеніи финансовъ Казанскаго земства, оно затруднится вотировать каждый новый денежный расходъ, какъ бы малъ онъ ни былъ,—такого убѣжденія держится большинство членовъ земскаго собранія. Не смотря на личное сочувствіе каждаго къ мысли о постройкѣ новаго дома для второй гимназіи, расходъ этотъ менѣе, чѣмъ когда-либо возможенъ для земства нынѣ, потому что бюджетъ его расходовъ въ этомъ году увеличился весьма значительно, а налоги сдѣлались крайне чувствительны для платящихъ.

Между тѣмъ съ введеніемъ реформы 1871 года, на первыхъ же порахъ потребовалась новая классная комната для приготовительнаго класса. Эта потребность пока удовлетворена была перенесеніемъ архива въ цейхгаусъ, а библіотеки въ бывшее помѣщеніе архива. Въ освободившуюся такимъ образомъ въ главномъ корпусѣ комнату помѣщены были дѣти приготовительнаго класса. Нужно сказать, что эта комната была самая малая и низкая: въ ней съ трудомъ возможно было помѣстить 25 учащихся а прочимъ необходимо было отказывать въ пріемѣ. Такимъ образомъ комната для приготовительнаго класса, хотя неудобная, но по крайней мѣрѣ нашлась. Но вскорѣ оказалась потребность въ другой комнатѣ,—потребность, которой уже никакъ не могло удовлетворить бывшее зданіе гимназіи. Распоряженіе г. Попечителя округа о раздѣленіи VII класса на два самостоятельныхъ отдѣленія не могло быть исполнено за совершеннымъ недостаткомъ помѣщенія для новаго класса.

Съ разрѣшенія г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, профессоръ Казанскаяо университета А. Я. Щербаковъ въ началѣ 1871 года, по порученію санитарнаго отдѣленія общества врачей г. Казани, дѣлалъ осмотръ зданія второй Казанской гимназіи въ гигиеническомъ отношеніи. Результаты, добытые имъ, напечатаны въ особомъ отчетѣ. Изъ этого отчета видно, что скопленіе учениковъ въ такомъ тѣсномъ помѣщеніи, какъ зданіе второй Казанской гимназіи, весьма портитъ воздухъ и вредно дѣйствуетъ на здоровье

учащихся и самыхъ преподавателей. Никакія вентиляціи не въ состояніи очистить воздухъ зданія 2-й Казанской гимназіи, потому что въ ней по количеству воздуха можетъ помѣститься 100 учениковъ, а ихъ находится 300.

При такомъ печальномъ состояніи въ гигіеническомъ отношеніи зданія второй Казанской гимназіи, члены ея считали своею священною обязанностію, ради здоровья ввѣренныхъ ихъ попеченію дѣтей, еще разъ поднять вопросъ объ изысканіи средствъ для распространенія зданія этого учебнаго заведенія. Вслѣдствіе чего директоръ 2-й гимназіи, въ ноябрѣ 1871 г. на томъ основаніи, что во второй гимназіи обучаются дѣти всѣхъ сословій, обратился одновременно съ ходатайствомъ о пожертвованіи на пристройку въ Казанское земское собраніе, въ Казанскую городскую думу и въ съѣздъ дворянъ Казанской губерніи.

Въ этомъ ходатайствѣ директоръ въ самомъ яркомъ свѣтѣ выставилъ какъ тѣсноту помѣщенія зданія гимназіи, такъ и послѣдствія, отъ нея происходящія, и указалъ даже, какое количество воздуха приходится на ученика въ каждомъ классѣ. На означенныя заявленія послѣдовали слѣдующія отвѣты: Г. исправлявшій должность Казанскаго губернскаго предводителя дворянства увѣдомилъ директора, что дворянство отказываетъ гимназіи въ просимомъ пособіи по недостатку въ настоящее время дворянскихъ суммъ. Такого же содержанія послѣдовалъ отвѣтъ отъ г. предсѣдателя Казанской губернской земской управы. Но г. Казанскій городской голова въ іюнѣ 1872 года увѣдомилъ директора, что городская дума, заслушавъ его ходатайство, 1-го іюня 1872 г. постановила: „сознавая вполнѣ всѣ неудобства, происходящія отъ тѣсноты помѣщенія зданія второй Казанской гимназіи, городская дума признаетъ возможнымъ принять участіе нѣкоторою долею въ той суммѣ, которая потребуется на увеличеніе помѣщенія 2-й Казанской гимназіи, если учебное начальство найдетъ возможнымъ назначить изъ членовъ отъ учебнаго вѣдомства и отъ думы особую коммисію, которой поручить, разсмотрѣвъ всѣ неудобства зданія 2-й гимназіи, изложенныя въ запискѣ директора, составить подробныя предположенія объ увеличеніи этого зданія и о приведеніи его вообще въ то состояніе, при которомъ оно будетъ соотвѣтствовать количеству находящихся въ немъ учениковъ; кромѣ сего коммисіи этой должно быть предоставлено на-

блюденіе за тѣми постройками, какія будутъ признаны необходимыми по ея предположеніямъ какъ учебнымъ вѣдомствомъ, такъ и думою".

О таковомъ постановленіи думы г. городской голова сообщилъ вмѣстѣ съ тѣмъ г. попечителю Казанскаго учебнаго округа. Его Превосходительство вошелъ съ представленіемъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи составить коммиссію, согласно желанію Казанской городской думы, и получилъ на то разрѣшеніе. Означенная коммисія была составлена въ сентябрѣ того же 1872 года. Членами отъ учебнаго вѣдомства были назначены: бывшій помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статстій совѣтникъ Ив. Д. Соколовъ,—онъ же состоялъ и предсѣдателемъ коммиссіи,—затѣмъ окружный инспекторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Александровичъ Сахаровъ и директоръ второй Казанской гимназіи; отъ Казанской думы членами избраны: генералъ-маіоръ П. Н. Арцыбышевъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Никитичъ Буличъ. Коммисія имѣла четыре засѣданія: въ первомъ, 4-го октября, она, подробно осмотрѣвъ зданіе гимназіи, пришла къ тому заключенію, что настоящее помѣщеніе 2-й Казанской гимназіи до крайности тѣсно и неудобно, что скопленіе учениковъ въ такомъ маломъ помѣщеніи сильно портитъ воздухъ и вредно дѣйствуетъ на ихъ здоровье. Послѣ этого коммисія пришла къ тому убѣжденію, что помѣщеніе 2-й Казанской гимназіи необходимо нужно распространить. Это распространеніе коммисія предположила сдѣлать слѣдующимъ образомъ: 1) антресоли уничтожить, чтобы сдѣлать передъ классами широкіе и высокіе корридоры; 2) сдѣлать залу для сбора учениковъ и учителей; 3) сдѣлать пристройку къ гимназіи по длинѣ ея такъ, чтобы въ верхнемъ этажѣ этой пристройки находились пять комнатъ для классовъ и широкій корридоръ; каждая комната должна имѣть не менѣе 4 саж. въ длину и столько же въ ширину; 4) въ нижнемъ же этажѣ должны находиться такой же мѣры три запасныя комнаты для параллельныхъ классовъ; 5) шинельныя комнаты устроить внизу, при входѣ въ гимназію; 6) комнаты для физическаго кабинета и библіотекъ гимназіи помѣстить въ нижнемъ этажѣ и наконецъ 7) комнаты со сводами въ нижнемъ этажѣ настоящаго зданія гимназіи обратить на квартиры для 2-хъ надзирателей при гимназіи, которые по уставу имѣютъ право на

казенныя квартиры. Вслѣдствіе всего этого коммиссія постановила: просить директора второй Казанской гимназіи войти въ сношеніе съ архитекторомъ Казанскаго учебнаго округа Бечко-Друзинымъ и, по взаимному съ нимъ соглашенію, составить планъ новой пристройки къ гимназіи на основаніи данныхъ, выше указанныхъ коммисіею, и таковой планъ представить на ея разсмотрѣніе. Проектъ плана былъ составленъ и коммисія въ засѣданіи 20-го октября, по тщательномъ и всестороннемъ разсмотрѣніи онаго, находя его составленнымъ согласно указанію коммисіи и совершенно удовлетворяющимъ своей цѣли, признала необходимымъ сдѣлать пристройку къ гимназіи въ $22^1/_2$ сажени длины и 7 саж. ширины. По одобреніи проекта плана пристройки, коммисія постановила: поручить архитектору Казанскаго учебнаго округа составить примѣрную смѣту стоимости новой пристройки и представить ее на обсужденіе коммиссіи. Въ слѣдующія засѣданія была обстоятельно разсмотрѣна эта примѣрная смѣта и по ней оказалось, что пристройка будетъ стоить 37156 руб. Затѣмъ протоколы коммисіи со всѣми приложеніями были представлены 10 ноября г. попечителю Казанскаго учебнаго округа, а Его Превосходительство предпроводилъ ихъ въ Казанскую городскую думу.

По заслушаніи всѣхъ протоколовъ коммиссіи по распространенію зданія второй Казанской гимназіи и по разсмотрѣніи плана пристройки, городская дума въ общемъ засѣданіи постановила: на распространеніе зданія гимназіи оказать пособіе въ количествѣ 12000 руб. изъ суммы, назначенной на коммерческое училище въ Казани съ тѣмъ, чтобы эти деньги, составляющія $^0/_0$ за два года на означенный капиталъ, были отпущены въ два срока: 6000 руб. въ 1873 году и 6000 рублей въ 1874 году. Вторая Казанская гимназія была очень обрадована такимъ благосклоннымъ къ ней вниманіемъ со стороны Казанскаго городскаго общества и 23-го августа 1874 г., въ день освященія пристройки, принесла ему публично свою искреннюю благодарность.

Однако же сумма, пожертвованная Казанскимъ обществомъ, составляла только $^1/_3$ суммы, исчисленной по смѣтѣ на пристройку. По этому Его Превосходительство, г. попечитель Казанскаго учебнаго округа, всегда принимавшій горячее участіе въ улучшеніи помѣщенія 2 й Казанской гимназіи, обратился въ бывшее въ декабрѣ 1872 г. очеред-

ное Казанское губернское земское собраніе съ предложеніемъ о пожертвованіи нѣкоторой суммы на пристройку къ зданію означенной гимназіи. Мотивами для предложенія г. попечителя служили: во 1) то обстоятельство, что во второй Казанской гимназіи обучаются дѣти многихъ крестьянъ Казанской губерніи, во 2) то, что, если и земство своимъ пожертвованіемъ приметъ участіе въ пристройкѣ къ гимназіи, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Министерство Народнаго Просвѣщенія охотно будетъ ходатайствовать объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства недостающей на пристройку суммы. Но Казанское губернское земское собраніе не изъявило согласія на означенное пожертвованіе. Тогда члены совѣта второй Казанской гимназіи, въ экстренномъ засѣданіи своемъ, 8-го декабря, единогласно постановили: „просить ходатайства г. попечителя объ ассигнованіи изъ государственнаго казначейства по крайней мѣрѣ 15000 руб.; недостающая же сумма можетъ быть пополнена изъ спеціальныхъ средствъ 2-й Казанской гимназіи, у которой эти средства хотя и слишкомъ ограниченны и изъ нихъ выдаются пособія учителямъ и ученикамъ, но она готова и ихъ пожертвовать ради здоровья и успѣховъ своихъ учениковъ". Копія съ этого протокола представлена была въ окружное управленіе. Ходатайство г. попечителя Казанскаго учебнаго округа объ ассигнованіи изъ гусударственнаго казначейства суммы, недостающей на пристройку ко второй Казанской гимназіи, увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ. Изъ государственнаго казначейства на расходы по распространенію зданія 2-й Казанской гимназіи ассигновано 16,300 руб., каковая сумма и была отпущена равными частями въ два года, т. е. 8,150 р. въ 1873 году и столько же въ 1874.

По полученіи извѣстія о такомъ правительственномъ распоряженіи, директоръ немедленно приступилъ къ производству торговъ на работы по распространенію зданія второй Казанской гимназіи.

Приготовленные заблаговременно—подробная техническая смѣта, планъ и фасадъ были тотчасъ же препровождены въ строительное отдѣленіе Казанскаго губернскаго правленія для повѣрки и утвержденія. Эти данныя возвращены въ гимнаію 2-го іюня. По повѣркѣ оказалось, что смѣта на устройство каменной въ два этажа пристройки къ бывшему

зданію гимназіи вышла въ 45,293 р. 10 коп., а не въ 37,156 руб., какъ значилось въ примѣрной смѣтѣ. Послѣ этого объявлена была публикація о времени торговъ; сдѣлано было сношеніе съ г. городскимъ головою о назначеніи отъ думы членовъ въ комитетѣ по наблюденію за пристройкою. Членами назначены были: гласные Н. Н. Буличъ и К. Ив. Кузнецовъ. По представленію директора, г. попечитель назначилъ въ члены того же комитета архитектора Казанскаго учебнаго округа Бечко—Друзина. Такимъ образомъ комитетъ состоялъ, подъ предсѣдательствомъ директора второй Казанской гимназіи, изъ членовъ вышеозначенныхъ и членовъ хозяйственнаго комитета гимназіи, именно: инспектора Я. Ив. Кубли и преподавателей: Боржимовскаго, Раппенгейма и Валицкаго, т. е. всего изъ 8 членовъ.

Чтобы привлечь на торги большее число лицъ, желающихъ принять на себя подрядъ на работы по распространенію зданія гимназіи, сдѣлано было представленіе, чтобы принимать отъ этихъ лицъ залогъ въ размѣрѣ не $1/_3$, а только $1/_{10}$ части смѣтной суммы, на что послѣдовало разрѣшеніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія. Вслѣдствіе этого въ день переторжки, происходившей въ комитетѣ 13 іюня, явилось желающихъ взять на себя подрядъ 12 человѣкъ и прислано было 3 запечатанныхъ пакета съ объявленіемъ послѣдней цѣны. Результатъ торговъ былъ весьма благопріятенъ. Работы по гимназіи остались за Казанскимъ 1-й гильдіи купцомъ Даниловымъ за 25,998 рублей, т. е. ниже противъ смѣты на 19,295 р. 10 коп., что составило $42^1/_2$% спуса противъ смѣтной цифры. На основаніи контракта, подрядчикъ Даниловъ обязанъ былъ въ 1873 году сдѣлать пристройку вчернѣ, а въ 1874 и 1875 году окончить работы. Члены комитета постоянно свидѣтельствовали матеріалы, представлявшіеся подрядчикомъ для работъ, и бдительно наблюдали за исправностью самыхъ работъ.

Устройство печей и вентиляціи въ пристройкѣ составляло не послѣдній предметъ заботливости членовъ комитета. По смѣтѣ назначено устроить голландскія печи; но еще въ сентябрѣ 1873 года комитетъ постановилъ устроить печи по системѣ Собольщикова, о преимуществѣ которой такъ много было печатано. Но на дѣлѣ оказалось, что наши печныхъ дѣлъ мастера мало еще знакомы съ устройствомъ печей по означенной системѣ. Вслѣдствіе этого комитетъ, по примѣру дру-

гихъ заведеній, пожелалъ устроить духовое отопленіе. Сдѣланъ былъ расчетъ стоимости духовыхъ печей, составлена была смѣта и этотъ вопросъ былъ представленъ на разрѣшеніе высшаго начальства. Но Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, на основаніи мнѣній спеціалистовъ—архитекторовъ въ С.-Петербургѣ, не изъявилъ согласія на устройство въ новомъ зданіи 2-й Казанской гимназіи духоваго отопленія, такъ какъ оно, по многимъ причинамъ, весьма неудобно для учебнаго заведенія, и Его Сіятельство рекомендовалъ устроить голландскія печи, что и было исполнено. Вентиляція устроена во всѣхъ классахъ съ помощію вентиляціонныхъ трубъ, проведенныхъ въ печахъ и стѣнахъ. Для усиленія вентиляціи въ среднемъ классѣ сдѣланъ каминъ.

При производствѣ пристройки къ зданію второй Казанской гимназіи оказалось, что необходимо сдѣлать нѣкоторыя работы, не вошедшія въ общую смѣту. Комитетъ, выслушавъ о томъ заявленіе предсѣдателя, призналъ работы необходимыми и просилъ архитектора составить на нихъ дополнительную смѣту. Производство этихъ работъ, съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, принялъ на себя тотъ же подрядчикъ Даниловъ за 2027 р. 38 коп съ уплатою ему этихъ денегъ изъ остатка отъ суммы, ассигнованной на пристройку къ зданію гимназіи. При этомъ Даниловъ сдѣлалъ уступку противъ смѣты на $42\frac{1}{2}\%$ на рубль.

23-го Августа 1874 года происходило освященіе исправленнаго и увеличеннаго зданія второй Казанской гимназіи. Церковное торжество совершалъ самъ Казанскій архіепископъ Антоній въ присутствіи Г. начальника губерніи и представителей всѣхъ вѣдомствъ.

2) Хозяйственныхъ принадлежностей пріобрѣтено:

Въ 1835 году на . . .	1003	р.	90 коп.
— 1836 —	185	—	$13\frac{3}{4}$ —
— 1837 —	48	—	$57\frac{1}{4}$ —
— 1838 году каменный домъ съ флигилемъ.	6857	р.	$14\frac{1}{4}$ к.
— 1838 г.	103	—	$71\frac{1}{4}$ к.
— 1839 —	474	р.	7 —

— 1840 —	26	р.	36	к.
— 1841 —				
— 1842 —	179	—	22¼	—
— 1843 —	527	—	77	—
— 1844 —	4	—	83	—
— 1845 —	14	—	26	—
1848 г. каменный двухъ-этажный съ антресолями флигель со службами и шатромъ	18913	р.	96¾	к.
и разныхъ вещей на . . .	111	—	11½	—
— 1850 —	9	—	75	—
— 1851 —	5	—	50	—
— 1852 —	41	—	35	—
— 1854 —	10	—	75	—
— 1855 —	31	—	»	—
— 1856 —	17	—	»	—
— 1857 —	99	—	45¼	—
— 1858 —	22	—	30	—
— 1859 —	478	—	39¾	—
— 1860 —	69	—	»	—
— 1861 —	1139	—	36	—
— 1862 —	34	—	»	—
— 1863 —	97	—	87	—
— 1864 —	60	—	72	—
— 1865 —	26	—	50	—
— 1866 —	21	—	27	—
— 1867 —	167	—	60	—
— 1868 —	184	—	45	—
— 1869 —	218	—	42½	—
— 1870 —	150	—	82	—
— 1871 —	403	—	15½	—
— 1872 —	145	—	47	—
— 1873 — . . . , .	12	—	92	—
— 1874 —	5808	—	86	—
— 1875 —	339	—	1	коп.

3) *Фундаментальная библіотека* назначается исключительно для преподавателей гимназіи, но, до учрежденія ученической библіотеки, въ крайнихъ случаяхъ, выдавались изъ нея книги и воспитанникамъ старшихъ классовъ подъ роспиську преподавателей. Съ учрежденіемъ особой ученической

библіотеки, таковая выдача книгъ воспитанникамъ прекращена. Въ $18^{59}/_{60}$ учебномъ году попечитель округа разрѣшилъ выдавать книги учителямъ уѣзднаго и приходскихъ училищъ въ Казани наравнѣ съ преподавателями гимназіи. Фундаментальная библіотека имѣетъ шнуровый каталогъ и находится въ вѣдѣніи одного изъ учителей. Нельзя съ достовѣрностію опредѣлить, кто завѣдывалъ ею съ самаго основанія; положительныя свѣдѣнія мы имѣемъ только съ 1843 года, когда, какъ значится въ каталогѣ, старшій учитель Лопатинъ сдалъ ее старшему учителю греческаго языка Тхоржевскому, отъ котораго въ 1847 г. она перешла въ вѣдѣніе старшаго учителя латинскаго языка Р. Шарбе. Послѣ него съ 1854 г. библіотекарями преемственно состояли: Камковъ, Горскій, Иноземцевъ и Державинъ. Послѣдній завѣдуетъ библіотекой и въ настоящее время.

Основаніе библіотекѣ положено книгами, перечисленными въ 1835 году изъ главнаго народнаго училища и поступившими въ него съ 1816 по 1835 г., которыхъ было всего 118-ть названій въ 267 томахъ, на сумму 447 руб. Потомъ библіотека пополнялась или покупкою на ассигнованную для этого сумму, или пожертвованіями отъ разныхъ лицъ. Изъ числа пожертвованій особенно замѣчательно пожертвованіе купца Костякова (см. приложеніе 3.). Между книгами, пріобрѣтенными до сороковыхъ годовъ, встрѣчается много такихъ, безъ которыхъ библіотека могла бы обойтись. Съ другой стороны есть книги довольно цѣнныя; между прочимъ есть даже одна рукопись: переводъ псалтиря съ еврейскаго на славянскій языкъ, сдѣланный Амвросіемъ, вѣроятно, Зертисъ—Каменскимъ. На заглавномъ листѣ стоитъ только имя Амвросія „убіеннаго". Съ сороковыхъ годовъ книги начали пріобрѣтаться съ большимъ разборомъ. Въ послѣднее время эта выписка книгъ предоставлена педагогическому совѣту. Каждый преподаватель, съ утвержденія совѣта, выписываетъ болѣе необходимыя книги по своему предмету. Въ 1842 и 1859 г. библіотека потерпѣла значительныя потери отъ пожаровъ, бывшихъ около гимназіи. Но въ январѣ 1862 г. для физическаго кабинета и фундаментальной библіотеки второй гимназіи было отчислено 300 руб. сер. изъ суммы, отпущенной за помѣщеніе въ зданіи гимназіи землемѣро—таксаторскихъ классовъ.

Въ 1869 году, вслѣдствіе ходатайства директора, Казанская губернская земская управа пожертвовала гимназіи библіотеку, оставшуюся отъ землемѣро—таксаторскихъ классовъ на 842 руб. 76 коп.

Постепенное приращеніе фундаментальной библіотеки представляется слѣдующей таблицей:

Состояло:			На сумму.	
Къ 1-му января	названій	томовъ.	Руб.	Коп.
1836 г.	119	270	476	40
1837	125	294	625	$80\frac{1}{2}$
1838	140	329	739	20
1839	157	357	763	87
1840	214	469	1037	67
1841	250	524	1139	$27\frac{6}{7}$
1842	310	612	1395	$3\frac{1}{4}$
1843	861	1473	3211	$6\frac{1}{7}$
1844	888	1575	3343	$74\frac{1}{4}$
1845	896	1647	3460	66
1846	914	1679	3577	85
1847	942	1727	3752	$67\frac{3}{4}$
1848	1099	1979	4089	$15\frac{3}{4}$
1849	1141	2086	4333	$75\frac{1}{4}$
1850	1151	2122	4383	$98\frac{3}{4}$
1851	1190	2241	4590	$5\frac{1}{4}$
1852	1220	2303	4822	$70\frac{1}{2}$
1853	1259	2393	5031	„
1854	1294	2460	5271	85
1855	1310	2512	5441	$35\frac{1}{4}$
1856	1353	2649	5708	53
1857	1385	2728	5948	93
1858	1413	2802	6148	60
1859	1446	2880	6403	92
1860	1454	2844	6264	$36\frac{3}{4}$
1861	1517	2997	6638	$31\frac{1}{2}$
1862	1624	3186	7129	$81\frac{1}{4}$

1863	1738	3362	7590	43
1864	1822	3573	8019	96½
1865	1933	3878	8608	41½
1866	2050	4020	8807	53¼
1867	2114	4152	9061	58¼
1868	2249	4397	9451	10½
1869	2364	4632	9887	51¼
1870	2457	4858	10233	11¼
1871	2748	5244	11131	99¾
1872	2835	5421	11532	40¾
1873	2916	5592	11982	55
1874	2983	5745	12398	73½
1875	3093	5988	12902	12½

Въ настоящее время относительно фундаментальной библіотеки дѣйствуютъ слѣдующія правила, составленныя въ 1874 г. на соединенномъ совѣтѣ и представляющія собою незначительное видоизмѣненіе прежнихъ правилъ:

1) Книги, поступающія въ фундаментальную библіотеку, вносятся въ реестръ, который служитъ инвентаремъ. Библіотекарь росписывается въ реестрѣ при полученіи книги въ свое вѣдѣніе.

2) При библіотекѣ имѣются два каталога: хронологическій и систематическій,—первый выдается за подписью г. попечителя округа. Библіотекарь обязанъ вести ихъ съ точностію и аккуратностію.

3) Вновь поступающія книги вносятся въ оба каталога, при чемъ точно обозначается заглавіе книги, имя автора или переводчика, количество томовъ и частей, мѣсто и время изданія, цѣна книги, а также число принадлежащихъ къ ней гравюръ, картъ, плановъ и т. п. На самой книгѣ помѣщаются №№, подъ которыми онѣ значатся въ каталогахъ.

4) Если книга пожертвована частнымъ лицемъ, обществомъ или учрежденіемъ, то въ инвентарѣ указывается, когда и кѣмъ пожертвована.

5) Размѣщеніе книгъ въ библіотекѣ и дѣленіе систематическаго каталога на отдѣлы зависитъ отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта.

Примѣч. О сдѣланномъ впослѣдствіи переплетѣ для книги, иногда съ уменьшеніемъ числа томовъ, дѣлается подробная въ примѣчаніи отмѣтка, т. е. во сколько томовъ она переплетена, въ какой переплетъ и за какую цѣну.

6) Пользоваться книгами фундаментальной библіотеки имѣютъ право всѣ члены педагогическаго совѣта и другія лица, служащія при заведеніи

Примѣч. Могутъ также пользоваться книгами изъ библіотеки одного заведенія лица, служащія въ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

7) При библіотекѣ долженъ быть особый журналъ, за подписью начальника заведенія, въ которомъ каждый собственноручно расписывается въ полученіи книгъ, а библіотекарь въ возращеніи ихъ.

8) Ученики VI и обѣихъ отдѣленій VII класса (теперь VII и VIII классовъ) гимназіи могутъ пользоваться книгами изъ фундаментальной библіотеки только чрезъ посредство преподавателя и подъ его отвѣтственностію.

9) Пользовавшійся книгою не менѣе 6 недѣль немедленно возвращаетъ ее въ библіотеку, при заявленіи требованія на ту же книгу другимъ лицомъ. Безъ этого требованія книга можетъ оставаться за однимъ лицомъ и долѣе 6-ти недѣль.

10) Лицо, отъѣзжающее въ отпускъ, можетъ воспользоваться книгами въ такомъ только количествѣ, чтобы стоимость ихъ не превышала его мѣсячнаго жалованья.

11) Ко времени ревизіи всѣ книги должны быть возвращены библіотекарю.

12) Книги должны быть возвращаемы въ библіотеку въ цѣлости и должной исправности; вмѣсто попорченныхъ или утраченныхъ книгъ, представляются въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ новыя и. если можно, того же изданія, или же уплачивается стоимость ихъ по хронологическому каталогу.

Примѣч. Вмѣсто испорченныхъ и утраченныхъ книгъ могутъ быть представляемы, по особому опредѣленію педагогическаго совѣта, книги другихъ названій, по не меньшей стоимости, чѣмъ испорченныя или утраченныя.

13) Изданія рѣдкія и дорогія на домъ совсѣмъ не выдаются.

14) Лицо, испортившее или утратившее одинъ томъ или часть сочиненія, обязано представить полное изданіе его, или уплатить деньги за все сочиненіе, получая въ свою собственность остальныя части его.

15) Имѣющіеся въ библіотекѣ дублеты могутъ быть, по опредѣленію педагогическаго совѣта, обмѣниваемы на другія книги соотвѣтствующей или высшей стоимости.

16) Порядокъ относительно пользованія періодическими изданіями зависитъ отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта. Періодическія изданія ученикамъ не выдаются.

17) По истеченіи года, когда всѣ части періодическаго изданія будутъ получены, библіотекарь вноситъ его въ каталогъ, съ указаніемъ количества частей.

18) Ежегодно, по постановленію педагогическаго совѣта, составляется изъ членовъ его коммисія для повѣрки фундаментальной библіотеки. О послѣдствіяхъ ревизіи составляется протоколъ и вѣдомость для годоваго отчета по учебному заведенію.

19) За утраченныя книги отвѣчаетъ библіотекарь стоимостію ихъ, каковая значится по хронологическому каталогу.

4) Ученическая библіотека.

Класснаго преподаванія, какъ бы оно хорошо, какъ бы разумно ни велось, не достаточно для возможно полнаго развитія учащихся. Лучшимъ вспомогательнымъ средствомъ къ достиженію этой цѣли служитъ чтеніе, но такое, которое бы съ одной стороны обогащало дѣтей разнаго рода полезными знаніями, а съ другой развивало ихъ эстетическое чувство, давало надлежащее направленіе воображенію и пріучало умъ къ самодѣятельности. Между тѣмъ многіе изъ воспитанниковъ читаютъ все, что попадется подъ руку—и хорошее и дурное безъ разбора, другіе же, по недостаточности средствъ, совсѣмъ ничего не читаютъ. Для устраненія этихъ недостатковъ г. исправлявшій должность директора О. А. Имшеникъ предложилъ въ октябрѣ 1858 г. на обсужденіе педагогическаго совѣта вопросъ объ учрежденіи особой для учениковъ гимназіи библіотеки. Совѣтъ

составилъ правила и каталогъ книгъ для этой библіотеки. Все это было представлено на благоусмотрѣніе управлявшаго округомъ Ѳ. Ѳ. Веселаго, который утвердилъ и правила ([1]) и каталогъ. Тогда О. А. Пышеникъ обратился къ родителямъ воспитанниковъ съ просьбою содѣйствовать столь полезному дѣлу. Многіе изъ родителей съ сочувствіемъ встрѣтили эту мысль и жертвовали, по мѣрѣ возможности, кто деньгами, кто книгами. Въ самое короткое время собрано было до 300 руб. сер., на которые и были пріобрѣтены на первый разъ самыя необходимыя книги. И въ послѣдующее время ученическая библіотека пополнялась и пополняется изъ того же источника, т. е. на частныя пожертвованія.

	Названій.	Томовъ.	На сумму.	
			Руб.	Коп.
Въ 1858 году пріобрѣтено.	139	232	254	$21^1/_2$
— 1859	33	60	89	95
— 1860	25	37	38	89
— 1861	37	69	90	$59^1/_2$
— 1862	37	62	71	$84^1/_4$
— 1863	45	86	117	$17^1/_4$
— 1864	63	110	115	$20^1/_2$
— 1865	41	94	78	44
— 1866	57	96	90	50
— 1867	31	44	66	60
— 1868	69	108	165	31
— 1869	37	75	117	$21^3/_4$
— 1870	71	117	149	35
— 1871	32	56	80	44
— 1872	53	72	123	14
— 1873	53	67	65	99
— 1874	13	22	31	6
— 1875	104	124	185	32

([1]) Правила эти напечатаны въ 1 книжкѣ «Начальствен. распор. Казан. учеб. округа» за 1859 годъ.

Въ настоящее время дѣйствують относительно ученической библіотеки слѣдующія правила, составленныя соединеннымъ совѣтомъ въ 1874 году:

1) Ученическая библіотека раздѣляется на два отдѣла: одинъ для старшаго и другой для младшаго возраста (¹).

2) Вновь поступающія книги вносятся въ каталогъ, съ обозначеніемъ заглавія, имени автора, числа томовъ и цѣны каждой книги

3) Книги выдаются каждому ученику лично подъ росписку получающаго въ особомъ журналѣ, при чемъ обозначается заглавіе книги и время выдачи ея.

Примѣч. Классный наставникъ сообщаетъ завѣдывающему ученической библіотекою списокъ тѣхъ учениковъ своего класса, которымъ, по успѣхамъ и поведенію, не предоставляется право пользоваться книгами изъ ученической библіотеки.

4) Каждому ученику дозволяется имѣть при себѣ изъ библіотеки не больше одного сочиненія или двухъ книгъ.

5) Книги, взятыя изъ библіотеки, чрезъ недѣлю должны быть возвращены, но, если въ это время никто другой не спрашивалъ этой же книги, то она можетъ оставаться у прежняго получателя еще недѣлю.

6) Съ книгами должно обходиться бережно, не дѣлать знаковъ или замѣчаній ни карандашемъ, ни перомъ, не загибать угловъ, не портить переплета и особенно не выдирать рисунковъ и картинъ.

7) Ученикъ, потерявшій или повредившій книгу, обязанъ впродолженіе двухъ мѣсяцевъ доставить новую. Въ противномъ случаѣ онъ лишается права на полученіе книгъ изъ библіотеки до конца учебнаго года; стоимость потерянной или испорченной книги взыскивается съ него при взносѣ платы за ученіе.

8) Утратившій или испортившій одинъ томъ или одну часть сочиненія обязанъ представить полное изданіе, части же прежняго получаетъ въ свою собственность

(¹) Въ 1875 г. ученическая библіотека раздѣлена на 8 частей по числу классовъ гимназіи. Библіотека каждаго класса находится въ вѣдѣніи подлежащаго классного наставника.

9) Ученикамъ, оканчивающимъ курсъ или переходящимъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое до окончанія курса, не выдаются документы, пока они не представятъ директору или инспектору письменнаго удостовѣренія въ томъ, что должными въ ученическую библіотеку не состоятъ.

10) Передъ каникулами всѣ книги должны быть возвращены въ библіотеку.

11) Книги не переплетенныя для чтенія не выдаются.

12) Правила выдачи книгъ должны быть вывѣшены въ библіотечной комнатѣ.

13) Библіотекарь ученической библіотеки получаетъ вознагражденіе, какое найдетъ возможнымъ назначить ему педагогическій совѣтъ.

14) За растраченныя книги библіотекарь отвѣчаетъ стоимостью ихъ.

5. Продажная библіотека существовала для того, чтобы дать воспитанникамъ возможность пріобрѣтать во время и за возможно умѣренную цѣну необходимые учебники. Она находилась въ вѣдѣніи одного изъ учителей.

По случаю закрытія по Высочайшему повелѣнію книжнаго магазина при департаментѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1864 году, выписка учебниковъ предоставлена директору гимназіи отъ книгопродавцевъ. Вслѣдствіе этого, по ходатайству директора, г. попечитель Казанскаго учебнаго округа 20 мая 1865 г., разрѣшилъ закрыть продажную библіотеку при второй Казанской гимназіи.

6) Классныя учебныя пособія для исторіи, географіи и математики прежде находились въ вѣдѣніи надзирателя, а нынѣ помощника класснаго наставника. Они начали пріобрѣтаться со самаго основанія гимназіи и часто мѣнялись: одни по ветхости исключались изъ наличности, какъ негодныя къ употребленію, другія замѣнялись вновь выходившими и болѣе современными.

Въ 1835 г. пріобрѣтено на	24 р.	$28^1/_2$	коп.,
— 1837 —	38 —	$99^3/_4$	—
— 1838 —	10 —	„	—
— 1841 —	32 —	2	—
— 1843 —	6 —	20	—
— 1844 —	1 —	44	—
— 1850 —	5 —	5	—

въ 1851 г.	1 р.	10	к.
— 1852 —	1 —	$50^1/_2$	—
— 1853 —	38 —	43	—
— 1854 —	1 —	30	—
— 1855 —	9 —	10	—
— 1856 —	14 —	„	—
— 1557 —	35 —	$82^1/_4$	—
— 1858 —	13 —	68	—
— 1859 —	40 —	85	—
— 1860 —	57 —	50	—
— 1861 —	28 —	52	—
— 1862 —	36 —	„	—
— 1863 —	6 —	20	—
— 1864 —	61 —	80	—
— 1865 —	77 —	$66^1/_4$	—
— 1866 —	11 —	$81^3/_4$	—
— 1867 —	23 —	86	—
— 1869 —	26 —	61	—
— 1870 —	123 —	$63^3/_4$	—
— 1871 —	37 —	$71^1/_4$	—
— 1872 —	20 —	65	—
— 1873 —	127 —	70	—
— 1874 —	151 —	60	—
— 1875 —	74 —	59	—

7) *Кабинетъ физическій* получилъ начало вмѣстѣ съ открытіемъ гимназіи въ 1835 году. Основаніе ему было положено инструментами, высланными въ томъ году изъ уѣздныхъ училищъ. Но въ настоящее время въ каталогѣ физическаго кабинета этихъ инструментовъ не числится; вѣроятно они были исключены за негодностію къ употребленію. Вообще объ этомъ кабинетѣ ничего не извѣстно до 1838 года, когда начали вести опись всѣмъ инструментамъ, поступавшимъ въ кабинетъ. Пріобрѣтенія дѣлаются частію на сумму, назначенную для учебныхъ пособій гимназіи, частію же и преимущественно на спеціальныя средства, съ разрѣшенія попечителя. Кабинетъ находится въ завѣдываніи учителя математики; но кто завѣдывалъ имъ изъ учителей въ первое время, не извѣстно. Знаемъ, что въ 1844 году старшій учитель математики Епапечниковъ сдалъ кабинетъ своему преемнику старшему учителю Имшенику, который, сдѣ-

лавшись инспекторомъ, передалъ его въ 1850 году старшему учителю Петерману. Съ 1857 года кабинетомъ завѣдывалъ старшій учитель Чернѣевскій, который, по случаю перемѣщенія его въ 1867 году инспекторомъ въ 1-ю Казанскую гимназію, передалъ его преподавателю Норману, а за смертію послѣдняго въ 1868 году, завѣдываніе поручено учителю Егорову. Послѣ Егорова физическимъ кабинетомъ завѣдывали: Адіясѣвичъ и Зерновъ, а въ настоящее время завѣдуетъ Гепкель.

По описи значится, что для физическаго кабинета было пріобрѣтено инструментовъ:

	Число инструментовъ.	На сумму.	
		Руб.	Коп.
въ 1838 году	49	917	84
— 1841	2	136	85
— 1842	13	81	80
— 1843	8	34	16
— 1844	6	54	99
— 1848	15	97	—
— 1851	11	346	24
— 1852	2	86	64
— 1855	3	45	—
— 1857	2	175	—
— 1858	1	10	—
— 1860	1	25	—
— 1861	30	233	57¼
— 1862	4	15	—
— 1864	24	298	99
— 1867	2	3	—
— 1868	6	8	48
— 1869	4	17	30
— 1870	1	7	—
— 1871	38	759	55
— 1872	2	149	—
— 1873	3	100	—
— 1874	1	—	70
— 1875	1	33	82½

8) Пособія для черченія, рисованія и чистописанія, какъ-то готовальни, прописи, модели разныхъ построекъ для рисованія съ натуры, краски и т. д. находятся въ вѣдѣніи учителя искуствъ.

	Названій.	Число вещей.	На сумму. Руб.	На сумму. Коп.
Къ 1849 году по каталогу состояло	24	714	397	26
Въ 1849 г. вновь поступило.	1	52	33	88
Съ 1850 по 1861 г. поступило.	6	19	63	66
въ 1861 г.	4	72	17	26½
— 1862	3	21	4	56¼
— 1863	1	181	38	68¾
— 1864	4	6	—	—
— 1865	4	186	14	36
— 1869	1	6	10	—
— 1874	51	79	279	81
— 1875	—	—	—	—

9) Нумизматическій кабинетъ.

Начало этого кабинета можно отнести къ 1842 году, когда были кѣмъ-то пожертвованы 12 небольшихъ серебряныхъ монетъ, найденныхъ близъ Тамбова, которыя и хранились въ фундаментальной библіотекѣ. Съ тѣхъ поръ по 1856 г. не было сдѣлано никакихъ новыхъ пожертвованій, только съ 1856 года нумизматическій кабинетъ замѣтно началъ обогащаться. Въ настоящее время сдѣланъ особый шкафъ для монетъ и заведенъ особый шнуровой каталогъ для записыванія всѣхъ поступающихъ приношеній. Въ кабинетѣ, который находится въ вѣдѣніи библіотекаря фундаментальной библіотеки, есть монеты русскія (по преимуществу), татарскія, китайскія, западно-европейскія и нѣсколько медалей, всего 241 штука. Изъ нихъ 33 серебряныя и 1 золотая (фунтъ стерлинговъ), остальныя мѣдныя. Изъ пожертвованій особенно замѣчательны 1) собраніе русскихъ монетъ, (начиная съ Петра Великаго) вновь отлитыхъ на Уральскихъ заводахъ, въ количествѣ 68 штукъ, пожертво-

ванныхъ г. Износковымъ; 2) собраніе татарскихъ монетъ (100 шт.) изъ кабинета Неялова,—пожертвовано г. Жмакинымъ; 3) золотая монета, пожертвованная г. Григоровымъ; 4) китайскія чохи, принесенные въ даръ П. О. Ковалевскимъ.

10) Кабинетъ естественныхъ наукъ основанъ въ 1852 году со введеніемъ въ гимназическій курсъ естественной исторіи. Первоначально онъ составленъ былъ исключительно на частныя пожертвованія. Каждый вновь поступающій воспитанникъ дѣлалъ посильное пожертвованіе для кабинета; деньги записывались въ общую шнуровую книгу, а потомъ на нихъ дѣлались пріобрѣтенія. Своимъ устройсвомъ и благосостояніемъ кабинетъ обязанъ преимущественно бывшему преподавателю естественной исторіи Балліону, который сдѣлалъ значительныя пожертвованія собственно отъ себя. Потомъ нѣсколько пріобрѣтеній сдѣлано было на экономическія суммы гимназіи. Въ числѣ предметовъ кабинета находились 52 фигуры, изображающія разныхъ животныхъ и 5 фигуръ типовъ инородцевъ Казанской губерніи въ ихъ національныхъ костюмахъ. Фигуры эти были сдѣланы въ магазинѣ Гейзера изъ папье—маше. Кромѣ того, какъ пособіе для ботаническихъ занятій, при гимназіи находился небольшой садикъ, устроенный Балліономъ на собственный счетъ. Этотъ садъ былъ вырубленъ въ 1873 году для того, чтобы очистить мѣсто для пристройки къ зданію гимназіи. По оставленіи Балліономъ службы въ гимназіи 5 октября 1859 года, естественный кабинетъ перешелъ въ вѣдѣніе старшаго учителя Өедорова. Послѣ него кабинетъ естественной исторіи переходилъ въ завѣдываніе учителей естественныхъ наукъ въ гимназіи. Такъ какъ по уставу 1871 года естествознаніе преподается въ гимназіяхъ только въ краткомъ очеркѣ и даже вовсе можетъ не преподаваться, то кабинетъ естественныхъ наукъ теперь уже не представляетъ почти никакой надобности для гимназіи. По этому онъ въ 1874 г., съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, переданъ въ Казанскую инородческую учительскую семинарію. Предметы, пріобрѣтенные на экономическія суммы гимназіи, уступлены семинаріи безвозмездно. Тѣ же предметы, которые были пріобрѣтены на ученическія пожертвованія, по предварительно составленной оцѣнкѣ ихъ двумя экспертами—однимъ отъ гимназіи, другимъ отъ семи-

нарін,—были проданы вмѣстѣ со шкафомъ за 340 руб. и деньги эти употреблены на ученическую библіотеку.

11) Часть дѣлопроизводительная.

Дѣлопроизводство при канцеляріи директора ведется на основаніи общихъ положеній, существующихъ на этотъ предметъ.

Для храненія дѣлъ при гимназіи существуетъ архивъ, въ которомъ хранятся дѣла и главнаго народнаго училища съ 1799 года, а именно: дѣлъ главнаго народнаго училища съ 1799 до половины 1835 года . . . . 1359 №№;
дѣлъ гимназическихъ съ 1835 по 1875 г. . . . 5960 №№.
Всего . . 7319 №№.

IV. ЧАСТЬ СЛУЖЕБНАЯ.

Вторая Казанская гимназія открыта въ царствованіе блаженной памяти Императора Николая 1-го и продолжаетъ свое существованіе въ благополучное царствованіе Александра II-го.

„Въ 1836 году, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ бывшихъ преподавателей первой Казанской гимназіи, предъ самымъ окончаніемъ учебнаго года, въ іюнѣ мѣсяцѣ гимназія была осчастливлена посѣщеніемъ Государя Императора Николая Павловича. Обѣ Казанскія гимназіи; были въ тотъ день собраны въ одной нашей залѣ. При входѣ въ нее изъ корридора, на-право стояла первая гимназія, начиная отъ оконъ, выходящихъ на улицу, задомъ къ нимъ во всю ширину залы, были выстроены нѣсколькими рядами ученики, съ надзирателями при началѣ и концѣ каждаго ряда; предъ ними, въ одинъ рядъ директоръ, инспекторъ и всѣ учителя.

Съ другой стороны залы, въ такомъ же порядкѣ стояла вторая гимназія.—Мы ожидали Государя изъ корридора и потому отъ него и начиналось построеніе насъ по старшинству. Въ 9½ часовъ утра пріѣхалъ въ гимназію попечитель Мусинъ—Пушкинъ. Заботливо осмотрѣвъ всѣ комнаты, кухню, буфетъ, дворы, онъ пришелъ въ залу, гдѣ всѣ уже были собраны. Здѣсь онъ установилъ учениковъ въ ряды, указалъ мѣста директорамъ и каждому изъ учителей. Училъ воспитанниковъ, какъ они должны отвѣчать на привѣтствіе Государя, и намъ всѣмъ разсказывалъ, какъ отвѣчать, въ случаѣ, еслибы Государь удостоилъ кого-нибудь вопросомъ.

Около 11 часовъ, раздавшійся на улицѣ крикъ: „Ура“ возвѣстилъ намъ прибытіе Государя. У всѣхъ захватило духъ отъ радостнаго ожиданія; попечитель бросился на подъѣздъ, гдѣ встрѣтилъ Государя съ рапортомъ и предше-

ствовалъ Его Величеству до корридора. Войдя въ корридоръ, Государь пошелъ не прямо въ залу, а повернулъ на-право, въ умывальную, и какъ всѣ двери на этотъ случай были отворены, то чрезъ спальныя Его Величестьо изволилъ направиться въ залу. Увидя это, директоръ тихимъ голосомъ приказалъ воспитанникамъ разступиться; отъ этого произошло маленькое движеніе, впрочемъ, кажется, не замѣченное Государемъ.

На порогѣ залы Государь обратился къ воспитанникамъ съ привѣтствіемъ: „здравствуйте, дѣти". Громкое и единодушное: „здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество", замѣтно понравилось Государю. Обойдя ряды учениковъ и похваливъ ихъ веселый видъ, Его Величество обратился къ намъ. Попечитель представилъ обоихъ директоровъ Галкина и Львова, назвавъ ихъ по фамиліямъ. На учителей же указалъ рукою съ словами: „это учителя гимназіи, по большей части изъ лучшихъ кандидатовъ университета". Государь милостиво насъ привѣтствовалъ и затѣмъ приказалъ отойти въ сторону, чтобы посмотрѣть съ фронта на учениковъ, которыхъ опять хвалилъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ.

Такимъ же порядкомъ была представлена и вторая гимназія.

Въ то время, когда Государь (обойдя столовую) изволилъ отправиться въ гимназическую больницу (противъ главнаго корпуса на другой сторонѣ улицы), учители и старшіе воспитанники вышли на большой балконъ и оттуда, въ сердечномъ умиленіи, вмѣстѣ съ народомъ кричали „ура" осчастливленные милостью Державнаго Посѣтителя". (Историч. Зап. о 1 Каз. гимназіи т. II стр. 272—274).

Портретъ нынѣ царствующаго Государя Императора помѣщается въ залѣ гимназіи. Портретъ этотъ, вдѣланный въ позолоченную раму, пожертвованъ Казанскимъ 1-ой гильдіи купцомъ М. Д. Даниловымъ.

Въ теченіе 40 лѣтъ своего существованія вторая Казаская гимназія была удостоена посѣщенія 4-хъ гг. Министровъ Народнаго Просвѣщенія.

Въ 1851 году сентября 20 посѣтилъ гимназію тогдашній министръ Народнаго Просвѣщенія князь Ширинскій—Шихматовъ.

Послѣ представленія чиповниковъ гимназіи, Его Сіятельство отправился въ классы, которые обошелъ всѣ. Въ каждомъ изъ осмотрѣнныхъ имъ классовъ г. Министръ выслушивалъ отвѣты учениковъ по разнымъ предметамъ гимназическаго курса и остался ими доволенъ. Ученикъ 1 класса Ворожцовъ за очень хорошій отвѣтъ изъ географіи—о видѣ земли—удостоился поцѣлуя Его Сіятельства. Кромѣ того г. Министръ разсматривалъ рисунки, чертежи и географическія карты, исполненные учениками разныхъ классовъ гимназіи. Осмотрѣлъ также библіотеки: фундаментальную и продажную. Употребивъ на осмотръ гимназіи время отъ 9-ти до 11-ти часовъ утра, г. Министръ остался очень доволенъ состояніемъ заведенія и лично благодарилъ за это директора. На другой день, 21 сентября, утромъ всѣ члены учебнаго вѣдомства, студенты университета и воспитанники обѣихъ гимназій собрались въ университетскую церковь для того, чтобы выслушать молебенъ о счастливомъ пути Его Сіятельству. Послѣ молебна профессоры и студенты университета отправились въ университетскую залу, а гимназисты остались въ церкви. Г. Министръ тутъ же благодарилъ ихъ за благонравіе и успѣхи. Послѣ этого воспитанники гимназій сошли внизъ и стали рядами въ корридорѣ университета. Г. Министръ по выходѣ изъ залы, снова благодарилъ учениковъ. Дѣтское „рады стараться“ было отвѣтомъ на слова князя. Послѣ этого г. Министръ сказалъ: „со всѣми проститься не могу, а разцѣлую одного за всѣхъ“. Съ этими словами онъ ученика IV класса Кирпичникова поцѣловалъ три раза. Потомъ всѣ воспитатели и воспитанники гимназіи разошлись по домамъ и ученья въ тотъ день не было.

Въ 1855 году сентября 26 гимназію посѣтилъ г. Министръ Народнаго Просвѣщенія тайный совѣтникъ Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ. Пробывъ въ гимназіи съ 12½ часовъ до 2 ч. 20 м. дня, Его Высокопревосходительство внимательно обозрѣлъ заведеніе по всѣмъ частямъ: былъ во всѣхъ классахъ, предлагалъ вопросы ученикамъ изъ разныхъ предметовъ гимназическаго курса, посѣтилъ библіотеку, кабинетъ естественныхъ наукъ, разсмотрѣлъ нѣсколько сочиненій учениковъ V, VI и VII классовъ въ прозѣ и даже стихахъ, разсматривалъ ученическіе рисунки, карты, чертежи; обратилъ вниманіе на садикъ, который былъ

разведенъ при гимназіи въ то время, когда въ гимназическій курсъ введено было преподаваніе естественныхъ наукъ. Содержаніе помѣщенія гимназіи и гимназическаго двора также обратили на себя вниманіе г. Министра. Результатъ такого осмотра былъ самый лестный для гимназіи. Его Высокопревосходительство остался вполнѣ доволенъ состояніемъ заведенія во всѣхъ отношеніяхъ и лично благодарилъ какъ учителей, такъ и учениковъ и въ особенности исправлявшаго должность директора—инспектора О. А. Имшеника. При этомъ инспекторъ казенныхъ училищъ Антроповъ доложилъ Его Высокопревосходительству, что характеристическая черта 2-й Казанской гимназіи—та, что всѣ учители живутъ дружно и согласно; на что г. Министръ опять изъявилъ свое полное одобреніе. А Вицедиректору Ст. Сов. Алексѣю Ефремовичу Кисловскому, сопровождавшему г. Министра, тотъ же инспекторъ казенныхъ училищъ Казанскаго округа Антроповъ сказалъ, что вторая Казанская гимназія—послѣдняя гимназія въ округѣ по помѣщенію, но первая по успѣхамъ учениковъ въ наукахъ. На прощаньи г. Министръ обнялъ и поцѣловалъ исправлявшаго должность директора—инспектора Имшеника.

3-го іюня 1860 г. гимназію посѣтилъ тогдашній Министръ Народнаго Просвѣщенія Ковалевскій. Внимательно осмотрѣвъ гимназію, г. Министръ особенно остался доволенъ преподаваніемъ русской словесности

6 Сентября 1866 года гимназія удостоилась посѣщенія Его Сіятельства г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Графа Дмитрія Андреевича Толстаго. Г. Министръ прибылъ въ гимназію въ 9-ть часовъ утра. Принявъ отъ директора рапортъ о состояніи гимназіи, списокъ всѣхъ наличныхъ учениковъ и росписаніе уроковъ, Его Сіятельство посѣтилъ урокъ всеобщей исторіи въ 4 классѣ, гдѣ учитель Горскій излагалъ исторію египтянъ. Въ половинѣ урока Г. Министръ отправился въ 7 классъ, гдѣ исправляющій должность учителя Дембровскій читалъ изъ русской литературы о былинахъ; тутъ онъ сидѣлъ до конца урока. Во время перемѣны Его Сіятельство осмотрѣлъ гимназическую фундаментальную библіотеку, посмотрѣлъ на игру дѣтей и прошелся по гимназическому саду После перемѣны Графъ посѣтилъ урокъ русскаго языка въ IV классѣ, гдѣ учитель П. Ивановъ объяснялъ ученикамъ отдѣлъ о предложеніяхъ. Объясненіе относилось

до всего класса и было оживленно. Г. Министръ этимъ преподаваніемъ остался, по видимому, доволенъ. Въ половинѣ урока г. Министръ вышелъ изъ класса и посѣтилъ въ 6 классѣ урокъ Закона Божія; предметъ этотъ въ то время преподавалъ священникъ Зефировъ. Затѣмъ вошелъ въ 5 классъ, гдѣ былъ урокъ латинскаго языка и преподавалъ учитель Валицкій. Тутъ ученикъ 5-го класса Горталовъ вышелъ на середину класса и сказалъ Графу привѣтственную и благодарственную о посѣщеніи рѣчь, которою онъ остался доволенъ и благодарилъ ученика и въ лицѣ его всѣхъ учениковъ гимназіи. Изъ 5-го класса г. Министръ пошелъ по парадной лѣстницѣ наверхъ въ низшіе три класса. Въ 3-мъ классѣ посѣтилъ урокъ географіи, гдѣ преподавалъ учитель Книзе, оттуда отправился во 2-ой классъ на урокъ ариѳметики, гдѣ излагалъ начало дробей учитель Чернѣевскій; далѣе посѣтилъ 1-й классъ, въ которомъ одни ученики слушали нѣмецкій языкъ у учителя Раппенгейма, другіе французскій языкъ у учителя Боржимовскаго. Въ этомъ последнемъ отдѣленіи графъ заставилъ нѣкоторыхъ учениковъ читать по французски, въ чемъ они затруднились. Г. Министръ сказалъ: „пора, чтобы ученики умѣли читать“. На это учитель отвѣчалъ, что въ Казани ученики поступаютъ въ гимназію обыкновенно безъ всякаго домашняго приготовленія по этому предмету, а въ гимназіи они занимаются имъ только съ половины августа. Осмотрѣвъ такимъ образомъ гимназію, Графъ простился.

Велики историческія заслуги, принесенныя Графомъ Д. А. Толстымъ просвѣщенію русскаго народа; но вторая Казанская гимназія помимо этого обязана Графу особымъ, собственно до нея относящимся благодѣяніемъ. Мы говоримъ объ исходатайствованіи Г. Министромъ ассигновки изъ государственнаго казначейства 16,300 рублей на пристройку къ зданію второй Казанской гимназіи. Поэтому чтобы увѣковѣчить благодарную память о Графѣ Д. А. Толстомъ, педагогическій совѣтъ, въ день освященія означенной пристройки, 23 августа 1874 года, согласно предложенію директора, постановилъ ходатайствовать, въ узаконенномъ порядкѣ, о разрѣшеніи поставить въ залѣ 2-й гимназіи портретъ Его Сіятельства Графа Д. А. Толстаго, который и украшаетъ скромную залу нашей гимназіи.

1872 года въ первой половинѣ іюня мѣсяца вторую гимназію посѣтилъ членъ (нынѣ предсѣдатель) ученаго комитета, состоящаго при Г. Министрѣ Народнаго Просвѣщенія А. И. Георгіевскій. Въ тотъ день производился переводный экзаменъ изъ латинскаго языка ученикамъ IV и V классовъ и Его Превосходительство принималъ въ немъ участіе.

Управленіе гимназіею.

На основаніи общаго положенія для гимназій, вторая Казанская гимназія находится въ вѣдѣніи попечителя Казанскаго учебнаго округа. До 1836 года директоръ гимназіи сносился съ попечителемъ чрезъ училищный комитетъ, существовавшій при университетѣ; но съ этого времени, по закрытіи комитета, онъ подчиненъ непосредственно попечителю Округа. Сверхъ того дворянство избирало на каждое трехлѣтіе изъ среды своей почетнаго попечителя, что продолжалось до 1866 года

Во время существованія Казанской губернской гимназіи попечителями округа были:

1) Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Михаилъ Николаевичъ Мусинъ—Пушкинъ до 15 апрѣля 1845 года.

2) Генералъ-Лейтенантъ Владиміръ Порфирьевичъ Молоствовъ съ 22 марта 1847 по 4 мая 1857 года.

3) Тайный Совѣтникъ Эварестъ Андреевичъ Груберъ съ 12 ноября 1857 по 23 апрѣля 1859 года.

4) Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, въ званіи камергера, Князь Павелъ Петровичъ Вяземскій съ 4 ноября 1859 года по 12 іюня 1862 года.

5) Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Филиппъ Филипповичъ Стендеръ съ 12 іюня 1862 года по 5 февраля 1865 года.

6) Тайный совѣтникъ Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ съ 5 февраля 1865 года.

Изъ всѣхъ бывшихъ попечителей Казанскаго учебнаго округа особенно замѣчательны: М. Н. Мусинъ-Пушкинъ и нынѣшній попечитель П. Д. Шестаковъ. Одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ первой Казанской гимназіи (впослѣдствіи преподаватель той же гимназіи и наконецъ управляющій государственными имуществами Курской губерніи) Лазаревъ такимъ образомъ характеризуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ

Мусина-Пушкина: „сколько я теперь припоминаю, мнѣ становится яснымъ, что ревность нашихъ учителей возбуждалась, главнымъ образомъ, строгимъ и внимательнымъ наблюденіемъ со стороны попечителя Мусина-Пушкина. О, это былъ замѣчательный человѣкъ для своего времени! Правда, онъ былъ вспыльчивъ, часто крикливъ; но болѣе дѣятельнаго начальника, болѣе внимательнаго къ нуждамъ своихъ подчиненныхъ, болѣе снисходительнаго къ людскимъ слабостямъ,—я не встрѣчалъ во всю мою жизнь.—Довольно было хоть немного знать его сердце, чтобы отдать ему всѣ свои симпатіи, все свое уваженіе. По наружности строгій, безпощадный, онъ всегда былъ далекъ отъ мысли сдѣлать кому либо серьезную непріятность и только самая крайняя необходимость, и то въ весьма рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, заставляла его прибѣгать къ подобной мѣрѣ. Я благоговѣю предъ Пушкинымъ за все добро, которое онъ сдѣлалъ нашему университету и гимназіи! Я благоговѣю предъ нимъ за тѣ начала и побужденія, которыя руководили его служебными дѣйствіями! Я благоговѣю предъ нимъ за самую его крикливость, которая, не дѣлая никому зла, указала многимъ прямую дорогу въ жизни!

Мусинъ-Пушкинъ посѣщалъ гимназію не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, а иногда ежедневно, по нѣскольку дней сряду. Это послѣднее случалось обыкновенно тогда, когда до него доходили слухи о неисправности какого либо учителя, или о другихъ безпорядкахъ въ гимназіи. Въ такомъ случаѣ онъ старался лично удостовѣриться въ этихъ слухахъ и пріѣзжалъ къ намъ, когда менѣе всего его ожидали. Посѣщенія его не были ревизіею, но постояннымъ наблюденіемъ. Пріѣзжая въ гимназію, онъ шелъ, по большей части, въ классы и обходилъ ихъ всѣ; потомъ останавливался въ которомъ нибудь изъ нихъ и пробывалъ тамъ до окончанія урока. Онъ никогда не садился на стулъ; но слушалъ учителя или учениковъ стоя, хотя бы урокъ продолжался часъ и болѣе.

Часто, прервавъ чтеніе учителя, онъ обращался къ ученикамъ съ вопросами и всѣ вялые или неточные отвѣты, а тѣмъ болѣе совершенное незнаніе предмета падали на отвѣтственность учителя, который тутъ же получалъ громкое замѣчаніе или выговоръ, нерѣдко въ весьма сильныхъ выраженіяхъ. Но учителя, зная характеръ попечителя, не

обижались этимъ, да и ученики, по этой же причинѣ, не измѣняли своего уваженія къ наставникамъ. Попечитель, съ своей стороны не сохранялъ злобы къ получившему выговоръ учителю, но считалъ свои слова достаточно сильными, чтобы понудить его къ лучшему преподаванію.—Я испыталъ это на себѣ, бывши уже учителемъ; но отъ этого благосклонное расположеніе ко мнѣ Михаила Николаевича и моя къ нему преданность нисколько не измѣнились.

Иногда попечитель отправлялся въ столовую или спальныя. Словомъ, ни одного предмета гимназическаго вѣдомства не оставлялъ онъ безъ надзора и исправленія. А оттого, вся гимназія, по наружному виду, блестѣла какъ золото.

Особенно онъ не любилъ, когда, прійдя въ классъ, не заставалъ тамъ опоздавшаго учителя: гонка за это была неминуемая, шумная и строгая. Но тѣмъ дѣло и оканчивалось: о предложеніяхъ, взысканіяхъ, арестахъ, вычетахъ изъ жалованья у насъ не было и помину.

Да вознаградитъ Господь Богъ на томъ свѣтѣ этого достойнаго человѣка!

Не было при немъ ни волненій, ни демонстрацій. Духъ Самодержавія, Православія и Народности, принятый нашимъ попечителемъ въ основу всѣхъ его дѣйствій и распоряженій, постоянно господствовалъ между нами. Духъ этотъ развилъ въ насъ теплую вѣру въ Бога и въ ученіе Святой Православной церкви; внушилъ намъ непоколебимую любовь къ Престолу и отечеству и сопутствуетъ до сихъ поръ оставшимся въ живыхъ на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности. Мы не вдавались въ утопіи, не выдумывали теорій,—но были счастливы! Не многіе оставили по себѣ такой нетлѣнный памятникъ, какъ Мусинъ-Пушкинъ!" (Истор. Зап. Владимірова Т. II. стр. 201—203)

О нынѣшнемъ попечителѣ Казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестаковѣ въ исторической запискѣ о первой Казанской гимназіи говорится слѣдующее:

„Вступивъ въ управленіе округомъ въ то самое время, когда послѣдовало вообще въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ измѣненіе прежняго порядка воспитанія и образованія, а новыя начала еще не могли вполнѣ установиться, П. Д. Шестаковъ обратилъ особенное вниманіе какъ на учебную, такъ и на нравственно-религіозную часть ввѣреннаго ему округа. Состояніе учебной части въ гимназіяхъ при поступ-

леніи И. Д. Шестакова въ управленіе Казанскимъ учебнымъ округомъ вполнѣ изображено въ циркулярѣ его по округу отъ 12-го февраля 1864 года.

„Всматриваясь въ учебныя заведенія округа, говоритъ И. Д. Шестаковъ, которыя я ревизовалъ, я не могъ не замѣтить въ нихъ одного чрезвычайно важнаго и существеннаго недостатка, именно отсутствія единодушія въ дѣйствіяхъ членовъ заведенія. Отсюда естественно вытекаютъ всѣ остальныя погрѣшности какъ въ отношеніи учебномъ, такъ и нравственномъ.

Отсюда отсутствіе педагогической жизни и движенія въ засѣданіяхъ педагогическихъ совѣтовъ. Отсюда чрезвычайное разнообразіе въ способахъ преподаванія даже у двухъ преподавателей одного и того же предмета въ одномъ и томъ же заведеніи (н. п. русскаго языка, математики, новыхъ языковъ.) Одни преподаватели читаютъ лекціи, не заботясь о томъ, на сколько содержаніе ихъ лекцій усвоивается учениками, и забывая о томъ, что урокъ не лекція, что урокъ по возможности долженъ быть постоянною бесѣдою учителя съ учениками, что обязанность учителя—болѣе пускать въ дѣло ученика, а самому руководить работою ученика, направлять его и приводить къ указанію научной истины не путемъ повторенія словъ учителя, а путемъ вдумчивости въ предметъ размышленія и работы надъ нимъ. Другіе преподаватели цѣлый классъ проводятъ въ повтореніи уроковъ, занимаясь долгое время спрашиваніемъ одного ученика и оставляя другихъ безъ дѣла, иные бесѣдуютъ съ учениками и при своихъ объясненіяхъ вызываютъ ихъ на отвѣты. Одинъ учитель языка преимущественно и почти исключительно занимается грамматикой, доводя свои уроки до nec plus ultra сухости, другой напротивъ все переводитъ да переводитъ, не обращая вниманія на то, знакомы ли ученики, не говорю, съ духомъ языка, но хотя съ формами, пріобрѣтаютъ ли они запасъ словъ или переводятъ наизусть, заучивши дома записанный въ классѣ переводъ.

Еще болѣе разнообразія въ томъ, какъ держатъ себя преподаватели въ классѣ: одинъ учитель постоянно ходитъ по классу, даже во время объясненія урока, и принуждаетъ чрезъ то учащихся безпрестанно поворачивать головы въ разныя стороны; другой напротивъ цѣлый классъ сидитъ на учи-

тельскомъ креслѣ, чтобы ученики ни дѣлали; третій станетъ куда нибудь въ сторону за лавки и оттуда спрашиваетъ и объясняетъ, такъ что многихъ учениковъ совсѣмъ не можетъ видѣть, да и они-то его видятъ не совсѣмъ хорошо.

Но самое поразительное разнообразіе представляется въ классной дисциплинѣ,—въ держаніи учениковъ, въ обращеніи съ ними, въ требовательности къ нимъ. Есть преподаватели, хорошо знающіе свой предметъ, хорошо читающіе лекціи, но ни малѣйшаго вниманія не обращающіе на то, какъ держатъ себя ученики въ классѣ, такъ что у нихъ одни ученики сидятъ и слушаютъ, другіе почти лежатъ развалившись, на локтяхъ, иные разговариваютъ и пересмѣваются; одни читаютъ постороннія книги, другіе играютъ во что нибудь; иные готовятъ урокъ слѣдующему учителю или пишутъ, или читаютъ, или перелистываютъ книги, тетради и т. п. Одинъ преподаватель требуетъ, чтобы прочитана была молитва предъ началомъ и при концѣ ученія, другой же не обращаетъ на это вниманія, иногда самъ первый уйдетъ до молитвы. Одинъ преподаватель требуетъ, чтобы ученики спрашивали у него позволенія, если желаютъ выйти изъ класса, другой заранѣе объявляетъ, что, кто хочетъ, можетъ выходить безъ спроса; одинъ преподаватель требуетъ, чтобы ученики отвѣчали стоя, другой позволяетъ отвѣчать сидя. Одни любятъ, когда ученики спрашиваютъ у нихъ объясненій,—если его не поймутъ изъ урока; другіе терпѣть этого не могутъ и строго преслѣдуютъ за это учениковъ. Одни не позволяютъ ученикамъ пустыхъ и неидущихъ къ дѣлу вопросовъ въ классѣ, другіе сами не прочь поговорить о постороннемъ, лишь бы сократить время урока. Одни требуютъ, чтобы тетради учениковъ были чисты и опрятны; другіе смотрятъ лишь на сущность и похвалятъ ученика, хотя бы написано было черно и небрежно. Одни не прощаютъ ученику грубаго и дерзкаго слова и записываютъ провинившагося въ штрафную книгу; другіе промолчатъ на грубость, иные сами обругаютъ ученика. Одни не позволяютъ себѣ ни одного невѣжливаго слова ученику какъ низшихъ классовъ, такъ и высшихъ; другіе, не церемонясь съ учениками низшихъ классовъ, чрезъ мѣру почтительны къ ученикамъ классовъ высшихъ, особенно къ вліятельнымъ изъ нихъ. Одни просматриваютъ и поправляютъ письменныя упражненія учениковъ, а при разборѣ этихъ трудовъ

справедливы и гуманны; другіе держатъ ученическія тетради по цѣлымъ мѣсяцамъ, или совсѣмъ не поправляютъ, или поправляютъ поверхностно, во время урока; иные при разборѣ ученической работы пронируютъ и глумятся надъ учениками.

Понятно, при такомъ разнообразіи дѣйствій преподавателей одного заведенія, ученики теряютъ всякую возможность получить твердое нравственное направленіе, они часто безъ вины виноваты, дѣлая у г. А то, чего г. А. не дозволяетъ, но что не только дозволяетъ, но даже и поощряетъ г. В. Понятно, что преподаватели въ мнѣніи воспитанниковъ раздѣляются на добрыхъ и дурныхъ, на прогрессистовъ и отсталыхъ, на либераловъ и консерваторовъ. Присоедините къ этому отсутствіе консеквентости въ назначеніи дисциплинарныхъ мѣръ и взысканій: наказаніе за одинъ и тотъ же проступокъ одного строже, другого слабѣе, назначеніе одного и того же наказанія и въ той же степени за совершенно различные проступки, смотрѣніе сквозь пальцы на дерзкія выходки учениковъ старшихъ классовъ, и Вы (директоръ гимназіи) согласитесь, что, при такомъ складѣ заведенія, оно не можетъ быть ни учебнымъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, ни тѣмъ менѣе воспитательнымъ".

Далѣе П. Д. Шестаковъ предлагаетъ на обсужденіе педагогическихъ совѣтовъ гимназій мѣры, ведущія къ лучшему образованію, воспитанію и обученію въ гимназіяхъ. Но болѣе всего П. Д. Шестаковъ старался при всякомъ случаѣ вкоренить въ сердцахъ наставниковъ и воспитанниковъ Казанскаго учебнаго округа правила христіанской вѣры. Вотъ что мы находимъ по этому поводу въ его распоряженіяхъ по округу отъ 7-го апрѣля того же 1864 года.

„До свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторые преподаватели, увлекаясь духомъ всеразрушающаго анализа и скептицизма, проявляющагося во многихъ сочиненіяхъ ученыхъ новѣйшаго времени, дозволяютъ себѣ на своихъ урокахъ проводить идеи, несогласныя съ религіею и подрывающія авторитетъ преданій и писаній Святой Православной церкви, позабывая о томъ, что образованіе тогда только и стоитъ на незыблемомъ фундаментѣ, когда совершается въ христіанскомъ духѣ.—Эти по временамъ встрѣчающіяся увлеченія наставниковъ и были, конечно, причиною того нареканія

въ антирелигіозномъ или недостаточно-религіозномъ направленіи.

Для уничтоженія всякихъ поводовъ къ такому страшному нареканію необходимо утвержденіе учениковъ въ единственно твердомъ и спасительномъ направленіи—религіозномъ. Для этого не достаточно дѣятельности одного законоучителя, какъ бы она ни была энергична и постоянна. Для этого всѣ науки должны быть преподаваемы въ христіанскомъ духѣ, всѣ преподаватели должны содѣйствовать законоучителю дѣломъ и словомъ въ распространеніи между воспитанниками любви и благоговѣнія къ религіи и писаніямъ, излагающимъ ученіе вѣры.

Преподаваніе только тогда и плодотворно, когда носитъ на себѣ печать истины. А истина проявляется тогда, когда въ преподавателѣ Закона Божія ученики видятъ человѣка Божія, соединяющаго съ надлежащимъ образованіемъ святость жизни и постоянную ревность о славѣ Божіей и о вѣчномъ спасеніи учениковъ; — если уроки и наставленія его исходятъ изъ сердца, полнаго христіанской любви, то они проникнутъ и въ сердце дѣтей, когда и всѣ прочіе наставники ведутъ дѣтей въ томъ же духѣ уваженія къ церкви и религіи. Истина исчезаетъ, если исторія и догматы церкви передаются холодно, ввѣряются только памяти учениковъ; если въ языкахъ, въ исторіи, географіи и естественной исторіи преобладаетъ духъ, не имѣющій ничего общаго съ духомъ Священнаго Писанія; если хоть одинъ преподаватель высказываетъ на своихъ уроках положенія, идущія въ разрѣзъ съ Священнымъ Писаніемъ и потому поселяющія въ впечатлительныхъ душахъ дѣтей и юношей недовѣріе къ Слову Божію. Гимназія, по самому существу своему, есть общеобразовательное заведеніе, имѣющее цѣлію по возможности гармонически развить въ ученикахъ всѣ душевныя способности. Поэтому въ ней равно должны находить пищу и умъ, и сердце, и воля, а не одинъ только умъ. Поэтому въ нее не должна входить полемика, не должны приниматься въ ней ученыя изслѣдованія, коренящіяся лишь въ почвѣ болѣе или менѣе правдоподобныхъ догадокъ и предположеній.—Одностороннее развитіе есть не развитіе, а извращеніе природы. Вѣра — дѣло сердца, и вносить въ дѣла вѣры пытливое изслѣдованіе ограниченнаго разума значитъ изсушать и ожесточать сердце и ставить преграду гармоническому развитію всѣхъ способностей души".

Далѣе П. Д. Шестаковъ предлагаетъ директорамъ гимназій „обратить вниманіе какъ преподавателей, такъ и надзирателей на то, что тѣ и другіе—воспитатели, что тѣ и другіе обязаны, какого бы вѣроисповѣданія они сами ни были, въ словахъ и поступкахъ своихъ обнаруживать полное уваженіе къ религіи и къ обрядамъ господствующей церкви. Кто изъ нихъ питаетъ противоположныя убѣжденія, тотъ поступитъ честнѣе, оставивъ службу, чѣмъ, оставаясь на ней, проводить свои убѣжденія, вредныя для учениковъ.— Воспитанники, какъ всѣмъ извѣстно, чрезвычайно внимательно слѣдятъ, можно сказать, за каждымъ шагомъ своихъ воспитателей, ни одно движеніе не ускользаетъ отъ нихъ.— По причинѣ этой-то наблюдательности дѣтскаго возраста и слѣдуетъ воспитателямъ быть очень осторожными въ своихъ словахъ и поступкахъ, очень внимательными къ каждому своему движенію. Во время своей педагогической практики я убѣдился, что самыя повидимому незначительныя дѣйствія со стороны воспитателя во время церковной службы, напримѣръ вопросъ надзирателя иностранца, обращенный къ воспитанникамъ „скоро ли кончится", разсѣянное его смотрѣніе по сторонамъ, играніе его часовою цѣпочкою производили соблазнъ къ воспитанникамъ и разсѣянность. Я не говорю уже о болѣе важныхъ неосторожныхъ поступкахъ, каковы: выходъ изъ церкви, чтобы посидѣть, отдохнуть на паперти, заявленіе о томъ, что священникъ слишкомъ долго служитъ неудовольствіе, выраженное за стояніе на колѣняхъ, за постную пищу и т. п. Подобное открытое заявленіе не въ пользу церковныхъ постановленій есть чистый проступокъ со стороны воспитателя, совершенно непростительный и показывающій, что онъ не имѣетъ понятія о своей обязанности. Воспитатель и словомъ и дѣломъ долженъ служить образцомъ для своихъ воспитанниковъ".

Можно утвердительно сказать, что на сколько былъ полезенъ циркуляръ 12 февраля 1864 года въ учебной части, на столько же принесло пользы и религіозно-нравственной части распоряженіе 7-го апрѣля того же 1864 года". (Ист. Зап. Владимірова т. II, стр. 495—500).

Дальнѣйшія многочисленныя распоряженія П. Д. Шестакова служатъ развитіемъ началъ, изложенныхъ въ двухъ приведенныхъ циркулярахъ. Ясно, что дѣятельность этого попечителя въ высшей степени плодотворна для всего Ки-

занскаго округа. Но Казанскія гимназіи имѣютъ ближайшую возможность пользоваться руководствомъ своего высокоуважаемаго начальника. Вторая Казанская гимназія особенно обязана П. Д. Шестакову 1) за его дѣятельное, увѣнчавшееся успѣхомъ, ходатайство о введеніи штатовъ по уставу 1864 года, 2) за энергическій образъ дѣйствій по прінсканію средствъ на пристройку къ зданію гимназіи (см. выше ст. о помѣщеніи гимназіи). Поэтому педагогическій совѣтъ второй гимназіи, по предложенію директора, еще 12 марта 1870 года, постановилъ ходатайствовать о дозволеніи поставить въ залѣ гимназіи портретъ попечителя Казанскаго учебнаго округа—Тайнаго Совѣтника П. Д. Шестакова. Это ходатайство получило желаемый результатъ.

Почетными попечителями обѣихъ Казанскихъ гимназій были:

1) *Еремѣевъ* Павелъ Ивановичъ съ 1835 по 1839 годъ.

2) Штабъ-Ротмистръ Николай Михайловичъ *Теренинъ* съ 1839 по 1842.

3) Коллежскій ассесоръ *Депрейсъ* Николай Ивановичъ съ 13 февраля 1842 по 15 марта 1854 года.

4) Статскій Совѣтникъ Михаилъ Ивановичъ *Мельниковъ* съ 11 мая 1854 по 1860 годъ.

5) Коллежскій Совѣтникъ, въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества, *Осокинъ* Алексѣй Гавриловичъ съ 1860 по 1866 годъ.

Составъ гимназіи.

Первоначально при гимназіи состояли: директоръ, инспекторъ, законоучитель, шесть старшихъ учителей (учитель русской словесности, два учителя латинскаго языка, два—математики и одинъ—исторіи) и трое младшихъ учителей (по одному для языковъ французскаго и нѣмецкаго, одинъ для русскаго языка и географіи, и одинъ учитель искуствъ). Въ 1837 году прибавлено два младшихъ учителя для языковъ нѣмецкаго и французскаго. Въ 1843 году прибавленъ старшій учитель для греческаго языка. Въ 1849 году русскій языкъ отдѣленъ отъ географіи, для которой назначенъ особый преподаватель; отъ того число младшихъ учителей увеличилось однимъ (всего 7). Въ тоже время, съ отмѣною преподаванія латинскаго языка въ первыхъ трехъ классахъ остался одинъ учитель для этого языка вмѣсто двухъ, какъ было прежде; вмѣсто того, со введеніемъ законовѣдѣнія, прибавленъ старшій учитель для преподаванія этого предмета

(всего 7) Въ 1852 году вмѣсто греческаго языка введена естественная исторія и старшій учитель греческаго языка замѣненъ старшимъ учителемъ естественной исторіи.

Съ 1839 года при гимназіи состоялъ надзиратель за воспитанниками и медикъ. Канцелярія директора состояла сначала изъ письмоводителя и писца, а въ 1858 году прибавленъ бухгалтеръ.

Директоръ, инспекторъ, законоучитель, старшіе учителя, трое младшихъ учителей и учитель искуствъ получали жалованіе изъ государственнаго казначейства, равно какъ письмоводитель и писецъ; остальные же младшіе учителя (одинъ нѣмецкаго, одинъ французскаго и учитель географіи), надзиратель и бухгалтеръ изъ нештатныхъ суммъ; медикъ служилъ безвозмездно.

По ходатайству начальства округа, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія 18 декабря 1840 года разрѣшилъ имѣть при гимназіи другого надзирателя за вольно-приходящими учениками, съ жалованьемъ по 171 руб. 59 коп. въ годъ, изъ экономическихъ суммъ гимназіи. Но такъ какъ этихъ суммъ было не достаточно, то и производить изъ нея означенное жалованье было невозможно; поэтому опредѣленный на мѣсто 2-го надзирателя въ 1840 году исправлялъ должность надзирателя безплатно. Въ 1863 году, по представленію директора, жалованье второму надзирателю разрѣшено было производить изъ общихъ остатковъ отъ личнаго состава по 294 руб. Но такъ какъ надзиратель не пользовался казенною квартирою, то въ 1866 году разрѣшено производить ему квартирныя деньги по 120 руб. въ годъ изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

Преподавателю закона Божія ученикамъ лютеранскаго исповѣданія, который долгое время преподавалъ безплатно, разрѣшено, по представленію директора, производить жалованье также съ 1863 года изъ общихъ остатковъ отъ личнаго состава по 75 руб. въ годъ.

Плату за исполненіе обязанностей учителями библіотекаря и секретаря педагогическаго совѣта разрѣшено, по представленію директора, производить, по неассигнованію суммы по штатамъ 1864 года, съ 1 іюля 1865 года изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи, по 120 руб. каждому въ годъ.

По случаю преобразованія гимназіи съ 1 января 1866 года изъ реальной въ классическую съ двумя древними языками,

согласно уставу 19 ноября 1864 года, положено имѣть при ней слѣдующихъ лицъ: директора, инспектора, законоучителя, учителей: русскаго языка съ церковно-славянскимъ и словесности (2), латинскаго и греческаго языковъ (4), математики, физики, естественной исторіи и космографіи (2), исторіи и географіи (1), нѣмецкаго языка (1), французскаго языка (1), чистописанія, рисованія и черченія (1), двухъ воспитателей, врача, учителей пѣнія и гимнастики, письмоводителя и наемнаго писца.

По новымъ штатамъ жалованье ассигновано съ 1-го іюля 1868 года директору, инспектору и всѣмъ преподавателямъ, за исключеніемъ учителя греческаго языка, на жалованье которому ассигнована сполна сумма съ 1869 года; воспитателямъ же, учителямъ пѣнія и гимнастики и врачу жалованье по тѣмъ штатамъ ассигновано не было. Что же касается до жалованья письмоводителю, бухгалтеру и писцу, то оно производилось имъ по прежнимъ штатамъ.

Штатъ гимназіи по уставу 1871 года.

	Число лицъ.	Число уроковъ.	Годовое содержаніе. Рубли.	Классъ должности.	Разряды: Мундира.	Разряды: Пенсіи.
Директору (при казенной квартирѣ)	1	—	1.200	V	V	По учебной службѣ.
Ему столовыхъ	—	—	800			
Инспектору (при казенной квартирѣ)	1	—	900	VI	VI	
Ему столовыхъ	—	—	600			
Законоучителю	1	12	900			
Учителямъ:						
Русскаго языка, съ церковно-славянскимъ	2	22	13,070 рублей.	VIII	VIII	
Латинскаго и греческаго	4	72 (73)				
Логики	—	(1)				
Математики, физики, математической географіи и естествовѣдѣнія	2	31				
Исторіи и географіи	1	19				
Нѣмецкаго языка	1	17				
Французскаго языка	1	17				

Учителю чистописанія	1	5	250	IX	IX	VII
Классным̃ наставникам̃	5	—	800			
Ихъ помощникамъ (при казенныхъ квартирахъ) . . .	2	—	600	X	X	по уч. сл.
Врачу	1	—	300	VIII	VIII	по мед. сл.
На плату учителямъ пѣнія и гимнастики	—	—	500			
Письмоводителю или бухгалтеру	1	—	200	X	X	VIII
Ему столовыхъ.	—	—	200			
На канцелярскіе расходы и на наемъ писца . . .	—	—	300			
На учебныя пособія . .	—	—	400			
Добавочное жалованье секретарю совѣта и библіотекарю.	—	—	240			
Итого. .	—	—	21,260			

Примѣчанія: 1) Въ гимназіяхъ, въ коихъ, согласно съ примѣчаніемъ 1-мъ къ § 9, полагаются инспекторы изъ числа преподавателей, они получаютъ, сверхъ преподавательскаго оклада и вообще вознагражденія за свои уроки, еще 750 руб. добавочнаго жалованья и пользуются въ отношеніи пенсіи и другихъ служебныхъ правъ одинаковымъ положеніемъ со штатными инспекторами; остающіеся же отъ нормальнаго оклада инспектора 750 руб. употребляются на особое вознагражденіе учителямъ отечественнаго и древнихъ языковъ за исправленіе ученическихъ упражненій, въ размѣрѣ не менѣе 100 руб. каждому, а имѣющая затѣмъ остаться сумма—на учебныя пособія; въ тѣхъ же гимназіяхъ, въ коихъ будутъ особые инспекторы, особое вознагражденіе учителямъ за исправленіе ученическихъ упражненій, въ случаѣ недостатка штатныхъ суммъ, производится изъ спеціальныхъ суммъ гимназіи и пансіона, притомъ по возможности въ размѣрѣ 100 руб. на каждаго.

2) На основаніи § 58, учителя наукъ и языковъ раздѣляются на 4 разряда по окладамъ жалованья (750, 900, 1,250 и 1,500 руб. за 12 уроковъ), съ вычетомъ за каждый изъ недостающихъ до 12 уроковъ въ соразмѣрности съ получаемымъ окладомъ.

СПИСОКЪ

чиновниковъ гимназіи.

Директоры:

1) *Львовъ Михаилъ Николаевичъ* воспитывался въ училищѣ корабельной архитектуры. По окончаніи здѣсь курса, служилъ спачала по кораблестроительной части, нѣсколько времени управлялъ Казанскимъ адмиралтействомъ и 8 февраля 1828 года уволенъ отъ службы по прошенію. Въ маѣ того же года вновь поступилъ на службу исправляющимъ должность инспектора студентовъ Казанскаго университета, а 30 октября назначенъ директоромъ главнаго народнаго училища въ Казани; въ тоже время, за отсутствіемъ профессора, читалъ въ университетѣ лекціи фортификаціи и артиллеріи; въ 1829 году съ 15 іюля по 5 августа исправлялъ должность директора Казанской гимназіи (нынѣ 1-ая гимназія), а въ 1835 году, при преобразованіи учебныхъ заведеній Казанскаго учебнаго округа по уставу 1828 года, опредѣленъ директоромъ вновь открывшейся тогда въ Казани второй гимназіи. Въ этой должности оставался до 14 мая 1844 года, когда сдалъ ее по болѣзни инспектору гимназіи Скорнякову, и умеръ 16 мая 1844 года въ чинѣ надворнаго совѣтника. Во время службы Михаилъ Николаевичъ получалъ нѣсколько разъ благодарность отъ начальства и денежныя награды, и однажды Высочайшее благоволеніе.—Имѣлъ орденъ Станислава 3 степени и пряжку за XX лѣтъ безпорочной службы.

2) *Ковалевскій Осипъ Михайловичъ* получилъ воспитаніе въ Гродненской гимназіи и Виленскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ съ званіемъ кандидата филологическихъ наукъ. Въ 1824 году переведенъ въ Казанскій университетъ для изученія восточныхъ языковъ и причисленъ къ педагогическому институту. 17 ноября 1828 года отправленъ былъ въ Иркутскъ для изученія монгольскаго языка и шесть мѣсяцевъ путешествовалъ между забайкальскими бурятами и тунгусами; 30 августа 1830 года отправленъ былъ въ Пекинъ съ духовной миссіей, въ качествѣ письмоводителя при приставѣ оной, для дальнѣйшаго образованія и пріобрѣтенія монгольскихъ и китайскихъ книгъ для универси-

тета. Изъ этого путешествія возвратился 1 сентября 1831 года и чрезъ два года опредѣленъ адъюнктъ-профессоромъ монгольской словесности при Казанскомъ университетѣ, а съ 1837—ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ. По смерти М. Н. Львова, исправлялъ должность директора второй гимназіи и утвержденъ въ этой должности 27 іюня 1844 года. 14 мая 1855 года былъ опредѣленъ ректоромъ Казанскаго университета. За особые труды и усердіе по службѣ получалъ благодарности отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, отъ университета, отъ попечителя округа, и нѣсколько разъ былъ награждаемъ денежно отъ Высочайшаго имени. Отъ Его Величества Короля Прусскаго получилъ при рескриптѣ золотую медаль въ уваженіе къ усерднымъ занятіямъ монгольскою словесностію. За особые труды при Пекинской миссіи Высочайше награжденъ бриллiантовымъ перстнемъ. Имѣлъ орденъ Св. Владиміра 3 степени, Станислава 2 ст., Владиміра 4 ст. и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. За ученые труды былъ избранъ въ члены — корреспонденты Императорской академіи наукъ, въ дѣйствительные члены Азіатскаго общества въ Парижѣ и сѣвернаго королевскаго общества антикваріевъ въ Копенгагенѣ.

3) *Имшеникъ Осипъ Антоновичъ* воспитывался въ Бѣлостокской гимназіи, а потомъ въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ по математическому разряду кандидатомъ съ золотою медалью. 18 января 1846 года опредѣленъ старшимъ учителемъ математики въ высшіе классы второй Казанской гимназіи, на мѣсто Епанечникова. Въ 1849 году ему поручена должность инспектора, въ которой и былъ утвержденъ 22 января 1850 года. 24 января 1856 года назначенъ исправляющимъ должность директора и утвержденъ въ этой должности 5 сентября 1859 года. За отличіе по службѣ получилъ нѣсколько денежныхъ наградъ и чинъ Коллежскаго Совѣтника. За вполнѣ полезное и дѣятельное содѣйствіе при устройствѣ женскаго училища 1-го разряда въ г. Казани, Всемилостивѣйше пожалованъ въ 1860 году кавалеромъ ордена Св. Станислава 2-ой степени, украшеннаго Императорскою короною, а въ 1865 году за отлично усердную службу награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени. Въ память войны 1853—1856 годовъ имѣетъ бронзовую медаль на Владимірской лентѣ. За полезные труды по

наблюденію за открытыми при гимназіи землемѣро-таксаторскими классами и за ходомъ въ нихъ преподаванія, выдано ему, съ разрѣшенія г. управляющаго межевымъ корпусомъ, въ награду въ теченіе трехъ лѣтъ (1865, 1866 и 1867 гг.) 450 руб. Отъ занятій по званію члена попечительнаго совѣта женскаго училища былъ, согласно прошенію, освобожденъ, при чемъ въ циркулярѣ по Казанскому учебному округу 1-го ноября 1867 года, объявлена ему искренняя благодарность отъ г. попечителя округа за многолѣтніе и усердные труды по тому училищу, со внесеніемъ въ формулярный списокъ. За отлично-усердную службу и полезные труды награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени, украшеннымъ Императорскою короною, 20 декабря 1868 года.—Приказомъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 30 января 1871 года оставленъ на службѣ на пять лѣтъ. Приказомъ г. Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія, сверхъ получаемаго по службѣ жалованья, назначена ему пенсія въ количествѣ 800 руб. въ годъ со дня выслуги 25 лѣтняго срока, съ 18 января 1871 года. По случаю введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ $\frac{19 \text{ іюня}}{1 \text{ іюля}}$ 1871 года измѣненій и дополненій къ Уставу гимназій, ему поручено преподаваніе математики въ гимназіи съ 1 августа 1871 года съ производствомъ жалованья. За отлично усердную службу и особые труды 24 декабря 1871 года пожалованъ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника. Въ воздаяніе отлично усердной и ревностной службы, 1 января 1874 года пожалованъ орденомъ Св. Равноапостольнаго князя Владиміра 3 степени.

20-го апрѣля 1859 года былъ командированъ въ Москву и Петербургъ для осмотра тамошнихъ учебныхъ заведеній. 24-го апрѣля 1862 года былъ командированъ тоже съ педагогическою цѣлью въ Петербургъ, въ Гродно и Варшаву. Интересные отчеты объ этихъ командировкахъ находятся при дѣлахъ гимназіи. И безъ того опытный, а теперь, послѣ осмотра среднихъ учебныхъ заведеній означенныхъ городовъ, обогатившись еще большею опытностью, директоръ Имшеникъ, конечно, не замедлилъ примѣнить эту опытность ко благу ввѣреннаго ему заведенія. Мотивомъ къ командировкѣ 1862 года попечитель князь Вяземскій выставлялъ то, что онъ, попечитель, желаетъ, чтобы Казан-

скія гимназіи, особенно директоры ея, служили образцомъ для прочихъ гимназій и директоровъ округа. Какъ видно, директоръ Имшеникъ вполнѣ оправдалъ такое ожиданіе попечителя. Ревностное и безустанное исполненіе всѣхъ возлагаемыхъ на него обязанностей и порученій, вѣрное и мѣткое пониманіе всѣхъ правительственныхъ и начальственныхъ распоряженій и умѣнье проводить ихъ съ полнымъ тактомъ, отсутствіе рѣзкости обращенія и въ то же время послабляющей фамильярности съ подчиненными ему, благоразумная твердость и находчивость,—вотъ въ краткихъ словахъ характеристика О. А. Имшеника. Поэтому, на сколько намъ извѣстно, онъ всегда былъ на высокомъ счету у начальства. Но заслуги О. А. Имшеника и его полезную дѣятельность всегда цѣнили и подчиненныя ему лица и учрежденія. Доказательства этого слѣдующія: въ 1871 году, по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія службы О. А. Имшеника, смотрители и учители уѣздныхъ училищъ (которыя въ то время были въ вѣдѣніи директора 2-ой губернской Казанской гимназіи,) по добровольной подпискѣ учредили при второй Казанской гимназіи стипендію имени своего начальника. За тѣмъ въ 1871 году 19 января, въ день окончанія 25-ти лѣтія службы Ѳ. А. Имшеника, домашніе учителя поднесли ему поздравительный адрссъ и, въ знакъ памяти и бладарности къ своему начальнику, принесли въ даръ 2-ой Казанской гимназіи планетарій. Мѣстное Казанское общество, на сколько намъ извѣстно, тоже всегда высоко смотрѣло на директора второй Казанской гимназіи. Это, между прочимъ, выразилось въ пожертвованіи 12,000 рублей на пристройку къ зданію гимназіи,—пожертвованіи, состоявшемся по ходатайству директора. Ученики второй Казанской гимназіи, какъ бывшіе, такъ и настоящіе, на сколько извѣстно, съ благодарностью произносили и произносятъ имя О. А. Имшеника.

Вторая Казанская гимназія, какъ ближайшая свидѣтельница заслугъ и трудовъ своего директора, менѣе всего могла удержаться отъ выраженія доказательствъ своего уваженія и признательности къ нему. Поэтому 5 января 1874 года, подъ предсѣдательствомъ инспектора, происходило засѣданіе педагогическаго совѣта, на которомъ постановлено ходатайствовать о разрѣшеніи поставить въ залѣ гимназіи портретъ директора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника

О. А. Имшеника. 24 февраля 1874 года на это послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Ходатайство свое совѣтъ мотивировалъ тѣмъ, что директоръ Имшеникъ, помимо внимательнаго отношенія ко всѣмъ нуждамъ заведенія, помимо дѣятельныхъ заботъ о томъ, чтобы гимназія стояла на возможно высокой степени совершенства по всѣмъ частямъ—учебной, нравственной и хозяйственной,—помимо всего этого онъ заслуживаетъ всегдашней признательности за дѣятельныя хлопоты по пристройкѣ къ зданію гимназіи. Дѣйствительно всякій, кто только знаетъ и испыталъ, какъ вредны были гигіеническія условія въ старомъ помѣщеніи гимназіи, долженъ согласиться, что исправленіе и увеличеніе зданія гимназіи составляетъ подвигъ директора Имшеника въ истинномъ смыслѣ слова. Не даромъ же въ нашей исторической запискѣ такъ много говорилось о старомъ и новомъ помѣщеніи второй Казанской гимназіи.

И такъ въ залѣ второй Казанской гимназіи находятся портреты: 1) Государя Императора, 2) г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Графа Д. А. Толстаго, 3) г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, Тайнаго Совѣтника П. Д. Шестакова и 4) директора гимназіи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника О. А. Имшеника. Кромѣ того въ залѣ гимназіи къ стѣнѣ прибита позолоченная дощечка съ слѣдующею отгравированною на ней надписью: „пристройка ко второй Казанской гимназіи, передѣлка и возобновленіе ея на сумму 12,000 рублей, пожертвованную Казанскимъ городскимъ обществомъ при городскомъ головѣ, дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ, Э. П. Янишевскомъ и 16,300, ассигнованныхъ изъ государственнаго казначейства, произведены въ 1873 и 1874 годахъ при г. Министрѣ Народнаго Просвѣщенія, Дѣйствительномъ Тайномъ Совѣтникѣ, Графѣ Д. А. Толстомъ, при г. Попечителѣ Казанскаго Учебнаго Округа, Тайномъ Совѣтникѣ П. Д. Шестаковѣ, при директорѣ означенной гимназіи, дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ О. А. Имшеникѣ“.

Эти портреты и эта дощечка, равно какъ и постоянная золотая доска, на которую занесены имена всѣхъ учениковъ, кончившихъ курсъ съ золотою медалью, служатъ нагляднымъ доказательствомъ, что вторая Казанская гимназія нѣкоторымъ образомъ успѣла уже обогатиться преданіями и имѣ-

етъ, такъ сказать, вещественную исторію, вызывающую собою исторію и писанную. (См. предисловіе въ концѣ)

Инспекторы.

1) *Фонъ-Гине* Василій Ѳедоровичъ. Кандидатъ юридическихъ наукъ Императорскаго Казанскаго университета, былъ сначала комнатнымъ надзирателямъ, потомъ старшимъ учителемъ исторіи и географіи въ 1-ой гимназіи; далѣе служилъ помощникомъ инспектора студентовъ Казанскаго университета, главнымъ надзирателемъ 1-ой гимназіи и, наконецъ, 1 іюля 1835 года назначенъ инспекторомъ во вторую Казанскую гимназію. За труды по первой гимназіи награжденъ золотыми часами, а за устройство 2-ой получилъ благодарность Министра Народнаго Просвѣщенія.

2) *Папютинъ* Николай Александровичъ. Кончилъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ на физикоматематическомъ факультетѣ Императорскаго Казанскаго университета; былъ учителемъ естественной исторіи, потомъ инспекторомъ въ Саратовской гимназіи, а 22 марта 1838 году опредѣленъ инспекторомъ же во вторую Казанскую гимназію. Въ 1840 году былъ командированъ въ Москву и Петербургъ. За усердіе по службѣ получилъ двѣ денежныя награды; 31 декабря 1840 года назначенъ директоромъ Пензенскаго дворянскаго института.

3) *Скорняковъ* Петръ Гавриловичъ. По окончаніи курса въ Симбирской гимназіи, служилъ учителемъ русскаго языка въ Корсунскомъ и Симбирскомъ уѣздныхъ училищахъ, потомъ комнатнымъ надзирателемъ и учителемъ русскаго языка въ 1-й Казанской гимназіи. Въ 1822 году удостоенъ званія дѣйствительнаго студента, былъ учителемъ логики и россійской словесности, а потомъ, съ 1837 года, инспекторомъ въ 1-й Казанской гимназіи. Въ 1841 году перемѣщенъ на ту же должность во вторую гимназію. За усердную службу получилъ Высочайшее благоволеніе, нѣсколько денежныхъ наградъ и благодарностей; 17 ноября 1846-го года назначенъ директоромъ Вятской гимназіи.

4) *Лопатинъ* Василій Гавриловичъ. Кандидатъ филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго университета, служилъ старшимъ учителемъ исторіи, географіи и статистики въ Вятской гимназіи, былъ инспекторомъ той

же, а потомъ Пермской гимназіи. Отсюда перемѣщенъ къ той же должности во вторую Казанскую гимназію 17 ноября 1846 года. За усердіе по службѣ получилъ нѣсколько денежныхъ наградъ, бриліантовый перстень, пряжку за 20 лѣтъ и орденъ Св. Станислава 3 ст. Умеръ въ чинѣ Надворнаго Совѣтника въ 1847 году.

5) *Позернъ* Иванъ Карловичъ. Кандидатъ восточной словесности Императорскаго Казанскаго университета, служилъ помощникомъ инспектора студентовъ того же университета, а потомъ съ 8 іюня 1843 года старшимъ учителемъ исторіи и статистики во второй Казанской гимназіи. Въ тоже время онъ преподавалъ исторію и географію въ Родіоновскомъ институтѣ. По смерти Лопатина (12 сентября 1847 года) исправлялъ должность инспектора, а 12 мая 1849 года перемѣщенъ къ той же должности въ Нижегородскій Александровскій институтъ.

6) *Имшеникъ* Осипъ Антоновичъ былъ инспекторомъ съ 14 мая 1849 по 24 января 1856 года (см. директоры).

7) *Цилли* Эдуардъ Ивановичъ. Получилъ воспитаніе въ университетѣ Св. Владиміра. По окончаніи здѣсь курса кандидатомъ восточной словесности, назначенъ преподавателемъ монгольскаго языка въ 1-ую гимназію, а потомъ занялъ мѣсто старшаго учителя исторіи и статистики въ той же гимназіи. 28 февраля 1848 года перемѣщенъ во вторую гимназію къ той же должности. Въ тоже время преподавалъ исторію и географію, а потомъ былъ инспекторомъ въ Родіоновскомъ институтѣ. Здѣсь получилъ Монаршее благоволеніе и бриллiантовый перстень. 27 февраля 1856 года назначенъ инспекторомъ во вторую гимназію на мѣсто О. А. Имшеника и уволенъ по прошенію отъ этой должности 13 августа 1857 года. Умеръ директоромъ Пензенскаго дворянскаго института въ чинѣ коллежскаго Совѣтника.

8) *Петерманъ* Андрей Богумиловичъ. Воспитывался въ Бѣлостокской гимназіи, а потомъ въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ по физико-математическому факультету кандидатомъ, съ золотою медалью. Въ 1850 году 10 марта назначенъ учителемъ математики въ высшіе классы второй гимназіи, на мѣсто Имшеника, а съ 13 августа 1857 года исправляющимъ должность инспектора той же гимназіи, утвержденъ въ должности 2 сентября 1858 года. Наконецъ 7 апрѣля 1859 года назначенъ исправляющимъ

должность директора Астраханской гимназіи. Нѣсколько разъ получалъ благодарности отъ попечителя округа и одинъ разъ денежную награду. Въ память войны 1853—1856 годовъ получилъ бронзовую медаль на Владимірской лентѣ.

9) *Ефремовъ* Петръ Яковлевичъ. Кончилъ курсъ кандидатомъ физико-математическаго факультета Казанскаго университета съ золотою медалью; служилъ старшимъ учителемъ математики въ Саратовской гимназіи. Нѣсколько разъ получалъ денежныя награды, 28 апрѣля 1859 года назначенъ инспекторомъ во вторую Казанскую гимназію на мѣсто Петермана. По распоряженію попечителя округа отъ 15 апрѣля 1860 года переведенъ на туже должность въ Саратовъ.

10) *Камковъ* Александръ Андреевичъ. Кандидатъ съ золотою медалью историко-филологическаго факультета Казанскаго университета, опредѣленъ старшимъ учителемъ русской словесности во вторую Казанскую гимназію 3 декабря 1853 года. Въ тоже время преподавалъ словесность въ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія, гдѣ получилъ денежную награду по Высочайшему повелѣнію; назначенъ инспекторомъ 17 мая 1860 года на мѣсто Ефремова. Но за болѣзнью уволенъ въ отставку 16 марта 1865 года съ пенсіею въ размѣрѣ $^2/_3$ годоваго оклада инспекторскаго жалованья. Получалъ благодарность попечителя и денежныя награды.

11) *Фишеръ* Эдуардъ Егоровичъ. Дѣйствительный студентъ восточной словесности Казанскаго университета; служилъ помощникомъ инспектора студентовъ, потомъ младшимъ учителемъ русскаго языка въ Пензенской гимназіи и опять помощникомъ инспектора студентовъ, наконецъ 22 января 1857 г. назначенъ младшимъ учителемъ русскаго языка во вторую гимназію на мѣсто Ѳедорова. Допущенъ къ исправленію должности инспектора вмѣсто Камкова и утвержденъ въ этой должности съ 1-го августа 1865 года; приказомъ Министра Народнаго Просвѣщенія 11 декабря 1866 года перемѣщенъ директоромъ училищъ Вятской губерніи. Въ память войны 1853—1856 годовъ получилъ бронзовую медаль на Владимірской лентѣ.

12) *Горскій* Сергѣй Дмитріевичъ. Окончивъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ, со степенью кандидата историко-филологическаго факультета и золотою медалью, опредѣленъ старшимъ учителемъ исторіи въ Нижегородскую гимназію, въ тоже время преподавалъ въ Нижегородскомъ Маріин-

скомъ институтѣ. 29 февраля 1856 года перемѣщенъ къ той же должности во вторую Казанскую гимназію. За отличіе по службѣ Всемилостивѣйше награжденъ въ 1860 году подаркомъ въ 150 руб., а въ 1864 г. получилъ орденъ Св. Станислава 3 степени. Приказомъ попечителя округа 1 января 1867 года назначенъ инспекторомъ на мѣсто Фишера; произведенъ, за выслугу лѣтъ, въ коллежскіе совѣтники 31 октября 1865 года, за отлично усердную службу и особые труды награжденъ единовременно денежною выдачею въ 200 рублей 22 декабря 1867 года; за отлично усердную службу и особые труды награжденъ орденомъ Св. Станислава 2-й степени 19 декабря 1869 года; перемѣщенъ инспекторомъ въ Императорскую 1-ю гимназію 10 іюня 1870 года.

13) *Кублги* Яковъ Ивановичъ. По выдержаніи въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ установленнаго испытанія, опредѣленъ учителемъ нѣмецкаго языка въ Тверскую гимназію 28 сентября 1832 года; въ этой гимназіи несъ обязанности эконома и надзирателя; въ 1850 году былъ перемѣщенъ на должность лектора нѣмецкаго языка въ Ярославскій Демидовскій лицей; въ 1860 году былъ назначенъ инспекторомъ въ Пермскую классическую гимназію, изъ которой 10 іюня 1870 года переведенъ на таковую же должность во вторую Казанскую гимназію. Кавалеръ орденовъ: Св. Станислава 2 и 3 ст. и Св. Владиміра 4 степени за выслугу XXXV лѣтъ въ классныхъ чинахъ, имѣетъ знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ и медаль въ память войны 1853—1856 годовъ на Владимірской лентѣ. За выслугу болѣе 35 лѣтъ получилъ пенсію на службѣ, всего 657 рублей 90 копѣекъ. За выслугу лѣтъ произведенъ въ Статскіе Совѣтники въ 1870 году. 25 декабря 1870 года пожалованъ орденомъ Св. Станислава 2-й степени съ Императорскою короною. По случаю введенія Высочайше утвержденныхъ $\frac{\text{19 іюня}}{\text{1 іюля}}$ 1871 года измѣненій и дополненій къ уставу гимназій, ему поручено преподаваніе нѣмецкаго языка въ VI классѣ гимназіи. По выслугѣ 40 лѣтъ, оставленъ на службѣ еще на 5 лѣтъ, (съ 28 сентября 1872 года) съ узаконенною прибавкою къ пенсіи. 22 декабря 1872 года за отлично усердную службу пожалованъ орденомъ Св. Анны 2-й степени. 22 августа 1873 года пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за 40 лѣтъ.

Преподаватели:

Закона Божія.

1) *Архимандритъ Гавріилъ* обучался въ славяно-греко-латинской, а потомъ въ Московской духовной академіи; въ 1820 году получилъ степень магистра философіи и въ слѣдующемъ году постригся въ монахи; въ 1825 году получилъ санъ архимандрита, былъ ректоромъ Орловской, потомъ Могилевской семинаріи, а въ 1829 году переведенъ настоятелемъ въ Казанскій успенскій Зилантовъ монастырь. 22 іюня 1835 года назначенъ преподавателемъ Закона Божія во вторую Казанскую гимназію. Получалъ нѣсколько разъ благодарность и благословеніе Св. Сѵнода; получилъ медаль за привѣтственную рѣчь при коронованіи Императора Николая Павловича; также имѣлъ орденъ Св. Анны 3 и 2 ст.

2) *Священникъ Ласточкинъ* Андрей Гурьевичъ. Окончилъ въ 1830 году курсъ въ Казанской семинаріи съ аттестатомъ 2 разряда, въ 1832 году назначенъ преподавателемъ Закона Божія въ главное народное училище, а въ слѣдующемъ году—въ Михайловское приходское училище. По преобразованіи учебныхъ заведеній въ 1835 году, утвержденъ законоучителемъ Казанскаго уѣзднаго училища, а 8 октября 1840 года перемѣщенъ во вторую Казанскую гимназію. Получилъ денежную награду и нѣсколько благодарностей и въ память войны 1853—1856 г. наперстный крестъ. Въ октябрѣ 1862 года Андрей Гурьевичъ, за выслугою лѣтъ, уволенъ съ полною пенсіею.

3) *Священникъ Муратовскій* Никаноръ Ивановичъ. По окончаніи курса въ Казанской духовной семинаріи, служилъ нѣкоторое время учителемъ въ Свіяжскомъ духовномъ училищѣ, въ 1840 году рукоположенъ въ священники въ Цивильскій уѣздъ; былъ потомъ учителемъ въ Шихазановскомъ сельскомъ училищѣ, въ 1847 году перемѣщенъ священникомъ церкви Св. Великомученицы Варвары въ Казань, 8 октября 1862 года опредѣленъ законоучителемъ второй Казанской гимназіи, на мѣсто А. Г. Ласточкина и состоялъ на этой должности по 16 февраля 1863 года. Во время службы въ гимназіи имѣлъ набедренникъ, скуфью, камилавку и наперстный крестъ.

4) *Священникъ Зефировъ* Михаилъ Михайловичъ. Окончивъ курсъ наукъ въ Казанской духовной академіи, со степенью магистра, былъ назначенъ въ 1850 году учителемъ въ Саратовскую семинарію; въ 1851 году перемѣщенъ въ Казанскую духовною академію, въ 1857 году возведенъ въ степень экстра-ординарнаго профессора Богословскихъ наукъ, но въ 1862 году отъ службы въ академіи уволенъ; 16 февраля 1863 года опредѣленъ законоучителемъ во вторую Казанскую гимназію на мѣсто Н. И. Муратовскаго. Во время службы въ гимназіи имѣлъ: магистерскій крестъ, набедренникъ, скуфью, камилавку, наперстные кресты: золотой и бронзовый въ память войны 1853—1856 годовъ; сверхъ настоящей должности назначенъ былъ преподавателемъ закона Божія въ состоящей при Казанскомъ уѣздномъ училищѣ педагогической школѣ для приготовленія учителей въ народныя училища 17 января 1866 года; за отличіе по службѣ пожалованъ орденомъ Св. Анны 3-й степени; 14 мая 1867 года назначенъ, сверхъ настоящей должности, членомъ въ испытательный комитетъ при управленіи Казанскимъ учебнымъ округомъ для испытанія лицъ на званіе учителей, 28 августа 1868 года и, наконецъ, отъ должности законоучителя и члена испытательнаго комитета уволенъ по случаю назначенія его ректоромъ Тамбовской духовной семинаріи 23 мая 1869 года.

5) *Протоіерей Бережковскій* Василій Николаевичъ. Обучался въ Костромской духовной семинаріи, а потомъ въ С.-Петербургской духовной академіи и, по окончаніи въ оной полнаго курса въ 1845 году, возведенъ въ степень старшаго кандидата съ правомъ полученія степени магистра; былъ помощникомъ ректора въ Пензенской семинаріи съ 24 сентября 1845 года; возведенъ въ санъ священника въ 1846 году, утвержденъ въ степени магистра съ возложеніемъ на него магистерскаго креста въ 1848 году, награжденъ набедренникомъ въ томъ же году, преподавалъ въ той же семинаріи нѣмецкій и еврейскій языки, возведенъ въ санъ протоіерея въ 1849 году; былъ законоучителемъ въ Пензенскомъ дворянскомъ институтѣ съ 16 ноября 1855 года по 12 августа 1864 года, былъ сверхштатнымъ законоучителемъ въ Пензенской гимназіи съ 28 сентября 1865 года по 1 сентября 1869 года; за отличіе по службѣ награжденъ скуфьею, камилавкою, на-

перстнымъ крестомъ и орденомъ св. Анны 3-й степени; перемѣщенъ законоучителемъ во вторую Казанскую гимназію 1 сентября 1869 года и сверхъ того назначенъ членомъ въ испытательный комитетъ и законоучителемъ въ педагогическіе классы при Казанскомъ уѣздномъ училищѣ. По выслугѣ 25 лѣтъ оставленъ на службѣ еще на 5 лѣтъ съ 24 сентября 1870 года съ производствомъ, сверхъ получаемаго жалованья, пенсіи въ количествѣ 400 рублей въ годъ. 3 апрѣля 1871 года пожалованъ орденомъ Св. Анны 2-й степени. По выслугѣ 30 лѣтъ, оставленъ на службѣ еще на пять лѣтъ съ 24 сентября 1875 года.

Русскаго языка.

Со времени открытія гимназіи по 25 августа 1849 года учитель русскаго языка преподавалъ и географію. Съ этого же времени преподаваніе географіи поручено особому преподавателю.

1) *Бѣльскій* Иванъ Платоновичъ. Дѣйствительный студентъ юридическихъ наукъ Казанскаго университета, учитель и потомъ смотритель Ставропольскаго училища Симбирской губерніи, смотритель Тетюшскаго училища, опредѣленъ учителемъ русской грамматики и географіи во вторую гимназію 22 іюня 1835 года. Нѣсколько разъ получалъ благодарности и денежныя награды. Уволенъ отъ службы по прошенію 7 августа 1847 года.

2) *Пуховъ* Яковъ Яковлевичъ. Не окончивъ курса въ Казанскомъ университетѣ, назначенъ учителемъ русскаго языка въ Пермское уѣздное училище; потомъ былъ учителемъ русской грамматики и географіи въ Оренбургской гимназіи, служилъ нѣсколько времени по гражданской части и вновь поступилъ младшимъ учителемъ грамматики и географіи въ Нижегородскій дворянскій институтъ. Отсюда на туже должность перемѣщенъ во вторую Казанскую гимназію 20 октября 1847 года на мѣсто Бѣльскаго и былъ преподавателемъ русскаго языка по 25 августа 1849 года.

Примѣчаніе. Съ 25 августа 1849 года, по отдѣленіи грамматики отъ географіи, онъ былъ оставленъ младшимъ учителемъ географіи въ той же гимназіи.

Получилъ двѣ денежныя награды. Отъ службы по гимназіи уволенъ въ ополченіе 7 декабря 1855 года.

3) *Өедоровъ* Александръ Алексѣевичъ. Дѣйствительный студентъ общей словесности Казанскаго университета, назначенъ учителемъ русскаго языка во вторую гимназію 16 марта 1850 г. на мѣсто Пухова. Отъ службы по прошенію уволенъ 28 декабря 1856 г.

4) *Фишеръ* Эдуардъ Егоровичъ. Былъ младшимъ учителемъ съ 22 января 1857 по 1-е августа 1865 года. (см. инспекторы).

5) *Ивановъ* Павелъ Ивановичъ. Получилъ воспитаніе въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ. По надлежащемъ испытаніи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, признанъ достойнымъ званія старшаго учителя исторіи и младшаго географіи и русскаго языка въ гимназіяхъ. Въ 1844 году поступилъ учителемъ въ Пожевскую гг. Всеволожскихъ школу, потомъ былъ нѣкоторое время домашнимъ учителемъ; въ 1852 году назначенъ учителемъ географіи въ Пермскую гимназію, а 1-го августа 1865 года перемѣщенъ учителемъ русскаго языка во вторую Казанскую гимназію. За отличіе по службѣ получилъ денежную награду. Перемѣщенъ учителемъ исторіи и географіи въ Екатеринбургскую гимназію 11 октября 1867 года.

6) *Заикинъ* Иванъ Матвѣевичъ. Обучался въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ и, по окончаніи курса со степенью дѣйствительнаго студента, назначенъ учителемъ русскаго языка во вторую гимназію съ 17 октября 1867 года. На этой должности умеръ въ началѣ февраля мѣсяца 1872 года.

7) *Снегиревъ* Иванъ Алексѣевичъ. Кончилъ курсъ въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету въ 1872 году со степенью кандидата и съ золотою медалью. Опредѣленъ учителемъ русскаго языка во вторую Казанскую гимназію 7 августа 1872 года. Съ 1 іюля 1874 года командированъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію въ университетѣ по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій.

8) *Ольшамовскій* Михаилъ Николаевичъ. По окончаніи курса въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету съ званіемъ дѣйствильнаго студента въ 1874 году, опредѣленъ учителемъ русскаго языка во вторую Казанскую гимназію съ 19-го іюля того же 1874 года.

Русской словесности и логики.

1) *Волковъ* Руфъ Глѣбовичъ. Кандидатъ словесныхъ наукъ Казанскаго университета, сначала преподавалъ нѣмецкій языкъ въ Пермской гимназіи, а потомъ 20 іюня 1835 года назначенъ учителемъ логики и словесности во вторую Казанскую гимназію; съ 17 іюля 1837 по 7 мая 1838 года исправлялъ должность инспектора той же гимназіи, преподавалъ словесность въ Родіоновскомъ институтѣ, а въ университетѣ читалъ лекціи по теоріи краснорѣчія и слога. Получилъ денежную награду и нѣсколько благодарностей. Отъ службы по прошенію уволенъ 18 апрѣля 1845 года.

2) *Михайловъ* Александръ Филипповичъ. Кандидатъ словесныхъ наукъ Казанскаго университета, изъ старшихъ учителей логики и словесности Вятской гимназіи перемѣщенъ на ту же должность во вторую Казанскую гимназію 18 апрѣля 1845 года. Въ то же время преподавалъ словесность въ Родіоновскомъ институтѣ. Два раза получалъ денежныя награды, а за труды по Родіоновскому институту получилъ золотую табакерку. Отъ службы по прошенію уволенъ 24 іюня 1853 года.

3) *Камковъ* Александръ Андреевичъ былъ старшимъ учителемъ русской словесности съ 3 декабря 1853 года по 17 мая 1860 года. (См. инспекторы).

4) *Конопасевичъ* Иванъ Александровичъ. По окончаніи курса въ педагогическомъ институтѣ, былъ назначенъ учителемъ въ Варшавскую реальную гимназію, откуда въ 1860 году 31 іюля былъ перемѣщенъ во вторую Казанскую гимназію. Вслѣдствіе разстроеннаго здоровья былъ уволенъ въ 1862 году для излѣченія въ отпускъ за границу, гдѣ и умеръ въ Женевѣ въ томъ же году 6-го октября.

За отсутствіемъ Конопасевича исправлялъ должность учителя словесности съ 11 октября 1862 года по 1-е августа 1863 года инспекторъ второй гимназіи А. А. Камковъ.

5) *Ѳирсовъ* Николай Алексѣевичъ. Окончивъ курсъ въ главномъ Педагогическомъ институтѣ по историко-филологическому факультету, былъ назначенъ въ 1855 году старшимъ учителемъ исторіи въ Пермскую гимназію. Въ 1860 году перемѣщенъ преподавателемъ исторіи въ 1-ую Казанскую гимназію, съ прикомандированіемъ къ Казанскому

университету для преподаванія всеобщей исторіи, а въ 1863 году 1 августа назначенъ учителемъ словесности во вторую Казанскую гимназію, гдѣ и оставался до 27 августа 1864 года, когда былъ перемѣщенъ вновь въ 1-ю гимназію.

6) Съ 1-го же сентября 1864 по іюль 1866 года занимался преподаваніемъ словесности во второй гимназіи учитель 1-й гимназіи Вл. М. *Логиновъ*

7) Кандидатъ педагогическихъ курсовъ Константинъ Григорьевичъ *Дембровскій*. Окончилъ курсъ наукъ въ Казанскомъ университетѣ по филологическому факультету съ званіемъ дѣйствительнаго студента, допущенъ попечителемъ округа, съ 5-го августа 1866 года, къ исправленію должности учителя словесности во вторую гимназію, а 1-го іюля 1868 года, согласно прошенію, уволенъ отъ исправленія этой должности.

8) *Лозановъ* Иванъ Васильевичъ. Обучался въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ и, по окончаніи курса со степенью кандидата, опредѣленъ учителемъ русской словесности во вторую Казанскую гимназію съ 1-го іюля 1868 года.

Латинскаго языка.

1) *Грацинскій* Михаилъ Фроловичъ—профессоръ греческой словесности въ Казанскомъ университетѣ,—преподавалъ латинскій языкъ во второй Казанской гимназіи со дня ея открытія до 1837 года.

2) *Тимоѳеевъ* Иванъ Васильевичъ. Дѣйствительный студентъ словесныхъ наукъ Казанскаго университета, служилъ старшимъ учителемъ латинскаго языка въ Саратовской гимназіи, оттуда перемѣщенъ къ той же должности (въ низшіе классы) во вторую Казанскую гимназію 22 іюня 1835 года. Получилъ благодарность попечителя за усердіе по службѣ и Министра Народнаго Просвѣщенія за отличное самоотверженіе и труды, оказанные къ спасенію зданій и имущества учебнаго вѣдомства во время бывшихъ въ Казани въ августѣ 1842 года пожаровъ.

3) *Брунъ* Иванъ Михайловичъ. По выдержаніи экзамена, допущенъ къ исправленію должности старшаго учителя латинскаго языка въ высшихъ классахъ второй Казанской гимназіи 12 октября 1837 года и утвержденъ въ должно-

сти 13 іюня 1838 года. Умеръ на службѣ 30 ноября 1847 года.

4) *Свитовидовъ* Алексѣй Ивановичъ. Кандидатъ общей словесности Казанскаго университета, служилъ старшимъ учителемъ латинскаго языка въ Симбирской гимназіи, а 5 января 1848 года перемѣщенъ къ той же должности во вторую Казанскую гимназію, въ низшіе классы на мѣсто Р. Шарбе. 23 сентября 1850 года перемѣщенъ въ Симбирскую гимназію учителемъ греческаго языка.

5) *Шарбе* Раймундъ Августовичъ. Кончивъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ со степенью кандидата общей словесности и золотою медалью, опредѣленъ старшимъ учителемъ латинскаго языка въ низшіе классы второй гимназіи 19 іюля 1844 года на мѣсто Тимоѳеева, а, по смерти Бруна, ему поручено преподаваніе въ высшихъ классахъ 22 декабря 1847 года. Впослѣдствіи получилъ степень магистра и доктора древней филологіи, а за усердіе по службѣ получилъ денежную награду. Въ память войны 1853—1856 гг. получилъ бронзовую медаль на Владимірской лентѣ. Въ 1858 году опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ греческой словесности въ Казанскій университетъ.

6) *Дубровскій* Василій Ивановичъ. Воспитывался въ Псковской семинаріи, потомъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ, гдѣ и окончилъ курсъ съ правами старшаго учителя. Назначенъ старшимъ учителемъ латинскаго языка во вторую Казанскую гимназію 30 іюля 1859 года.

7) До его назначенія, по выходѣ изъ службы г. Шарбе, должность эту исправлялъ отставной учитель *Андрасси*. Въ октябрѣ 1864 года *Дубровскій* перемѣщенъ въ Керченскую гимназію.

8) Когда Дубровскій изъ числа 18 недѣльныхъ уроковъ принялъ на себя только 13, то остальные пять уроковъ были переданы съ 4 января 1864 года учителю латинскаго языка 1 гимназіи Александру Степановичу *Желоменскому*, который и занималъ ихъ по январь 1865 года.

9) *Красинъ* Михаилъ Яковлевичъ—баккалавръ Казанской духовной академіи; приглашенъ для преподаванія латинскаго языка во вторую гимназію по выходѣ Желоменскаго, т. е. въ январѣ 1865 года и занимался преподаваніемъ по августъ того же года, когда вторая гимназія была преобразована въ реальную. Потомъ, съ преобразованi-

емъ ея въ классическую въ январѣ 1866 года, приглашенъ вторично и продолжалъ заниматься по 1 сентября 1866 года, когда былъ назначенъ во вторую гимназію учитель латинскаго языка Валицкій.

10) *Перловскій* Станиславъ Игнатьевичъ,—учитель латинскаго языка въ 1-й гимназіи; приглашенъ преподавать во 2-й гимназіи тотъ же предметъ по переводѣ Дубровскаго въ Керчь и занимался преподаваніемъ, раздѣляя уроки сначала съ Желоменскимъ, а потомъ съ Красинымъ, до времени преобразованія гимназіи въ реальную по августъ 1865 года; вновь приглашенъ 1 января 1866 года и занимался по августъ того же года.

11) *Ауновскій* Владиміръ Александровичъ. Оставшись за штатомъ, по прекращеніи въ январѣ 1866 года преподаванія естественной исторіи во второй гимназіи вслѣдствіе ея преобразованія въ классическую, принялъ на себя уроки латинскаго языка въ 1 и 2 классахъ и занимался съ января по май 1866 года.

12) *Иноземцевъ* Александръ Дмитріевичъ. Кандидатъ педагогическихъ курсовъ и кандидатъ Казанскаго университета по филологическому факультету, допущенъ къ преподаванію латинскаго языка въ I и II классахъ послѣ Ауновскаго, въ маѣ 1866 года; въ августѣ того же года ему было поручено преподаваніе и греческаго языка въ III классѣ.

13) *Валицкій* Зенонъ Августиновичъ. Окончилъ курсъ въ Кіевскомъ университетѣ со степенью кандидата. Нѣкоторое время служилъ по гражданской службѣ, а 24 августа 1866 года допущенъ къ исправленію должности учителя латинскаго языка во вторую Казанскую гимназію. 20 декабря 1874 года награжденъ орденомъ Св. Станислава 2-ой степени.

14) *Левандовскій* Флоріанъ Максимиліановичъ. Обучался въ университетѣ Св. Владиміра и, по окончаніи въ немъ полнаго курса со степенью кандидата, опредѣленъ на службу въ Оренбургскую гимназію старшимъ учителемъ исторіи въ 1850 году; въ 1857 году былъ уволенъ за границу въ Германію и Францію на одинъ годъ по особо возложенному на него порученію, и за представленное имъ, по возвращеніи, сочиненія, получилъ благодарность г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, былъ прикомандированъ къ Казанскому университету для преподаванія всеобщей исторіи;

съ перемѣщеніемъ его сверхштатнымъ учителемъ въ 1-ю Казанскую гимназію въ 1859 году, былъ назначенъ членомъ испытательнаго комитета для испытанія кандидатовъ учительства въ томъ же году; опредѣленъ преподавателемъ педагогики въ Казанскомъ университетѣ въ 1860 году; назначенъ и. д. адъюнктъ-профессора по кафедрѣ педагогики въ 1861 году; былъ командированъ по дѣламъ службы въ С.-Петербургъ, Москву и Кіевъ; за отличіе по службѣ награжденъ орденомъ Св. Станислава 2-й степени въ 1862 году; уволенъ отъ службы за штатомъ въ 1863 году; произведенъ, за выслугу лѣтъ, въ статскіе совѣтники съ 10 декабря 1866 года, назначенъ преподавателемъ во вторую Казанскую гимназію въ 1868 году и наконецъ перемѣщенъ сверхштатнымъ учителемъ въ туже гимназію въ 1869 году и назначенъ преподавателемъ педагогики въ Казанскую Маріинскую женскую гимназію 14 сентября 1869 года.

15) *Гвоздевъ* Порфирій Петровичъ. Обучался до 1866 года въ Казанской духовной академіи, а потомъ въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ и, по окончаніи полнаго курса наукъ по историко-филологическому факультету, утвержденъ кандидатомъ и награжденъ золотою медалью. Состоитъ во второй гимназіи учителемъ латинскаго языка съ 1-го августа 1869 года; въ 1874 году награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени.

16) *Вакуленко* Викторъ Павловичъ. По окончаніи курса въ Казанскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету со степенью кандидата въ 1868 году, назначенъ былъ учителемъ въ Оренбургскую гимназію. Въ 1871—72 учебномъ году служилъ во 2 Казанской гимназіи и потомъ опять перешелъ въ Оренбургскую гимназію.

17) *Вакуленко* Антонъ Павловичъ. Кандидатъ педагогическихъ курсовъ и дѣйствительный студентъ Казанскаго университета, служилъ сначала въ Саратовской гимназіи, въ 1872 г. переведенъ во 2 Казанскую гимназію, гдѣ преподавалъ главнымъ образомъ греческій языкъ, но часть уроковъ имѣлъ и по латинскому языку. Въ 1873 г. перешелъ опять въ Саратовскую гимназію.

18) *Сухотинъ* Николай Егоровичъ. По окончаніи курса наукъ по историко-филологическому факультету въ Им-

ператорскомъ Казанскомъ университетѣ со степенью кандидата, опредѣленъ во вторую Казанскую гимназію преподавателемъ древнихъ языковъ съ 1-го августа 1873 года.

Греческаго языка.

1) *Тхоржевскій* Клеотильдъ Станиславовичъ окончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ со степенью кандидата словесныхъ наукъ и золотою медалью, опредѣленъ старшимъ учителемъ греческаго языка во вторую гимназію 5 февраля 1843 года. Впослѣдствіи получилъ степень магистра и доктора древней филологіи. Уволенъ отъ службы по гимназіи 23 декабря 1850 года и умеръ адъюнктъ—профессоромъ Казанскаго университета 15 марта 1854 года.

2) *Шарбе* Алкуинъ Августовичъ. Кандидатъ словесныхъ наукъ Казанскаго университета, старшій учитель греческаго языка въ первой гимназіи, въ 1844 году получилъ степень магистра древней филологіи, а 23 декабря 1850 года назначенъ старшимъ учителемъ греческаго языка во вторую гимназію. Эту должность занималъ до исключенія греческаго языка изъ предметовъ гимназическаго курса въ 1852 году.

3) Съ преобразованіемъ въ январѣ 1866 года второй гимназіи изъ реальной въ классическую съ двумя древними языками, греческій языкъ вновь началъ преподаваться въ гимназіи съ августа 1866 года. Преподаваніе греческаго языка, согласно уставу 19 ноября 1864 года, было введено въ 3 классѣ и поручено кандидату педагогическихъ курсовъ, по отдѣлу древнихъ языковъ, Ал. Дм. *Иноземцеву*, утвержденному въ должности учителя 21 іюля 1867 года. Въ 1874 Иноземцевъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 2-й степени. Съ 1 іюля 1875 года назначенъ инспекторомъ Царицинской прогимназіи.

4) *Яковлевъ* Николай Васильевичъ. Въ 1875 году кончилъ курсъ въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету съ степенью кандидата и съ серебряною медалью. 7 августа тогоже 1875 года опредѣленъ учителемъ греческаго языка во вторую Казанскую гимназію.

Математики.

1) *Мельниковъ* Михаилъ Ивановичъ. Дѣйствительный студентъ физико-математическаго факультета Казанскаго университета, служилъ сначала учителемъ высшаго ариѳметическаго класса въ 1 гимназіи; въ 1829 году удостоенъ степени кандидата и назначенъ исправляющимъ должность главнаго надзирателя въ той же гимназіи, а потомъ помощникомъ инспектора студентовъ Казанскаго университета. Въ 1835 году 22 іюня опредѣленъ старшимъ учителемъ математики въ высшіе классы второй Казанской гимназіи, въ 1841 году получилъ мѣсто профессора Казанскаго университета. За усердіе по службѣ два раза получалъ денежныя награды.

2) *Макаровъ* Александръ Ивановичъ,—дѣйствительный студентъ физико-математическаго факультета Казанскаго университета, учитель математики въ Шадринскомъ, потомъ въ Пермскомъ и наконецъ въ Казанскомъ главномъ народномъ училищѣ и учитель ариѳметики въ 1 гимназіи. Въ 1835 году назначенъ старшимъ учителемъ математики въ низшіе классы второй Казанской гимназіи. Получилъ бриллiантовый перстень, орденъ Станислава 4 ст., пряжку за XX лѣтъ и нѣсколько разъ получалъ денежныя награды.

3) *Ляпуновъ* Михаилъ Васильевичъ. Кандидатъ Казанскаго университета по физико-математическому факультету, исправлялъ должность учителя математики въ низшихъ классахъ второй гимназіи съ 22 января по 5 октября 1840 года; послѣ былъ астрономомъ—наблюдателемъ при Казанскомъ университетѣ и директоромъ Ярославскаго лицея.

4) *Епанечниковъ* Василій Ивановичъ. Кандидатъ Казанскаго университета по физико-математическому факультету, при окончаніи курса получилъ серебряную медаль; былъ хранителемъ музея при университетѣ; 5 октября 1840 года назначенъ старшимъ учителемъ математики въ низшіе классы второй гимназіи на мѣсто Ляпунова; въ 1841 году перемѣщенъ въ высшіе классы на мѣсто Мельникова. Въ тоже время преподавалъ въ Родіоновскомъ институтѣ. 30 ноября 1845 года назначенъ инспекторомъ Уфимской гимназіи.

5) *Поповъ* Михаилъ Васильевичъ. Окончивъ курсъ въ Нижегородской гимназіи, занялъ мѣсто учителя въ Казанскомъ приходскомъ училищѣ; въ 1833 году по испытанію

удостоенъ званія старшаго учителя математики и опредѣленъ на эту должность въ Пермскую гимназію; оттуда въ 1841 году перемѣщенъ къ той же должности въ низшіе классы второй гимназіи на мѣсто Епанечникова; нѣсколько разъ получалъ денежныя награды и умеръ на службѣ въ 1843 году.

6) *Столбовскій* Аркадій Захаровичъ. Кандидатъ математическаго разряда Казанскаго университета, опредѣленъ старшимъ учителемъ математики въ низшіе классы 2-й Казанской гимназіи 30 октября 1843 года на мѣсто Попова. Преподавалъ въ тоже время математику въ Родіоновскомъ институтѣ. 15 мая 1857 года переведенъ исправляющимъ должность инспектора Вятской гимназіи.

7) *Имшеникъ* Осипъ Антоновичъ былъ старшимъ учителемъ математики съ 1846 по 1850 годъ послѣ Епанечникова въ высшихъ классахъ. (см. директоры).

8) *Петерманъ* Андрей Богумиловичъ. Былъ старшимъ учителемъ математики въ высшихъ классахъ послѣ Имшеника съ 1850 по 1857 года (см. инспекторы).

9) *Черньевскій* Николай Степановичъ. По окончаніи курса въ Казанскомъ университетѣ со степенью кандидата и золотою медалью по физико математическому факультету, опредѣленъ старшимъ учителемъ математики въ Уфимскую гимназію, а оттуда, 14 августа 1857 года, перемѣщенъ на туже должность во вторую гимназію, на мѣсто Петермана. За отличіе по службѣ Всемилостивѣйше награжденъ въ 1865 году 200 рублей; 4 августа 1867 года назначенъ инспекторомъ въ Императорскую 1-ю Казанскую гимназію.

10) *Поповъ* Николай Ивановичъ. Кандидатъ Казанскаго университета по физико-математическому факультету, учитель математики въ Нижегородской, а потомъ въ 1-й Казанской гимназіи, 19 іюня 1857 года назначенъ старшимъ учителемъ математики въ низшіе классы второй гимназіи на мѣсто Столбовскаго. Въ память войны 1853—1856 годовъ получилъ бронзовую медаль на Владимірской лентѣ. 2 сентября 1858 года переведенъ правителемъ канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа.

11) *Норманъ* Александръ Александровичъ. Кандидатъ Казанскаго университета по физико-математическому фа-

культету и старшій учитель математики въ Уфимской гимназіи, 2 сентября 1858 года назначенъ старшимъ учителемъ математики въ низшіе классы второй гимназіи на мѣсто Попова. За отличіе по службѣ получилъ въ 1864 году денежную награду. Согласно прошенію своему, съ Высочайшаго соизволенія былъ уволенъ въ отпускъ за границу съ ученою цѣлью, съ зачетомъ ему этого времени въ службу, но безъ производства жалованья, срокомъ на одинъ годъ, считая съ 15 августа 1865 года. Къ исправленію обязанностей Нормана былъ назначенъ кандидатъ педагогическихъ курсовъ В. Е. *Розовъ* съ производствомъ ему полнаго штатнаго жалованья, который потомъ, по возвращеніи Нормана, опредѣленъ въ августѣ 1866 года учителемъ математики въ Пермскую гимназію.

Г. Норманъ съ 1860 года по 15 августа 1865 года преподавалъ планиметрію въ существовавшихъ при гимназіи землемѣро-таксаторскихъ классахъ и, за усердное преподаваніе, получалъ награды изъ суммъ этихъ классовъ; за отличіе по службѣ былъ награжденъ 150 руб. изъ суммъ гимназіи. Умеръ на службѣ отъ чахотки въ 1868 году.

12) *Егоровъ* Өедоръ Елисѣевичъ былъ опредѣленъ на мѣсто Нормана въ 1868 году. Онъ обучался въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ и, по окончаніи въ немъ полнаго курса со степенью кандидата, опредѣленъ и. д. учителя математики въ Самарскую гимназію въ 1866 году, потомъ перемѣщенъ къ таковой же должности во вторую Казанскую гимназію. Въ Самарскомъ женскомъ училищѣ 1 разряда преподавалъ географію, а въ Казанскомъ— естественную исторію и ариөметику.

13) *Адіясевичъ* Петръ Николаевичъ былъ допущенъ къ и. д учителя на мѣсто г. Черпѣевскаго. Онъ обучался въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ и, по окончаніи въономъ курса по математическому факультету со степенью кандидата въ 1867 году, допущенъ былъ къ исправленію должности 1 іюля 1868 года; сверхъ этого назначенъ былъ преподавателемъ математики и физики въ Казанскую Маріинскую женскую гимназію съ 18 августа 1867 года. Въ 1873 году 6 сентября уволенъ отъ службы по прошенію.

14) *Зерновъ* Михаилъ Александровичъ. По окончаніи курса въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента математическихъ наукъ въ 1871 году, опредѣленъ въ томъ же году помощникомъ классного наставника второй гимназіи. Съ разрѣшенія попечителя округа ему поручено было преподаваніе математики въ низшихъ классахъ. Съ 6 сентября 1873 года въ теченіе почти цѣлаго учебнаго года исправлялъ должность учителя математики въ высшихъ классахъ. По выдержаніи спеціальнаго испытанія на званіе учителя математики въ гимназіяхъ, перемѣщенъ на службу въ Оренбургскую гимназію.

15) *Генкель* Августъ Августовичъ. Кандидатъ Императорскаго Казанскаго университета по разряду математическихъ наукъ, утвержденъ въ этой степени въ 1866 году 28 мая; перемѣщенъ во 2-ю Казанскую гимназію изъ Оренбургской 9 іюня 1873 года. Имѣетъ орденъ Св. Станислава 3 степени.

Естественной исторіи.

1) *Балліонъ* Эрнестъ Эрнестовичъ. Кандидатъ естественныхъ наукъ Казанскаго университета, назначенъ 18 августа 1852 года исправляющимъ должность, а 22 сентября утвержденъ старшимъ учителемъ естественной исторіи во вторую гимназію. Получилъ благодарность попечителя за усердіе по службѣ и денежную награду, а за самоотверженные труды во время пожара 1859 года Высочайшее благоволеніе. Нѣсколько времени преподавалъ естественную исторію въ Родіоновскомъ институтѣ и былъ хранителемъ музея при университетѣ. Отъ службы по прошенію уволенъ 4 октября 1859 года.

2) *Ѳедоровъ* Михаилъ Михайловичъ. Кандидатъ естественныхъ наукъ Казанскаго университета; нѣсколько времени служилъ по гражданской части, потомъ былъ учителемъ естественныхъ наукъ въ Самарской гимназіи; наконецъ къ той же должности перемѣщенъ во 2-ю Казанскую гимназію 5 октября 1859 года. 20 октября 1862 года перемѣщенъ въ 7-ю С.-Петербугскую гимназію.

3) *Добрынинъ* Андрей Леонтьевичъ, докторъ медицины. Окончивъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ, опредѣленъ

въ 1854 году ассистентомъ въ мѣстную клинику, гдѣ и оставался до 1859 года; въ слѣдующемъ году былъ назначенъ преподавателемъ медицины въ духовную семинарію, но въ 1862 году, согласно прошенію своему, переведенъ учителемъ естественной исторіи въ Пензенскую гимназію, откуда 27 октября тогоже года перемѣщенъ учителемъ естественной исторіи во вторую Казанскую гимназію. 15 декабря 1863 года Добрынинъ умеръ.

4) *Безсоновъ* Иванъ Степановичъ. По окончаніи курса наукъ со степенью кандидата въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ 1861 году опредѣленъ въ Томскую гимназію. Въ 1863 году уволенъ по прошенію въ отставку. 24 февраля 1864 года назначенъ учителемъ естественной исторіи во вторую Казанскую гимназію. По случаю преобразованія второй гимназіи изъ реальной въ классическую, оставленъ за штатомъ 4 января 1866 года.

5) *Ауновскій* Владиміръ Александровичъ. Окончилъ курсъ наукъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ съ званіемъ старшаго учителя. Въ 1858 году назначенъ учителемъ естественной исторіи въ Пензенскій дворянскій институтъ. Въ 1859 году перемѣщенъ къ той же должности въ Пензенскую гимназію. Въ 1862 году перемѣщенъ въ Нижегородскую гимназію. Приказомъ попечителя округа, отъ 15 іюня 1865 года, назначенъ старшимъ учителемъ естественной исторіи во вторую Казанскую гимназію. По случаю преобразованія гимназіи изъ реальной въ классическую, оставленъ за штатомъ 4 января 1866 года. Въ апрѣлѣ того же года назначенъ инспекторомъ Симбирской гимназіи. За отличіе по службѣ получалъ денежныя награды.

6) Такъ какъ на основаніи устава 1864 года не было положено особаго учителя для преподаванія естественной исторіи въ низшихъ трехъ классахъ, то оно съ 1 августа 1868 года было возложено на учителя математики *Адіясьвича.*

7) Съ 1874—75 учебнаго года преподаніе очерковъ изъ естественной исторіи возложено на преподавателя исторіи и географіи *Державина.*

Исторіи и статистики.

1) *Грацинскій* Иванъ Фроловичъ. Кандидатъ Казанскаго университета по словесному отдѣленію, при окончаніи

курса получилъ золотую медаль; былъ надзирателемъ, потомъ учителемъ средняго латинскаго класса въ 1-й гимназіи, помощникомъ инспектора студентовъ Казанскаго университета, репетиторомъ географіи, преподавателемъ русской географіи, русской и общей исторіи въ университетѣ. 22 іюня 1835 года опредѣленъ старшимъ учителемъ исторіи и статистики во вторую гимназію. За усердіе по службѣ получилъ золотые часы и нѣсколько денежныхъ наградъ. Въ настоящее время состоитъ директоромъ Пермской гимназіи.

2) *Лопатинъ* Александръ Ивановичъ окончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ со степенью кандидата словесности и съ золотою медалью; опредѣленъ помощникомъ библіотекаря университета, а потомъ 1 октября 1837 года старшимъ учителемъ исторіи во вторую гимназію на мѣсто Грацинскаго. Въ то же время преподавалъ въ Родіоновскомъ институтѣ; 26 мая 1843 года назначенъ инспекторомъ Нижегородской гимназіи.

3) *Позернъ* Иванъ Карловичъ былъ учителемъ исторіи съ 1843 года по 1848 годъ. (См. инспекторы).

4) *Цилли* Эдуардъ Ивановичъ былъ учителемъ исторіи съ 1848 по 1856 годъ. (См. инспекторы.)

5) *Горскій* Сергѣй Дмитріевичъ былъ учителемъ исторіи съ 1856 по 1867 годъ. (См. инспекторы.)

6) *Анисимовъ* Александръ Игнатьевичъ. Обучался въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ и, по окончаніи полнаго курса со степенью кандидата, зачисленъ стипендіатомъ педагогическихъ курсовъ, въ которыхъ и находился съ 4 сентября 1865 по 1 іюля 1867 года; былъ опредѣленъ учителемъ исторіи и географіи во вторую гимназію 1 іюля 1867 года и потомъ перемѣщенъ къ таковой же должности въ Пензенскую гимназію 1 августа 1869 года.

7) *Никольскій* Алексѣй Степановичъ. Обучался въ Казанской духовной академіи и, по окончаніи въ ней полнаго курса со степенью магистра, опредѣленъ въ 1860 году помощникомъ ректора Нижегородской духовной семинаріи по профессорской должности; преподавалъ сверхъ того физику, математику, естественную исторію и сельское хозяйство; перемѣщенъ къ таковой же должности въ Казанскую семинарію въ 1861 году, изъ которой уволенъ по прошенію; былъ

опредѣленъ старшимъ учителемъ русской словесности въ Саратовскую гимназію въ 1864 году; перемѣщенъ учителемъ исторіи и географіи въ Пензенскую гимназію въ 1868 году, откуда перемѣщенъ учителемъ тѣхъ же предметовъ во вторую Казанскую гимназію съ 1-го августа 1869 года; произведенъ, за выслугу лѣтъ, въ коллежскіе ассесоры со старшинствомъ съ 23 сентября 1863 года, а въ 1870 году въ надворные совѣтники. Въ 1873 году опредѣленъ инспекторомъ Саратовской гимназіи.

8) *Державинъ* Николай Васильевичъ—дѣйствительный студентъ Императорскаго Казанскаго университета по историко-филологическому факультету; на службѣ во 2-ой гимназіи состоитъ съ 23 іюля 1873 года,

Географіи.

Со времени основанія гимназіи по 25 августа 1849 года географія преподавалась совмѣстно съ русскимъ языкомъ учителемъ русскаго языка. Учители были слѣдующіе:

1) *Бѣльскій*. (См. учит. рус. яз.).

2) *Пуховъ* (см. учит. рус. яз.).

3) *Чулковъ* Маркъ Семеновичъ, кандидатъ камеральныхъ наукъ Казанскаго университета, служилъ сначала по гражданской части, а по выдержаніи экзамена, назначенъ во вторую гимназію 10 мая 1857 года младшимъ учителемъ географіи на мѣсто Пухова. Преподавалъ въ тоже время географію въ Родіоновскомъ институтѣ и въ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія. Въ декабрѣ 1861 года уволенъ отъ службы за болѣзнію. Въ память войны 1853—1856 годовъ получилъ бронзовую медаль на Владимірской лентѣ.

4) *Бѣсядовскій* Адольфъ Ивановичъ. Окончивъ курсъ въ Кіевскомъ университетѣ со степенью кандидата, назначенъ въ 1852 году учителемъ географіи въ Иркутскую гимназію, оттуда въ 1856 году перемѣщенъ къ таковой же должности въ Симбирскъ. 9 декабря 1857 года назначенъ учителемъ географіи во вторую Казанскую гимназію, гдѣ и оставался по май 1864 года.

5) *Книзе* Павелъ Филипповичъ. Получилъ домашнее воспитаніе и, по выдержаніи установленнаго испытанія, назначенъ 28 августа 1858 года учителемъ исторіи и географіи въ Бугульминское (Симбирской губ.) уѣздное учи-

лище, а въ 1860 году перемѣщенъ въ Мамадышское уѣздное училище. Выдержавъ испытаніе на званіе учителя географіи въ гимназіяхъ, назначенъ въ Симбирскую гимназію, затѣмъ служилъ въ Саратовской, оттуда въ маѣ 1864 года перемѣщенъ во вторую Казанскую гимназію. За отличіе по службѣ получилъ двѣ денежныхъ награды. Сверхъ своей должности преподавалъ географію, естественную исторію и педагогику въ Казанскихъ: Маріинской женской гимназіи, въ Родіоновскомъ институтѣ и въ педагогической школѣ. Съ 1-го іюля 1868 года введены новые штаты по уставу 1864 года, по которому для преподаванія исторіи и географіи назначенъ одинъ учитель; поэтому Книзе оставленъ былъ за штатомъ 1 іюля 1868 года; но съ 1 сентября 1869 г. назначенъ инспекторомъ народныхъ училищъ Самарской губерніи.

6) *Анисимовъ.*
7) *Никольскій.* } См. учит. исторіи.
8) *Державинъ.*

Нѣмецкаго языка.

1) *Норманъ* Александръ Петровичъ, учитель сначала средняго, а потомъ высшаго нѣмецкаго класса въ 1 гимназіи, опредѣленъ младшимъ учителемъ нѣмецкаго языка во 2-ю Казанскую гимназію 22 іюня 1835 года.

2) *Ней* Карлъ Петровичъ. По выдержаніи экзамена, опредѣленъ младшимъ учителемъ нѣмецкаго языка въ высшіе классы 2-й гимназіи 15 февраля 1836 года; съ 7 іюня 1841 года былъ опредѣленъ лекторомъ нѣмецкаго языка въ университетѣ; 3 мая 1862 года былъ уволенъ за выслугою лѣтъ. Съ 3 мая по 15 октября того же года эту должность исправлялъ учитель *Люстигъ.*

3) *Николаи* Генрихъ Ивановичъ, провизоръ военнаго госпиталя, потомъ аптекарь, 29 сентября 1838 года опредѣленъ младшимъ учителемъ нѣмецкаго языка въ низшіе классы 2-й гимназіи на мѣсто Нормана. Умеръ на службѣ 8 апрѣля 1853 г.

4) *Девицъ* Карлъ Васильевичъ. Получилъ образованіе въ Либавскомъ уѣздномъ училищѣ, былъ домашнимъ учителемъ, потомъ комнатнымъ надзирателемъ въ Саратовской и въ 1-й Казанской гимназіи. 3 іюля 1853 года

определенъ младшимъ учителемъ нѣмецкаго языка въ низшіе классы второй гимназіи на мѣсто Николаи, а 18 февраля 1858 года переведенъ младшимъ учителемъ французскаго языка въ 1-ю гимназію.

5) *Люстигъ* Казиміръ Адамовичъ. Получилъ домашнее воспитаніе въ городѣ Шавелѣ Ковенской губерніи; былъ домашнимъ учителемъ, потомъ компатнымъ надзирателемъ и младшимъ учителемъ нѣмецкаго языка въ 1-й Казанской гимназіи. 18 мая 1859 года опредѣленъ младшимъ учителемъ нѣмецкаго языка во вторую гимназію на мѣсто Девица, гдѣ и служилъ по 15 октября 1862 года. Въ 1862 году учитель Люстигъ скончался.

По смерти учителя Люстига сверхштатнымъ учителемъ назначенъ былъ для низшихъ классовъ съ 31 октября 1862 года *Алендорфъ* Өедоръ Ивановичъ—кандидатъ педагогическихъ курсовъ,—который исправлялъ эту должность по 23 января 1863 года.

7) *Катерфельдъ*, учитель греческаго языка 1-й Казанской гимназіи, занимался преподаваніемъ нѣмецкаго языка въ старшихъ классахъ второй гимназіи съ 15 октября 1862 г. по 1 іюля 1863 года

Стендеръ Генрихъ Филипповичъ. Получилъ домашнее воспитаніе, служилъ нѣкоторое время въ военной службѣ. По выдержаніи установленнаго испытанія на званіе учителя нѣмецкаго языка въ гимназіяхъ, назначенъ 23 января 1863 года сверхштатнымъ учителемъ нѣмецкаго языка низшихъ классовъ во вторую Казанскую гимназію; 1 іюля того же года назначенъ штатнымъ учителемъ въ высшіе классы съ оставленіемъ за нимъ и прежней должности (съ этого времени обѣ должности соединялись въ одномъ лицѣ). Въ сентябрѣ 1864 года перешелъ въ Самарскую гимназію.

9) *Штейнгауеръ* Яковъ Михайловичъ. Нѣкоторое время былъ домашнимъ учителемъ Пензенской дирекціи; по выдержаніи установленнаго испытанія въ Московскомъ университетѣ на званіе учителя нѣмецкаго языка въ гимназіяхъ, былъ назначенъ 4 сентября 1855 года младшимъ учителемъ нѣмецкаго языка въ Пензенскую гимназію, откуда въ 1856 году перемѣщенъ къ таковой же должности въ Самарскую гимназію; 1 января 1865 году перемѣщенъ во вторую Казанскую гимназію, гдѣ и оставался по 1 августа

1865 года, когда, согласно прошенію, переведенъ въ Симбирскую гимназію.

10) *Марпургъ* Казиміръ Алексѣевичъ. Воспитывался въ Дерптскомъ университетѣ, но не окончилъ въ немъ курса. По выдержаніи въ Казанскомъ университетѣ надлежащаго испытанія на званіе учителя нѣмецкаго языка въ гимназіяхъ, допущенъ въ 1862 г. къ исправленію должности учителя нѣмецкаго языка въ Саратовскомъ Маріинскомъ институтѣ. Въ томъ же году, по прошенію, былъ перемѣщенъ въ Пензенскую гимназію, оттуда 24 іюля 1865 года во вторую гимназію. 4 ноября 1866 года изъ второй Казанской перемѣщенъ обратно въ Пензенскую. За отличіе по службѣ получилъ денежную награду.

11) *Раппенгеймъ* Эдмундъ Германовичъ. Окончилъ курсъ въ Митавской гимназіи. По выдержаніи установленнаго испытанія, опредѣленъ въ 1856 году учителемъ нѣмецкаго языка въ 1-ю Казанскую гимназію. Въ 1866 году, по случаю упраздненія должности 2 учителя нѣмецкаго языка въ 1-й Казанской гимназіи, оставленъ за штатомъ, а 15 ноября того же года назначенъ учителемъ нѣмецкаго языка во вторую гимназію. За отличіе по службѣ получилъ денежную награду. Кромѣ второй гимназіи преподаетъ нѣмецкій языкъ въ Родіоновскомъ институтѣ. Въ 1874 году награжденъ орденомъ Св. Станислава 2-ой ст.

Французскаго языка.

1) *Депланьи* Алексѣй Александровичъ, учитель французскаго языка въ Астраханской гимназіи, въ 1835 году 26 октября переведенъ къ той же должности во вторую Казанскую гимназію. Съ 1839 года былъ лекторомъ французскаго языка въ университетѣ. Отъ службы по прошенію уволенъ 14 марта 1846 года.

2) *Дечеверри* Адольфъ Ѳомичъ, учитель французскаго языка въ Витебской, потомъ въ 1-й Казанской гимназіи, 16 іюля 1837 года назначенъ вторымъ учителемъ французскаго языка во вторую Казанскую гимназію и уволенъ отъ этой должности 14 февраля 1842 года.

3) *Сенъ-Тома*, иностранецъ, занималъ должность втораго учителя французскаго языка послѣ Дечеверри съ 14 февраля 1842 года по 8 мая того же года.

4) *Баронъ* Викторъ Андреевичъ, лекторъ Демидовскаго лицея, назначенъ младшимъ учителемъ французскаго языка во вторую Казанскую гимназію въ низшіе классы 17 сентября 1842 года на мѣсто Сенъ-Тома, а по выходѣ изъ службы Депланьи въ 1846 году, преподавалъ въ высшихъ классахъ. Отъ службы уволенъ по прошенію, по болѣзни 9 декабря 1856 года.

5) *Зарубаевъ* Павелъ Алексѣевичъ. Получилъ воспитаніе въ Сиротскомъ институтѣ Гатчинскаго воспитательнаго дома, опредѣленъ учителемъ русскаго языка въ Хвалынское уѣздное училище, потомъ перемѣщенъ учителемъ французскаго языка въ Саратовскую гимназію, а оттуда 22 января 1847 года во вторую гимназію на мѣсто Барона въ низшіе классы. 5 декабря 1849 года отсюда перемѣщенъ въ Пензенскій дворянскій институтъ.

6) *Мильчевскій* Виталій Ивановичъ. Получивъ воспитаніе въ Медзирѣчскомъ гимназіальномъ шестиклассномъ училищѣ, служилъ учителемъ французскаго языка въ Ковевскомъ дворянскомъ училищѣ, а потомъ въ Иркутской гимназіи. 22 марта 1850 года назначенъ младшимъ учителемъ французскаго языка въ низшіе классы второй Казанской гимназіи на мѣсто Зарубаева. Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ и бронзовую медаль въ память войны 1853—1856 годовъ. Отъ службы уволенъ по болѣзни въ маѣ 1859 года.

7) *Бересфордъ* Перси Ивановичъ, лекторъ англійскаго языка при Казанскомъ университетѣ, занималъ въ тоже время должность учителя французскаго языка въ высшихъ классахъ второй Казанской гимназіи съ 14 января 1857 по іюль мѣсяцъ 1859 года, послѣ Барона.

8) *Кутузовъ* Василій Николаевичъ. По окончаніи курса въ главномъ педагогическомъ институтѣ съ правами младшаго учителя гимназіи, назначенъ младшимъ учителемъ французскаго языка во всѣ классы второй Казанской гимназіи 30 іюня 1859 года на мѣсто Бересфорда и Мильчевскаго; 8 октября 1860 года перемѣщенъ во вторую С.-Петербургскую гимназію, а на мѣсто его назначенъ преподавателемъ французскаго языка въ высшіе классы бывшій французскій подданый *Шевре* Константинъ Андреевичъ, занимавшійся преподаваніемъ по 25 марта 1861 года.

9) *Сипягинъ* Иванъ Александровичъ. Получилъ образованіе въ Тверской гимназіи; нѣкоторое время служилъ по

гражданской части. По выдержаніи надлежащаго испытанія, назначенъ комнатнымъ надзирателемъ въ пансіонъ при Симбирской гимназіи, потомъ, получивъ о испытанію, выдержанному въ Казанскомъ университетѣ, званіе младшаго учителя французскаго языка, назначенъ учителемъ этого предмета въ Вятскую гимназію, откуда 22 декабря 1860 года перемѣщенъ во вторую Казанскую гимназію для преподаванія въ низшихъ классахъ, а, по увольненіи Шевре, съ 18 апрѣля 1861 года по 7 октября 1861 года занимался преподаваніемъ французскаго языка въ высшихъ классахъ. Отъ службы уволенъ 7 октября 1861 года.

10) *Матье* Августъ Карловичъ. По испытанію выдержанному въ Казанскомъ университетѣ, удостоенъ званія учителя французскаго языка въ гимназіяхъ, и въ 1856 году былъ назначенъ учителемъ французскаго языка въ Самарскую гимназію, откуда 7 октября 1861 года перемѣщенъ штатнымъ учителемъ французскаго языка во вторую Казанскую. 10 августа 1864 года перемѣщенъ въ Виленскую гимназію.

11) *Леженъ*, французскій подданный, исправлялъ должность учителя французскаго языка въ высшихъ классахъ съ 21 сентября 1863 по 15 октября 1864 года.

12) *Боржимовскій* Эдуардъ Константиновичъ. Выбывъ изъ VI класса Гродненской гимназіи, выдержалъ въ Кіевскомъ университетѣ испытаніе на званіе домашняго учителя французскаго языка. Въ 1852 году опредѣленъ младшимъ учителемъ французскаго языка въ Минскую гимназію. Въ 1864 году, согласно прошенію своему, отъ службы уволенъ, но 6 октября того же года опредѣленъ учителемъ французскаго языка во вторую Казанскую гимназію. Кромѣ гимназіи, преподаетъ французскій языкъ въ Родіоновскомъ институтѣ и Казанской духовной академіи. Имѣетъ чинъ Статскаго Совѣтника и орденъ Св. Станислава 2-й степени.

Законовѣдѣнія.

1) *Жаворонковъ* Македоній Даниловичъ. Кандидатъ юридическихъ наукъ Казанскаго университета, былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ законовѣдѣнія въ Нижегородскій дворянскій институтъ, а оттуда перемѣщенъ къ той же должности во вторую Казанскую гимназію 18 декабря 1849 года.

2) *Имшенецкій* Михаилъ Григорьевичъ—кандидатъ юридическихъ наукъ Казанскаго университета; былъ старшимъ учителемъ законовѣдѣнія въ Саратовской гимназіи и оттуда перемѣщенъ къ той же должности во вторую Казанскую гимназію 7 мая 1852 года. Съ 9-го октября 1856 года занимался составленіемъ свода постановленій по Казанскому учебному округу, а должность его по гимназіи исправлялъ сначала столоначальникъ Канцеляріи попечителя Кремлевъ (до 31 декабря того же года), а потомъ Н. И. Грацинскій.

3) *Грацинскій* Николай Ивановичъ, кандидатъ юридическихъ наукъ Казанскаго университета, былъ старшимъ учителемъ законовѣдѣнія въ 1-й гимназіи, а 12 марта 1857 года перемѣщенъ къ той же должности во вторую гимназію, откуда 13 іюня 1857 года переведенъ въ Астраханскую гимназію.

4) *Кремлевъ* Николай Александровичъ. Кандидатъ юридическихъ наукъ Казанскаго университета, служилъ сначала въ канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа, потомъ былъ домашнимъ учителемъ, а 3 іюля 1857 года опредѣленъ старшимъ учителемъ законовѣдѣнія во вторую Казанскую гимназію. Въ тоже время съ 5 ноября 1858 года читалъ лекціи по уголовному праву въ университетѣ. Въ 1862 году, за недостаткомъ желающихъ слушать законовѣдѣніе, преподаніе этого предмета было отмѣнено и 10 сентября 1862 года Николай Александровичъ отъ должности учителя второй гимназіи уволенъ.

Рисованія и чистописанія.

1) *Винокуровъ* Александръ Тимоѳеевичъ, художникъ Академіи наукъ, учитель рисованія въ 1-й гимназіи, назначенъ къ той-же должности во вторую гимназію 22 іюня 1835 года, уволенъ отъ службы 20 апрѣля 1838 года.

2) *Терновскій* Александръ Степановичъ, учитель рисованія въ Чистопольскомъ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ Пензенской и Астраханской гимназіяхъ. Послѣ временной отставки снова опредѣленъ къ той же должности во вторую Казанскую гимназію 25 апрѣля 1838 года.

3) *Раковичъ* Андрей Николаевичъ, художникъ живописи и пейзажей С.-Петербургской академіи художествъ, учитель рисованія въ Симбирской гимназіи, опредѣленъ къ той

же должности во вторую Казанскую гимназію 16 октября 1841 года. Съ 5 іюля 1843 года преподавалъ искусства въ Казанскомъ университетѣ.

4) *Ивановъ* Александръ Ивановичъ получилъ домашнее воспитаніе, былъ учителемъ рисованія и чистописанія въ Тетюшскомъ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ Казанскомъ, а 24 сентября 1845 года перемѣщенъ учителемъ искуствъ во вторую гимназію. Кромѣ двухъ денежныхъ наградъ получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ и бронзовую медаль въ память войны 1853—1856 годовъ на Владимірской лентѣ. Въ 1870 году уволенъ отъ службы по прошенію за болѣзнію.

5) *Потановъ* Михаилъ Михайловичъ, губернскій секретарь. Воспитаніе получилъ домашнее. По выдержаніи установленнаго испытанія, удостоенъ званія учителя рисованія въ уѣздныхъ училищахъ, съ 1861 по 1 августа 1864 года былъ учителемъ въ Свіяжскомъ уѣздномъ училищѣ, съ 1 августа 1864 года по 16 апрѣля 1865 года въ Спасскомъ училищѣ; въ 1866 году удостоенъ академіею художествъ званія учителя художествъ и званія учителя рисованія въ гимназіяхъ; съ 16 апрѣля 1865 по 25 апрѣля 1866 года служилъ въ Макарьевскомъ училищѣ, съ 25 апрѣля по 1 іюля 1866 года въ Уфимскомъ училищѣ, съ 1 іюля 1866 года по 17 октября 1870 года въ Нижегородскомъ уѣздномъ училищѣ и наконецъ 17 октября 1870 года перемѣщенъ учителемъ во вторую Казанскую гимназію.

6) *Филиппусъ* Георгій Юрьевичъ. Воспитывался въ Московскомъ училищѣ живописи и ваянія. По представленіи имъ въ Императорскую Академію художествъ рисунковъ, удостоенъ званія учителя рисованія въ гимназіяхъ; въ Московскомъ университетѣ выдержалъ испытаніе на званіе учителя рисованія, черченія и чистописанія въ гимназіяхъ. Учителемъ второй Казанской гимназіи состоитъ съ 1 августа 1873 года. Кромѣ того съ 1873 по 1875 годъ исправлялъ должность помощника классныхъ наставниковъ.

Приготовительнаго класса.

1) *Ислентьевъ* Владиславъ Алексѣевичъ. По окончаніи курса въ Казанскомъ уѣздномъ училищѣ, поступилъ въ педагогическіе классы, учрежденные при томъ же училищѣ

для приготовленія учителей для народныхъ училищъ, гдѣ, окончивъ полный курсъ наукъ, удостоенъ Педагогическимъ совѣтомъ тѣхъ же классовъ званія городскаго приходскаго учителя. Учителемъ приготовительнаго класса при второй Казанской гимназіи состоитъ съ 1 сентября 1871 года.

Надзиратели:

1) *Табуре* Александръ Францовичъ. Былъ на службѣ во второй Казанской гимназіи съ 4-го октября 1839 по 10-е іюня 1855 года. Нѣсколько времени преподавалъ французскій языкъ въ 1 и 2 классахъ и получилъ благодарность Министра въ 1842 году.

2) *Ляпуновъ* Алексѣй Васильевичъ былъ вторымъ надзирателемъ съ 31 октября 1840 года (безъ жалованья). Уволенъ отъ должности 16 мая 1859 года.

3) *Галимскій* Осипъ Осиповичъ. Состоитъ на службѣ съ 10 іюня 1855 года по настоящее время. Получалъ денежныя награды, а въ память войны 1853—1856 годовъ имѣетъ бронзовую медаль на Владимірской лентѣ. Со введеніемъ устава 1871 года, переименованъ въ помощника классныхъ наставниковъ.

4) *Трофимовъ* Павелъ Дмитріевичъ находился на службѣ съ октября 1862 по февраль 1865 года.

5) *Егоровъ* Николай Ефимовичъ—съ февраля 1865 по январь 1866 года.

6) *Ивановъ* Павелъ Ивановичъ, учитель русскаго языка второй гимназіи, исправлялъ должность надзирателя съ января 1866 года.

7) *Заикинъ* Иванъ Матвѣевичъ, учитель русскаго языка, исправлялъ должность воспитателя съ 17 октября по 31 декабря 1867 года.

8) *Любимовъ* Петръ Александровичъ исправлялъ должность надзирателя съ 31 декабря 1867 по 1 мая 1869 года.

9) *Шмоль* Ѳедоръ Ѳедоровичъ; домашній учитель, исправлялъ должность съ 27 іюня 1869 по 1 іюня 1870 года.

10) *Зерновъ* (см. учит. матем.).

11) *Филиппусъ* (см. учит. чистописанія).

Врачи:

1) *Фонъ-деръ-Флассъ* состоялъ на службѣ при 2 Казанской гимназіи съ 30 сентября 1842 до 28 декабря 1846 года.

2) *Николаи* Августъ Ивановичъ съ 19 мая 1849 года
3) *Кремлевъ* Александръ Александровичъ съ 16 апрѣля 1862 года.

Канцелярія директора.

Состояла первоначально изъ письмоводителя и его помощника, а въ 1858 году разрѣшено имѣть и бухгалтера.

Письмоводителями были: *Ридеръ* Николай Ивановичъ съ 1835 года, *Неофитовъ* Петръ Өедоровичъ съ 1837 года; *Шераутскій* Алексѣй Спиридоновичъ съ 1845 года; *Кунавинъ* Өедоръ Ивановичъ съ 1857 года; *Птицынъ* Степанъ Александровичъ съ 1872 года.

Писцы: *Троицкій* Филиппъ Александровичъ съ 1836 года; *Рязевъ* Николай Дмитріевичъ съ 1841 года, *Соколовъ* Петръ Ивановичъ съ 1855 года; *Вакуленко* Иванъ Павловичъ съ 1858 года, *Луковкинъ* Акимъ Михайловичъ съ 1860 года; *Скамницкій* Александръ Николаевичъ съ 1872 года.

Бухгалтеры: *Добротолюбовъ* Христофоръ Николаевичъ съ 1857 года, *Ребровскій* Михаилъ Григорьевичъ съ 1859 года, *Кунавинъ* Өедоръ Ивановичъ съ 1861 года, *Прокофьевъ* Григорій Прокофьевичъ съ 1868 года, *Покровскій* Иванъ Давыдовичъ съ 1871 года.

Педагогическій совѣтъ

Состоитъ изъ директора, инспектора и прочихъ преподавателей гимназіи. Впрочемъ по уставу 1828 года членами совѣта могли быть только старшіе учители. До веденія устава 1871 года, вѣдѣнію Педагогическаго совѣта подлежали часть учебная, нравственная и хозяйственная. Уставомъ 1871 года для завѣдыванія послѣдней, хозяйственной частью, при гимназіяхъ учреждены хозяйственные комитеты, состоящіе изъ директора, инспектора и трехъ преподавателей, которые избираются въ должность хозяйственнаго комитета педагогическимъ совѣтомъ. Къ числу особенностей устава 1871 года относится еще то, что имъ, кромѣ педагогическихъ совѣтовъ, учреждены классныя коммиссіи, производящія свои засѣданія подъ руководствомъ класснаго

наставника для рѣшенія вопросовъ, относящихся къ извѣстному классу.

Въ 1864 году по мысли попечителя округа П. Д. Шестакова въ Казани открытъ соединенный совѣтъ изъ членовъ обѣихъ Казанскихъ гимназій подъ поочереднымъ предсѣдательствомъ ихъ директоровъ для рѣшенія общихъ обѣимъ гимназіямъ педагогическихъ вопросовъ. Впослѣдствіи, по открытіи въ Казани прогимназіи, по распоряженію тогоже попечителя округа, къ соединенному совѣту примкнула и Казанская прогимназія, обращенная потомъ въ 3-ю Казанскую гимназію.

Попечители округа постоянно выражали желаніе, чтобы засѣданія педагогическихъ совѣтовъ какъ можно болѣе достигали своей цѣли. Вотъ что писалъ попечитель округа 3 декабря 1841 года: „Постоянно озабочиваясь благосостояніемъ гимназій и съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчая каждый шагъ къ ихъ усовершенствованію, я не могу однако не видѣть, что въ этихъ заведеніяхъ мало еще существуетъ между преподавателями той любви къ своимъ обязанностямъ и того благороднаго побужденія гордиться своими воспитанниками, которыя всего надежнѣе способствуютъ ихъ успѣхамъ. Кромѣ того, недостаетъ у насъ совокупнаго стремленія, общими усиліями преподавателей, слѣдя каждый шагъ ученія, немедленно принимать мѣры къ устраненію недостатковъ, помогать своимъ товарищамъ совѣтомъ и опытностію, поощрять полезныя предпріятія, останавливать вредныя и безполезныя. Ограничивая свои занятія, положеннымъ для урока, часомъ, каждый считаетъ долгъ свой оконченнымъ, а настоянія гг. директоровъ и инспекторовъ, руководствующихъ его въ качествѣ начальниковъ, принимаетъ въ видѣ взысканія, скорѣе съ чувствомъ огорченія, нежели съ желаніемъ послѣдовать наставленіямъ.

Съ намѣреніемъ обратить вниманіе учителей гимназій на важность ихъ назначенія, и усматривая, что уставъ учебныхъ заведеній, въ которомъ кругъ дѣйствій ихъ подробно обозначенъ, не вполнѣ исполняется, я нужнымъ считаю предложить, чтобы гимназическіе совѣты, существующіе до сей поры почти по одному только имени, воспріяли узаконенное §§ 210—214 устава дѣйствіе, и въ слѣдствіе того, въ отношеніи къ учебной части, поручаю: 1) въ началѣ каждаго мѣсяца, между 5 и 10 числами, непремѣнно

назначать педагогическое собраніе, котораго предметы исчислены въ § 212; 2) къ этому времени не только должны быть представлены мѣсячныя вѣдомости отъ учителей, но и общая отъ инспектора; 3) независимо отъ исполненія назначенныхъ въ уставѣ предметовъ, обращать вниманіе на каждаго ученика въ отдѣльности, поощряя болѣе успѣвающихъ, наставляя и взыскивая съ слабыхъ и нерадивыхъ; 4) состоявшіяся въ засѣданіи совѣта постановленія представлять мнѣ въ копіи за каждый истекшій мѣсяцъ, не позже 25 числа вновь наступившаго мѣсяца, начавъ исполненіе этого съ 25 текущаго декабря; 5) наблюденіе за точнымъ выполненіемъ настоящаго предложенія возлагаю я на гг. директоровъ съ тѣмъ, чтобы они обращали въ засѣданіяхъ особое вниманіе на обсужденіе объ улучшеніи метода преподаванія и въ донесеніи объясняли о тѣхъ учителяхъ, которые въ засѣданіи не присутствовали, съ изъясненіемъ причинъ отсутствія".

27 августа 1864 года Управляющій округомъ П. Д. Шестаковъ, желая видѣть въ совѣтскихъ совѣщаніяхъ болѣе жизни, предписалъ, чтобы 1) директоръ за нѣсколько дней до совѣтскаго засѣданія извѣщалъ объ этомъ членовъ совѣта повѣсткою съ обозначеніемъ вопросовъ, которые будутъ подлежать обсужденію; 2) чтобы, послѣ засѣданія совѣта, секретарь составлялъ предварительно проэктъ протокола, такъ чтобы каждый членъ могъ исправлять и точно воспроизводить высказанное имъ мнѣніе.

Вторая Казанская гимназія всегда старалась точно исполнять требованія Начальства округа. Въ 1842 году попечитель округа писалъ:

„Разсмотрѣвъ представленныя мнѣ отъ гг. директоровъ копіи съ протоколовъ педагогическихъ при гимназіяхъ совѣщаній, за прошлый ноябрь и декабрь мѣсяцы, я нахожу: 1) нѣкоторые совѣты ограничиваютъ занятія свои по этому случаю разсматриваніемъ мѣсячныхъ вѣдомостей объ ученикахъ и опредѣленіе свое постановляютъ только въ томъ, чтобъ принять мѣры къ побужденію учащихся исправнѣе исполнять свои обязанности; 2) другіе, напротивъ, принимаютъ на себя не принадлежащую имъ власть, измѣняя сами собою распредѣленіе уроковъ и даже программу преподаванія.

По этому случаю я нужнымъ считаю повторить, что предметомъ совѣщаній не должны быть здѣсь одни только ученики, но преимущественно преподаваніе, т. е. изысканіе средствъ къ его усовершенствованію, при чемъ каждый изъ членовъ совѣта обязанъ по совѣсти и за себя, и за товарищей своихъ, подавая голосъ къ устраненію недостатковъ, настаивать о снабженіи себя пособіями къ успѣшному прохожденію своихъ обязанностей и прилагать всѣ усилія къ возведенію гимназіи, во всѣхъ ея частяхъ, до степени совершенства, которое доставитъ честь каждому члену. Никакой переписки, кромѣ составленія протокола, здѣсь не нужно, а потому нѣкоторые гг. директоры напрасно составляютъ по этому случаю особые списки: подпись протокола налагаетъ уже на каждаго обязанность исполненія, если что до него встрѣтится. Однимъ словомъ, я желаю видѣть, чтобы такія собранія имѣли видъ дружескихъ совѣщаній, имѣющихъ цѣлію пользу заведенія, и *въ такомъ смыслѣ усматриваю протоколы 2-й Казанской гимназіи.*

Чтоже касается до какихъ либо существенныхъ измѣненій противъ программъ и распредѣленія уроковъ, то хотя это и можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускаемо, однако не иначе, какъ съ моего разрѣшенія, да и то не въ срединѣ курса, а при самомъ росписаніи, въ началѣ учебнаго года. Поэтому и самое росписаніе должно быть подвергнуто разсмотрѣнію совѣта, какъ скоро предполагаются въ немъ измѣненія“.

Дѣятельность совѣта второй Казанской гимназіи не ограничивалась одною гимназіею. Уже при второмъ директорѣ она простиралась и на уѣздныя училища. Осипъ Михайловичъ Ковалевскій обязалъ учителей писать сочиненія, касающіяся учебной и воспитательной части, прочитывать ихъ въ педагогическихъ совѣтахъ училищъ, а потомъ присылать на разсмотрѣніе въ дирекцію. Вслѣдствіе этого уѣздные учителя начали писать статьи, въ которыхъ они разсуждали о методахъ преподаванія того или другого предмета, о воспитаніи вообще, объ отношеніи родителей къ учебнымъ заведеніямъ, о вліяніи наставниковъ на воспитанниковъ и т. п., или излагали свои уроки, примѣняясь къ дѣтскому возрасту. Всѣ эти статьи препровождались въ педагогическій совѣтъ гимназіи, гдѣ и разсматривались преподавателями, каждымъ по своему предмету. Мнѣніе рецензента вмѣстѣ съ сочине-

ніемъ отсылалось обратно въ училище. Такое разсматриваніе сочиненій уѣздныхъ учителей продолжалось и во все время директорства О. А. Имшеника вплоть до 1874 года, когда уѣздныя училища вышли изъ вѣдѣнія директоровъ гимназій.

Особенно усиленная дѣятельность Совѣта относится къ 70-мъ годамъ. Такъ въ 1862 году, по предложенію попечителя округа, обсуждался проэктъ общеобразовательныхъ заведеній и училищъ. Результаты сужденій педагогическаго совѣта по этому предмету подробно изложены въ протоколахъ за февраль мѣсяцъ тогоже года. 15 сентября 1864 года по поводу мнѣнія, вышедшаго изъ Пермской гимназіи, поднятъ былъ вопросъ о дозволеніи родителямъ учениковъ посѣщать гимназическіе уроки и присутствовать при экзаменахъ. Безпрепятственныя посѣщенія посторонними лицами гимназическихъ уроковъ въ какое угодно время и присутствованіе ихъ на экзаменахъ, по мнѣнію Пермской гимназіи, было бы прекраснымъ средствомъ къ сближенію между обществомъ и школою. Въ этомъ же смыслѣ высказывались мнѣнія и на совѣтѣ второй Казанской гимназіи. Такъ одинъ преподаватель сказалъ, что присутствіе на экзаменахъ родственниковъ учениковъ было бы въ высшей степени полезно для послѣднихъ тѣмъ, что они чрезъ это, при выставленіи имъ отмѣтокъ, получили бы адвокатовъ. Но вообще означенное мнѣніе было отвергнуто второй Казанской гимназіей на томъ основаніи, что приведеніе его въ исполненіе нарушило бы правильный ходъ ученья. Родителямъ учениковъ дозволено только присутствовать на пріемныхъ экзаменахъ, что, впрочемъ, допускалось и прежде. 30 сентября того же 1864 года, по предложенію попечителя округа, въ совѣтѣ разсуждали объ учрежденіи изъ преподавателей классныхъ ординаріевъ. Подробное обсужденіе этого вопроса привело къ отрицательнымъ результатамъ. Совѣтъ находилъ невозможнымъ налагать такую трудную обязанность на преподавателей безъ вознагражденія за ихъ особый трудъ, а изъ спеціальныхъ средствъ не видѣлось возможности покрыть этотъ особый расходъ. Потомъ совѣту казалось, что институтъ классныхъ ординаріевъ введетъ собою въ гимназію, кромѣ директора и инспектора, еще особыхъ начальствующихъ лицъ изъ среды самыхъ преподавателей, которые будутъ имѣть власть не надъ учениками только, но и нѣкоторое

начальническое значеніе по отношенію къ прочимъ преподавателямъ; а это поведетъ къ нарушенію чисто товарищескихъ отношеній между ними и т. д. Вообще замѣтно, что совѣтъ тогда не совсѣмъ ясно представлялъ себѣ идею и цѣль института классныхъ наставниковъ,—института, который введенъ уставомъ 1871 года и который оказываетъ такое благотворное вліяніе на учебную и дисциплинарную часть какъ въ гимназіяхъ вообще, такъ и во второй Казанской гимназіи въ частности. Дѣятельность педагогическаго совѣта по нравственной и учебной части изложена нами въ своемъ мѣстѣ. Общее впечатлѣніе, выносимое изъ чтенія протоколовъ второй Казанской гимназіи, то, что они, особенно же за время директорства О. А. Имшеника, отличаются подробностью и обстоятельностью. Большая часть обсуждавшихся въ Совѣтѣ предложеній по всѣмъ частямъ исходитъ отъ этого же директора.

Секретарями при педагогическомъ совѣтѣ второй Казанской гимназіи послѣдовательно состояли: Волковъ, Столбовскій, Кремлевъ, Чернѣевскій, Ѳирсовъ, Горскій, Анисимовъ, Лозановъ, Гвоздевъ.

Директоры, инспекторы и преподаватели второй Казанской гимназіи, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, исполняли еще другія обязанности. Директоры и инспекторы почти всегда замѣняли собою отсутствующихъ по какимъ либо причинамъ учителей и нерѣдко давали особые уроки, не назначенные по росписанію. Нѣкоторые учителя дѣлали тоже самое. Изъ преподавателей рѣдкіе не имѣли какихъ либо одной или нѣсколькихъ побочныхъ обязанностей: воспитателя (по уставу 1864 года), класснаго наставника и помощника его (по уставу 1871 года), секретаря совѣта, библіотекаря, члена хозяйственнаго комитета, завѣдывающаго кабинетами—физическимъ, естественныхъ наукъ и учебными пособіями.

Но дѣятельность членовъ второй Казанской гимназіи очень часто не ограничивалась только этимъ заведеніемъ, а простиралась и на другія мѣста и учрежденія. Такъ въ 1874—75 учебномъ году инспекторъ и учитель нѣмецкаго языка Кубли читалъ этотъ предметъ въ Казанской духовной академіи; преподаватели Гвоздевъ и Иноземцевъ состояли приватъ—доцентами при Императорскомъ Казанскомъ

университетѣ—первый по каѳедрѣ римской, а второй по каѳедрѣ греческой словесности. Преподаватель Боржимовскій состоялъ лекторомъ французскаго языка въ Казанской духовной академіи и преподавателемъ этого же предмета въ Родіоновскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ; преподаватель Раппенгеймъ преподавалъ нѣмецкій языкъ въ томъ же Родіоновскомъ институтѣ; преподаватель Лозановъ читалъ исторію въ Родіоновскомъ институтѣ и русскую словесность въ Маріинской женской гимназіи. Преподаватель Ольшамовскій читалъ русскій языкъ въ Маріинской женской гимназіи. Законоучитель протоіерей Бережковскій и преподаватели: Боржимовскій, Лозановъ, Гвоздевъ и Державинъ состояли членами испытательнаго комитета, состоящаго при управленіи округомъ, а Лозановъ сверхъ того и секретаремъ этого комитета.

Ученые труды членовъ гимназіи.

Какъ ни многочислены и ни трудны обязанности преподавателей гимназіи отдѣльно ли взятыя, или еще болѣе въ соединеніи съ другими обязанностями, но начальство округа не рѣдко требовало отъ нихъ еще ученыхъ трудовъ. Вотъ что писалъ попечитель Мусинъ-Пушкинъ директорамъ гимназій въ 1838 году:

„При обозрѣніи гимназій ввѣреннаго мнѣ округа въ минувшемъ учебномъ году замѣчено, что учители по большей части ограничиваютъ занятія свои однимъ преподаваніемъ въ классахъ, не обращая вниманія своего на то, чтобы слѣдить за успѣхами наукъ, отъ чего съ одной стороны самое преподаваніе сбивается чаще на механизмъ, а съ другой пропадаютъ безъ пользы замѣчанія и изслѣдованія, которыя дѣятельный наставникъ могъ бы открыть для пользы общей. Другіе же, съ похвальной ревностью преслѣдуя свой предметъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, дѣлая открытія болѣе или менѣе важныя, оставляютъ ихъ недоступными для другихъ, опасаясь-ли подвергнуться строгому сужденію, въ случаѣ ихъ гласности, или не принимая труда обработать ихъ въ томъ видѣ, въ которомъ они должны явиться въ свѣтъ. Такимъ образомъ большая часть наставниковъ уклоняется отъ дѣятельности въ такомъ возрастѣ, который наиболѣе къ тому способенъ; науки, преимущественно въ практическомъ

ихъ примѣненіи, теряютъ многое; разнообразныя свѣдѣнія, которыя только на мѣстѣ собрать можно, остаются въ тѣсномъ кругу туземцевъ, и университетское образованіе останавливается на той степени, до которой оно достигло усиліями съ каѳедры.

Съ намѣреніемъ открыть поприще для дѣятельности учителей ввѣреннаго мнѣ округа, я предлагаю Вамъ, Милостивый Государь мой, объявить на первый разъ старшимъ учителямъ гимназій, чтобы каждый изъ нихъ, въ теченіе года, и не позже 15-го декабря каждаго, доставлялъ ко мнѣ, чрезъ Ваше посредство, какой либо опытъ своихъ занятій. Предметы для этого предоставляются собственному ихъ избранію. Они могутъ состоять: въ разсужденіяхъ объ отрасляхъ преподаваемыхъ ими наукъ, въ изслѣдованіяхъ о лучшемъ способѣ преподаванія, въ критическихъ трактатахъ о несовершенствахъ руководительныхъ книгъ, въ переводахъ замѣчательныхъ статей, въ статистическихъ, этнографическихъ и топографическихъ замѣчаніяхъ, въ историческихъ изслѣдованіяхъ мѣстныхъ событій, описаніяхъ древностей, собраніи мѣстныхъ повѣрій и проч, и проч.

Лучшіе изъ доставленныхъ сочиненій будутъ печатаемы или въ ученыхъ запискахъ Казанскаго университета, если по плану ихъ могутъ быть туда помѣщены, или въ видѣ прибавленій къ Начальственнымъ Распоряженіямъ по округу; и при томъ каждый разъ по 50 экз. въ пользу автора безденежно. Кромѣ того, успѣшное исполненіе моихъ предложеній будетъ принимаемо въ особенное уваженіе при ходатайствѣ о наградахъ.

Вамъ же, Милостивый Государь мой, поручаю наблюдать, чтобы Гг. старшіе учители гимназіи не уклонялись отъ исполненія возлагаемой на нихъ обязанности, и при окончательномъ по настоящему случаю донесеніи, т. е. также къ 15 декабря, представлять мнѣ причины, если бы кто изъ нихъ, за всѣми съ Вашей стороны напоминаніями, остался въ бездѣйствіи, столь предосудительномъ въ наставникѣ“.

Попечитель Пушкинъ настойчиво преслѣдовалъ цѣль, выраженную въ приведенномъ циркулярѣ. Но и его энергіи не всегда удавалось достигать желаемыхъ результатовъ. Очевидно, что въ этой области трудно сдѣлать что нибудь дѣйствительно полезное циркулярными предписаніями. Ина-

че дѣйствуетъ нынѣшній попечитель округа. Поощреніе ученыхъ трудовъ, принимаемыхъ преподавателями добровольно, вниманіе и сочувствіе къ этимъ трудамъ, —вотъ какія мѣры практикуются въ этомъ отношеніи П. Д. Шестаковымъ.

Какъ бы то ни было, но вторая Казанская гимназія не лишена ученыхъ трудовъ своихъ членовъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго списка (¹):

1) *Архимандритъ Гавріилъ* напечаталъ: 1) исторію философіи въ 6 частяхъ in 8. Казань. 1840 г. Ему же принадлежатъ: 2) философія правды. Казань. 1843 г. 3) Понятіе о церковномъ правѣ и его исторіи. Казань. 1844 г. 4) Поучительныя слова и рѣчи въ 2 ч. Казань 1850 г.

2) *Мельниковъ* Михаилъ Ивановичъ въ 1841 году напечаталъ въ ученыхъ запискахъ Казанскаго университета: „объ интегрированіи уравненій съ частными диференціалами втораго порядка".

3) *Осипъ Михайловичъ Ковалевскій.* Изъ многочисленныхъ ученыхъ трудовъ этого замѣчательнаго ученаго мы имѣемъ возможность поименовать слѣдующіе: 1) Лонгина о высокомъ, переводъ съ греческаго. 1823 г. 2) Шесть книгъ овидіевыхъ превращеній, съ пространными комментаріями; 1823 г. Эти книги были приняты въ число учебниковъ; остальныя тоже были приготовлены къ печати, но, къ сожалѣнію, сгорѣли. 3) Геродотова исторія, перев. съ греческаго съ обширными объясненіями, въ 6 т. 4) Плутарховы жизнеописанія, числомъ 18; 5) Діонисія Галикарнасскаго риторическія сочиненія, пер. съ греч. Эти рукописные труды пропали во время путешествія автора по Азіи. 6) Въ Казанскомъ вѣстникѣ, начиная съ 1829 г., помѣщались отрывки изъ дневника путешествія и составили цѣлый томъ. 7) Краткая грамматика Монгольскаго книжнаго языка. Казань. 1836. 8) Монгольская хрестоматія, текстъ и объясненія. Казань 1836—37. 2 т. 9) Монгольско-русско-французскій словарь, Казань, 1844 г. 3 т.; 10) Буддійская космологія. Казань 1837. 11) О китайскомъ календарѣ. Казань. 1835. 12) Обозрѣніе хода успѣховъ преподаванія азіатскихъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ. Казань 1834. 8. 13) Каталогъ

(¹) Считаемъ долгомъ замѣтить, что мы не имѣли подъ руками всѣхъ данныхъ, нужныхъ для того, чтобы этотъ списокъ былъ полонъ.

санскритскихъ, тибетскихъ, монгольскихъ, манджурскихъ и китайскихъ книгъ и рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Казанскаго университета. Казань 1834 г. 14) О знакомствѣ Европейцевъ съ Азіей. Казань и С. П. Б. 1837. 15) Политическій переворотъ въ Китаѣ, около половины XVIII в. С. П. Б. 1840. 8°. 16) Много статей о буддизмѣ въ энциклопедическомъ словарѣ Плюшара. 17) Рецензіи на сочиненія О. Іакинѳа, на грамматики Попова и Бобровникова. 18) Наставленіе для прививанія предохранительной оспы, на монгольскомъ языкѣ. Казань 1842 г. 19) Краткая священная исторія церкви на монгольскомъ языкѣ, Казань 1849 г. 12°.

4) *Грацинскій* Михаилъ Фроловичъ напечаталъ: основанія эллинскаго языка.

5) *Тхоржевскій* Клотильдъ Станиславовичъ: 1) In Solonem Atheniensem diatribe. Казань 1842 г. 2) De Aristophanis ecclesiazusis, habita ratione rerpublicae Platonis. Казань. 1844 г. 3) De politia, Timaeo, Critia, ultima ratione habita. Казань 1847 г. 4) Изслѣдованіе о космической системѣ Платона. Тетрадь 1-я—геліоцентрическая система.

По смерти Тхоржевскаго, одинъ изъ его сослуживцевъ по университету профессоръ Струве издалъ книжку: Cleotildii Tchorzeuskii professoris quondam adjuncti Casanesis opuscula postuma. Казань 1856 г. Эта книга хорошо знакомитъ съ замѣчательною личностью и учеными трудами г. Тхоржевскаго.

6) *Волковъ* Руфъ Глѣбовичъ написалъ сочиненіе „о различіи эстетическихъ предметовъ", представилъ его попечителю округа и получилъ благодарность; но дальнѣйшая судьба этой рукописи неизвѣстна.

7) *Шарбе* Алкуинъ Августовичъ напечаталъ: 1) de Aristophanis Acharnensibus. Казань 1851 г. 2) Сновѣдѣніе Сципіона, соч. Цицерона, перевелъ и объяснилъ А. Шарбе Казань 1853 г.

8) *Шарбе* Раймундъ Августовичъ: De geniis, manibus et laribus. Казань 1856 г. 2) переводъ и разборъ четвертой эклоги Виргилія. Казань. 1856 г. 3) Таблицы латинскихъ склоненій и спряженій. Казань 1858 г.

9) *Михайловъ* Александръ Филипповичъ: 1) составилъ и напечаталъ программу преподаванія отечественнаго языка въ гимназіяхъ. Казань. 1853 г. 2) По обязанности редактора помѣстилъ много статей въ Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

10) *Камковъ* Алексасдръ Андреевичъ напечаталъ: „Лермонтовъ", рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи обѣихъ Казанскихъ гимназій въ 1854 г. 2) начертаніе этимологіи церковнославянскаго языка. Казань 1856 г. 3) помѣстилъ нѣсколько статеекъ въ журналѣ для воспитанія за 1857, 58 и 59 г., въ русскомъ педагогическомъ вѣстникѣ за 1857 г., въ библіографическихъ запискахъ за 1859 г. и въ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ за 1860 г.

11) *Балліонъ* Эрнестъ Эрнестовичъ напечаталъ: 1) ботанику въ 2 ч. Казань. 1857. 2) опытъ изслѣдованія о русскихъ названіяхъ млекопитающихъ животныхъ, водящихся въ Россіи. Казань. 1858 г. 3) Verzeichniss der in Wolguralischen Fauna beobachteten Wasserkäfer. Москва 1855 г.

Въ изданіи Кистера—die Käfer Europa's--помѣстилъ описаніе нѣкоторыхъ вновь открытыхъ насѣкомыхъ; 5) опытъ о русскихъ названіяхъ птицъ, водящихся въ Россіи.

12) *Лопатинъ* Александръ Никоновичъ представилъ попечителю округа сочиненіе: географическое обозрѣніе Азіи. Дальнѣйшая судьба этой рукописи неизвѣстна.

13) *Горскій* Сергѣй Дмитріевичъ напечаталъ: 1) объ историческомъ значеніи царя Алексѣя Михайловича,—рѣчь написанная для произнесенія на гимназическомъ актѣ 1857 г. 2) О жизни и сочиненіяхъ князя Андрея Михайловича Курбскаго Казань 1858 г.

14) *Ефремовъ* Петръ Яковлевичъ напечаталъ: „наглядное преподаваніе предварительныхъ свѣдѣній изъ геометріи". Казань 1859 г.

15) *Чулковъ* Маркъ Семеновичъ издалъ исторію законодательства о табачной промышленности въ Россіи до Екатерины II-й. Казань 1855 г.

16) *Депланъй* Алексѣй Александровичъ напечаталъ: 1) постепенныя бесѣды на французскомъ и русскомъ языкахъ. Казань. 1848 г. 2) Leçons d'histoire de la litterature française depuis l'origine jusqu'a nos jours. 1851 г. 3) Французскую грамматику.

17) *Мильчевскій* Виталій Ивановичъ составилъ французскую грамматику для воспитанниковъ гимназій; рукопись была въ 1855 году представлена попечителю округа, одобрена имъ и возвращена автору, но куда дѣлась потомъ, неизвѣстно.

18) *Бересфордъ* Перси Ивановичъ издалъ таблицы спряженій неправильныхъ глаголовъ французскаго языка. Казань 1859 г.

19) *Иноземцевъ* Александръ Дмитріевичъ составилъ краткую греческую грамматику для учениковъ гимназій, которая была напечатана въ циркулярѣ по округу за 1871 годъ. Въ 1872 г. въ томъ же циркулярѣ помѣстилъ статью: „краткія замѣчанія о діалектахъ греческаго языка". Въ 1873 г. напечаталъ 2-мъ изданіемъ греческую грамматику. Въ томъ же 1873 г. помѣстилъ въ ученыхъ запискахъ Казанскаго университета статью: „Островъ Лесбосъ и лесбійскіе пѣвцы и поэты". Въ 1874 помѣстилъ въ чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ статью объ „удѣльныхъ князьяхъ Кашинскихъ". Въ 1875 г. въ октябрьской книжкѣ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія помѣстилъ статью; „Пиндаръ и его эпиникіи". Въ этомъ же году приготовилъ къ печати переводъ стихами трагедіи Софокла: „Филоктетъ".

Бывши еще студентомъ, А. Д. Иноземцевъ помѣстилъ въ педагогическомъ журналѣ „Ясная Поляна" статью, подъ заглавіемъ: „попытка учительства въ одной изъ частныхъ школъ Казанской губерніи".

20) *Никольскій* Алексѣй Степановичъ въ 1871 году въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: „учебная реформа Екатерины II".

21) *Филиппусъ* Егоръ Юрьевичъ приготовилъ къ печати „руководство къ обученію письму".

22) *Иелентьевъ* Владиславъ Алексѣевичъ приготовилъ къ печати учебникъ русскаго языка для приготовительныхъ классовъ гимназій.

23) *Яковлевъ* Николай Васильевичъ въ 1874 году въ ученыхъ запискахъ Казанскаго университета помѣстилъ статью: „подробное изложеніе особенностей беотійскаго нарѣчія".

24) *Гвоздевъ* Порфирій Петровичъ 1) въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за октябрь и ноябрь 1873 года помѣстилъ статью, подъ заглавіемъ: „образованность и литературные нравы въ римскомъ обществѣ временъ Плинія Младшаго; 2) составилъ настоящую записку о второй Казанской гимназіи.

Кромѣ того при дѣлахъ гимназіи находятся рѣчи, читанныя на публичныхъ актахъ.

V. СВѢДѢНІЯ ОБЪ УЧЕНИКАХЪ ВТОРОЙ КАЗАНСКОЙ ГИМНАЗІИ ЗА 40 ЛѢТЪ.

1) Вѣдомость

о числѣ учениковъ поступившихъ, выбывшихъ, переведенныхъ въ высшіе классы, оставленныхъ въ тѣхъ же классахъ и награжденныхъ.

№	Учебные годы.	Поступило.	Выбыло.		Переведено.	Оставлено.	Награждено.	Осталось на лицо къ концу учебнаго года.			
			До окончанія курса	Окончившихъ курсъ				Дворянъ и чиновниковъ.	Купцовъ и мѣщанъ.	Разноч. и крестьянъ.	Всего.
1	1835—36	172	11	—	90	71	не из.	130	31	—	161
2	1836—37	67	18	4	неиз	вѣст	но	153	51	2	206
3	1837—38	40	46	11	111	78	18	147	42	—	189
4	1838—39	36	52	14	84	75	17	107	36	16	159
5	1839—40	46	61	10	85	49	12	105	20	9	134
6	1840—41	28	9	5	111	37	20	105	32	11	148
7	1841—42	62	54	15	122	19	12	113	25	3	141
8	1842—43	62	20	15	137	31	14	139	20	9	168
9	1843—44	83	38	15	133	65	15	149	39	10	198
10	1844—45	65	47	17	147	52	18	144	40	15	199
11	1845—46	49	46	16	129	57	9	140	15	31	186
12	1846—47	29	21	23	113	58	10	128	31	12	171
13	1847—48	64	18	8	119	90	11	154	45	10	209
14	1848—49	34	41	16	134	52	15	110	64	12	186
15	1849—50	45	20	11	145	52	14	122	42	33	197
16	1850—51	37	17	21	143	53	15	135	44	17	196
17	1851—52	41	46	15	127	49	17	128	31	17	176
18	1852—53	29	19	23	110	53	18	119	25	19	163
19	1853—54	30	18	16	97	62	18	111	30	18	159

№	УЧЕБНЫЕ ГОДЫ.	Поступило.	Выбыло.		Переведено.	Оставлено.	Награждено.	Осталось на лицо къ концу учебнаго года.			
			До окончанія курса	Окончившихъ курсъ				Дворянъ и чиновниковъ	Купцовъ и мѣщанъ.	Разноч. и крестьянъ.	Всего.
20	1854—55	35	23	13	109	49	17	123	24	11	158
21	1855—56	44	25	11	114	52	18	125	31	10	166
22	1856—57	53	31	16	107	65	14	122	37	13	172
23	1857—58	20	32	6	102	52	17	111	32	11	154
24	1858—59	31	32	4	110	39	22	106	29	14	149
25	1859—60	33	16	10	122	33	21	112	29	15	156
26	1860—61	46	43	6	94	66	25	103	30	20	153
27	1861—62	64	33	11	99	72	24	126	35	12	173
28	1862—63	66	38	7	103	79	21	152	31	11	194
29	1863—64	60	58	5	114	76	12	145	31	15	191
30	1864—65	79	84	11	125	86	11	115	35	25	175
31	1865—66	61	67	1	95	73	5	116	33	19	168
32	1866—67	64	57	12	133	43	9	110	45	8	163
33	1867—68	85	41	12	166	45	14	144	41	10	195
34	1868—69	59	30	17	181	48	13	129	58	20	207
35	1869—70	68	37	28	177	37	23	130	59	21	210
36	1870—71	68	40	16	190	41	21	146	52	24	222
37	1871—72	90	40	7	202	56	22	171	63	31	265
38	1872—73	64	67	9	183	85	31	155	62	36	253
39	1873—74	60	49	18	211	52	45	147	60	39	246
40	1874—75	99	27	13	238	69	48	174	92	39	305

2) Вѣдомость

о числѣ окончившихъ полный курсъ по званіямъ, съ обозначеніемъ числа наградъ и того, сколько куда поступило.

№	Учебные годы.	Всего.	Дворянъ и чинов.				Почет. гражд. купцовъ и мѣщ.				Духовныхъ и разночинцевъ.				Сколько куда поступило.		
			Съ аттестатомъ	Чиномъ	Медали. Золот.	Медали. Серебр.	Свидѣт.	Почет. гражд.	Медали. Золот.	Медали. Серебр.	Свидѣт.	Почет. гражд.	Медали. Золот.	Медали. Серебр.	Въ универс.	На службу.	Неизвѣстно.
1	1835—36	п			е		б				л		о.				
2	1836—37	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—
3	1837—38	11	8	—	—	—	2	—	—	—	1	—	—	—	11	—	—
4	1838—39	14	10	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	13	—	1
5	1839—40	10	6	—	—	—	3	—	—	—	1	—	—	—	9	—	1
6	1840—41	5	2	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	3	2	—
7	1841—42	15	8	—	—	—	5	—	—	—	2	—	—	—	11	2	2
8	1842—43	15	7	—	—	—	7	—	—	—	1	—	—	—	15	—	—
9	1843—44	15	9	—	—	—	4	—	—	—	2	—	—	—	15	—	—
10	1844—45	17	8	—	—	—	7	—	—	—	2	—	—	—	14	—	3
11	1845—46	16	10	2	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	16	—	—
12	1846—47	23	13	7	1	—	7	—	—	—	3	—	—	—	20	3	—
13	1847—48	8	8	3	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	8	—	—
14	1848—49	16	9	3	—	1	7	—	—	—	—	—	—	—	7	9	—
15	1849—50	14	10	3	1	—	3	1	—	—	1	1	—	—	11	—	3
16	1850—51	21	11	1	—	—	8	3	—	—	2	2	—	—	20	1	—
17	1851—52	15	10	3	—	—	4	2	—	—	1	1	—	—	15	—	—
18	1852—53	23	13	3	1	—	9	—	—	1	1	—	—	—	23	—	—
19	1853—54	16	14	4	1	1	2	—	—	—	—	—	—	—	8	8	—
20	1854—55	13	8	4	—	—	2	—	1	—	3	1	—	—	9	4	—
21	1855—56	11	6	—	1	1	3	—	—	—	2	—	—	—	9	2	—
22	1856—57	16	14	2	1	—	2	—	—	1	—	—	—	—	14	2	—
23	1857—58	6	4	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	6	—	—
24	1858—59	4	3	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	4	—	—
25	1859—60	10	8	2	1	2	2	—	—	1	1	—	—	—	8	2	—
26	1860—61	6	4	1	1	2	—	—	—	—	—	—	—	1	4	2	—
27	1861—62	11	4	1	1	—	—	—	—	2	1	—	—	1	8	3	—
28	1862—63	7	6	—	1	1	1	—	—	1	—	—	—	—	7	—	—
29	1863—64	5	4	—	—	1	—	—	—	—	1	—	1	—	5	—	—

№	УЧЕБНЫЕ ГОДЫ.	Всего.	Дворянъ и чинов.				Почет. гражд. купцовъ и мѣщ.				Духовныхъ и разночинцевъ.				Сколько куда поступило.		
			Съ аттестатомъ.	Чиномъ.	Медали.		Свидѣт.	Почет. гражд.	Медали.		Свидѣт.	Почет. гражд.	Медали.		Въ универс.	На службу.	Неизвѣстно.
					Золот.	Серебр.			Золот.	Серебр.			Золот.	Серебр.			
30	1864—65	11	4	—	—	2	7	—	2	—	—	—	—	—	10	1	—
31	1865—66	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
32	1866—67	12	6	—	—	2	6	—	2	—	—	—	—	—	11	1	—
33	1867—68	12	11	—	2	2	1	—	—	—	—	—	—	—	12	—	—
34	1868—69	17	11	—	—	2	5	—	1	—	1	—	—	—	15	2	—
35	1869—70	28	23	—	1	5	4	—	—	—	1	—	—	—	28	—	—
36	1870—71	16	5	3	—	3	4	1	1	—	3	—	—	—	15	1	—
37	1871—72	7	5	—	1	1	1	—	1	—	1	—	—	—	7	—	—
38	1872—73	9	5	—	—	—	2	—	—	—	2	—	—	—	9	—	—
39	1873—74	18	9	—	1	—	7	—	2	2	2	—	—	—	18	—	—
40	1874—75	13	10	—	—	2	—	—	—	—	3	—	1	—	13	—	—

3) Именной списокъ

кончившихъ курсъ съ золотою медалью.

1846—47.

1) Фогель Фридрихъ.

1849—50.

2) Бабкинъ Петръ.

1852—53.

3) Фойгтъ Николай.

1853—54.

4) Хронщевскій Никаноръ.

1854—55.

5) Кирпичниковъ Александръ.

1855—56.

6) Жедринскій Николай.

1856—57.

7) Ковалевскій Николай.

1857—58.

8) Останковъ Николай.

1859—60.

9) Останковъ Петръ.

1860—61.

10) Юшковъ Владиміръ.

1861—62.

11) Чегодаевъ Николай.

1862—63.

12) Тидеманъ Викторъ.

1863—64.

13) Зерновъ Михаилъ.

1864—65.

14) Земцевъ Иванъ.

15) Ломоносовъ Петръ.

1866—67.

16) Тороповъ Семенъ.

17) Долговъ Владиміръ.

1867—68.

18) Горталовъ Александръ.

19) Данилевскій Василій.

1868—69.

20) Докучаевъ Леонидъ.

1869—70.

21) Глинка Николай.

1870—71.

22) Тороповъ Сергѣй.

1871—72.

23) Макаровъ Василій.

24) Смирновъ Алексѣй.

1873—74.

25) Макаровъ Петръ.

26) Свіяжениновъ Григорій.

27) Кулагинъ Александръ

1874—75 г.

28) Эккерманъ Александръ;

4) Именной списокъ

кончившихъ курсъ съ серебряною медалью.

1847—1848.

1) Лоскутовъ Николай.

1848—49.

2) Соколовскій Николай.

1852—53.

3) Пѣтуховъ Владиміръ.

1853—54.

4) Логиновъ Вячеславъ.

1855—56.

5) Щербачевъ Владиміръ.

1856—57.

6) Мясниковъ Матвѣй.

1859—60.

7) Верцеліусъ Петръ

8) Распоповъ Александръ.

1860—61.

9) Ивановъ Владиміръ.

10) Перимовъ Петръ.

1861—62.

11) Генкель Августъ.

12) Поналимоновъ Евгеній.

1862—63.

13) Львовъ Леонидъ.

14) Навалихинъ Павелъ.

1863—64.

15) Котовщиковъ Николай.

1864—65.

16) Сердобольскій Иванъ.

17) Снѣгиревъ Николай.

1866—67.

18) Саблуковъ Всеволодъ.

19) Филипповъ Петръ.

1867—68.

20) Комаровъ Александръ.

21) Охочинскій Петръ.

1868—69.

22) Зуевъ Михаилъ.

23) Коноваловъ Анатолій.

1869—70.

24) Егоровъ Иванъ.
25) Ивановъ Сергѣй.
26) Ивановъ Павелъ.
27) Ольшамовскій Михаилъ.
28) Пенинскій Борисъ.

1870—71.

29) Поклевскій-Козелло Викентій.
30) Загибаловъ Александръ.
31) Дамперовъ Иванъ.

1871—72.

32) Пенинскій Павелъ.

1873—74.

33) Зайцевъ Алексѣй.
34) Капитоновъ Иванъ.

1874—75 г.

35) Перцевъ Петръ.
36) Родзевичъ Болеславъ.

5) Именной списокъ

всѣхъ воспитанниковъ, кончившихъ курсъ съ 18³⁶/₃₇ учебнаго года.

№	№	ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Какой постъ занимаютъ въ настоящее время.
		1836—1837.	
1	1	Аппеляціонинъ Александръ.	
2	2	Горталовъ Петръ.	
3	3	Ступишинъ Степанъ.	
4	4	Тимоѳеевъ Александръ.	
		1837—38.	
5	1	Гильтеръ Павелъ.	
6	2	Гинс Василій.	
7	3	Деммертъ Владиміръ.	

8	4	Загайновъ Сергѣй.	
9	5	Камбекъ Левъ.	
10	6	Каменовскій Иванъ.	
11	7	Кудряшевъ Владиміръ.	
12	8	Струйскій Михаилъ.	
13	9	Сушинъ Николай.	
14	10	Скоробогатовъ Петръ.	
15	11	Эрдманъ Николай.	
		1838—1839.	
16	1	Аѳанасьевъ Иванъ.	
17	2	Аппеляціонинъ Василій.	
18	3	Ворожцовъ Прокопій.	
19	4	Вороновъ Андрей.	
20	5	Заварзинъ Николай.	
21	6	Карташевъ Василій.	
22	7	Ласкинъ Андрей.	
23	8	Лебедевъ Иванъ.	
24	9	Лопатинъ Николай.	
25	10	Петровъ Петръ.	
26	11	Протопоповъ Лавръ.	
27	12	Струйскій Василій.	
28	13	Юдниковъ Василій.	
29	14	Магницкій Михаилъ.	
		1839—1840.	
30	1	Жаворонковъ Македонъ.	
31	2	Жаворонковъ Иванъ.	
32	3	Лебедевъ Маркъ.	
33	4	Ляпуновъ Андрей.	
34	5	Неймаркъ Александръ.	
35	6	Никитинъ Михаилъ.	
36	7	Шарбе Раймундъ	Докторъ древней филологіи и бывшій профессоръ Казанск. университета, а потомъ дирек Пензен. гим
37	8	Щепинъ Николай.	
38	9	Герасимовъ Михаилъ.	
39	10	Дегрессъ Викторъ.	
		1840—1841.	
40	1	Бестужевъ Петръ.	
41	2	Буличъ Николай	Заслуженный профессоръ Казанскаго университита
42	3	Мейснеръ Александръ.	

43	4	Неймаркъ Карлъ.	по каѳедрѣ русской словесности.
44	5	Паутовъ Константинъ.	
		1841—1842.	
45	1	Внуковъ Михаилъ.	
46	2	Гунстъ Альбертъ.	
47	3	Зайцевскій Владиміръ.	
48	4	Ильинъ Василій.	
49	5	Колбицкій Сергѣй.	
50	6	Кориневскій Апполонъ.	
51	7	Крюковъ Михаилъ.	
52	8	Лазаревъ Петръ.	
53	9	Лукоянчиковъ Александръ.	
54	10	Мейеръ Яковъ.	
55	11	Овчинниковъ Василій.	
56	12	Степановъ Петръ.	
57	13	Шабловскій Александръ.	
58	14	Языковъ Петръ.	
59	15	Гвоздевъ Андрей.	
		1842—1843.	
60	1	Алексѣевъ Алексѣй.	
61	2	Безобразовъ Алексѣй. . .	Членъ Совѣта Министра финансовъ.
62	3	Безобразовъ Василій.	
63	4	Богатыревъ Адріанъ.	
64	5	Викуловъ Платонъ.	
65	6	Гучевъ Михаилъ.	
66	7	Заварзинъ Павелъ.	
67	8	Иванисовъ Владиміръ.	
68	9	Лапинъ Василій.	
69	10	Людвигъ Константинъ.	
70	11	Піуновъ Николай.	
71	12	Скоробогатовъ Александръ.	
72	13	Соколовъ Дмитрій.	
73	14	Соколовъ Сергѣй.	
74	15	Титовъ Василій.	
		1843—1844.	
75	1	Аароновъ Петръ.	
76	2	Апехтинъ Николай.	
77	3	Бховскій Николай.	

78	4	Бѣльяновъ Николай.	
79	5	Гунстъ Эдуардъ.	
80	6	Засурскій Петръ.	
81	7	Лазаревъ Ѳедоръ.	
82	8	Озеровъ Константинъ.	
83	9	Папковъ Василій.	
84	10	Пасмуровъ Александръ.	
85	11	Рязевъ Алексѣй	
86	12	Скоробогатовъ Константинъ.	
87	13	Соколовъ Хрисанѳ.	
88	14	Элендъ Михаилъ.	
89	15	Ѳедоровъ Александръ.	
		1844—1845.	
90	1	Блохинъ Василій.	
91	2	Вагнеръ Николай. . . .	Ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ зоологіи.
92	3	Вороновъ Михаилъ.	
93	4	Гогулинъ Александръ.	
94	5	Дьяковъ Николай.	
95	6	Жаворонковъ Константинъ.	
96	7	Китайцевъ Василій.	
97	8	Кудрявцевъ Алексѣй.	
98	9	Курп Вильгельмъ.	
99	10	Лукъянскій Николай.	
100	11	Николаевъ Сергѣй.	
101	12	Чаевъ Ліодоръ.	
102	13	Чекаловъ Петръ.	
103	14	Шлихтейзенъ Петръ.	
104	15	Яновскій Яковъ.	
105	16	Цыпинъ Александръ.	
106	17	Яковлевъ Александръ.	
		1845—1846.	
107	1	Безобразовъ Дмитрій.	
108	2	Буличъ Константинъ.	
109	3	Внуковъ Алексѣй 1-й.	
110	4	Внуковъ Алексѣй 2-й.	
111	5	Внуковъ Константинъ.	
112	6	Головачевъ Виссаріонъ.	
113	7	Кожухинъ Петръ.	

114	8	Лазаревъ Иванъ.	
115	9	Лентовскій Михаилъ.	
116	10	Поповъ Константинъ.	
117	11	Поповъ Николай.	
118	12	Поповъ Андрей.	
119	13	Ребровскій Михаилъ.	
120	14	Янишевскій Николай.	
121	15	Янишевскій Эрастъ . . .	Ординарный проф. Казан. университета по каѳ. мат и Казан. Город Голова.
122	16	Ѳирсовъ Егоръ.	
		1846—1847,	
123	1	Амосовъ Григорій.	
124	2	Бабынинъ Алексѣй.	
125	3	Барминскій Александръ.	
126	4	Благовѣщенскій Константинъ.	
127	5	Бѣлицкій Владиміръ.	
128	6	Глассонъ Николай.	
129	7	Гоппенъ Николай.	
130	8	Колосовъ Петръ.	
131	9	Левстремъ Николай.	
132	10	Лукъяновъ Николай.	
133	11	Лянгагенъ Берсонъ.	
134	12	Пиѳіевъ Викторъ.	
135	13	Поповъ Александръ.	
136	14	Пѣтуховъ Владиміръ.	
137	15	Селивановъ Модестъ.	
138	16	Соколовъ Ѳедоръ.	
139	17	Титовъ Гавріилъ.	
140	18	Тхоржевскій Селиверій.	
141	19	Фогель Фридрихъ.	
142	20	Фирсовъ Константинъ.	
143	21	Внуковъ Александръ.	
144	22	Черноруцкій Василій.	
145	23	Блохинъ Алексѣй.	
		1847—1848.	
146	1	Бланкъ Дмитрій.	
147	2	Блосфельдъ Алексѣй.	
148	3	Вторинъ Иванъ.	
149	4	Клаусъ Ѳеодоръ.	

150	5	Лоскутовъ Николай.	
151	6	Новожиловъ Ѳеменъ.	
152	7	Полиновскій Александръ.	
153	8	Полиновскій Алексѣй	Товарищъ председателя Казанскаго Окружнаго суда.
		1848—1849.	
154	1	Андреевъ Андрей.	
155	2	Апехтинъ Павелъ.	
156	3	Гавриловъ Михаилъ.	
157	4	Добрынинъ Андрей.	
158		Заурихъ Адольфъ.	
159		Касьяновъ Николай.	
160	7	Котеловъ Николай.	
161	8	Краммеръ Александръ.	
162	9	Лотовъ Иванъ.	
163	10	Манасеинъ Иванъ.	
164	11	Манасеинъ Петръ.	
165	12	Морозовичъ Павелъ.	
166	13	Павловъ Алексѣй.	
167	14	Соколовъ Николай.	
168	15	Солнцевъ Александръ.	
169	16	Татариновъ Иванъ	
		1849—1850.	
170	1	Бабкинъ Петръ.	
171	2	Вицынъ Алексѣй.	
172	3	Дезидерьевъ Павелъ.	
173	4	Евстафьевъ Павелъ.	
174	5	Заурихъ Андрей.	
175	6	Игумновъ Андрей.	
176	7	Кабановъ Петръ.	
177	8	Пасмуровъ Николай.	
178	9	Пиѳіевъ Михаилъ.	
179	10	Ребровскій Николай.	
180	11	Рыбушкинъ Николай.	
181	12	Силантьевъ Николай.	
182	13	Янишевскій Борисъ.	
183	14	Степановъ Сергѣй.	
		1850—1851.	
184	1	Алашеевъ Сергѣй.	
185	2	Алянскій Василій.	

186	3	Бабкинъ Аркадій.	
187	4	Безобразовъ Николай.	
188	5	Благовѣщенскій Иванъ.	
189	6	Блохинъ Николай.	
190	7	Вагнеръ Михаилъ.	
191	8	Глассонъ Александръ.	
192	9	Григорьевъ Степанъ.	
193	10	Ибряевъ Павелъ.	
194	11	Калугинъ Александръ	
195	12	Карташевъ Константинъ.	
196	13	Китовъ Христофоръ.	
197	14	Мильчевскій Октавій.	
198	15	Орфановъ Дмитрій.	
199	16	Перимовъ Алексѣй	
200	17	Пѣтуховъ Владиміръ.	
201	18	Сокольскій Владиміръ.	
202	19	Фастрицкій Николай. . .	Секретарь Совѣта Императорскаго Казанскаго университета.
203	20	Николаевъ Владиміръ.	
204	21	Яковлевъ Александръ.	
		1851—1852.	
205	1	Буланинъ Алексѣй.	
206	2	Булашевичъ Митрофанъ.	
207	3	Воецкій Михаилъ.	
208	4	Евдокимовъ Илья.	
209	5	Казариновъ Иванъ.	
210	6	Карташевъ Левъ.	
211	7	Кедровъ Варѳоломей.	
212	8	Киселевскій Михаилъ.	
213	9	Николаевъ Петръ.	
214	10	Ниѳіевъ Николай.	
215	11	Свѣчниковъ Владиславъ.	
216	12	Содальскій Петръ.	
217	13	Солнцевъ Виталій.	
218	14	Эннатскій Василій	
219	15	Эннатскій Петръ.	
		1852—1853.	
220	1	Авдіевъ Михаилъ.	
221	2	Баканинъ Матвѣй.	
222	3	Васильевъ Михаилъ.	

223	4	Денисовъ Павелъ.	
224	5	Износковъ Иліодоръ . . .	Директоръ народныхъ училищъ Казанской губерніи.
225	6	Кононовъ Константинъ.	
226	7	Кусаковъ Евстафій.	
227	8	Матвѣевъ Лазарь.	
228	9	Машкинъ Николай.	
229	10	Норманъ Александръ.	
230	11	Носовъ Николай.	
231	12	Петровъ Николай.	
232	13	Проскуряковъ Владиміръ.	
233	14	Пѣтуховъ Владиміръ.	
234	15	Романовъ Иванъ.	
235	16	Сунгуровъ Владиміръ.	
236	17	Сунгуровъ Константинъ.	
237	18	Толмачевъ Павелъ.	
238	19	Трофимовъ Константинъ.	
239	20	Фойгтъ Николай	Служитъ по Министерству иностранныхъ дѣлъ первымъ секретаремъ при одномъ изъ посольствъ.
240	21	Янишевскій Алексѣй.	
241	22	Жуковъ Владиміръ.	
242	23	Лапотниковъ Алексѣй.	
		1853—1854.	
243	1	Аристовъ Өедоръ.	
244	2	Базаковъ Алексѣй.	
245	3	Богатыревъ Николай.	
246	4	Булыгинъ Дмитрій.	
247	5	Вицынъ Павелъ.	
248	6	Грибель Егоръ.	
249	7	Гроссъ Здиславъ.	
250	8	Кортиковскій Александръ.	
251	9	Мильчевскій Сильвестръ.	
252	10	Михайловъ Варөоломей.	
253	11	Норманъ Владиміръ.	
254	12	Россихинъ Осипъ.	
255	13	Степановъ Дмитрій.	
256	14	Логиновъ Вячеславъ.	
257	15	Хрощевскій Никаноръ .	Ординарный профессоръ университета Св. Владиміра.
258	16	Өедоровъ Петръ.	
		1854—1855.	
259	1	Абоимовъ Михаилъ.	

260	2	Алашеевъ Валеріанъ.	
261	3	Ворожцовъ Василій.	
262	4	Грузинскій Иванъ.	
263	5	Дебособръ Владиміръ.	
264	6	Касьяновъ Александръ.	
265	7	Кирпичниковъ Александръ.	
266	8	Кононовъ Василій.	
267	9	Кудрявцевъ Николай.	
268	10	Ласточкинъ Валеріанъ.	
269	11	Логиновъ Леонидъ.	
270	12	Перимовъ Иванъ.	
271	13	Роммеръ Өедоръ.	
		1855—1856.	
272	1	Аркановъ Павелъ.	
273	2	Вишневскій Андрей.	
274	3	Ганевинкель Александръ.	
275	4	Жедринскій Николай.	
276	5	Ивановъ Александръ.	
277	6	Ласточкинъ Михаилъ.	
278	7	Лобановъ Вадимъ.	
279	8	Николаи Александръ.	
280	9	Филипповъ Владиміръ.	
281	10	Щербаковъ Арсеній . . .	Экстраординарный проф Казанскаго университета.
282	11	Щербачевъ Вадимъ.	
		1856—1857.	
283	1	Алексѣевъ Александръ.	
284	2	Балахонцевъ Николай.	
285	3	Васильевъ Павелъ.	
286	4	Ганевинкель Леонидъ.	
287	5	Грузинскій Николай.	
288	6	Ивановъ Аполлонъ.	
289	7	Ковалевскій Николай . :	Ордин. проф. Казан. унив. по каѳедрѣ физіологіи.
290	8	Матернъ Александръ.	
291	9	Мельниковъ Николай . .	Ординарный профессоръ Казанскаго университета по каѳедрѣ зологіи.
292	10	Митяпинъ Петръ.	
293	11	Мясниковъ Матвѣй.	
294	12	Нелидовъ Павелъ.	
295	13	Николаи Павелъ.	
296	14	Шкляевъ Александръ.	

297	15	Плотниковъ Павелъ.	
298	16	Эннатскій Дмитрій.	
		1857—1858.	
299	1	Банкъ Карлъ.	
300	2	Зайцевъ Александръ.	Ординарный профессоръ Казанскаго университета по каѳедрѣ химіи.
301	3	Износковъ Валеріанъ.	
302	4	Клепининъ Николай.	
303	5	Останковъ Николай.	
304	6	Трусовъ Павелъ.	
		1858—1859.	
305	1	Горемыкинъ Николай.	
306	2	Дечеверри Павелъ.	
307	3	Ремезовъ Михаилъ	
308	4	Троицкій Викторъ	
		1859—1860.	
309	1	Араповъ Борисъ.	
310	2	Банкъ Андрей.	
311	3	Верцеліусъ Петръ.	
312	4	Вишневскій Василій.	
313	5	Дороговъ Петръ.	
314	6	Останковъ Петръ.	
315	7	Соловьевъ Евгеній.	
316	8	Спичаговъ Иванъ.	
317	9	Распоповъ Александръ.	
318	10	Кн. Чегодаевъ Павелъ.	
		1860—1861.	
319	1	Борисовъ Леонидъ.	
320	2	Ивановъ Владиміръ.	
321	3	Митяпинъ Всеволодъ.	
322	4	Перимовъ Петръ.	
323	5	Смагинъ Павелъ.	
324	6	Юшковъ Владиміръ.	
		1861—1862.	
325	1	Боголюбовъ Леонидъ.	
326	2	Генкель Августъ	Учитель математики 2-й Казанской гимназіи.
327	3	Григорьевъ Иванъ.	
328	4	Ивановъ Иванъ.	
329	5	Каминскій Ѳедоръ.	

330	6	Обреимовъ Василій.	
331	7	Панаїимоновъ Евгеній.	
332	8	Протопоповъ Владиміръ.	
333	9	Савельевъ Петръ.	
334	10	Столбовъ Капитонъ.	
335	11	Кн. Чегодаевъ Николай.	
		1862—1863.	
336	1	Верцеліусъ Михаилъ.	
337	2	Замятинъ Павелъ.	
338	3	Львовъ Леонидъ.	
339	4	Морозовъ Викторъ.	
340	5	Навалихинъ Павелъ.	
341	6	Смирновъ Михаилъ.	
342	7	Тидеманъ Викторъ.	
		1863—1864.	
343	1	Витковскій Михаилъ.	
344	2	Затмиловъ Андрей.	
345	3	Зерновъ Михаилъ. . . .	Учит. матем. Оренб. гимн
346	4	Котовщиковъ Николай . .	Приватъ-доц. Каз. универ. по медицинскому факульт.
347	5	Юшковъ Николай. . . .	Редакторъ неоффиціальной части Казанскихъ губернскихъ Вѣдомостей.
		1864—1865.	
348	1	Александровъ Петръ.	
349	2	Банцековъ Владиміръ.	
350	3	Васильевъ Осипъ.	
351	4	Земцевъ Иванъ.	
352	5	Іорданъ Владиміръ.	
353	6	Книзе Александръ.	
354	7	Косыхъ Петръ.	
355	8	Криваксинъ Владиміръ.	
356	9	Ломоносовъ Петръ. . .	Инспекторъ 3 Казанской гимназіи.
357	10	Сердобольскій Иванъ.	
358	11	Снегиревъ Николай.	
		1865—1866.	
359	1	Чистяковъ Павелъ.	
		1866—1867.	
360	1	Герасимовъ Александръ.	
361	2	Долговъ Владиміръ.	

362	3	Износковъ Николай.	
363	4	Ильинъ Николай.	
364	5	Корноуховъ Александръ.	
365	6	Евреиновъ Андрей.	
366	7	Саблуковъ Всеволодъ.	
367	8	Тороповъ Семенъ.	
368	9	Филипповъ Петръ. . . .	Состоитъ при Казанскомъ Окружномъ судѣ.
369	10	Ѳедотовъ Яковъ.	
370	11	Купріяновъ Павелъ.	
371	12	Степановъ Николай.	
		1867—1868.	
372	1	Андреевъ Николай.	
373	2	Бѣлицкій Михаилъ. . . .	Учитель математики Казанской Маріинской женской гимназіи.
374	3	Горталовъ Александръ.	
375	4	Данилевскій Василій.	
376	5	Дороговъ Николай.	
377	6	Залѣсскій Владиміръ.	
378	7	Износковъ Владиміръ.	
379	8	Комаровъ Алексѣй.	
380	9	Ледепцевъ Петръ.	
381	10	Охочинскій Петръ.	
382	11	Соймоновъ Михаилъ.	
383	12	Флоріановъ Василій.	
		1868 —1869.	
384	1	Андреевъ Юрій.	
285	2	Бутурлинъ Владиміръ.	
386	3	Быстровъ Алексѣй.	
387	4	Быстровъ Петръ.	
388	5	Денике Фридрихъ.	
389	6	Докучаевъ Леонидъ.	
390	7	Зуевъ Михаилъ.	
391	8	Каврайскій Евграфъ.	
292	9	Коноваловъ Анатолій.	
393	10	Котовщиковъ Александръ .	Ассистентъ при клиникѣ Казанскаго университета.
394	11	Литвиновъ Яковъ.	
395	12	Ляпуновъ Василій.	
396	13	Мамаевъ Алексѣй.	
397	14	Мертваго Николай.	
398	15	Образцовъ Яковъ.	

399	16	Платоновъ Павелъ.	
400	17	Славинскій Казиміръ.	
		1869—1870.	
401	1	Араповъ Петръ.	
402	2	Бажановъ Сергѣй.	
403	3	Болгарскій Александръ.	
404	4	Бутлеровъ Илья.	
405	5	Бутлеровъ Михаилъ.	
406	6	Бухвостовъ Алексѣй.	
407	7	Больцани Евгеній.	
408	8	Бѣлицкій Николай.	
409	9	Глинка Николай	
410	10	Гроссманъ Рудольфъ.	
411	11	Дамперовъ Владиміръ.	
412	12	Дамперовъ Николай.	
413	13	Егоровъ Иванъ.	
414	14	Ивановъ Павелъ.	
415	15	Ивановъ Сергѣй.	
416	16	Лобановъ Анатолій.	
417	17	Лѣнивцевъ Николай.	
418	18	Ольдекопъ Ѳедоръ.	
419	19	Ольшамовскій Михаилъ. . .	Учитель рус. яз. 2 Каз. гим.
420	20	Пепинскій Борисъ	Учитель Франц. языка 3 Каз. гимназіи.
421	21	Поповъ Ананій.	
422	22	Поповъ Леонидъ.	
423	23	Рябчиковъ Александръ.	
424	24	Севастьяновъ Иванъ.	
425	25	Салинъ Генрихъ	
426	26	Троицкій Викторъ.	
427	27	Хохряковъ Дмитрій.	
428	28	Шиховъ Иванъ.	
		1870—1871.	
429	1	Дамперовъ Иванъ.	
430	2	Загибаловъ Александръ.	
431	3	Загибаловъ Борисъ.	
432	4	Канониковъ Иннокентій. . .	Приватъ-доцентъ Казанскаго университета.
433	5	Новиковъ Аркадій.	
434	6	Ольшамовскій Николай.	

435	7	Петровъ Өедоръ.	
436	8	Поклевскій-Козелло Викентій.	
437	9	Полетико Петръ.	
438	10	Прытковъ Николай.	
439	11	Романовскій Флегонтъ.	
440	12	Смирновъ Сергѣй.	
441	13	Смирницкій Иванъ.	
442	14	Тороповъ Сергѣй.	
443	15	Хронусовъ Иванъ.	
444	16	Эккерманъ Вильгельмъ . .	Учитель французскаго яз. Казанскаго реальнаго училища.
		1871—1872.	
445	1	Баршевскій Арсеній.	
446	2	Болгарскій Владиміръ.	
447	3	Макаровъ Василій.	
448	4	Пенинскій Павелъ.	
449	5	Самарцевъ Владиміръ.	
450	6	Смирновъ Алексѣй.	
451	7	Шмидтъ Андрей.	
		1872—1873 г.	
		а) *ученики старшаго отдѣленія.*	
452	1	Васильевъ Викторъ.	
453	2	Зимнинскій Константинъ.	
451	3	Зуевъ Венедиктъ.	
555	4	Комарницкій Николай.	
456	5	Пото Николай.	
457	6	Сапниковъ Венедиктъ.	
458	7	Шляпниковъ Николай.	
		б) *младшаго отдѣленія.*	
459	8	Ахмеровъ Шагбазъ-гирей.	
460	9	Зворыкинъ Николай.	
		1873—1874.	
		а) *ученики старшаго отдѣленія.*	
461	1	Батуевъ Николай.	
462	2	Баутинъ Иванъ.	
463	3	Бѣлицкій Александръ.	

464	4	Ворожцовъ Николай.	
465	5	Зайцевъ Алексѣй.	
466	6	Кукурановъ Николай.	
467	7	Макаровъ Петръ.	
468	8	Михалевъ Николай.	
469	9	Носовъ Михаилъ.	
470	10	Ольдекопъ Алексѣй.	
471	11	Свіяженииовъ Григорій.	
472	12	Соколовскій Владиміръ.	
473	13	Чирихинъ Иванъ	
474	14	Ястребовъ Николай.	
		б) младшаго отдѣленія.	
475	15	Глинка Сергѣй.	
476	16	Капитоновъ Иванъ.	
477	17	Кулагинъ Александръ.	
478	18	Дубровинъ Александръ.	
		1874—1875.	
		а) *ученики старшаго отдѣленія.*	
479	1	Аристовъ Михаилъ.	
480	2	Гловацкій Леонъ.	
481	3	Доможировъ Михаилъ.	
482	4	Кремковъ Владиміръ.	
483	5	Крутецкій Николай.	
484	6	Ломоносовъ Владиміръ.	
485	7	Ольдекопъ Николай.	
486	8	Перцевъ Петръ.	
487	9	Родзевичъ Болеславъ.	
488	10	Тимоосевъ Александръ.	
489	11	Шмидтъ Генрихъ	
490	12	Эккерманъ Александръ.	
		б) младшаго отдѣленія.	
491	13	Свенцицкій Евгеній.	

Заключительныя слова, произнесенныя преподавателемъ Гвоздевымъ на публичномъ актѣ 23-го августа 1875 года.

„Вторая Казанская гимназія, какъ и всѣ учебныя заведенія въ Россіи, процвѣтаетъ, благодаря покровительству и щедротамъ правительства. Вообще въ Россіи свѣтъ цивилизаціи и просвѣщенія восходитъ на верху, исходя отъ правительства и проникаетъ внизъ, проводится постепенно въ народъ. Такъ за 1000 слишкомъ лѣтъ назадъ призванные князья создали Государственный порядокъ въ землѣ русской, богатой и обильной, но въ которой порядка не было. Такъ великій князь Владиміръ просвѣтилъ землю русскую свѣтомъ истинной Христовой религіи и устроилъ первыя школы въ странѣ. Великій князь Іоаннъ III-й и царь Іоаннъ Грозный начали пересаждать на русскую почву плоды зрѣлой уже Западно - Европейской цивилизаціи. Царствованія Петра Великаго, Екатерины Великой, Александра Благословеннаго, Николая I-го и нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра II слишкомъ извѣстны для того, чтобы распространяться о нихъ въ доказательство мысли о первенствующей роли русскаго правительства въ прогрессѣ нашей страны, въ гигантскомъ шествіи ея по пути славы и благоденствія.

Въ царствованіе Петра Великаго, по мановенію мощнаго царя, равному—„рече да будетъ и бысть“ началась русская свѣтская литература, которая между прочимъ направлялась и направляется на вопросы общественные и государственные. Имѣла ли и имѣетъ ли литература въ этомъ отношеніи какое либо значеніе? Да! она имѣла и имѣетъ великое значеніе, но только въ томъ случаѣ, когда она шла и идетъ за правительствомъ. Расходясь же съ послѣднимъ и особенно противодѣйствуя ему, она, эта литература, вдается въ дѣтское лепетанье, какъ будто это была литература не великаго, а обиженнаго судьбою народа. И неудивительно; ибо въ этомъ случаѣ литература измѣняетъ своей естественной, исторической роли. Законы исторіи не менѣе сильны и дѣйствуютъ также неотразимо, какъ и законы природы. Царствованіе Екатерины II вполнѣ доказало развиваемую нами мысль, ее неопровержимо доказало настоящее царствованіе. Всякій, кто хоть сколько нибудь слѣдилъ за литературой нашего времени, долженъ признать справед-

ливость нашей мысли; се можетъ отрицать только закоренѣлый и крайне предубѣжденный.

Не мое, по истинѣ слабое, слово можетъ изобразить благодѣянія, принесенныя въ наше время нашему отечеству Верховной властью. Нѣтъ,—нужно быть геніальнымъ ораторомъ,—этого мало,—нужно быть вдохновеннымъ пророкомъ, чтобы громко повѣдать и достодолжно превознести славныя дѣла нынѣшняго царствованія. Не даромъ личность настоящаго Государя нашего привлекаетъ къ себѣ удивленіе всего міра, не даромъ русскій народный гимнъ громко и неумолкаемо раздается во всѣхъ странахъ свѣта по всякому, вызывающему то, поводу. Мы, русскіе, должны тѣмъ болѣе питать къ престолу и отечеству чувства любви и самоотверженной преданности. Мы не должны забывать, что любовь къ престолу и отечеству есть исконная, національная черта русскаго народа. За вѣру, Царя и Отечество русскіе люди, когда того требовала какая либо надобность, всегда проливали свою кровь, шли въ огонь и воду, не щадили ни жизни, ни имущества.

Къ вамъ, бывшіе воспитанники 2-й гимназіи, преимущественно обращаюсь я съ словомъ убѣжденія—быть вѣрными требованіямъ долга и истинной чести. Гимназія моими устами бесѣдуетъ съ вами въ послѣдній разъ,—выслушайте же меня внимательно. Ваше окончаніе курса совпало съ особеннымъ знаменательнымъ событіемъ — сороко-лѣтнею годовщиною гимназіи. Вы слышали, какое значеніе гимназія придаетъ этому событію (¹). Значеніе его, я повторяю,—то, что гимназія теперь уже сложилась, вполнѣ окрѣпла. Такъ докажите же примѣромъ всей вашей послѣдующей жизни, что изъ окрѣпшаго учебнаго заведенія вышли дѣйствительно крѣпкіе умомъ и волею люди, будьте крѣпки и ограждены отъ напора безчисленныхъ ложныхъ ученій, такъ нерѣдко проповѣдуемыхъ нынѣ и прямо и косвенно, и тайно и явно. Не забудьте, что и проповѣдуютъ—то эти ученія обыкновенно всякаго рода недоучки, люди убогіе умомъ и сердцемъ и потому самому озлобленные на всѣхъ и на все. Обидно же наконецъ подчиняться вліянію такихъ жалкихъ и недозрѣлыхъ людей. Вы слышали

(¹) На актѣ было прочитано краткое извлеченіе изъ настоящей Исторической Записки.

что 2-я гимназія не знаетъ ни одного случая, чтобы кто нибудь изъ бывшихъ ея воспитанниковъ запятналъ себя какимъ либо компрометирующимъ и позорящимъ поступкомъ. Явите же и вы себя достойными вашихъ достойныхъ предшественниковъ; не осрамите себя и не наложите, хотя конечно косвенно, пятна на воспитавшее васъ заведеніе. Вы получили присужденные вамъ педагогическимъ совѣтомъ аттестаты зрѣлости. Окажите же себя достойными этого важнаго документа, открывающаго вамъ широкія и разнообразныя пути въ жизни, т. е., будьте же зрѣлы не по имени и не на бумагѣ только, но и на самомъ дѣлѣ. Въ бытность вашу въ гимназіи, вамъ не разъ приходилось слышать наставленія въ истинѣ и добрѣ. Въ то время вамъ иногда могло казаться, что мы говорили съ вами только для формы, чтобы, такъ сказать, отбыть неминуемую, лежащую на насъ повинность. Но вотъ вы уже вышли изъ нашихъ рукъ, изъ-подъ нашего надзора, высвободились изъ подъ нашей власти; отселѣ гимназія не будетъ слѣдить за вами и не будетъ отвѣчать за ваше дальнѣйшее поведеніе. Почему же мы и теперь съ такою силою ведемъ съ вами бесѣду о долгѣ и чести.? Вѣрьте, что источникъ этой бесѣды есть единственно желаніе вамъ добра, уста наши говорятъ отъ избытка сердца, сердца искренняго и вполнѣ къ вамъ доброжелательнаго. А это да послужитъ вамъ доказательствомъ, что и прежде мы исполняли свой долгъ не для формы. Я кончилъ свою рѣчь. Но не могу разстаться съ вами безъ того, чтобы еще разъ не повторить вамъ: будьте истинными сынами Церкви, Государя и Отечества, будьте гражданами въ истинномъ, не въ извращенномъ смыслѣ слова. А теперь, вы, бывшіе и настоящіе воспитанники, и мы, члены гимназіи, и всѣ, почтившіе своимъ присутствіемъ нашъ скромный гимназическій праздникъ, вознесемте въ русскомъ народномъ гимнѣ совокупную горячую молитву къ престолу Царя царей о здравіи и долгоденствіи нашего возлюбленнаго и боготворимаго Монарха. Да продлится драгоцѣнная жизнь его на счастіе, славу и благоденствіе Россіи на многіе и на многіе годы. Боже Царя Храни“!

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

СЛОВО [1]

АРХИМАНДРИТА ГАВРІИЛА

на открытіе второй Казанской гимназіи.

Начало премудрости страхъ Господень. (Притч. 9, 10).

Державная любовь къ просвѣщенію благочестивѣйшаго Монарха открываетъ, о благовоспитанные юноши! новое святилище наукъ, для усовершенствованія пріобрѣтенныхъ вами свѣдѣній и для достойнаго пріуготовленія васъ на служеніе престолу и отечеству. Вы собрались нынѣ для того, дабы едиными устами и единымъ сердцемъ испросить отъ Подателя всѣхъ благъ благословеніе на предлежащія вамъ занятія въ снисканіи премудрости. Буди благословенно ваше благоговѣйное собраніе! Притекайте съ чистымъ сердцемъ и пламенными молитвами къ Отцу небесному и Божественная премудрость—своимъ немерцающимъ свѣтомъ озаритъ ваши умы и сердца по Боговдохновеннымъ словамъ апостола: *Аще кто отъ васъ лишенъ есть премудрости, да проситъ отъ дающаго Бога всѣмъ нелицепріемнѣ, и не поношающаго, и дастся ему.* (Іак. 1. 5). Но знайте, что премудрость будетъ для васъ недоступна, если вы, во всѣхъ мысляхъ, чувствованіяхъ и дѣйствіяхъ, не будете имѣть благоговѣйнаго страха или опасенія, чтобы чрезъ грѣховныя дѣйствія не

---

(1) Помѣщаемыя здѣсь два слова заимствованы изъ печатнаго сборника «поучительныхъ словъ» архимандрита Гавріила. Казань 1850 г.

нарушить воли Божіей, и чтобы чрезъ удаленіе отъ Бога не подпасть строгости Его нелицепріятнаго правосудія: самое начало премудрости, какъ говоритъ мудрѣйшій Соломонъ, есть страхъ Господень. Кто не имѣетъ сего начала премудрости, тотъ не можетъ и снискать ее. Посему къ ищущимъ разума и вѣдѣнія Давидъ вѣщаетъ: *пріидите чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ.* (Псал. 33, 12).

Такъ, мои возлюбленные! Господь омылъ васъ отъ скверны грѣха во св. крещеніи; Господь ввѣрилъ васъ храненію вашихъ родителей и наставниковъ, безъ попеченія коихъ ваше бытіе въ семъ мірѣ отъ суровости стихій, отъ враждебныхъ животныхъ, отъ собственной вашей немощи, столько же разъ могло прекратиться, сколько протекло минутъ въ вашей жизни; Господь чрезъ вашихъ благочестивыхъ предковъ пріуготовилъ вамъ въ наслѣдіе вѣру, залогъ временнаго и вѣчнаго вашего блаженства; Господь предопредѣлилъ узрѣть вамъ свѣтъ въ отечествѣ, изобиліемъ временныхъ благъ, доблестями во время мира и брани и святостію избранныхъ Божіихъ прославленномъ во всей вселенной; Господь, при посредствѣ вашихъ воспитателей, раскрылъ прекрасныя дарованія въ душахъ и тѣлесахъ вашихъ, на которыя Монархъ, церковь и отечество полагаютъ свою надежду; Господь оградилъ васъ Ангелами, сохраняющими васъ отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ вашихъ; Господь уготовляетъ покорнымъ изъ васъ цѣлое небо съ блаженною вѣчностію, а непокорнымъ, бездну преисподнюю и нескончаемыя мученія. Многое вы можете скрыть отъ насъ: но Господь видитъ каждый шагъ вашъ, каждую мысль, каждое біеніе сердца, каждое дѣйствіе, каждое слово, готовое сойти съ устъ вашихъ. По пламенной любви къ вамъ, родители многое вамъ прощаютъ. Но Господь воздастъ каждому по дѣламъ со всею справедливостію. И сего ли Владыку жизни и смерти вы не убоитесь оскорбить какою либо лукавою мыслію, или какимъ либо лукавымъ поступкомъ? О да наполнитъ сія спасительная боязнь умы и сердца ваши! Какъ отъ единаго корня возрастаетъ сѣннолиственное и плодоносное древо: такъ сія боязнь оснуетъ, распространитъ ваше знаніе и вашу нравственность. Какъ единое начало рѣки, постепенно умножаемое новыми исходищами водъ, въ

послѣдствіи приноситъ жизнь и изобиліе безчисленнымъ растеніямъ и животнымъ: такъ сей страхъ, неотъемлемо привлекающій въ свое нѣдро множество христіанскихъ доблестей, наполнитъ благодатною силою и вожделѣнными успѣхами всѣ ваши предначинанія и дѣйствія. *Страхъ Господень*, говоритъ премудрый, *есть источникъ жизни.* (Пртч. 14, 27).

Вотъ солнце теплотворными лучами озлатило всю природу. Безчисленные милліоны пернатыхъ сладкимъ пѣніемъ прославляютъ благость и милосердіе Творца, пославшаго имъ жизнь и радость. Отецъ небесный желаетъ, чтобы краснорѣчивый языкъ совершеннѣйшаго въ мірѣ творенія человѣка разрѣшился въ прославленіе всесвятаго Его имени. И ты ли, окруженной дѣятельностію служебной тебѣ твари, пребудешь въ дремотѣ? И ты ли укоснишь, въ первое мгновеніе пробужденія, повергнуться въ объятія Творца твоего силою молитвы? Юноши! посвящайте первыя минуты разсвѣтающаго дня молитвѣ ко Господу,—и Господь благословитъ всѣ ваши дневныя занятія.

Отъ молитвы утренней къ чему устремятся ваши мысли, на что обратится ваша дѣятельность? Дѣти разсѣянные обыкновенно любятъ ничтожныя забавы и такія увеселенія, которыя по незначительному подражанію великимъ вещамъ и дѣйствіямъ въ маломъ видѣ, въ основательныхъ юношахъ возбуждаютъ одинъ смѣхъ и сожалѣніе. Но Ангелы удаляются отъ таковыхъ дѣтей и записываютъ дѣла ихъ. Врагъ приступаетъ къ нимъ и влагаетъ отвращеніе къ наукамъ. Дѣти! Господь чрезъ вашихъ воспитателей пріуготовилъ все потребное для вашей жизни, токмо для того, чтобы вы заблаговременно пріуготовлялись жить добродѣтельно и благочестиво. Блюдите время, какъ драгоцѣннѣйшій даръ Божій. Вы можите терять его сколько угодно. Но ни одной минуты потеряннаго времени не возвратятъ вамъ самые Серафимы. Отъ утренней молитвы немедленно поспѣшайте къ повторенію вашихъ уроковъ, къ чтенію душе—спасительныхъ книгъ, къ размышленію о предлежащихъ вамъ занятіяхъ, или къ благоговѣйному слушанію Божественной службы во храмѣ Господнемъ. Кто благовременно сѣетъ весною: тотъ пожинаетъ обильные плоды осенью. Кто занимается въ юности: тотъ наслаждается успѣхами трудовъ своихъ въ старости. Праздполюбивый юноша также несчастенъ въ жиз-

ній, сколь бѣденъ земледѣлецъ, не засѣявшій весною своей нивы.

Пробилъ часъ, призывающій воспитанниковъ къ урочнымъ занятіямъ! Отличный воспитанникъ,—привѣтливый къ низшимъ, исполненный благожеланій къ равнымъ, почтитель[illegible]мъ, встрѣчаемый и сопровождаемый вниманіемъ друзей, любимый отъ всѣхъ знаемыхъ, нетерпѣливо и съ радостію поспѣшаетъ внимать наставленіямъ своихъ учителей. Его уста заключены для всякаго празднаго слова и отверсты во славу истины и добродѣтели. Внѣшняя опрятность и благоприличіе изображаетъ внутреннюю чистоту его духа. Углубленный въ предметъ своихъ занятій, сосредоточенный въ самомъ себѣ, представляемый въ примѣръ прилежанія и доброправія прочимъ дѣтямъ, ублажаемый родителями и родственниками, похваляемый отъ начальства, онъ мыслитъ и дѣйствуетъ такъ, какъ-бы мыслилъ и дѣйствовалъ предъ лицемъ Господа, коего трепещутъ и самые Архангелы. Іисусъ Христосъ сказалъ: *идѣже два или тріе собрани во Имя мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ. 18, 20) Какъ большая масса магнита можетъ привлечь большое количество желѣза: такъ болѣе многочисленныя ваши, во имя Іисуса Христа, собранія сильнѣе могутъ привлекать къ вамъ Христа, Божію силу и Божію премудрость. Но опасайтесь, чтобы какою либо мыслію, словомъ или поступкомъ не оскорбить сего дражайшаго, сего Божественнаго вашего Спасителя. Углубляйтесь въ наставленія старшихъ, не обращая вниманія на ихъ личныя свойства; Дѣти! вы одною ногою, такъ сказать исходите изъ небытія, а другою вступаете въ міръ сей; многіе изъ вашихъ наставниковъ одною ногою стоятъ въ семъ мірѣ, другою хотятъ вступить въ вѣчность. Но готовясь оставить міръ сей, они желаютъ васъ сдѣлать наслѣдниками тѣхъ драгоцѣнныхъ познаній, каковыя съ отяготительными трудами въ сей жизни они снискали. Посему они достойны всей вашей дѣтской преданности, всего уваженія. Кто непочтителенъ къ наставникамъ: тотъ неможетъ снискать и премудрости. *Въ злохудожну душу не внидетъ премудрость* (Прем. 1, 4).

Не думайте, возлюбленные! чтобы кто-либо могъ возбранить вамъ потребное наслажденіе пищею, отдохновеніемъ и прогулкою. Господь создалъ весь міръ на службу человѣка: но вы должны пользоваться всѣмъ такъ,

какъ бы пользовались предъ лицемъ самаго Господа, въ прославленіе Его пресвятаго имени. Вы не должны твореніе Божіе употреблять въ орудіе вашихъ грѣховныхъ дѣйствій. *Вся ваша суть: вы же Христовы, Христосъ же Божій.* (Кор. 3, 23) Сказать ли вамъ, сколь сильны въ мірѣ люди истинно Богобоязненные? Львы и тигры, какъ смиренные агнцы, приходятъ лобызать стопы ихъ, яды скорпіоновъ не вредятъ имъ, огнь пріемлетъ для нихъ прохладительное свойство росы; громы умолкаютъ, солнце останавляется по ихъ велѣніямъ.—Такъ могуществепъ человѣкъ, когда боится Бога, и не совершаетъ ничего противнаго Его святой волѣ. Насыщаетесь ли вы пищей? Не забывайте того, Который посылаетъ вамъ питательную яству для соблюденія вашей жизни и здравія. Или покоитесь отъ утружденія дневными занятіями?. Опасайтесь, чтобы сей покой не былъ излишенъ: иначе постыдитъ васъ трудолюбіемъ и самый муравей: *онъ бо не сущу ему земледѣльцу, ниже нудящаго его имущій: готовитъ въ жатву пищу, и многое въ лѣто творитъ уготованіе.* (Притч. 6,—7).

Съ большимъ вниманіемъ, по исправленіи всѣхъ дневныхъ обязанностей и по совершеніи вечерняго молитвеннаго поклоненія, должно отходить къ нощному успокоенію, въ въ той мысли, что безъ Божественнаго промысла оно можетъ содѣлаться безпробуднымъ сномъ на всѣ грядущіе вѣки. Или красоты видимой природы, являющія всемогущество и величіе Божества, восхищаютъ вашу душу въ часы свободные отъ прочихъ вашихъ занятій.? Размышляйте, *сколь многое множество благости* во времени и вѣчности, *сокрылъ* Господь *боящимся Его.* (Псал. 30, 20) Врагу, внушающему вамъ злую мысль или злое дѣло, во всякое время отвѣтствуйте: *Како сотворю глаголъ злый сей и согрѣшу предъ Богомъ?* (Быт. 39, 9). И лукавый убѣжитъ отъ васъ. Упоминать ли предъ вами объ ученикахъ не радивыхъ и неблаговоспитанныхъ? Они не могутъ достойно освятиться молитвою въ началѣ дня, погубляютъ въ разсѣянности лучшее для занятій утреннее время, непорядочностію дѣйствій и неопрятностію, какъ физіономіею нечистоты душевной, возбуждаютъ смѣхъ и отвращеніе въ товарищахъ, помышляютъ о ничтожныхъ забавахъ тогда, какъ наставники открываютъ имъ высокія истины, заключающіяся въ наукахъ, неумѣренно предаются пищѣ и увеселеніямъ, безъ надлежащаго молитвеннаго пріуготовленія отходятъ ко сну, возмущаются нощію странными грезами, наводимыми отъ лу-

каваго. Это не столько сыны, сколько враги отечества, не достойные того, чтобы для нихъ трудились земледѣлатели! Это безплодное отяготительное бремя для начальства, родственниковъ и всего общества! Но оставимъ сихъ несчастныхъ! Они недостойны дальнѣйшаго разглагольствія.

Отче небесный! ниспосли благословеніе Твое на Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Николая Павловича, изъ любви къ просвѣщенію насадившаго сей новый вертоградъ наукъ, въ прославленіе Твоего всесвятаго имени. Озари свѣтомъ Божественной премудрости дѣлателей сего училища къ неосужденному прохожденію должностей, отъ Монарха и отечества на нихъ возлагаемыхъ! Вдохни духъ страха Твоего въ умы и сердца сихъ юношей отъ Твоей щедроподательности, испрашивающихъ успѣха въ преподаваемомъ имъ ученіи. Заповѣдай Ангеламъ Твоимъ, да сохрятъ они всѣхъ насъ въ путяхъ истины и добродѣтели! Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

СЛОВО

АРХИМАНДРИТА ГАВРИЛА

по случаю окончанія перваго 1835—1836 учебнаго года во второй Казанской гимназіи.

Едва, Сл! протекъ одинъ годъ,— и сей вертоградъ наукъ, насажденный державною рукою Великаго во владыкахъ земныхъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, воздѣланный заботливою попечительностію начальства, обогащенный царственными щедротами и благодѣтельнымъ содѣйствіемъ высокихъ покровителей просвѣщенія, принесъ уже плоды, благословенные Отцемъ небеснымъ, вожделѣнные для отечества. Не давно мы были свидѣтелями, такъ сказать, его рожденія: теперь созерцаемъ его въ цвѣтущемъ и плодоносномъ состояніи. Здѣсь подъ тихимъ и благотворнымъ пріосѣненіемъ Духа Божія юные дѣти, уклоняясь отъ суеты міра, наслаждались слышаніемъ спасительныхъ Евангельскихъ истинъ, прославляли величіе Творца въ явленіяхъ видимаго міра, удивлялись путямъ вседѣйствующаго Провидѣнія въ достопамятныхъ переворотахъ и событіяхъ гражданскихъ обществъ, образовали свой умъ сердце, дабы явиться нѣкогда надежной опорою для престола и отечества. И благодареніе Всевышнему! Нѣкоторые изъ сихъ юныхъ отраслей подъ руководствомъ опытныхъ и Богобоязненныхъ наставниковъ содѣлались достойными вступить въ кругъ общественной дѣятельности и служенія; другіе, сообразно успѣхамъ и поведенію, признаны способными поучаться высшимъ и труднѣйшимъ истинамъ, заключающимся въ наукахъ. По справедливости тотъ, коего особенному правленію

25*

ввѣренъ вертоградъ сей, совершивъ нынѣ урочный круговоротъ своихъ многотрудныхъ и многоплодныхъ занятій, достойно можетъ рещи въ благодарственной молитвѣ къ Отцу небесному: *Отче святый! ихъ же далъ еси мнѣ, азъ соблюдохъ во имя Твое и егда бѣхъ съ ними въ мірѣ, никто же изъ нихъ погибе, токмо сынъ погибельный* (Іоан. 17, 12). Слава Тебѣ Христе Царю! Твоею силою дѣйствовали наставники сего святилища наукъ, Твоимъ свѣтомъ осіявались и зрѣли юные умы сихъ питомцевъ, прославленію Твоего имени посвящаемыхъ. Благодарность и вамъ, знаменитые Посѣтители! сего торжественнаго собранія: ваше благосклонное посѣщеніе облегчаетъ наши труды, исполняетъ радостію наши сердца, возжигаетъ въ насъ ревность къ новымъ подвигамъ, къ новымъ занятіямъ.

Юные дѣти! благосклонность, съ которою лучшіе изъ граждапъ, оставивъ общественныя занятія, притекли нынѣ въ сей храмъ наукъ полюбоваться вашими посильными успѣхами, ясно показываетъ, сколь нѣжнѣйшею любовію пламенѣетъ къ вамъ самое отечество! Чѣмъ вы заслужили сіе благоволительное вниманіе? Вашими правами, которыхъ вы доказать не можете? Вашею неопытностію, которая очень нерѣдко приводитъ насъ въ скорбь и сокрушеніе духа? Но каждый старшій предъ вами находится въ отношеніи или благодѣтельнаго отца, или снисходительнаго наставника, или просвѣщеннаго покровителя. Это отъ того, что небесная благость насадила въ сердцахъ нашихъ непскоренимую любовь къ дѣтямъ; это отъ того, возлюбленные мои! что Самъ Богъ есть безконечно благодѣтельный вашъ Отецъ; Самъ Богъ есть безконечно мудрый вашъ Наставникъ; Самъ Богъ есть безконечно нѣжный вашъ Покровитель.—О сколь утѣшительна и благотворна сія истина для дѣтей, ихъ родителей и наставниковъ! Я не знаю, говоритъ премудрая Соломонія къ своимъ дѣтямъ, я не знаю, какъ вы образовались въ моихъ нѣдрахъ; не я даровала вамъ жизнь и душу; не я соединила члены ваши во единый составъ тѣла. Творецъ міра созидаетъ человѣка въ его рожденіи; Творецъ міра даетъ начало всякой твари. (2 Мак. 7, 22). *Единъ Богъ,* вѣщаетъ Апостолъ, *и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, изъ него же всякое отечество на небесѣхъ и на земли именуется.* (Еф. 3, 15). Такъ люб. дѣти! Одинъ Богъ творитъ дѣла великія и непостижимыя; Одинъ Богъ производитъ

чудеса неисчисленныя во вселенной; Одинъ Богъ извлекъ васъ изъ ничтожества. Гдѣ вы были, когда Богъ уже помышлялъ о васъ? Чѣмъ вы были, когда Богъ восхотѣлъ даровать вамъ бытіе? Что вы содѣлали прежде, нежели осуществило васъ Его житворящее слово? Тоже всемощное „да будетъ“, по которому многовенно родился міръ Ангельскій для служенія вашего; тоже всемощное „да будетъ“, по которому безчисленныя солнцы покатились въ путь свой для вашей пользы и удовольствія; тоже всемощное „да будетъ“, возбудивъ васъ къ жизни и радости, для первоначальнаго вашего жилища, съ безпредѣльною заботливостію, уготовало вамъ омытыя отъ первороднаго грѣха во святомъ крещеніи тѣла вашихъ родителей, тѣла, которыя и самъ Божественный Духъ весьма часто избираетъ, уготовляетъ и освящаетъ въ достойный храмъ благодатнаго своего на землѣ присутствія. Вы не могли избѣжать безчисленныхъ опасностей, которыя окружали ваше дѣтство; вы не способны были приготовить для себя пищу, сообразную съ нѣжностію вашего тѣлосложенія; вы испрашивали удовлетворенія вашимъ потребностямъ одними невнятными воплями и слезами; даже теперь, когда въ большей полнотѣ раскрылись и образовались ваши способности: вы не можете сказать, какая тайная сила укрѣпляетъ вашу душу,—возращаетъ тѣло. Такъ! Каждая минута вашей жизни есть чудо Божественнаго о васъ промысла. Провидѣніе, воспріявъ васъ въ свои отеческія объятія отъ ложеснъ материихъ, даровало вамъ заботливыхъ пѣстуновъ въ особѣ вашихъ родителей. Оно посылаетъ вамъ свѣтъ свой при вашемъ пробужденіи,—оно хранитъ васъ во время сна,—когда душа ваша по видимому оставляетъ тѣло безъ всякой защиты; оно блюдетъ васъ отъ вліянія воздушныхъ перемѣнъ; оно уготовляетъ вамъ питательныя снѣди; оно обогащаетъ васъ временными благами; оно содѣлываетъ васъ наслѣдниками благъ вѣчныхъ. О возлюбленные! помышляйте о томъ Отцѣ, Который заботится о вашемъ сохраненіи; прославляйте Его столь постоянно, сколь постоянно Онъ вамъ благодѣтельствуетъ. Если долголѣтіе есть удѣлъ дѣтей почтительныхъ къ земнымъ родителямъ: то блаженная вѣчность есть достойная награда сыновъ, приверженныхъ къ Отцу небесному.

Мы видѣли, достопочтеннѣйшіе Сл! что Богъ есть особенный безконечно благодѣтельный Отецъ для дѣтей; теперь

увидимъ, что Онъ есть особенный безконечно мудрый ихъ Наставникъ (Матө. 23, 8). Не нарицайтесь учителями, вѣщаетъ самая истина. Вы имѣете единаго небеснаго Учителя. И дѣйствительно, мы не можемъ изобрѣсть новыхъ истинъ, которыя бы доселѣ не существовали: мы раскрываемъ только тѣ истины, которыя заключаются въ видимой природѣ, въ нашемъ духѣ, въ Божественномъ откровеніи. Всевышній, сотворивъ дѣтей по образу своему, насадилъ въ ихъ умѣ понятія о верховной истинѣ, о первоначальномъ добрѣ, о повсемѣственномъ изяществѣ. Онъ далъ имъ сознаніе, которое ясно опредѣляетъ сообразность или несообразность съ сими неискоренимыми понятіями всѣхъ явленій, въ мірѣ тѣлесномъ и духовномъ происходящихъ. Апостолъ говоритъ о язычникахъ: *разумное Божіе, явѣ есть въ нихъ: иже являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествующей имъ совѣсти, и между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣщающимъ.* (Рим. 1, 19. 2, 15). Почемужъ съ большимъ правомъ не относить сего къ дѣтямъ христіанскимъ, которые еще въ чреслахъ благочестивыхъ родителей предосвящаются дѣйствіемъ Св. Духа?—Такъ мои возлюбленные! умъ и сознаніе,—это такія способности въ человѣкѣ, которыя самъ Богъ освѣщаетъ своимъ свѣтомъ, которыя Онъ привлекаетъ своими наградами, которыя Онъ устрашаетъ своими угрозами. Это есть тотъ свѣтъ, который показалъ вамъ, что есть истина, что есть добро, что есть изящество, что должно дѣлать, чего должно убѣгать,—прежде нежели родители нашли васъ способными внимать ихъ наставленіямъ. Это есть свѣтъ, по дѣйствію коего являлось сострадание къ бѣдному въ вашихъ сердцахъ прежде, нежели вы познали обязанность любить ближняго. Это есть свѣтъ при упрекахъ въ несправедливостяхъ, неоднократно покрывавшій стыдливостію ваши ланиты, прежде нежели мы научили васъ свято хранить истину и добродѣтель. Это есть тайный Божественный гласъ, который управляетъ путями дѣтей благовоспитанныхъ, и который, при вѣрномъ послѣдованіи его внутреннимъ наставленіямъ, даетъ имъ мудрость и опытность старцевъ. Если порокъ обольщаетъ юношей ложною привлекательностію: то сей гласъ, въ послѣдствіяхъ показываетъ имъ смертоносныя угрызенія скорпіона. Если добродѣтель является имъ недосягаемою и не приступною: то сей гласъ ободряетъ ихъ. Если сомнѣнія обу-

реваютъ ихъ: то сей гласъ просвѣщаетъ ихъ. Если удручаетъ ихъ печаль: то сей гласъ утѣшаетъ ихъ. Если искушенія тяготятъ ихъ: то сей гласъ укрѣпляетъ ихъ. Но когда дѣти не внемлютъ или противятся сему гласу: тогда Духъ Божій оставляетъ ихъ и они погибаютъ. Забывъ сей гласъ Веѳильскіе дѣти поругались шествующему во градъ ихъ Елисею: конечно, они, можетъ быть, и не знали, что это грядетъ пророкъ. Но двѣ медвѣдицы мгновенно вышли изъ лѣса и растерзали несчастныхъ (4. Цар. 2, 24). Ахъ! какъ жалокъ юноша, противоборствующій благодатнымъ внушеніямъ своего Господа! Родители являютъ ему видъ строгій; наставники осыпаютъ его упреками, товарищи отвращаются отъ него. Среди невинной радости друзей онъ печалится; среди занятій онъ блуждаетъ мыслями, среди уединенія онъ тревожится. Несчастный! Сжалься надъ самимъ собою; не уклоняйся въ путь неправды и непослушанія; водвори миръ въ твоемъ сердцѣ; послѣдуй съ вѣрностію внушеніямъ Господа, управляющаго твоимъ дѣтствомъ, и ты содѣлаешься примѣромъ твоихъ товарищей, утѣхою родителей, радостію наставниковъ, твоя добродѣтель прославитъ тебя въ юности; превознесетъ тебя въ старости; пріуготовитъ тебѣ блаженную вѣчность.

Наконецъ замѣтимъ, что Богъ есть Покровитель, безконечно для дѣтей нѣжный. Такъ! Богъ хощетъ спасенія всѣмъ людямъ, Богъ доставляетъ всѣмъ намъ необходимыя средства къ нашему благополучію: но какъ всещедрый, Онъ соразмѣряетъ дары свои съ нашими нуждами, какъ всеправедный, Онъ награждаетъ новыми щедротами тѣхъ, которые уже достойно воспользовались первоначальною благодатію, Имъ изліянною. Чѣмъ мы слабѣе, тѣмъ болѣе Онъ заботится укрѣпить насъ; чѣмъ вѣрнѣе мы послѣдуемъ Его благодати, тѣмъ болѣе Онъ является величественнымъ, руководствуя насъ къ новымъ совершенствамъ. Какой же возрастъ имѣетъ болѣе правъ на Его покровительство, если не возрастъ дѣтства, —возрастъ слабости, возрастъ неопытности, возрастъ невинности и правоты естественной? По слабости дѣти могутъ падать при легчайшихъ искушеніяхъ; по неопытности они могутъ судить о предметахъ, основываясь на мечтательныхъ и преходящихъ явленіяхъ; по легкомыслію, они могутъ презирать самыя опасности. Но въ какомъ возрастѣ мы найдемъ болѣе склонности къ добродѣтелямъ? Какая земля болѣе способна къ пріятію сѣмянъ благодати,—

если не сердце юношей? Какая простота, какая искренность, какое благородство въ дѣтяхъ? Такимъ образомъ Богъ, созерцая и опасности, дѣтей окружающія, и ихъ расположенность слѣдовать по путямъ истины и добродѣтели, съ особенною благосклонностію покровительствуетъ сей нѣжный возрастъ. Посему Св. Духъ, для ихъ назиданія озаботился въ священныхъ книгахъ изобразить благополучіе дѣтей благонравныхъ и гибель дѣтей развратныхъ. Посему Іисусъ Христосъ, въ знакъ особеннаго благоволенія къ дѣтямъ, не токмо въ своей особѣ благоволилъ явить имъ примѣръ достоподражаемаго отрочества и юности; но и ознаменовалъ торжественное свое служеніе человѣческому роду многими особенными благодѣяніями, на дѣтей изліянными. И умолчимъ ли о томъ особенномъ обстоятельствѣ, которое одно совершенно можетъ доказать, сколь драгоцѣнно дѣтство въ очахъ Богочеловѣка? Въ то время, какъ Божественный Наставникъ, предъ собравшимся народомъ возвѣщалъ истины сокровенныя отъ вѣкъ и родовъ, нѣкоторые изъ родителей приносили дѣтей, чтобы освятить ихъ, хотя единымъ прикосновеніемъ къ Благовѣствующему Спасителю. Ученики предполагая, что они препятствуютъ самому благовѣствованію, не допускали приносящихъ. Замѣтивъ это Богочеловѣкъ вознегодовалъ, и сказилъ имъ (Мат. 19, 14): *Оставите дѣтей, и не возбраняйте имъ пріити ко мнѣ: таковыхъ бо есть царство небесное. Аминь глаголю вамъ, аще не обратитеся, и будете яко дѣти, не внидите въ царство небесное.* Потомъ обнимая дѣтей Богочеловѣкъ, благословлялъ ихъ, и возлагалъ на нихъ руки. О объятія безконечно драгоцѣнныя и ни съ чѣмъ несравнимыя! О любовь, исполняющая небесною радостію и всѣхъ дѣтей и всѣхъ протекшихъ возрастъ дѣтства!

Дѣти! да напечатлѣются въ вашихъ умахъ и сердцахъ сіи особенные знаки Божественнаго къ вамъ благоволенія, и да возбуждаютъ они въ васъ безпрестанную любовь къ столь единственному, вашему Отцу, Наставнику и Покровителю! Любите Бога въ настоящее время, не полагаясь на будущую старость, которая отъ васъ не зависитъ. Если вы не будете внимательны къ Его водительству; то вмѣсто отца, вмѣсто наставника, вмѣсто покровителя найдете въ немъ судію неумолимаго; вмѣсто чаемыхъ благъ, обрящете нескончаемыя муки. Съ радостію мы нынѣ услышимъ, что нѣкоторые изъ

васъ оказали благословенные успѣхи въ наукахъ, отличились трудолюбіемъ и добрыми нравами. Да наполнятся сердца ихъ не суетнымъ тщеславіемъ, но глубочайшимъ смиреніемъ и пламенною благодарностію къ подателю всѣхъ благъ Богу. Къ прискорбію нашему имена другихъ, и притомъ не многихъ, не огласятъ слуха почтеннѣйшихъ посѣтителей сего собранія. Таковые да прилагаютъ успѣхи къ успѣхамъ, подвиги къ подвигамъ и да опасаются содѣлаться недостойными наставленій, руководствующихъ ихъ въ наукахъ—и внушеній Св. Духа! Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Въ 1841 году Казанскій 3-ей гильдіи кѣпецъ Костяковъ, въ ознаменованіе вѣрноподданическихъ чувствъ по случаю бракосочетанія Государя Наслѣдника, благополучно нынѣ царствующаго Императора Александра II, пожертвовалъ во 2-ю гимназію 636 экземляровъ книгъ на сумму 1682 р. 90 к. сер. Дѣлая такое пожертвованіе, купецъ Костяковъ обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ директору гимназіи М. Н. Львову: „М. г. М. Н-чъ! Три дня тому назадъ Казань извѣщена о всерадостномъ событіи въ нашемъ отечествѣ, бракосочетаніи Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника; всѣ сословія города спѣшатъ, по мѣрѣ своей возможности, изъявить вѣрноподданическую любовь, сердце каждаго говоритъ: я люблю моего Монарха, я радуюсь его радости,– и вотъ знаки моихъ чувствованій! Кто какъ умѣлъ, какъ могъ, изъявилъ оную. Стоя во храмѣ, молясь о счастіи и долгоденствіи Высоконовобрачныхъ, думалъ я: чѣмъ могу я доказать ту любовь къ Отцу Вѣнценосцу, которою одушевленъ я при видѣ всеобщаго восторга, объявшаго жителей Казани, при извѣстіи о столь радостномъ событіи для Россіи, и счастливая мысль мелькнула въ моемъ воображеніи: я имѣю собственныхъ моихъ книгъ слишкомъ на 5000 рублей, принесу ихъ въ даръ! Но куда? Зная, что завѣдываемая Вами 2 Казанская гимназія есть заведеніе, не давно открытое, она еще не должна имѣть и едва-ли можетъ способы къ совершенному устройству своей организаціи. Библіотека оной должна быть ограниченна, мала,—и я рѣшился всѣ тѣ книги принести въ даръ ввѣренной Вамъ гимназіи, какъ не лестный знакъ моей любви въ изъявленіи вѣрноподданическихъ чувствъ ко всеобщей радости отечества о соединеніи двухъ Вѣнценосныхъ сердецъ, къ счастію и благоденствію Россіи. Посему, представляя при этомъ означенныя книги и каталогъ онымъ, я прошу Васъ покорнѣйше

приказать, кому слѣдуетъ, принять оныя, какъ знакъ моей истинной любви къ престолу Монарха“.

За такое пожертвованіе Костяковъ былъ награжденъ золотою медалью на Анненской лентѣ съ надписью „за полезное“.

Такой же награды удостоены купцы—Носовъ, Шеленовъ, Осоговъ, Котеловъ и Рудаковъ, пожертвовавшіе въ 1835, 6 и 7 годахъ, каждый свыше 5000 рублей ассигнаціями, всего 25.800 ассигнаціями на устройство при второй Казанской гимназіи классовъ коммерціи и бухгалтеріи или, въ случаѣ могущаго встрѣтиться затрудненія къ открытію этихъ классовъ, на другія какія-либо потребности гимназіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ 4.

Мнѣніе учителя Михайлова о преподаваніи русской словесности, прочитанное имъ въ педагогическомъ совѣтѣ 7-го сентября 1846 года.

„Положеніе русской словесности въ нашей гимназіи весьма не завидно. При бѣдности теоретическихъ свѣдѣній, практическое образованіе дара слова въ совершенномъ запущеніи. Между тѣмъ задача гимназіи въ отношеніи отечественной словесности состоитъ не столько въ томъ, чтобъ привести ученика къ полному сознанію всѣхъ законовъ грамматики и правилъ стилистики, сколько въ томъ, чтобъ онъ, пусть отчасти и безсознательно, дѣйствовалъ по этимъ законамъ и правиламъ. Практика въ гимназіи должна итти впереди теоріи и имѣть перевѣсъ надъ ней, какъ и вообще въ гимназическомъ преподаваніи фактъ преобладаетъ надъ идеей, изученіе предметовъ историческое надъ изученіемъ философическимъ.

Практическое развитіе дара слова состоитъ а) въ образованіи хорошаго изустнаго разсказа, по крайней мѣрѣ послѣдовательнаго и точнаго; в) въ образованіи слога.......

При низкомъ положеніи практической части словесности, кое-какое теоретическое знаніе падаетъ само собой: не будучи оправдано примѣненіемъ на дѣлѣ, оно совершенно безплодно и мертво и не носитъ въ себѣ никакой разумной цѣли. Зачѣмъ, напримѣръ, бѣднаго мальчика три года мучили на грамматикѣ Востокова, когда послѣ того онъ не можетъ списать и чужихъ словъ, не надѣлавъ грубѣйшихъ ошибокъ противъ ороографіи, и не проникаетъ сознаніемъ ни въ живое соотношеніе словъ въ рѣчи, ни въ значеніе формъ грамматическихъ? Чтоже за польза въ томъ, что онъ знаетъ наизусть грамматику Востокова, которой при томъ, конечно, не понимаетъ? Приходитъ сомнѣніе, что такимъ

образомъ не повреждено ли навсегда естественное развитіе духа, которое, преимущественно предъ всѣми наставниками гимназіи, долженъ преслѣдовать тотъ, на комъ лежитъ образованіе дара отечественнаго слова. Какъ онъ плодотворнѣе всѣхъ можетъ дѣйствовать на развитіе разумно-нравственнаго начала въ своихъ питомцахъ, такъ онъ же грубо-механическимъ и ложно-одно-стороннимъ преподаваніемъ легко можетъ или остановить развитіе, или дать ему неестественное и противозаконное направленіе......

Цѣль преподаванія словесности должна состоять преимущественно въ практическомъ образованіи дара слова: надобно, чтобъ молодой человѣкъ, кончивъ въ гимназіи курсъ, могъ и свободно разсказать то, что знаетъ онъ, и написать сочиненіе по крайней мѣрѣ логически и грамматически правильно. Хорошій разсказъ зависитъ исключительно отъ практики и лежитъ на отвѣтственности всѣхъ преподавателей; но искуство писать предполагаетъ знаніе правилъ и наблюденій надъ слогомъ классическихъ писателей. Правила эти предлагаетъ намъ *риторика*; она хочетъ и обѣщаетъ научить писать-конечно по русски. Она начинаетъ тѣмъ, какъ распространить предложеніе; потомъ пріискать другое и составить періодъ, и наконецъ восходитъ до теоріи большихъ сочиненій—описаній, повѣствованій и разсужденій. Метода съ виду хороша; и такъ отъ чего не слѣдовать ей? Что же до грамматическихъ ошибокъ, такъ ихъ можно искоренить при самой практикѣ. Справедливо; но имѣю смѣлость сказать, что наша риторика обѣщаній своихъ никогда не исполнитъ, и писать хорошо какъ во внутреннемъ, такъ и во внѣшнемъ отношеніи не научитъ: съ ней одной ничего не достигнемъ. Чтобъ такой приговоръ не почли слишкомъ рѣзкимъ, имѣю честь предложить нѣсколько, конечно, не глубокихъ, критическихъ замѣчаній.

1) Основное начало, отъ котораго исходитъ риторика, само въ себѣ ложно и не примѣнимо къ гимназіи. Она исходитъ отъ того начала, чтобъ научить писать по общимъ мѣстамъ. Происхожденіе общихъ мѣстъ, подъ именемъ Топики, принадлежитъ, какъ извѣстно, древности; но къ намъ перешли онѣ чрезъ руки схоластиковъ въ сокращенномъ, чтобъ не сказать, обезображенномъ видѣ: такъ наша риторика, отъ начала до конца, пустой призракъ, блѣдное, ничтожное отраженіе великой ораторской науки древнихъ. На

томъ значеніи, которое имѣла Топика въ древности, основано благоговѣніе къ общимъ мѣстамъ и нашихъ *риторовъ*. Но никто изъ нихъ не хочетъ вспомнить того, что тамъ говорили и писали по общимъ мѣстамъ люди, владѣвшіе множествомъ разнообразнѣйшихъ и часто глубокихъ познаній; что однакоже рѣчи ихъ тогда возбуждали громъ рукоплесканій и двигали волей народа, когда самимъ ораторомъ двигало могучее внутреннее чувство, которое можетъ дать только жизнь и никогда не можетъ дать школа, и что, наконецъ, въ риторскихъ школахъ древнихъ сочиненіе рѣчей по общимъ мѣстамъ низвело до пустой и надутой декламаціи, въ которой и изчезло великое искуство Демосѳена и Цицерона.—Возможно ли же нашимъ гимназистамъ, при поразительной бѣдности ихъ познаній, написать что-нибудь по общимъ мѣстамъ? Въ низшихъ классахъ словесное образованіе ихъ (какъ оно опредѣлено программой) сосредоточено въ грамматикѣ Востокова. Будучи предоставлена самой себѣ, немного можетъ развить она даръ слова и живую силу духа; будучи ограничена механическимъ затверживаніемъ, она можетъ сдѣлать только школьниковъ, которые кричатъ свой урокъ и не понимаютъ изъ него ни слова, она можетъ даже погубить развитіе и отвратить отъ науки—именно своимъ сухимъ, варварскимъ изложеніемъ и негодностью въ педагогическомъ отношеніи..... И такимъ-то много знающимъ юношамъ вдругъ даютъ въ руки риторику и требуютъ отъ нихъ сочиненій. Да какъ же писать и что писать? Дана тема, напримѣръ: чтеніе книгъ полезно"; надобно найти причину. Гдѣ же найти причину? Риторика говоритъ: стоитъ задать себѣ вопросъ, почему предложеніе справедливо? въ отвѣтѣ и будетъ причина. Легко и просто. Но вотъ бѣда, что гимназистъ не читалъ ни одной книги, кромѣ грамматики, географіи или древней исторіи; да положимъ и читалъ: чтоже онъ можетъ сказать о пользѣ книгъ, когда и слово *польза* онъ понимаетъ темно и чаще въ самомъ одностороннемъ и ложномъ значеніи? Скажете, что онъ можетъ же придумать что нибудь; конечно можетъ и придумаетъ непремѣнно вздоръ, нелѣпость, пустое и пошлое общее мѣсто. Пора наконецъ намъ прійти на дѣлѣ къ той простой истинѣ, противъ которой никто и не споритъ на словахъ,—что невозможно писать хорошо, когда ничего нѣтъ ни въ головѣ, ни въ сердцѣ. Чтобъ могъ возрасти

внутренній человѣкъ, необходимо здоровое и существенное питаніе: такимъ питаніемъ должно служить совокупное гимназическое образованіе въ стройной полнотѣ всѣхъ частей своихъ. И когда оно не воспитало судительной способности и не развило идей въ головѣ гимназиста, какъ же достигнетъ того преподаватель словесности посредствомъ общихъ мѣстъ? Потому что именно такое значеніе хочетъ придать общимъ мѣстамъ риторика, и притомъ именемъ древности, тогда какъ древніе понимали дѣло немного не такъ. Припомните institutiones знаменитѣйшаго изъ древнихъ риторовъ: о какомъ многостороннемъ образованіи хлопочетъ онъ, чтобъ сдѣлать оратора,—въ томъ не совсѣмъ справедливомъ мнѣніи, что oratores fiunt! При своей частной цѣли, древніе сознавали необходимость долгихъ приготовленій и разнообразнаго множества свѣдѣній, и конечно въ риторскихъ школахъ Рима не начинали писать рѣчей, не изучивъ орѳографіи до послѣднихъ мелочей. При такомъ обширномъ запасѣ познаній, можно общимъ мѣстамъ приписать коекакое практическое значеніе и оставить ихъ въ рукахъ наставника, какъ средство наводить пишущаго на тѣ точки, съ коихъ должно въ сочиненіи разсмотрѣть предметъ сообразно предположенной цѣли [1]. Практическое значеніе, но никакъ не теоретическое! Давать же ихъ гимназистамъ твердить наизусть, дѣлать ихъ предметомъ вопросовъ на экзаменѣ, какъ сдѣлано въ нашей программѣ,—виноватъ!—не сообразно ни съ чѣмъ! Наша риторика и вообще не имѣетъ ни какой чисто теоретической цѣнности; *изобрѣтеніе* же особенно. Предположивъ даже, что посредствомъ вопросовъ quis, quid.... и общихъ мѣстъ можно и въ самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ риторика, *развить всѣ способности души* и тогда зачѣмъ же ихъ помнить? Когда домъ построенъ, лѣсовъ не надобно. Но такъ какъ посредствомъ тѣхъ вопросовъ и всѣхъ прочихъ *источниковъ* не возможно ничего развить въ головѣ гимназиста, когда въ ней ничего нѣтъ: то наше требованіе знать ихъ, неизвѣстно зачѣмъ, наизусть смѣшно и нелѣпо. Такимъ образомъ, сущность дѣла

---

[1] Но и объ этомъ можно поспорить. Показать, съ какихъ точекъ должно смотрѣть на предметъ при его изслѣдованіи, или описаніи,—дѣло логики. Вотъ этимъ-то логика Новицкаго выше логики Рождественскаго.

гибнетъ въ пустой формѣ, и то, что въ риторикѣ Кошанскаго, при строгомъ практическомъ примѣненіи, могло въ самомъ дѣлѣ принести много добра, пропадаетъ безплодно, именно отъ того, что правило, значительное только въ практическомъ отношеніи, возводимъ на степень чисто—теоретическаго начала. Что же происходитъ? Преподаватель, подъ страхомъ строгой отвѣтственности и начальническихъ замѣчаній, только о томъ и хлопочетъ, чтобъ поставить гимназистовъ на экзаменъ и исполнить предписанное программой. Такъ какъ экзаменъ нашъ всегда состоитъ изъ теоретическихъ отвѣтовъ, о практическомъ же примѣненіи никто и недумаетъ; то зачѣмъ же станетъ думать о томъ преподаватель? Напримѣръ (одинъ изъ безчисленнаго множества примѣровъ): въ риторикѣ Кошанскаго сказано, что кромѣ теоріи словесности необходимо чтеніе писателей. Что же? Многіе преподаватели, давъ затвердить гимназистамъ, что имъ необходимо чтеніе, сами въ продолженіе цѣлаго года не прочтутъ въ классѣ ни строчки. И однако же экзаменъ сходитъ прекрасно; переведено много, программа исполнена въ точности, и наставникъ совершенно доволенъ.—Такъ глубоко проникъ наше преподаваніе пустой формализмъ, въ которомъ гибнетъ живой духъ; котораго плодъ-пустота и ничтожество.

II) Въ отношеніи самаго предмета нашего риторика Кошанскаго также безплодна. Намъ предлежитъ говорить о русской словесности; научить писать по русски: не такъ, какъ писали въ прошломъ столѣтіи, и не такъ, какъ пишетъ доселѣ безграмотное народонаселеніе Россійской Имперіи; но слогомъ и въ формахъ классическихъ писателей нашего вѣка. Иной цѣли нѣтъ Слогъ, въ строгомъ значеніи слова, какъ цвѣтъ прекрасной и живой своеобразности въ складѣ рѣчи,—плодъ таланта, котораго дать невозможно. Но можно и должно знакомить гимназистовъ съ формами рѣчи классическихъ писателей; надобно, чтобъ они совершенно освоились съ сими формами и пріобрѣли ихъ себѣ, какъ законное и драгоцѣнное наслѣдіе. На комъ Богъ наложилъ печать таланта, тотъ достигнетъ оригинальности въ слогѣ и послѣ; въ комъ же нѣтъ таланта, тотъ сдѣлаетъ безконечно великое пріобрѣтеніе, когда хоть просто подражаніемъ присвоитъ себѣ образъ рѣчи Карамзина, Жуковскаго, или Пушкина (говоримъ здѣсь о прозѣ послѣднихъ)

Знакомитъ ли насъ риторика съ формами слога классическихъ писателей нашихъ? Нѣтъ, совершенно нѣтъ. Правда, въ ней много примѣровъ изъ Карамзина и другихъ принадлежащихъ къ Карамзинской школѣ писателей: но что приведено? Много изъ повѣстей Карамзина, изъ похвальнаго слова Екатеринѣ II-ой, не много изъ исторіи Государства Россійскаго и ничего изъ послѣднихъ томовъ этой исторіи, гдѣ проза Карамзина достигла величайшаго совершенства, до какого только могла она дойти; такъ въ примѣръ описаній помѣщена *Надежда*—дѣтское произведеніе Жуковскаго, писанное великимъ поэтомъ еще въ школѣ. – Гдѣ же Рафаелева Мадонна, воспоминаніе о торжествѣ 30 Августа, Письма изъ Швейцаріи?.. Гдѣ проза Пушкина?.. Нѣтъ, ничего нѣтъ. Кошанскій, правда, не виноватъ; всѣ эти вещи показались на свѣтъ послѣ его риторики; но какъ онъ поступилъ съ своими примѣрами? На первомъ планѣ въ риторикѣ стоитъ Карамзинъ, какъ творецъ новаго слога, что совершенно справедливо; изъ него примѣровъ больше, чѣмъ изъ всѣхъ прочихъ писателей вмѣстѣ: видно, что имъ особенно хотѣлъ оправдать Кошанскій свои правила. Но правила свои онъ извлекалъ не изъ Карамзина: напротивъ, Карамзина насильственно приводилъ къ схоластическимъ правиламъ и формамъ, мѣстами позволилъ себѣ даже передѣлку. Онъ и не подозрѣвалъ, что Карамзинъ своимъ слогомъ сталъ въ противорѣчіе съ ветхими реторическими формами и приготовилъ паденіе схоластической риторики, по которой Ломоносовъ писалъ не только рѣчи, но и стихи свои. Но такъ какъ онъ не могъ Карамзина подчинить совершенно старинной риторикѣ, то хотѣлъ по крайней мѣрѣ примирить ихъ, и призналъ три способа писать: стихами, періодами и прозой.

Такимъ образомъ родилось странное раздѣленіе слога на періодическій и прозаическій, и слишкомъ странное раздѣленіе писателей на ораторовъ, прозаиковъ и поэтовъ!? Проза, говоритъ намъ риторика, имѣетъ свои правила и затѣмъ предлагаетъ семь правилъ—каждое въ два–три слова—такого рода, что ихъ равно можно отнести и къ стихамъ и періодамъ. Тѣмъ и ограничилось изслѣдованіе прозаическаго слога, котораго творецъ-Карамзинъ! И такъ вотъ какъ знакомитъ насъ риторика Кошанскаго съ формами рѣчи классическихъ писателей нашихъ. Вообще надобно ска-

зать, она написана такъ, что столько же принадлежитъ нашей словесности, сколько и латинской; въ ней нѣтъ и въ поминѣ отечественной стилистики, которой никогда не было; да пока и быть не можетъ. Наша стилистика тогда только можетъ пріобрѣсти строгое значеніе науки, когда въ основаніе ей будетъ положено глубокое филологическое изслѣдованіе—и древней письменной рѣчи и рѣчи народной, и имъ противопоставлена будетъ рѣчь классическихъ писателей нашихъ отъ Ломоносова и Карамзина до нашего времени. До тѣхъ же поръ, она возможна только въ одномъ видѣ: надобно читать писателей съ строгимъ логическимъ, грамматическимъ и риторическимъ (оставимъ терминъ, какъ есть) разборомъ. Чтеніемъ можно и развить множество идей и сужденій въ нашихъ питомцахъ; чтеніемъ можно и познакомить ихъ со всѣми формами рѣчи и со всѣми родами слога. Такимъ образомъ легко и незамѣтно можемъ прійти къ той цѣли, къ которой наша риторика не въ силахъ привести насъ никогда; особенно риторика съ теоретическимъ значеніемъ, которое придано ей нашей программой и пустою формальностію нашихъ экзаменовъ.

Изъ сихъ замѣчаній видно, по крайней мѣрѣ, то, что мнѣ, съ моимъ сознаніемъ ложности и недостатковъ схоластической риторики, вести исключительно по ней преподаваніе словесности невозможно. Личное воззрѣніе наставника относительно своего предмета совсѣмъ не маловажно: какъ станетъ онъ передавать другимъ то, во что самъ не вѣритъ, и на что смотритъ съ насмѣшкой, или съ горькимъ негодованіемъ? Мнѣ всегда казалось: Правительство не хочетъ, чтобъ преподаватели подобились машинамъ, напротивъ, оно хочетъ отъ насъ труда сознательнаго и обдуманнаго, согрѣтаго животворной теплотой нравственнаго чувства и благородной, прекрасной страсти дѣйствовать и творить добро—сообразно, конечно, съ своими силами.—Въ томъ, что сказано доселѣ, можетъ статься, чей-нибудь взоръ отъищетъ много жесткаго и рѣзкаго: но мнѣ именно и хотѣлось изобразить рѣзкими чертами, въ какомъ видѣ дѣло. Теперь станемъ говорить о томъ, что, согласно съ моимъ крайнимъ разумѣніемъ, должно сдѣлать, чтобъ поправить зло. Предварительно скажемъ, что риторика Кошанскаго должна остаться, какъ и прежде, руководительной книгой: кромѣ того, что преподаваніе по ней предписано Министерствомъ, необ-

ходимо въ самомъ дѣлѣ какое-нибудь систематическое руководство. Только дадимъ ей иное расположеніе и соединимъ непосредственно съ чтеніемъ классическихъ писателей, которое вмѣстѣ и послужитъ ей прекраснѣйшимъ дополненіемъ. Предварительно также надобно сказать и то, что теперь рѣчь будетъ собственно объ общей риторикѣ, преподаваніе которой положено въ пятомъ классѣ, гдѣ именно надобно развить въ гимназистахъ слогъ, или покрайней мѣрѣ положить прочное начало его. И такъ только о пятомъ классѣ и буду говорить подробно: потому что, начавъ здѣсь, можно сдѣлать еще много хорошаго и полезнаго. О шестомъ же классѣ оставимъ до будущаго года; теперь изъ него можно сдѣлать что нибудь, но далеко не много: по крайней мѣрѣ не смѣю обѣщать многаго.

Въ пятомъ классѣ на преподаваніе русской словесности положено два урока въ недѣлю; третій принадлежитъ логикѣ, имѣющей пока въ гимназическомъ курсѣ значеніе отдѣльной науки. Расположимъ ихъ въ слѣдующемъ видѣ:

1) Одинъ урокъ въ недѣлю—*церковно-славянскій языкъ.* Читаемъ статьи изъ Хрестоматіи: сначала изъ Библіи, и Четей-Миней; потомъ церковныя пѣсни; на конецъ Лѣтописи и другіе древніе памятники. При истолкованіи грамматическихъ формъ руководствомъ будетъ служить грамматика Добровскаго. Кромѣ разбора этимологическаго и синтаксическаго, необходимъ и разборъ риторическій. Переложеніе на новую рѣчь—и вмѣстѣ съ тѣмъ славянскій языкъ долженъ органически слиться съ преподаваніемъ словесности.

Продолженіе славянскаго языка въ пятомъ классѣ гимназіи согласно съ программой: за всѣмъ тѣмъ оно вѣрно встрѣтитъ много возраженій. Можно сказать, напримѣръ, что преподаваніе его въ томъ видѣ, какъ оно предположено мной, слишкомъ обширно, не по силамъ гимназистамъ и не въ предѣлахъ гимназическаго курса. Скажу: напротивъ. Доселѣ преподаваніе славянскаго языка совершалось въ продолженіе одного только года по одному уроку въ недѣлю и по необходимости ограничивалось изложеніемъ слегка этимологіи. Но въ такомъ видѣ оно не имѣетъ никакой цѣли, рѣшительно безплодно и ни съ чѣмъ не соединено систематически. И такъ или надобно отмѣнить его вовсе; или распространить его, дать ему мѣсто и значеніе въ цѣпи предметовъ, образующихъ курсъ гимназическій, и въ общемъ

составѣ словесности. Но отмѣнить славянскій языкъ не возможно. Надобно помнить, что онъ языкъ Церкви; его полными и звучными глаголами облеклись для насъ величайшія истины Откровенія. Кромѣ того на немъ написана вся наша литература до Петра Великаго; множество формъ перешло изъ него въ живую, народную рѣчь нашу и въ рѣчь литературную, въ которой онѣ есть и теперь и останутся навсегда. И въ Карамзинѣ, и въ Пушкинѣ, и въ Жуковскомъ множество словенизмовъ: ни одинъ изъ сихъ неоспоримо классическихъ писателей не пренебрегалъ ими. Замѣчательно, что Карамзинъ и Пушкинъ, чѣмъ болѣе совершенствовались, тѣмъ болѣе приближались къ формамъ древне-русской и отчасти церковно-славянской рѣчи, что почти одно и тоже: частію по причинѣ первоначальнаго сродства ихъ, частію по огромному взаимному вліянію другъ на друга, въ теченіи многихъ вѣковъ. Сравните въ Карамзинѣ слогъ его повѣстей и слогъ послѣднихъ томовъ Исторіи Государства Россійскаго! Пушкинъ это сближеніе, если не ошибаюсь, началъ Полтавой и достигъ его въ Борисѣ Годуновѣ. Чтоже помогло обоимъ великимъ художникамъ нашего слова произвести это сближеніе? Конечно то, что оба они глубоко изучили языкъ древнихъ памятниковъ, а Пушкинъ еще и рѣчь народную въ пѣсняхъ, пословицахъ и сказкахъ. Правда, что внимательное чтеніе древнихъ памятниковъ съ толкованіемъ и разборомъ несравненно больше познакомитъ учениковъ съ духомъ и свойствомъ русскаго языка, чѣмъ самое строгое изученіе грамматики Востокова, или риторики Кошанскаго. Переложеніе же древнихъ произведеній на новую рѣчь поставитъ преподаваніе Славянскаго языка въ тѣснѣйшее отношеніе съ преподаваніемъ русской словесности, и дастъ ему новое и глубокое значеніе, тѣмъ болѣе, что переводовъ съ чужихъ языковъ я и въ седьмомъ классѣ допустить не могу; ибо знаніе языковъ въ нашей гимназіи не процвѣтаетъ, и слѣдовательно всякій переводъ съ нихъ, при неумѣньи владѣть еще и своимъ языкомъ, будетъ не только безполезенъ, но и положительно вреденъ.

2) Другой урокъ въ недѣлю будетъ принадлежать собственно *русской словесности* или *риторикѣ*. Начинаемъ чтеніемъ—Карамзина, Жуковскаго, отчасти Пушкина. Первоначальное чтеніе послужитъ намъ средствомъ практически изложить разнообразное строеніе предложеній и періодовъ.

Въ опредѣленіи формъ періодовъ руководствуюсь Кошанскимъ; гдѣ будетъ нужно, позволю себѣ дополнить его, или измѣнить. Тутъ же съ самаго начала, повидимому случайно и также практически, буду знакомить учениковъ съ синонимами, эпитетами, даже съ тропами и фигурами. Слѣдовательно при нашемъ чтеніи съ самаго начала присутствуетъ разборъ грамматическій и риторическій. Такъ какъ намъ надобно научить и ореографіи, то до тѣхъ поръ, пока возможно, буду диктовать, и продиктованное задаю учить наизусть.—Когда строеніе періодовъ будетъ учениками достаточно сознано, начинаю чтеніе большихъ статей преимущественно изъ Исторіи Карамзина. Разборъ грамматическій, опредѣленіе періодовъ, и здѣсь имѣетъ мѣсто; и здѣсь продолжаемъ также показаніе замѣчательнѣйшихъ эпитетовъ, троповъ и фигуръ; но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь начинаемъ знакомить съ логическимъ расположеніемъ цѣлаго; покажемъ основную идею и стройное послѣдованіе частей. Въ расположеніи снова руководствуюсь Кошанскимъ. Такъ какъ Карамзинъ заимствовалъ свою исторію изъ лѣтописцевъ; то весьма интересно будетъ прослѣдить, какъ онъ представилъ себѣ и изложилъ переданное лѣтописцемъ: представится множество практическихъ замѣчаній и писатель научитъ, даже и своими ошибками, какъ можно и должно пользоваться источниками. Эти же статьи, наконецъ, могутъ служить и матеріей сочиненій ученическихъ. Здѣсь должно прекратить диктованіе. Прочитанное въ классѣ поручаю имъ изложить письменно сначала въ той же самой послѣдовательности, потомъ съ другимъ расположеніемъ частей. Вмѣстѣ съ тѣмъ входитъ переложеніе древнихъ произведеній, въ которомъ образцомъ будетъ Карамзинъ; за нимъ составленіе своихъ сочиненій по нѣсколькимъ источникамъ: образецъ тоже Карамзинъ. Такимъ образомъ въ теченіи цѣлаго года въ этомъ классѣ почти исключительно изучаться будетъ Карамзинъ. Можно возразить, что исключительное чтеніе Карамзина должно положить печать односторонности, какъ на слогъ, такъ и на самое содержаніе. О содержаніи намъ заботиться еще не чего. Что же до слога, то возраженіе падаетъ само собой. Какъ сказано прежде, въ комъ есть талантъ, тотъ достигнетъ оригинальности въ слогѣ и послѣ; но дай Богъ, чтобъ молодой человѣкъ, кончивъ въ гимназіи курсъ, могъ писать слогомъ Карамзина! При томъ же наше чтеніе Ка-

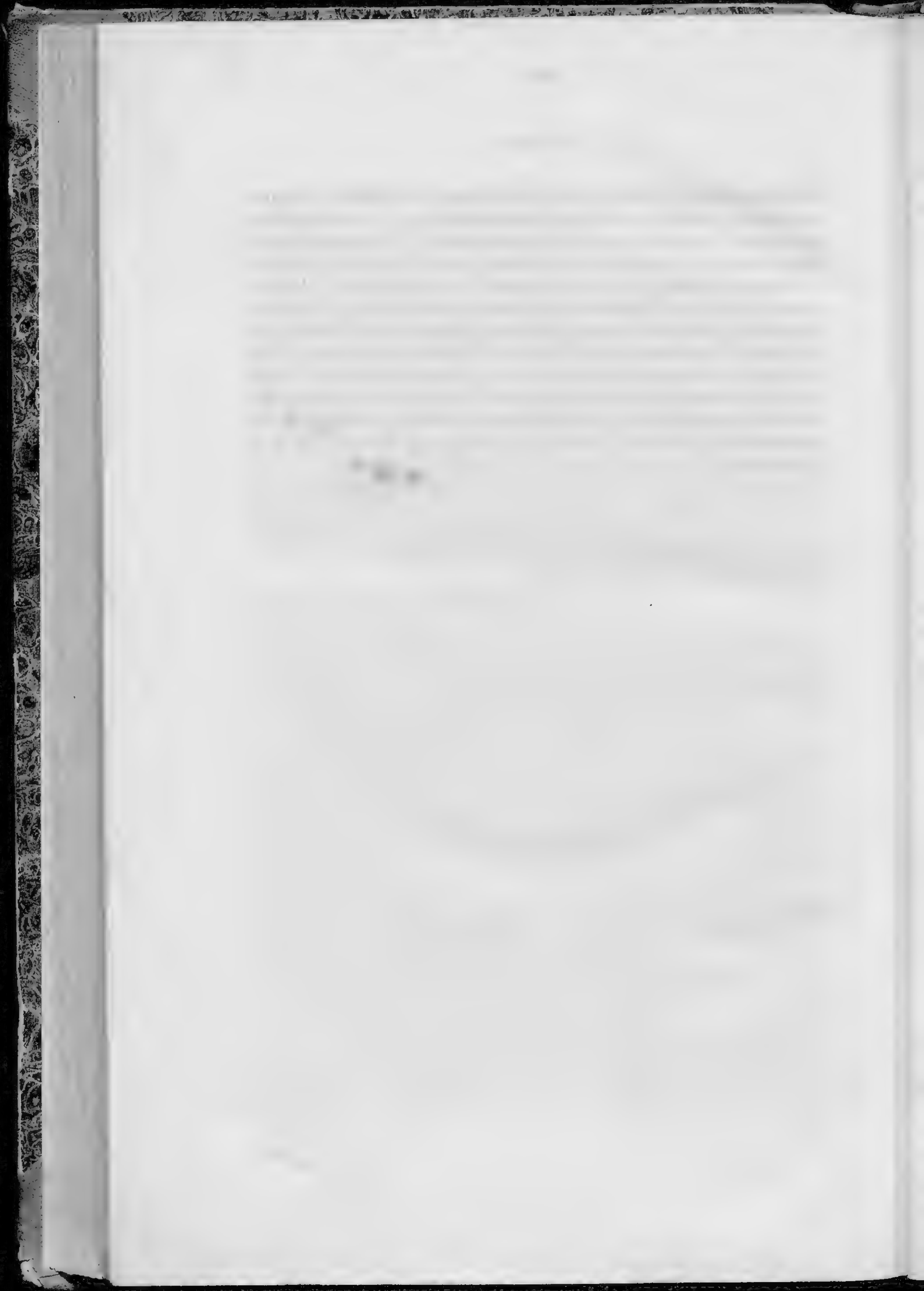
рамзина будетъ сопровождаться строгимъ разборомъ и сличеніемъ его съ древними лѣтописцами, въ послѣдствіи же и съ другими прозаиками нашего вѣка. И такъ въ этомъ классѣ преимущественно должно совершиться практическое образованіе слога, въ которомъ наставникомъ избираемъ Карамзина. Множество замѣчаній, имѣющихъ предстать при такомъ преподаваніи и долженствующихъ служить дополненіемъ риторики, въ концѣ года, вмѣстѣ съ ней,—повторено будетъ систематически" (1).

Такая была борьба въ преподаваніи русской словесности стараго направленія съ новымъ. Старое направленіе (Востокова и Кошанскаго) было сильно до такой степени, что, когда въ 1850 г. Михайловъ составилъ програму преподаванія отечественнаго языка въ духѣ новаго направленія (Буслаева и Перевлѣсскаго), то даже профессоръ Фойгтъ не рѣшился рекомендовать эту программу для всѣхъ гимназій округа. Въ своемъ донесеніи попечителю округа почтенный профессоръ, принесшій такъ много пользы гимназіямъ Казанскаго округа и своими ревизіями и просмотромъ ученическихъ сочиненій и разсмотрѣніемъ гимназическихъ програмъ и ученыхъ трудовъ преподавателей, выразилъ опасеніе, чтобы новая, вполнѣ раціональная, метода при отсутствіи такого же учебника, при привычкѣ къ старымъ методамъ, не принесла болѣе вреда, чѣмъ пользы. Поэтому вести преподаваніе по программѣ Михайлова дозволено было только во 2-ой Казанской гимназіи. Но Михайловъ не остановился на полдорогѣ; желая, по его собственнымъ словамъ, принести пользу не только второй Казанской гимназіи, но и всѣмъ гимназіямъ округа, онъ приступилъ къ составленію учебника на новыхъ началахъ, исходатайствовавъ напередъ, чтобы программа его сдѣлалась извѣстною всѣмъ учителямъ Округа. Это ходатайство, имѣвшее цѣлью вызвать возраженія на его программу, было уважено. Еще прежде Михайловъ составилъ програму теоріи поэзіи опять-таки ратуя противъ тогдашняго учебника—и преподавалъ по ней. Но чрезъ нѣсколько времени нашелся

---

(1) Въ основной мысли этихъ предположеній руководствуюсь извѣстнымъ сочиненіемъ г. Буслаева: О преподаваніи отечественнаго языка; но въ примѣненіи, во многомъ отхожу отъ него: частію потому, что съ иными мнѣніями его не могу согласиться; частію же потому, что многія превосходныя предположенія его у насъ совершенно неисполнимы.

вынужденнымъ заявить въ педагогическомъ совѣтѣ, что преподаваніе теоріи поэзіи по составленной имъ программѣ невозможно; ученики ничего не понимаютъ. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи находились тогда, въ ряду гимназическихъ предметовъ, русскій языкъ и словесность. Во всякомъ случаѣ г. Михайловъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ дѣятелей своего времени. Профессоръ Фойгтъ постоянно свидѣтельствовалъ предъ попечителемъ округа о его глубокихъ познаніяхъ и достойномъ всякаго вниманія усердіи. По одному изъ отзывовъ этого профессора, учитель Михайловъ представляетъ собою самое отрадное явленіе, доказывающее, что есть учители не по званію только, но и по призванію.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стрр.

Приложенія.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

			Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
стран.	9	строк. 21	отвѣтственнымъ	соотвѣтственнымъ
—	21	— 31	отставались	оставались
—	32	— 12	предындущихъ	предыдущихъ
—	—	— 26	ученикевъ	учениковъ
—	36	— 8	не возможность	невозможность
—	42	— 28	составленную	составленное
—	43	— 41	указаный	указанный
—	51	— 17	должетъ	долженъ
—	—	— 25	Блографическія	Біографическія
—	52	— 35	реподаватели	преподаватели
—	60	(граф. 1) 6	сповесность	словесность
—	60	(граф. 2) 27	слоги буквы	слоги и буквы
—	61	(граф. 1) 5	Катихизъ	Катихизисъ
—	61	(граф. 3) 15	мученикакъ	мученикахъ
—	62	(граф. 3) 29	переподъ	переводъ
—	63	(граф. 3) 9	исторяі	исторія
—	64	— 19	руководства	руководство
—	71	(граф. 1) 4	*μί*	*μι*
—	71	(граф. 3) 9	языъа	языка
—	75	— 25	поревод.	перевод.
—	78	— 3	рясованіе	рисованіе
—	80	— 37	Такъ въ 1840 году	Такъ „въ 1840 году
—	95	— 27	малонаждежными	малонадежными
—	100	— 2	виспитанниковъ	воспитанниковъ
—	101	— 4	ноблюдательномъ	наблюдательность
—	102	— 33	(въ концѣ) II кл.	III кл.
—	—	— 35	II кл.	IV кл.
—	108	— 26	такія	такіе
—	113	— 26	вызвышеніи	возвышеніи
—	116	— 17	руководства—	руководствамъ,

Напечатано:				Слѣдуетъ читать:
— 123	—	31	чтеніе и, письмо и	чтеніе и письмо и;
— 130	—	15	до таточные	достаточные
— 139	—	14	преподаніе	преподаваніе
— 140	—	33	отмѣнымъ	отмѣннымъ
— 141	—	7	философскаго	философскаго
— 142	—	30	труднѣ епрочихъ	труднѣе прочихъ
— 187	—	33	Казанской, гимназіи	Казанской гимназіи,
— —	—	34	послѣдовавшимъ	послѣдовавшими
— 197	—	5	о заведеніи	на заведеніи
— 208	—	18	квартирахъ.	квартиръ.
— 217	—	33	степени,	степени
— 230	—	17	проступковъ.	проступковъ?
— 236	—	4	много мною	мною
— 239	—	35	вромя	время
— 240	—	31	жизнь	жизнь,
— 244	—	8	вожбуждая	возбуждая.
— 245	—	33	значинъ	значитъ
— 254	—	2	черченія,	черченія
— 256	—	20	эстическаго	эстетическаго
— 260	—	6	судъ	судъ,
— 264	—	4	таковы	таковы,
— 277	—	5	въ комитетѣ	въ комитетъ,
— 305	—	26	служитъ	служитъ,
— —	—	41	Кизанскаго	Казанскаго
— 326	—	39	сочиненія	сочиненіе
— 340	—	3	о испытанію	по испытанію
— 341	—	24	преподаніе	преподаваніе

